

P18Cp II 32.1
P18Cx II 16.4
1PGp II 4.3.1

Nicolai Nikolitsch

1 PCp II 4.3.1

РЛбСхII 32.1 1РСрII 4.3.1

ЕЗОПОВЕ

и

прочихъ разныхъ

БАСНОТВОРЦЕВЪ,

СЪ РАЗЛИЧНИ ЕЗИКА НА СЛАВЕНОСЕРБСКИ ЕЗИКЪ ПРЕВЕДЕНЕ,

садъ први редъ

съ

НАРАВОУЧИТЕЛНИМИ ПОЛЕЗНИМИ ИЗЯСНѢНІАМИ И НАСТАВЛѢНІАМИ

ИЗДАТЕ

И СЕРБСКОИ ЮНОСТИ

ПОСВЕЋЕНЕ

БАСНЕ.

Musarum sacerdos virginibus puerisque canto.
Мусей спещенихъ девойчицамъ и деци я поемъ.

У Лайпсику,
у Типографїи г. Іоанна Готлоба Еммануила Брайткопфа. 1788.

Инв. бр. 304539

МАТИЦА СРПСКА • БИБЛИОТЕКА НОВОГ САДА

ЛЮБЕЗНА
СЕРБСКА ЮНОСТЕ!

Поспещапаюћи я опу книгу теби, чрезъ то, нища друго, разпе твое лрощенъ, за то, що съ тобомъ не жипимъ, и оно, що

самъ я одъ други научио, теби
не сообщапамъ, получити желимъ.
Уздамсе да самъ на они на-
чинъ песма способно средстпо из-
мислїо, не само твое благоеер-
дечно изпиополѣнїе и желаемо про-
щенїе за получити; но и еще пи-
шу твою къ мени любопъ и лох-
валу заслужити. Защо, да самъ
гдини будъ, пребипати съ то-
бомъ изабрао, то неби могло би-
ти, разпъ у само едномъ мѣсту,
селу или граду: а сприобщапа-

ютъи

ћки ти ову књижицу спудъ ћу стобомъ бити, и гдигодъ она досле и доће тућусе я съ тобомъ другољубно разгопарати; и што добро будемъ знао драгополно казипаћу ти, и щое наважнёе. Не само зажипота, но и кадъ ме небуде на земли.

При томъ знай, предрага Юносте, щогодъ добро и полезно, ове године одъ мене полућишъ, да за то, я и ти нашему милостивому и благодѣтел-

но.му ЗОРИЧУ *благодарити и-*
мамо: Ибо, оно що самсе я на-
дао ноще лосле три или четири
године собственнимъ пристара-
нѣмъ и иждипенїемъ учинити; то
исто, у време опе едне године,
спономъ милошѣу и даромъ, онъ
ме э у состоянїе, исполнити, ло-
стапїо.

Знаюћи я, коликое нѣговомъ
милостипомъ и благородномъ
сердцу прїятно и драго сше то
щосе на ползу и проспещенїе мла-

ди

ди люди учинити може; опи са спимъ, нѣгопъ даръ, теби предрага Юносте придаемъ: сопершено упѣренъ, даће нѣму за то, опо Слисанїе толико мило и благолрїатно бити, колико дае нѣговомъ слапномъ имену лосвещено.

Прими дакле радо и усердно ову книжицу и читаю са пнимањемъ: у простимъ баснамъ нађешъ писока и общелолезна настапљънїя, услѣпай и Расти пъ

мудрости и добродѣтели, на лох-
палу и честъ рода своега, и на
слапу словесною тварїу создав-
шаго тя творца. То желѣи ти
всесердечно пребипамъ

ЛЮБИМАЯ ЮНОСТЕ

твои

ОБРАДОВИЧЪ.

ПРЕ-

ПРЕДИСЛОВІЕ О БАСНАХЪ.

Сви народи на свету ималису, и до данась имаду у великомь почтенїю моральна поученїя коясе даю у баснамь. Езопь изобретатељ и отецъ баснахъ, посветїое свое Лидїйскомъ цару. Ла Фонтенъ свое, кралевскомъ Принцу. Платонъ у своей республики предпочтеое Езопове басне самимь Омировымъ списанїямъ. Сократъ божественни на смерть осуђенъ будуђи, у тамници сђ овима се э забавляо,

на стихе ни поставляюћи. Лесингъ уже просвещенїя Германїи великїй просветитель своими прекрасними баснами своемуе роду велику заслугу показао. Овакови славни примѣри даю мени поводъ изъ различни стари и нови езика найлепше басне изабрати, и на нашемь Сербскомъ езику на светъ издати. Наука коясе наоди у нравоученїю баснахъ превелике э пользе важности и пространства: содержавајући усеби сву моральну философїю, и висока политическа правила и наставленїя. Но преимущество ихъ надъ свимъ другимъ состоисе що оне совершено пристое како наивећимъ философомъ и политикомъ, тако и най простиимъ селяномъ кои само читати могу и свой езикъ разумеду. Подобнесу воздуху и води кое, за то, щосе свудъ и ласно имати могу нечинесе отъ какве цѣне а у самой вещи найнужнїесу и найполезнїе на свету. Басна э први израстакъ и породъ чловеческо-

ческога Остроумїа; и Ниомъ сусе Служили велики Люди за учинити Свакомъ чувствителне високе и общеполезне науке. Іовамъ синъ пророка гедеона, обличующи неправду граждана свои, каже имъ басну, какосу древеса избирала себи цара. Навanъ пророкъ дающи давиду цару да позна богомрзско и неправедно дѣло кое э онъ учинїо противъ урїи, кажему басну сиромаа чловека и нѣгова ягнета. Еданъ одъ први и древни Римляна утишава бунту свега разяренога народа чрезъ басну трбуа и прочи части тѣла. Млади херкулесъ, наставлѣнїемъ Аѳине (то есть мудрости) предпочитава труде и подвиге са Славомъ, мекости, покою и Сладострастїю безимена и славе. Но нико нїе тако показао досто инство басне, како хрїстосъ спасителъ нашъ, уподобляваюћи ню царствїю небесному, ибо причпа нїе ница друго Него (Αλληγορία) инозначащая, и иносказаема наука, а то э и сама басна. Ница нїе спосо-

бнїе

бнїе одЪ басне усладити децу ки читаню принудити кЪ вниманїю, и привикнути ни кЪ размишлѢнїу и разсужденїу. Придодаюћи я кЪ свакои басни пристоина изяшнѢнїа, чрезЪ то намѢравамЪ приобикнути младе умове дасе и сами собомЪ мало по мало размршаваю разяшняваю и разпространяваю, у све що чую или читаю скрозЪ да проничу; у свачемЪ, лажу одЪ истине да разпознаваю и сверхЪ свачеса паметно и здраво да мисле и суде.

I.

ОРАО И ЛИСИЦА.

Орао и лисица учинилису међу собомЪ дружество; и щоби то било всегдашнѣ и постоянно, договорилисусе и согласили да живу у комшилуку, даби у потреби еданЪ другомь могли помоћь дати. За то изберу еданЪ велики растЪ на коего гранами орао начини себи гниздо, гди снесе яя и излеже пилиће. Лисица, при корену, у шуплини истога древа начини себи одЪ лишћа постелю, и трудна будући, ту окоти лисичиће свое. Ова едномЪ, по обичаю, изиће уловЪ: а орао не имаући тай данЪ ща ести, ни сЪ чимЪ свою фамилїю нарапити; и видећи лисичиће подебеле, слети доле, узмеи и однесе у гниздо. Мало по томЪ вратисе лисица

и

и упази жалостно позорище, кровъ, коя иоще врућа изъ гнизда тече, бѣдни лисичићи плачевне гласе даю, а орао имъ ногтима утробу дере и клюномъ имъ очи вади. Какое лисици било, на то оздо гледаюћи, свакъ себи ласно представити може: да одъ кога другога то страда, неби иой ни по жалости било, но одъ пріятеля и комшіе свога. Не могући ништа друго; чинилае то, што сви слаби творе кадъ имъ одъ сильнїй обида бива, проклинѣ, и правосудное небо на осветy призивлѣ. По мало дана пастири су пекли на полю месо, отъ коега орао уграби парче съ прилеплѣнимъ на нѣму углѣномъ; по случаю тада вѣпаръ дуваше: упалисе орлово гниздо, спадну доле орлић полакъ попрѣжени: каколипинамїе лисица радо дочекала! какое шнима предъ орловимъ очима о расть ударала; серце изъ ни' ноще живи чупала и прождирала! свакъ то ласно погодити може.

Наравоученїе.

Не дружисе съ кимъ се ниси кадаръ почупати: вели една стара пословица. На когасе наивише люди туже, него на комшіе и на пріятелѣ. Данасъ се любе и друже, а сутра се псую и руже. неки страдаю за злобу и неправду свою, а неки за иезнанѣ и будалащину, Не дружисе съ кимсе непознаешь, и непріятелисе съ силнїимъ одъ тебе: а навласпито, не примай никога себи за пріятеля

пре

пре него добро сазнашЂ какое сЂ прежни свои живїо пріятели. Правда изискуе да никоме ни найманю обиду нетворимо: добродѣтелЂ хоће да другима помажемо и добро творимо: а здрави намЂ разумЂ крепко налаже дасе здраво чувамо да намЂ нико зла не учини: и башЂ акоби и хотео да нипощо неможе; овое найбезбѣднїе и безбрижнїе, Докле намЂ годЂ ко може учинити зло, ако хоће, дотле нисмо на на найболїой нози. мићемо видити у многимЂ баснама да се э лисица у различнимЂ обстоятелствамЂ паметно и хитро владала, но овдесе э сасвимЂ осрамотила. Она э добро знала, да орао зецове и лисичиће радо эде ко ей рече сЂ нимЂ дружитисе и у комшилуку стаяти? но холо славолюбїе! колике э памети обезпаметило, и островидне ослепило? орла за пріятеля имати, нїе шала, но лепо звечи! но найлепше чему насЂ ова басна учи, ово естЂ, да се сильни не узда у силу свою ибо.

Ἔστι δίκης ὀφθαλμὸς, ὃς τὰ πάνθ' ὁρᾷ. *Естъ судбине око хое сте види.* Кажу дасе чуде турци що имЂ много ищу, но ако имсе све стане искати щасу они одЂ други отели малоће имЂ що остати.

2.

ОРАО УСТРЕЛЂНЪ.

Орао сећяше на едномЂ високомЂ месту, обзирућисе небили що, себи за ручакЂ уловити упазїо. Но, какосе често случава, ко друге

лови

лови и самъ уловљенъ буде; и ко за тућомъ вуномъ поће, савъ остриженъ дома доће. Ловацъ, негде ту сакривенъ устрели Орла. А мой горки лову тебели я овде чекамъ! Начне, полумртавъ, Орао себи говорити. А кадъ упази на краю држка стреле орлова пера; о бѣдни я! издишући рече, моялиме иста убїйю пера. Нїеми толико ни на стрелу жао, колико на мое перѣ!

Наравоученїе.

Чловекъ неправеданъ и зао, подобанъ э ове басне орлу. Све мисли и измишлява какоће другогъ озлобити, докъ самъ у зло падне; паксе онда тужи и жуче. Мили Родители опростимемо ово примѣчанїе: кадсе отацъ и мати међу собомъ не любе и не почитую, одъ когаће чада нїова научити да и любе и почитую? Подайте деци вашои, изъ прве младости примѣръ добродѣтели, ако желите да вамъ добра буду: а навластито, τοιοῦτος γίνε περὶ τοὺς γονεῖς, οἵους ἂν εὔξαιο ἔχειν παῖδας, такавъ буди къ родителѣмъ своимъ, какву желишъ самъ имати децу. Право се орао на свое перѣ тужи. Ништа нїе жалостнїе човеку него кадъ одъ свои сродни страда! одъ когаће дакле помоћи чекати? Но испитаймо сами себе, нисмоли сами криви, кадъ насъ сродни и прїатели не любе. Кое самомъ себи на свету прїятељъ, никадъ неће вѣрна прїятеля стећи. И ко самомъ себи угађа и служи, луда са свимъ има господара.

3.

ЛАВЪ И ЛИСИЦА.

Лавъ дуго живећи оматори и врло Остари и Немогаше ними брзиномъ ни Снагомъ Своиомъ, као у мла до доба, другу животиню надячиваюћи прождирати. Мислећи дакле и на сваку руку размишляваюћи, у тако бѣднимъ обстоятелствамъ, щаће одъ нѣга найпосле бити; доће му на паметъ, да често, овде на земли, оно, що Сила и снага неможе, майсторїа и хитростъ учини. Претворисе болестанъ, уће у свою пещеру и коликое годъ дугъ простресе и пружи. Пукне глась и Свудасе пронесе, да се они страшни и Нагласу лавъ сь душомъ мучи, и да э при концу. Ко що жели то ласно Вѣруе; млога животиня, едно друго не чекаюћи, навали коеће пре, подъ именемъ посещенїа, издисанѣмъ лава свое очи насладити. А Овити, кадъ едно кадь друго, дочепаваюћи, себи као болеснику на понуду посвещава. Найпосле етоти намъ и лисице, коя крозь враша вирећи, какоси стриче? пита. Зло моя мила ћерко, та оди ближе да ме нагледашь. Прости чико, немамь кадъ, итимисе, одговори мудра Зверка, а и нећемисе, ерь видимь многе трагове Кътеби а ни едань одь тебе.

Нравоученїе.

Свакъ ће себи, врло ласно, у овой басни науку наћи. Люди пакостни и неправедни, що немогу съ Силомъ и снагомъ, шо съ хитростїю, лукавствомъ и съ прп-

 створ-

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

творностїю чине. Кажу, за онога искуснога политика Папу *Ксйста*, даэ, пре него напомЪ постане све погрблЂнь ходїо, и на чаршаву одь мреже ручао; а какоти га учине Папомъ исправисе и укочи, болЂ него и едань КардиналЪ. НашлисмоСветога Петра ключе, рекне едномЪ своМЪ прияпелю) кои се овой премени чуЂаше, непреба намЪ више сагнутимЪ одипи- А кадЪ упази мрежу на своей трапези, почне псовати свога Слугу старца Онуфрїа, видишЪ да си без мозка, говорећи, щоће ти више мрежа кадЪ э сва риба уловлЂна? проворливЪ и лукавЪ човекЪ по времену се влада, и преоблачисе кадЪ у курячїю, кадЪ у Лисичїу, а кадЪ э до потребе и у Овчїю кожу, и самога Свеца- Чувай гуске кадЪ и лисица исповеда, и кадЪ имЪ курякЪ проповеда! Вели една Инглезска пословица. Мисмо таки у Овой нашой кожи, да и сами себи не валя са свимЪ да вЂруемо. Не веруй куме, пасясу уста, и лакомесуочи при погачи. Ово ми Сви, фала Богу, Знамо, нипи э потреба да я шопрвЪ кажемЪ. блаженo и богомЪ благословлЂно чистосердечїе! но опетЪ, нека сЪ памећу и разумомЪ бива, а навластито сЪ Онима кое непознаемо. Коя файда щоме э мой отацЪ учїо да я никога непреварамЪ, кадЪ ме нїе научїо, Какоћу учинити да и мене други непревари, вели Жиль блазь. Лисица намЪ овде памегну науку дае, да не ипимо у нашимЪ, предпрїятїямь прости чико немамЪ кадЪ. Траговиме плаше. Мучно э човека познати! и коликосу кога глаће речи и Слаће, толико више валя стаати на опазу, и добро смагратн каквису око нЂга трагови, сиречь, кое? како поступа? и какосе э пре владао. Има више одЪ две Хїляде година како се ЕврипидЪ тужи, да е мучно човека познати, говорећи,, Τὶδὴ χρυσοῦς κἰβδηλος ἦ τετμήρὶ ἀνθρώποισιν ὥπασε θεὸς, ἀνδρῶν δ' ὅτῳ χρὴ τὸν κακὸν διειδέναι ἐδεὶς χαρακτηρέμπέφυκε σώματι? -Защо э злату кое э лажно, знаке людма дао богЪ, а мужу, сЪ чимЪ валя, зла разазнати никаква белега нестои на пЂлу? Некими

ко неприми зе голу суету що Еллински гдигди мешамъ, ови мїе єзикъ одъ младости мїо, и радь би да се многима одъ наши младића смили, зато гди що примѣшавамъ, ако ништа, на срећу, често малена варница велику ужеже ватру.

4.

ЛАВЪ КУРЯКЪ, И ЛИСАЦЪ.

Лавъ први и најстарїи одъ свїу Лавова, и царъ свїю живопиня, наодећисе Слаба здравля неизлажаше изъ свое пещере. Многи лавови царски министри, и прочи звериня кнезови и поглавари, и сами маймунь маймунски Бировь, кроме едне лисице сакупесе за посетити и нагледати Лава цара свога. Курякъ, први курячки Муселимъ одавно паметозлобствоване на еднога комшїу Свога, старога Лисца, зато що ови најдеблѣ гуске фатаюћи себе самога чашћаше безь најманѣгъ куряку пешкеша. И тако ови непрестанно вребляше способно време какоће лисцу скувати попару. Сада дакле не видећига у Скупщини, почне на нѣга клеветати, говорећи: да самъ онь, не само непоштуе, но и презире и за поруганїе држи Лава Господара. У то време приспе и Лисацъ, и чуе Сь врата курячю похвалу; но чинећисе као да ништа незна. Дерзновенно уће, стане на средъ пещере и учини Лаву понизнѣйшу реверенцїю. Лавъ савь разярень, негледа-

ћи на нѣговъ поклонь и комплименте, съ громовитимъ гласомъ, Таколїе то! начне говорити, кадъ самъ я здравь тиси први при мени, а кадъ самъ болестань онда си последни. Сама любовь и вѣрностъ моя къ ТЕБИ, и попеченїе о твоемъ здравлю причинасу що я касно долазимъ, и Лѣкарство ти носимъ. Кое э то? Казуи, и несумняи о моей Благодарности, рече Лавь. Жива куряка заповеди одерати, одговорилисъ, и врућомь сенѣговомъ обложи кожомъ, и у мало времена такоми лисца и нѣгове коже! биће ТИ лакше. Макне царъ главомъ, Скоче лавови на куряка счепаютинамга, и начнута дерати. Бѣдни курякъ стане курячки дречати, а лисацъ къ нѣму: какоси свирао, комшия тако садъ играй.

Нарапоученїе.

Ово исто бива людма коихъ умъ нїе просвещенъ чистомъ наукомъ, кои живу у глупости и варварству, и коихъ су качества и склонѣнїа, своиствамъ четвероножни животиня подобна.

Царь, кои необилази землѣ свое и не тражи далеко одъ себе даже досами найодалѣни граница прогнапу и сакривену истину, кои неище да позна оне коига окружаваю, и вѣруе ономъ ко пре доће, и ономъ кои уме лепше говорити, хитрїе лагати и искуснїе ласкати; подабань э ове басне лаву, кои вѣруе све щому курякъ каже. А кадъ доће лисацъ, само умели онь болѣ сладкословити и лагати, некъ се оида држи курякъ. Човекъ любокористань и лакомъ приличань э нашемъ кȳряку кои злоби на лисъца, не зато що онь краде и шуће оптима, него, що

нѣга краѣе свое участникомъ бити не удостоява, Лисацъ намъ овде не игра сасвимъ достоину осуждењія персону; и онь лаже како найболѣ зна и може, алъ валяму простити еръ муе до главе. Кадъ виле доћу кь очима, тешкоономъ ко не уме шевднути. Мало э *Сократа* и *КАТОНА* на свету кои, у овако критическимъ окрестностима, неби, Овогъ истога лисца себи за прикладъ узели. Но овога се ономъ народу нїе бояти, коимъ правдолюбивь и просвещень владѣтелъ управля, и гди праведни закони сву силу имаду. Гдису и сами поддани просвещени и добродѣтелни, и знаду щасу они своимъ цару какообщему оцу дужни, ища э пїовьцарь нима како своимъ синовомъ и фамилїи дужань. Питалису едногъ старца Инглеза гди Люди найболѣ живу? Онде, одговори стараць, гдисе слаби небои силнога нитъ селянинь плаши пред спаиомъ, гдисе сирома богата нестиди. Ништи пощень човекъ мари, що непощень о нѣму говори, и гди явни непощень, жигъ на челу носи. Еданъ босански Везиръ питао э старце бошняке. Хе кметови! кажитеми право кои вамъ э найболи бїо Паша одь кадъ э царь босну освоио? Честити везиру, они кои э отудъ пошао а кь нами не дошао, одговоре простосрдечни старци.

5.

ЛАВЪ И МАГАРАЦЪ

Лавь и магарацъ пођу у ловь, Магарацъ своиомъ викомъ поплаши и узбуни многу животиню и учинию бежати из шуме: на кою Лавъ нападаюћи нафата Силу. Онда магаре поносећисе упита Лава, хе садь ми кажи шотисе чини одъ моега гласа? пакъ иоцъ питашь, одговори лавъ, и я самъ да те незнамъ коси бисе одъ твое вике уплашїо.

Наравоученїе.

Ова басна приличествуе онима кои се чине страшни докъ и люди несазнаду а потомъ никосе на ни и необзире, и колико они више вичу, тиликосе већма други смею. Простакъ и дете одъ свашасе препадаю, и малодушань човекъ у всегдашнѣмъ живи страху као зець. Ея кадъ гди завиче плашесе баке, ерь шо значи даће ко умрети. А гдисе люди раћаюа неумиру? иоще се шо место нїе нашло. Да и нема совуљяга на свешу иопеть би люди умирали. Неваља децу плашипи, ерь се многи из самога обичая до глубоке старости ужасаваю и ежи имсе кожа, одъ они сшвари кое нишсу кадь видли нишиће видиши. Акосе у помрьчини бое да ошо главомъ не лупе, и да укакву яму неупадну, имаду разлогъ, некасе бое и чуваю. Аколисе пакъ плаше да шо у мраку не виде, лудо мисле, шаће видиши кадсе у помрчини невиди. Али Сшаре баке кажу шо и шо и друго. Наше се баке у шомъ люшо вараю, и болѣ э некъ ћуше. Некъ ћуше? ласно е шо рећи, али баба Чава зна и каже шолике примѣре како се э привидило шоме и шоме пролазећи ноћомъ покрай гробља на месечини, и какосе вещице преобраћу у кокошке. Невѣруйше моя децо свесу шо голе лажи. Но слушайше

ше како то бива. На гроблю су велики крстови одъ коисе на мѣсечини виде сѣни, пакъ косе э науччо из младости плашити, пролазећи туда, види ше сѣни, или каква пса да туда протрчи, или мачка комсе у ноћи сїяю очи, или кои изтрунуть крсть гдисе сїя и пламти ондашимусе ужеже мечшанїе и узбуни кровъ, ужасъ нападне на нѣга, а иощъ кадь э самъ. Ево какосу постала сва привидѣнїя и страшилища, летући змаеви виле и Аждае. Едну ноћь намесечини наша спара Слушкиня угринка уплашисе одъ свое сѣни, яо ниой кукавици викне, пакъ бѣжи колико игда ноге могу, посреће изиће неко предъ ню са свећомъ, позна и сама одъ щае бѣжала. свећа э просвещень разумъ кои намъ показуе истину, а мрачно суевѣрие чини насъ боятисе слабе кокоши, и покойни у гроблю костїу кое нису кадре никомъ никада зла учинити. Премудро насъ учи ПИѲАГОРЬ у злашни свои спихови чеса се валя бояши и чеса не; *πρῆσσε δε τᾶυθ' ἅ σὲμὴ βλαψη λογισάι δε πρὸ ἔργου δειλὰ μὲν ἐκπρήξας φοβῦ χρησα δὲ τέρπου.* Дѣлай шо що ше неће увредити, и размишляй пре дѣла, зло кадъ учинишь бойсе а о добру веселисе. Буди добродѣшелянь, буди разуманъ, пакћешь онда рећи кь Свимъ суетнимъ страшилищамъ оно що э наше басне лавъ магарету рекао, и я да ше незнамъ коси бишесе уплашїо.

6.

ЛАВЬ МАГАРАЦЪ И ЛИСИЦА.

Лавь, магарацъ и лисица пошу скупа у ловъ сь уговоромъ що улове да разделе. К кадъ доволно лова налове, Лавъ рекне магарцу, да добитакъ па-

метно раздѣли ови разложи све на три еднака тала, дозволлюћи другимъ да изберу щасе коме люби, придодаюћи, да ће онъ сь коимъ му драго таломъ що остане задоволянь бити-Ели? толисе зове паметно делити? почекай мало дапе научимъ памети! одговориму срдить Лавь. Пакъ онда тресне шнимъ о землю и распараму трбу. Дели ти садь рекне лисици. Ова натовари све у едну гомилу, а за се остави само едногъ зеца. Па каже лаву, щае чїе. Ай! ай премудра лисицо, ко те научи тако паметно дѣлити? магарећа будалащина господару, одговори ова.

Наравоученїе.

Τὰ τῶν ἀνοήτων παθήματα τῶν φρονίμων ἐσὶ μαθήματα. Безумнихъ страданїе, разумнима э ученїе Смисленъ и разуманъ човекъ не само учи одъ памешнїи одъ себе, Него е одъ сами луди има чему научитисе, защо гледа добро що они чине, и како злопаше, пакъ све то узима себи за науку и чувасе а будала неће ништа одъ памашна да прими, ибо, при прочей худости ово му э найвећа да се самъ себи найпаметнии чини, и за срамоту држи одъ другога що научити. Малоуманъ човекъ и високоуманъ, оно що незна о томъ ни поняшїя немогући имапи, оно що зна чинимусе да э то све щосе може знапи, запо, щое себи едномъ завршїо у главу акоће бити и криво и недостаточно, оће да шако остане. Ако е ленивъ неће себи да разбїа главу да далъ постигне; акое слабоуманъ а онъ нїе кадаръ; аколие пакъ (што щое найгоре) високоуманъ, а онъ неће нипощо себе да понизи, да одъ другога що прими, а иоще щое црнѣ и опачнїе оће силомъ и на люшу срамошу и друге да научи, пакъ говори пустъ щому годъ на памешъ доће. Ступа напредъ, нитисе обзире као

сле-

слепацъ кадъ по блату бѣжи, иде само на срећу, кудъ пуче да пуче. А разуманъ човекъ, акоће колико знати опетъ слуша съ великимъ вниманїемъ що други говоре. Оно що зна, радъ э и болѣ знати, а оно що незна, не мисли да зна; радо и весело, щое добро и паметно, и слуша и прима одъ когъ му драго, и тако одъ данъ до данъ паметнїи и разумнїи бива. Но да дођемо кь нашей басни. Лавь овде представля неправедна и силовита човека, коме нища нїе право ни паметно що нѣму нїе на користъ. Съ таковимъ безьсовестнимъ и безчеловѣчнимъ звером правду тражити, то значи себи погибалъ на главу навлачити. Простосрдечно и бѣдно магаре увещава нась дасе съ силнимъ не дружимо: чему насъ лисица учи, то оставлямъ нека свакъпогоди.

6.

ЛАВЪ И МЕДВЕДЪ.

Лавъ и Медведъ пођу по Едной дубрави одъ глади Лекарство тражећи, намересе за едно на Едно дебелоЕленче, кое, едань съ едне стране а други съ друге ласно уваше и убїю. Дага разделе на полакъ? свакн есапећи по празнини трбуа свога, види дађему полакъ мало бити; свакъ би радь све имати; почнусе Дакле око нѣга чупати и драти, докъ оба изнемогу и у несвестъ падну. Лисица видећи и тако разположене, лагано одвуче Еленче. Ай, ай! зланамъ срећа и съ нашимъ лакомствомъ (рекну они едва крећућисе) за лисицули ми малъ главе не изгубисмо?

Нарапоученїе.

Иесипостъ и лакомство хїляду зала на люде навлаче, сею свуда раздорь и несогласїе; заваћаю и разделяваю сродну браћу и драге прїашелъ. Νήπιοι! ἀδ' ἴσασιν ὅσῳ πλεον ἥμισυ παντὸς. Будале! ниши знаду колико э више полакъ, одъ свега. Виче жалећисе стараць Исїодь. Блажена речъ! коеи, кадби люди слѣдовали счастливиби били. Полакъ, съ согласїемъ и съ правдомъ више э и напредачнїе, ерь э съ благословомъ божїимъ неголи све съ неправдомъ и съ проклетствомъ. Farina de diavolo va preſto in ſemola. Брашно ћаволъ иде брзо у мекинъ. Паметно вели талїанска пословица. Ко съ неправдомъ пече съ Врагомъ растече: ко съ туђимъ уздисанѣмъ кућу зида нећему унуци у ниойзи живити. Овосу истине тако явне и тако познаше да нїе потреба о ним ма више говорити.

9.

ЛАВЬ И ЗЕЦЪ.

Лавь тражећи що за ручакъ упази здрава зеца у мећи заспата, могашега ласно сьпачати, но видећи по далѣ Елена пустисе за нимъ. Зецъ сепробуди и побегне, а Елень утече, ондасе лавь врати къ зецу, аль наће место чисто, почне лизати устне и маати главомъ, етоти мое памети! оћу елена нећу зеца.

Нара-

Нарапоученїе.

И овое противь лакомства; избирачь нїе свагда погаћачь, и ко оће всегда веће, губи често из вреће. Боли э едань зець у чанку него два у полю. Правда, да ова правила, нишису за свакога, нишп за свако време, Косе всегда бои да не изгуби малоће кадь добити. Audacem fortuna juvat. Слободногь среће помаже. Веле лапини. косе одвећь ветра плаши, некь не иде на море, и косе мраза бои некь не сади виноградь. Пакь щоби било? нища, него скудостъ и недостатакь. Чему нась дакле ова басна учи? μηδὲν ἄγαν нища преко мѣре. Уфати зеца, пакь онда трчи за еленомь, разумань човекь нишїе страшивь, нишп пакь прекомѣре Слободань. Коби радь да никадь нища не изгуби, мучноће що добити. Велика э различностъ сь размомь или безь разума що изгубити що други вредни и паметни чине, защо небя и ми чинили? аколи намсе пакь що противно случи, нико паметань неће намсе ругати. Предосторожностъ и разумь нека свачимь управляю. ти учинисве що надлежи, пакьсе уздай.

10.

ЛАВЪ И ЧОВЕКЪ.

Лавь и човекь почнусе инатити о своимь преимуществамь, човекь фали люде, говорећи дасу вреднїи и юначнїи одь лавова, а лавь неће то ни пощо да призна. но напротивь утврждава дае едань лавь ячи одь неколико люди. Нїово преніе потезалосе задуго, докь по случаю намѣресе не где-

где на икону херкулову гди бїяше изображень ови како дави лава. Видишъ то? рекне човекъ. Видимъ, а кое то написао? упита лавъ. Човекъ; а да коће написати? - - - Хе мой брайко! видишь даси - - - малъ не реко. Рече лавъ. да лавови умеду писати, као ви, я би теби сто икона за едну показао, како лавови люде даве.

Нарапоучєнїе.

Не валя лясно вѣровати що Едань човекъ или народъ о себи говори и пише; ерь свакъ себе описуе како лепше зна и може. Валя слушати що други о нима мисле и утврждаваю. Правда да э не само лавъ но и Конь и Во много ячи одъ човека, но неимаюћи человеческе хитрости и разума, принуђенису покараписе човеку. Сама храбростъ и юначство еднога народа безь науке и мудрога правлѣнїя подобнесу зверской снаги. Бранесе за неко време, алъ найпосле мораю рећи ейвала и покориписе. Наука, мудростъ, мудро и законно Правлѣнїе, искусство, просвещени народа подражанїе, а сврхь свега, прудолюбно и добродѣтелно еднога общества живїе, ево що састављя нѣгову праву Храбростъ и юначство, а безь тога илїе у рабству, илиће съ временомъ бити. Богъ и Натура тако су одредили, како човекъ скотомъ, тако и разумань неразумнимъ да влада и управља.

Нара-

II.

ЛАВЪ И ДИВЇЙ ВЕПАРЪ.

Оба Ова у еданъ жарки дань летни, жедни доћу на еданъ изворъ прохладитисе и жећь угасити. Но лудо високоумїе съ лућимъ своимъ породомъ инатомъ свуда свои нось увлаче, доћу и къ овомъ чистомъ и изобилномъ извору, и заваде ова два звера, коће пре пити. Одъ речи доћу къ ударцемъ. Вепаръ зубма а Лавъ съ ноктима, едань другогъ окрваве. Попрестаду мало за одануши, и съ већимъ устремлѣнїемъ сраженїе обновити. У исто време орли и гавране, гледаюћи битву и нюшећи крвъ! долете са сви страна, облећући и радуюћисе. Нисмоли ми луди, (реку ова два непрїателя) дасе овде деремо и убїямо на радостъ наши обћи душмана? помиресе и напїюсе едань съ едне стране други съ друге, и оду свакъ своимъ путемъ.

Нарапоученїе.

Ниша нїе способнїе люде за помириши колико, кадъ сами разсуде, да они са своимъ взаимнимъ разрушенїемъ, общимъ своимъ злошворомъ не само радостъ но и ползу причиняваю. Неправда, адски породъ! власполюбїе, несита грабежа жећа, неразумна освета колику су вишежку и сродну кровь пролиле. Кояби дужна била самомъ отечеспву и общей свободи посвећена бипи. Жале Мусулмани хрїстяномъ уступиши, оно исто шосу одъ хрїстя на силомъ похитили, а не мисле да богъ и правда оће да съвременомъ опетъ свакомъ свое буде. Кое

пре

пре неколико времена и када чуо да э бошнякъ или арбанасъ икада турчинъ бїо? ништису пре били ништиће до последка бити. Но они веле, каква э то правда, да имъ руси и немци опимлю оно щосу они одъ други отели? нека само послушаю ово щећу рећи, пакъ нека сами суде. Щое засве народе болѣ него за само еданъ народъ, тое роду человеческому во обще, и полезнїе и правїе: гдисе наука уводи и разпространява, гди поредакъ и закони царствую, гдисе куга мећу люде непуща, туе за све люде болѣ и праведнїе. Иощъ едно, у свимъ немачкимъ и россїйскимъ вдадѣнїамъ никосе добарь ни хрїстянинъ ни турчинь солдата небои; но гледа у нѣму чувара свога, а у турской земли, коликое далѣ одъ Цариграда, толико више бѣдни хрїстянинь предъ агомъ и нѣговимъ слугама, предь спаїомъ и предъ яничаромъ дркће као овца предъ курякомъ. Сада дакле хрїстянинь и турчинь ко има человеческо у прсима срце онь ће сваки данъ къ небу погледапи и рећи, богъ ће дати щоће болѣ бити.

12.

ЛАВЪ И БИКОВИ И ЛИСИЦА

Лавь видећи три Бика всегда за едно улюбави и у согласїу несмеяше на ни удариши. Пошлѣ дакле лисицу, ше и завади и растави, онда Лавъ на свакогъ по на особито удараюћи свой троиди доће доглаве.

Нага-

Нарапоученїе.

Несогласїе хрїстяна подиглое турчина: нїово согласїе понизићега. Неслога браће сатире и у срамоту и погружава, а блажена слога и единодушїе возвишава и и прославлява.

Мусулмански законъ ни учи дасе моле Богу да богъ не соедини крщене Царе и кралѣ. Молимъ и некъ ми кажу, каковога бога они себи представляю одъ кога просе вражду несоединенїе и неслогу међу люде? Хрїстосъ спасителъ Хрїстяномъ заповеда да просе одъ бога всеобще согласїе и соединѣнїе у познаню единога преблагога бога творца, у правди, пощеню и добродѣтели. Ево какавъ э хрїстянски богъ кога Хрїстосъ проповеда. Напохѣ дакле из међу сви пощени и паметни народа лукаве лисице кое за человеческа суевѣрна измишлѣнїя несоединѣнїе вражбу и мрзостъ проповѣдаю и вооружаваю брата на брата свога и пощене комшїе едногъ на другога. Едини боже соедини у име твое све Царе и кралѣ, и ако кадъ кои одъ ни узхоте неправеднимъ бити, да му други недаду. Соедини све люде у любави правди и добродѣтели.

13.

ЛАВЪ И МИШЪ.

Лавь упруженъ легне у ладъ почивати и ту заспи. Мишь туда одећи доћему у главу да претрчи преко лава, лавь се презне и счепа миша. Нїедна вѣро! На толикомъ полю, преко мои ли леђа ти путъ себи наће? щоћешь садь? казуй? великомо-

жни

жии Лаву! одговори мишь съ умилнимъ Гласомь. Весма самь сагрешїо признаемь и исповедамъ, но молимъ те да ми опростишь! нећу више то учинити, ово ћеми бити први и последни редь. А и разсуди молимь те, какваби слава Лаву била да утуче миша? Лавь се осмене и пуспига безь вреда. На неколико дана уватисе шай исти лавь у дебелу мрежу кою ловци Лавомъ и медведомъ ставляю. Изъ кое Лавь немогући размрсиписе, стане рикати колико игда може. Мишь чуе, притрчи, види и позна благодѣшеля -свога, не отлажући времена почне гристи мрежу и мало по мало прегризе едно уже онда се мрежа разспе и Лавь се избави. Чудне ствари цо видимъ на свету! савь зачућенъ рекне Лавь. Коби икада рекао да и мишь Лава одъ смрши може избавиши.

Нарапоучењ е.

Ἐξὶ καὶ παρά μυσὶ χάρις. Естъ и у миша благодарносшъ, Прекрасна пословица, коя намъ препоручуе благороднѣйшую Сладчайшую и краснѣйшую одъ свїю добродѣшеля *благодарностъ*. Кь благому богу, кь сладкимъ родишелѣмъ. Кь милосшивимъ благодѣшелѣмъ. Кь праведнимъ и прудолюбивимъ царемъ нашимъ, Кь разумнимъ и правдолюбивимъ судїамъ и правишелѣмъ *благодарность*! божесшвени и сладки чувсшвишелномъ Срцу союзь, кои содржава милїоне люди у согласїу и любови, *благодарность*! Ко фали, на неколико хїляда година после, Сократа, Марка Аврелїа и милога Тиша и коће и фалиши довека? небесна прекрасна ћи *благодарностъ*. Чувсшвованїе Ове добродѣшели

дѣтели учи мало дешешце дасе умилява на прсима родишелнице свое, и грлећие сь слабима рукама благодари ранишелници своей, Страшни звери благодѣянїемъ укроћаваюсе, лавь и медведъ ласка онога кои и рани. Во и конь служе господару своме, и вѣрни пасъ умире за нѣга. Коме нїе благодарностъ доволно награжденїе за учинѣно благодѣянїе, некага нигда не чини, болѣ. А неблагодаранъ - - - увѝ ели могуће да э човекъ неблагодаранъ? недай боже такога у роду.

14.
ЛАВЬ И БИКЪ.

Старъ Лавь сретне млада и яка бика, и неуздаюћисе явнимъ сраженїемъ побѣдишига, приступи къ нѣму кротко, и прїателски поздравившига, каже му дае сготовїо велику частъ, и молига да му у гости доће. Бикъ, више из любопишства неголи части ради, поће да види каква э лавска частъ. А кадъ доће на лавовъ Стань, не видећи ту ништи какво приуготовлѣнїе ништи вапре на огнищу, подозре навѣтъ, и види дамусе о кожи ради; покаже Лаву свое рогове пакъ се врати, и безь остай сь богомъ. Та причекай прїателю! оди поседи мало, садће частъ готова бишти. Начастъ ти твоя частъ, частисе сь кимсисе и до садъ частїо, одговори паметни бикъ, пакъ оде своимъ путемъ.

Нарапоученїе.

Све, овой подобне басне уче насЪ предосторожносши и чуваню. Правда, нїе лепо до э човекЪ, без узрока и преко разлога ницш подозрителянЬ, ницш неувЂрителянЬ; но съ онима кое познае. А оне кое непознае, не мислећи о нима ни какво зло, дозволЂно э не наглишисе, но чекаши, за моћи, по нїовомЬ поступку и начину живлЂня, о нима судиши. Добронаравань и правосердечань човекЪ ласно вЂруе, аль се ласно и превари, пакЪ ако э у маленой вещи некь иде: БолЂ се кадьгодь и превариши, него за сваку безделицу и багашелу подозренїе имаши. Кадсе обаче до чесши, или каковенибудь важне вещи шиче, нико памешань, нећe другому за зло примиши, шосе ласно у що не упуша докь здраво не разсуди, и све окрестносши посла добро не позна. никада се пошень човекЪ не срди що други изпражую дага добро познаду, ерь онь добро зна, да коликога болЂ сазнаду шоликоћега више любиши и почишоваши. А малодобарь човекЪ колико више може крїе свое шрагове, добро знаюћи да э пропао какога сазнаду. коликосе замршенїи и попаенїи едань посао види, шолико више валя спаасши на опазу. Пакосшань, кадЪ о найвећой пакосши мисли онда наймайсшорскїе измишлява речи. За то излишни, комплименши, ласкашелсшва, церемонїе, необична похваливаня и улагиваня, предЪ памешнимЪ людма никадЪ нису що добро значила. Chi mi lufinga più di quel che fuole, o m' ha inganato, o inganar mi vuole. Весма разумно веле шалїанци- Комегодь ласка више него обично, или ме э превариo илЬ ме преварипь оће. Зашо ове басне бикЪ врло се памешно влада. Зовега лавь на часшЪ, иде да види, ергасе не бои. Не види шо на що э звашЬ? Неће више ницша да зна.

15. ЛА-

15.

ЛАВИЦА И ЛИСИЦА.

Лисица э похуђавала Лавицу за то що ова редко и поедань породЪ раћа. Редко и по Едань, одговори Лавица, али кáдЪ родимЪ, а я Лава родимЪ.

Нарапоучен їе.

Οὐκ ἐν τῷ πολλῷ τὸ καλὸν. Нїе у многому добро. Колико ова басна, толико и пословица приличествую онима. Кои що чине, добро и совршено чине. На противь, некисе све врше и окрећу а кадЪ имЪ на посао погледашь а оно мућакЪ. Млого косца починю а нища не свршую: аколи що кадЪ и сврше а оно неваля, ПакЪ залуду имЪ мука- Зачиню и раћаю неке главе Премноге ствари сваки дань, но чему э све то подобно? ЛукавимЪ лисичићемЪ, или онимЪ маленимЪ лепнимЪ мушицама, кое у исти дань кадЪ постану у шай и и неспане.

16.

КУРЯКЬ, БАБА, И ДЕТЕ.

КурякЪ гладанЪ хоћяше кое куда тражећи що да изе. Доће у вече на край села предЪ Едну кућу, и чуе дете гди плаче, и бабу гди га страши, говорећи. да ако не умукне и не поће спавати, да ћега нама дати куряку. Ови стане чекати сЪ

великомь желиомъ нећели баба то учинити; докъ се дете утиши, престане плакати и запита бабу. Оћелига дати Куряку? небойсе ти рано моя, одговори бака, ако курякъ доће мићемога набости на они гвоздени ражанъ що стои за врати. Ондати курякъ стане бѣжати; мислећи у себи, мећеръ бабе у овомъ селу едно говоре а друго мисле.

Наравоученїе.

Люди, кои свое пристрастїе и користолюбїе за советь примаю, подобнису овомъ куряку. Ласно вѣрую оно що желе, ни мало не размишляваюћи ели то могуће или не. Достойнису не само преваре, но и поруганїя, прво, що неправедно, а друго що будаласто желе и закпеваю. А наша насъ бака учи, да ако що у срдитости и страсти и речемо даћемо учинити кадь се гнѣвь и страстъ утоле о томъ ни да немислимо. Августъ цесарь одпущаюћи одъ себе учителя свога Аполодорїа, запросига да му даде свой последни совѣтъ какоћесе владати. Кадсегодъ разсрдишь одговориму учителъ, немой ништа ни учинити ни заповедити докъ не очиташь греческо азбуки одъ алфа до омега. Алъ докъ я то очитамъ проћићеме гнѣвь. Вели му цесарь, то я и оћу, одговори учитель. Плутархъ, за неку велику погрешку весма разнѣватъ на свога слугу, идими съ очїю, речему да нисамъ овако срдитъ бите здраво избїо. А платонь, моли комшїу да му протуче слугу. Туци га самъ, вели му они. Немогу ерьсамъ одвећь срдитъ. Гнѣвь уподоблява човека зверу. А човекъ. ништа нѣ валя да чини као зверъ безь разсужденїя.

17.

КУРЯКЪ И ЖДРАЛЪ,

Курякъ ждерући овцу стане му костъ у грлу, стане завїяти и яукати, молећи свакога ко туда пролазаше, да му извуче кость; обећаваюћи великонагражденїе. Дугошїясти ждралъ полакомисе на плаћу, завуче главу у курячїе грло, и извуче костъ, пакъ онда летећи више нѣга искаше плаћу. А курякь, показуюћи му свое курячке зубе, каже му. Заръ тїе то малена плаћа щоси из оваки зуби извукао главу здраву и читаву?

Нарапоученїе.

Κακοὺς εὖ ἔρδοντι μεταιοτάτι χάρις, Злимъ благотворящему суетнѣйша благодарность- Вели Θеогнидесъ. Ко познатомъ злочинцу помаже и добро швори, щаће одь нѣга чекаши? зао човекь међу добрима, нища друго нїе, него курякъ међу овцама, коему нико конака не валя да да; но какога гди упази, куря! нека виче. О зломъ сажалѣнїе имати, шо э на погибелъ мирнимъ и добримъ людма. Зашо, право веле наши стари, да э гори яшакъ одъ пустаїе. Кадъ се човеку прстъ на зло да, ради свакояко дага излечи, а кадъ види, да сва рука одъ нѣга бѣдствуе, режи бржеболѣ виче, и за избавити сву руку немари за кои му драго прстъ. Бѣдни су онде люди гди зли већу силу и властъ имаду, и принућенису као она бака говориши, мой синко добро э и предъ сопону кадъ кадъ свећицу ужећи! ерь э зао валягасе бояши. Питалису едногъ старца ерцеговца, кадъ ће злїю нестати? Кадь се сви добри насупроћъ ни сложе и подигну. Одговори памешни старина.

18.

КУРЯКЪ И ЯГНЋ.

Курякъ пїяше на едномъ извору, ягне невиђ-ћига, далеко ниже на потокъ доће напитисе. Какога они спази викне на нћга, туси ти дошло мутитими воду, да одь тебе не могу смиромъ ни бистре воде напитисе, Ели? та вода, господару одъ тебе кь мени тече. Какоћути ю я замутити? то нїе могуће. Одговори ужаснуто ягнћ. Ха Ха! погласу те познаемъ, тилиси онай кои мисе лане у ово доба ругаше? - - -Лане у ово доба? помагай! тада ме нїе ни било на свету, мати ме э овогъ пролећа оягнила - - - видимъ, да си ти умно и паметно, и дасе умешь добро одговарати (рече му курякъ) но за луду, све ти то данасъ предамномъ неће помоћи, скочи на нћга и прождерега.

Живо и дћйствително описанїе силна неправедна, и слаба неповинна. Ко те пре? кадїя. а ко ти суди? Тай исти кадїя. Не пишамь ше више, знамъ шаће ти бити. Веле бошняци, то значи, курякъ те пре, а курякъ ти суди. Имати право, онде гди насилїе и неправда влада и суди, то э толико, колико и са свимъ криву бити. Да! що надлежи дћлати? у шаковимъ окрестностима? я друго средство незнамъ, разве кь небу очи подигнути, и одъ туда прави судъ чекати. А оћели що бити? оће безь сумнћнїя. Ибо, неправда превращава престоле силни. Онай вћчни и премудри, кои э све що видимо створїо и содржава; онь све види и воздаће свакомъ по дћлу, ако то насилникомъ и непра-

праведнимъ и нїе драго. Али можс пѣмислити ко, щоће данасъ изеденомъ ягнѣшу помоћи ако сутра куряку кожу сдеру? ягнѣшу нища, нѣму э све едно тага курякъ изео та човекъ. Защо, ни ягнѣшу ни куряку нїе ни какво понятїе о правди и о неправди дато, а що имъ се нїе дало, шосе одь ни нећене ни искаши. А човеку э то дато, зато, ако э колико ко узлу отврдную и окорео, опетъ га зло мучи и разтрза. Дакле не морали лудъ биши, ко мисли да муе ово чувствованїе за луду дато? Ево како о овомъ пре неколико хїляда година спараць исїодь мудруе. Ἰχθύσι μὲν καὶ θηρσὶ καὶ οἰωνοῖς πετεεινοῖς ἔσθειν ἀλλήλους, ἐπεὶ δίκη ἐςιν ἐπ αὐτοῖς, ανθρώποισι δ' ἔδωκε δίκην ὁ θεὸς. Рибама и зверономъ и пшицамъ летућимъ дозволѣно э да едно другo эде. Защо нейма правде надъ нима, а людма э дао правду богъ.

19.

КУРЯКЪ И ОВЦА.

Курякъ савъ издрпатъ одъ паса лежаше при едной рѣци, упази не далеко овцу пакъ э почне молити дасе смилуе о нѣму видећига у такой Неволи, и даму донесе мало воде. Яби то ласно'и радо учинила, одговори овца, но акоси и савь издрпатъ и Осакаћенъ, и такоси Курякъ, паксе боимь да ниси гладнїи него жеднїи.

Нарапоученїе.

Ево добитакъ злонаравїя и неправде. пакостань и са свимъ зао човекъ, акоће незнамъ у какву неволю пасти, и акоћесе колико смирити и молити, никосе у нѣга не увѣруе и свакига се одвраћа и гнуша. Нема дакле горе несреће одъ злонаравїа и неиравде. Ниши већега благополучїя одъ добродѣтели. Богатство стећи, може и зао и направедань човекъ, можесе савь валяти у сласти и изобилїю, високе науке и достоинства може прїобрести. Али благонаравїемъ и добродѣтелїю украситисе, по зломъ и невалялом срцу нїе дато. Злотворителянь човекъ подобань э овоме куряку, кадъ легне на смертну постелю, савъ раздрпатъ одъ свое совѣсти за неправде и зла учинѣна, нитиће га ко жалити ниши о нѣму соболѣзновати но свакъ ће рећи, ето човекъ кои нїе положїо бога помощника себи но упова на себе и на неправду свою.

20.

КУРЯКЪ И КОЗА.

Курякъ упази на високомъ каменитомъ месту Козу гди пасе, и не уздаюћисе даће э ту моћи уфатити, науми кь себи э домамити, говорећи, сестрице! ту ти нїе найболѣ, стрмено э мѣсто можешьсе убити, а ни Паше ти ту доста нема, сићи у долину, болѣћети бити. Есть, баць! незнамъ одъ кадь су козе курячке сестре! и одкадсу

су Куряци тако милосрдни постали! иди, иди слуто, овде ти лажи не пролазе, Огледайсе гди у потокъ, пакъћешь видити стоилити лепо дасе чинишь добаръ,

Наравоученїе.

Куряковъ совѣтъ овде чинисе добаръ и полезань, али за нѣга, а не за козу. Зато и коза паметно ради гонећига одъ себе, нѣговомъ совѣту и притворной доброти ругаюћисе. Курячка наравь кадьсе нойболя чини, и найлепши совѣтъ дае ондаесе валя найвећма чуваши.

21.

КУРЯИЪ И ЛАВЬ.

Курякъ ограби негде из стада овцу, пакъ поће носећи э далѣ одъ пастира и паса да э смиромъ изе, срећнега лавъ и оттему э. Онда ови и здалека стоећи рекне лаву. Неправедно мое отимашь! Нећепи пробитачно бити. А лавь къ нѣму смїюћисе. Е башь! Зарси э ти съ правдомъ стекао, или одъ прїателя на даръ получїо!

Наравоученїе.

Ово се допада онима кои туће силомъ или спреваромъ узму, пакъ после изгубе.

22.

КУРЯКЪ И КОНЬ.

Старъ курякъ у пази добра коня, не поуздасе явно на нѣга ударити боећисе, илъ даму не утече, или дага неће моћи надьвладати. Намисли дага съ преваромь придобїе. Приступи кротко и упитага за здравлѣ. Конь подозре лукавство, и науми съ клинцомъ клинацъ истерати: кажему дасе у осталомъ добро наоди, но дасе з стражнїомъ ногомъ на иверъ набоо, и дага нога люто боли. То э найлакше, оди да ти зубма извадимъ иверь. Стане конь и подигне ногу, а кадъ види куряка близу, лупитинамга у губицу те му све зубе разпрска, пакъ одскаче преко поля. А курякъ остане яучући, и себи говорећи досадъ си лагао, а садъси башь долагао.

Наравоученїе.

Овако се найпосле свакому догоди, косе у неправду, лажь и превару, узда.

23.

ЛИСИЦЕ.

Едной лисици упадне репь у шкрипацъ она за избавити осталу кожу прегризе себи репь и утече. А потомъ за сакрити свою срамоту, сазове проче лисице изь комшилука и начне и увѣщавати да и оне одрежу себи репове; Говорећи да э лакше и лепше лисици безь репа неголи сь репомъ. Онда една одъ старїи и искуснїи лисица придосетившисе нѣизиномъ лукавству, одговори. Докь си ти репь свой имала, ниси насъ на то совѣтовала. А сада, гдиси ти безь репа остала хотелаби да ими наше одрежемо, ели? Видишь ти памети? Оће една лисица млоге да превари.

Нарапоучећ.

По свой прилици већь сусе люди били почели одавно варати, будући да эЕзопь принуждень бїо толике басне противь преваре измишлявати. Кое какавь, радъ би дасу и други таки. Чивути турски и полски срдесе на немачке Чивуте, и држе и за Эретике що ови свудъ на около подъбрїяваю браде. Що слепо нечини суевѣрїе? Жидь акоће най згаднїи бити, онь, из суда изь коега хрїстянинъ эде и пїе, неће нища окусити. А защо? Бедага знала. А расколникъ сирома крепко вѣруе, до ко обрїе браду са свимъ изгуби образь и подобїе божїе. И несумня нимало, дабогъ не седи на небу сь великомъ брадомъ. Ово я овде неспоминѣмъ само зашалу, нипошто! Но радъ самъ дасе людма починю давати

ваши разумнїа поняшїя о непостижимомъ божеству, да не приписую неразумно, неописаному Существу человеческо подобїе тѣлесно. Има маймуна у африки коису млого већи одъ човека, управь на две ноге ходе и браду имаду, словомъ, по тѣлу подобнису човеку, осимъ разума и словесности. Аколи очемо да що у чловеку нађемо по образу и по подобїу божїю, то неваля тражити у тѣлу, кое онь подобно има съ неки маймуни, но у разумной словесной души, способной мудрости, правди и божественной добродѣтели. Коя преимущества никакавъ Орангъхутангъ (сиречъ африкански маймунь) нейма. Ову разумъ е словесностъ узми одъ човека, онь већь нїе словесни чловекъ, но безсловесна живошиня. Лифландски селяни, акосу илуторани, изь обичая носе браду, акога упиташь, защо? а онь каже право. Волимсе напити ракїе за оно щоби дао за брїянъ, а нашь ерделянь вели о ласъ яка коля къ нумъ фаче нимикъ. Ово прохази, еръ има неки разлогъ. Али шурчинь, кадъ оће да мусе све вѣруе що каже, зато що онь носи браду, шу намъ не шорна конашъ. Плушархь имаое прекрасну браду (право валя казати, има и брада весма лепи) но онь врло виче и изобличава неке лажливе фїлософе свога времена, щосе за саму велику браду издаю за то що нису. Лепо э слушати моега доброга прїятеля софополитскога Епїскопа, кадъ га ко запита, ели нужно Епїскопомъ имати браду? Одговара: давняшни э обичаи, зато э морамо носити, я себе чувствуемъ да би безь браде могао бити Епїскопь какогодъ и шнїомъ, но садь, за нѣнь атарь я не остави мою епархїю. Некь де садъ чуемо Дисидемонскаго Владику кои већу часть памети у брады држи, како онь резонира. Брада э честна и света вещь, коя чини човека иощь толико честнимъ и преподобнимъ. Света, велимъ! И доказаћу: Пророци, Хрїстосъ и Апостоли свису браде носили. Смели ко противь Хрїста и Апостола що рећи? Та несме господине, помагаи! Али Анна и Каиафа

иафа и Иродъ и Юда и онису браде имали, пакъ зато нису ни длаке боли били, онда э то у Жидова общи обичай бїо, какогодъ и данасъ А да дођемо садъ? Да обрїемо браде? Не; нека оне свое смиромъ онде гдису иощь у обичаю, но валя казаши већъ едномъ людма да съ брадомъ или безъ браде биши, то не придодае човеку найманъ мрве ни памети ни науке ни добродѣтели, слѣдовашелно, ништи честности ни достоинства. Ето ти намъ наше лисице, коя, сама безъ репа, оће да и друге, свое одрежу! Може и то гди биши, но овде башъ нїе шай догађай. Ибо лисици одрезаши репъ, толико чини, колико човеку носъ, едно и друго ужасно боли. А натура э у тому премурди учителъ. Оно, що она нїе учинила дасе реже, неможесе одрезаши безъ люте болѣтице, а оно зашо она немари илсе резало или не, него одъ самога обичая зависи оно се реже пакъ и неосећашь, како све власи на шѣлу и ноктии.

24.

ЛИСИЦА И ДРВЕНА ГЛАВА.

Лисица уће у дућань древосѣчца, и наће ту измећу остали вещи и едну дрвену главу весма майсторски садѣлану, кою э позадуго гледала и шамовамо премешала, но нечующи одъ нѣ никакве речи- турїе говорећи, о чудне главе безъ мозка!

Наравоученїе.

Ово приличеспвуе онима, кои све свое достоинство у внѣшномъ украшенїю полажу. Ово говорећи,

ћи, не похуждавасе, свакога по нѣговомъ чину и состоянїу, пристойно одѣянїе и украшенїе. Безь нужде издрпаше и измрљаше алине носити то э скупостъ или худостъ достойна негодованїя и сгадности. Но само за внѣшнѣ украшенїе старашисе велико нещо у тому полагаши, и сь округли мустаћи, или обрвама, или калпакомъ, иди перукомъ, или златоизвезенимъ алинама поноситисе, а о украшенїю душе и памети, срца и нарава свои ни мало немарити, шу управь принадлежи, о чудне главе безь мозка!

25.

ЛИСИЦА И ГРОЖЋЕ.

Лисица видећи на Едной високой лози грожће покушаваласе свакояко какобига дова́тила, а кадъ биди, да нина кои начинь не може до нѣга доћи, онда отиде говорећи, иоцъ э кисело, ниша неваля, шрну одъ нѣга зуби. - - - Оно ша ко неможе имати, нексе чини као да нећe ако хоће даму ко не рече маџъ!

26.

ЛИСИЦА И МАИМУНЬ.

Четвороножна животиня сакуписе да избере себи поглавара, и одсуде, да косе одь ни покаже найпаметнїи и искуснїи, ономе да дадуначалство. Онда маймунЂ поликое своимЂ игранЂмЂ окрепанЂмЂ и скаканЂмЂ све проче у удивлЂнїе привео да сви единодушно реку да э онь достоянь примити жезалЂ правлЂнїя. Лисица э поме весма негодовала, но щаће една прама поликима, онда уЂути: а како негде упази парче меса у шкрипцу, доведе ту маймуна, и кажему да э она нашла то сокровище, но дага несме узети, будуЂи да по закону то владЂтелю принадлежи. ИмашЂ право мудра лисицо, одговори, пакЂ потрчи да га узме и уфатисе у желЂзо. Играй садЂ речему лисица посмеяваюЂимусе. ПаметЂ требуе а не окретанЂ, ономЂ ко оће многима да влада и управля. Ове лисичине речи доволно доказую що ова басна оће.

27.

ЛИСИЦА И КУПИНА.

Лисица прелазеЂи преко плота поклизне, и за не пасти уфатисе за купину, раздере и окрвави све свое шапке о купинино трнЂ. Чемернами

твоя

твоя помоћЪ! Почнесе тужити на купину, болѣбими било да самЪ пала него що самЪ одь тебе помоћи искала! мени кукавной какосиме осакатила! копи э кривь? Одговори купина. Котисе рече заме фатапи и одЪ мене помоћи искапи? кадЪ ти добро знашь како я помажемЪ,

Нарапоученїе.

Добро треба гледати одЪ кога ко помоћь ище и благодѣянїе чека· Овде лепо приличествуе и она басна коя каже дае конь пре бїо свободанЪ паксе завади сь Еленомъ о едну ливаду, и за изгнаши елена зовне човека на помоћь, да себи мешути узду и насе узяти: и тако истера Елена али остане за вавекЪ робь човеку. Многи инатећисе за едну ствар, айде у процесЪ пакЪ се запру- Болѣ э кадЪ що и изгубити, него увредити добра пріателя, и одЪ добра комшїе учинити себи зложелателя. коя полза сь срамотомЪ що придобити, и зло име заслужити? Тешка э ствар Ъ туће благодѣянїе, алисе не може иначе у обществу живити; ми другима валя да помажемо колико можемо, и у потребиодЪ други помоћь да ищемо. Узаймиосамъ що кому, а онь мие врапїо и зафалїо, що оћу одь нѣга више? алиби я хотео да онь по томЪ све по моей ћуди! живи, и за мой апарь да лаже? а коли неће, а онь э неблагодарань: ни пощо! я самЪ неправедань кои одЪ нѣга изискуемЪ, що онь неможе или му непристои. Данасъ самти учинїо добро, а супра сими неблагодарань; но у такой вещи, гди правда и честЪ изискуе дасими неблагодарань. ПощенЪ си човекЪ, небойсе! Аколипе я неблагодарнимЪ наричемЪ, я самЪ самЪ зао и неправедань, сходовапелно и недостоянь твое благодарности. Запо опетЪ пофторавамЪ, да добро валя гледати одкогасе помоћь И благодѣянїе ище. Преблажень они чловекЪ кои сваки

дань

данъ добро твори, само зато що себе предъ богомъ дужна къ тому чувствуе, непрестае благодарећи вѣчному творцу щогае у состоянїе положїо да то може чинити. И Наоди пребогато награжденїе у внутреннѣмъ свое совѣсти свидѣтелству да е исполнїо честна и боголюбива чловека дужностъ.

27.

ЛИСИЦА И КРОКОДИЛЪ.

Лисица и крокодилъ почнусе инатити о благородству. Крокодилъ стане казивати каковасу мужества нѣгови прадедови чинили, по тому доказуюћи да э онь найблагороднїн одъ свию животиня. Доста већь! одговориму лисица. И по кожисе познаешь даси одь старине.

Нарапоученїе,

Валя знати да э крокодилъ една страшна зверъ коя живи у води и на суву. По виду подобань э гущеру, али э ужасно великъ. Некису придесетъ ногу дугачки. У египту у рѣки нилу има и премного. И прождиру люде и другу животину. Кожа му э скаредна видити, покривена съ дебелимъ люскама, и тако тврда да э весма мучно пробити. Ова басна принадлежи онима коисе одвећъ фале и поносе съ благородствомъ свои прародителя, а сами ни нащо нису способни. Похвална э вещь благородство у вредномъ разумномъ и благонаравномъ младићу; а невалялу и строптивонаравну више на срамоту служи. Колико э ко више одъ отечества примїо

и ужива, и колико више оптмѣности одъ нѣга изискуе, толико му э више дужань служити, и нѣму, на ползу живити. Аколи ко оће да до подне спава, а до поноћи кое какве бездѣлице и безчинїя да твори, онь нека зна дасе э на срамоту свои благородни родитеља родїо. нища нїе хуће и горе него благородна младића стаковимъ мишленѣмъ из младости напоити да се э онь за лѣность и бездѣлїе на светь родїо. По обичаю, даваће мусе титулъ, благородни. Но онь кадъ га годъ чуе, некага слободно прима себи на обличенїе, ако нѣгове нарави и дѣла нису благородна. Εὐγένεια ἐξὶ ἀρετὴ βροτοῖς. Благородство естъ добродѣтелъ людма. И Паки, ἀνὴρ ἄριστος ἐκ ἀν εἴη δυσγενὴς, Мужь преизрядни никадъ нїе неблагородань. Зато благородни и имући у едномъ обществу колико више средства и удобности имаду, толико э већа нїова дужностъ добро и благородно воспитанїе своей деци давати, кое се состои у науки, трудолюбїю и благонаравїю, даимсе не рече као крокодилу по кожисе познаешь да си благородань.

28.

ЛИСИЦА И ЛАВЬ.

Лисица први редъ сретши лава, такосе ужаснула да малъ нїе мртва пала. Вторн кратъ устрашисе но не тако као пре. А трећи разь толико се ослободи, да приступи и шнимъ познанство учини.

Нара-

Нарапоученїе.

Различне ствари чине намсе ешрашне ерь и непознаемо, кое по томъ чрезъ обхожденїе и познанство весма намъ обичне биваю. Врло э зао обичаи плашипти децу из малена, шако да пошомъ у доволномъ возрасшу боесе сваща и укланяюсе одь сшранни люди. Лажи лукавсшва, и свакогъ неваляла, посла, кои бива себи или другому на вредъ и щешу, шога и э пошреба учипти дасе и сраме и бое. Но о овомъ' смо и на другомъ мѣсшу опоминяли, кое за доволно наодимъ.

.29

ЛИСИЦА И ВРАНЪ.

Вранъ наће негде комашь меса и држашега у клюну сшоећи на древу. Лисица онюши месо притрчи подъ древо и почне фалипти врана говорећи. Мили боже красне пшичице! Лепа перя що имаде! Да иощь има какавь гласъ неби надъ ниомъ пшице на свешу било! Врану то нїе мило било дага лисица при шоликой нѣговой лепоши за мушава држи ошвори клюнъ пакъ сшане гаакашп, падне месо доле, уграбига лисица и прождере, говорећи и посмеяваюћимусе, е мой врану! имашь сваща алъ памеши неймашь.

Нарапоучеиїе.

Каквисмо ми Люди на овой нашой земли! Айде дасе право едань другомѣ исповедимо, и да већь нетаимо, дасмо свакояки и чудновасти! како то? Евовако, слушаймо само. Кадѣ насѣ ко превари жаонамѣ э и тужимосе, а у исто време нища толико не желимо него да насѣ други вараю. Пакѣ ко намѣ э вещѣ, и ко насѣ лепо уме варати, онако башь како ми желимо преварени бити, то э нашь човекѣ! Кои уме живити и обходитисе сь людма; некѣ ище само, дећемому и кошулю сѣ леђа. Есмоли ми црни а ради би бити бели? можели онь само майсторски доказати да смо ми и одѣ лабуда белли, то э паметѣ: и ако башь нико то неће вѣровати, оћемо ми, ерѣ намѣ э то драго; то энами доста онь насѣ вара како ми закштевамо. Оћемоли да намѣ онь много говори и да насѣ чини смеятисе? Нека трпа, нексе чини будаломѣ, некѣ не щеди свое сродне и пріятелѣ, само за угоди ши нама, то ми оћемо. Познали онь да э нама мило говорити а да онь слуша? Нека ћути, нека насѣ гледа зебленутѣ, нека намсе чуди, и кадькадь некѣ подвикне, Чуда люди! акосе ми чему смїемо, (и ако нища нїе смешно) из свега грла некь се смїе. Рекосмоли ми да щоестѣ, ако онь и незна ща э то, нама некѣ повикне, како иеби било? Чули онь да ми що нађосмо да нїе шако, ако онь и савршено зна да э шако. Некѣ негуби времена, но нека виче за главу по неможе бити. Но онь намѣ се руга, шако нами похлѣбствуюћи, онь насѣ за будале држи и вара насѣ, нища зашо то ми и желимо. Аколиби нѣму пало на умѣ да онь за любовь кь испини другояче поступа, да нами проповослови, що ми утврждавамо да онь одриче, и що ми велимо да нїе и да неможе бити, да се онь усуди рећи да то естѣ и да може бити: онь нїе за насѣ, онь неће да насѣ вара, некѣ иде кудѣ му драго. Ево браћо по вишой части каквисмо, или изь слабости или изь незнаня, или изь самолюбїя,

или

или що э найгоре изь високоумїя, защо она при прва дадусе сь временомь поправити, а ово последнѣ кадь нами облада неће већь да нась пусти. Да щоћемо садь? добро ако само хоћемо. Да почнемо сами себе одвараваши ἀκουσέον καὶ παρὰ τῶν ἐχθρῶν τὴν ἀλήθειαν καὶ διορθωτέον. Совѣтуе Плутархь. Да слушамо що и наши непрїятели о нами говоре, да се несрдимо, на ако учемь безприс, страстїя познамо, да они имаду право наше недостатке обличаваюћи дасе исправлямо. Великой души и одь самога непрїятеля истина э драга, а слаби умь ни одь прїятеля неће да э прими. Некь преспанемо сами себе варати пакь неће смести ни други, или акосе усуди, а онь неће моћи, пакьћесе осрамотити. Неищимо похвале пре него э заслужимо, и башь кадь э заслужимо, неищимо э, самаће доћи акосмо э управь заслужили. Ко э силомь хоће, она одь нѣга бѣжи. И ово добро да упамтимо, що намь годь у другима нїе мило од онога дасе всегда чувамо. Ко себе много фали нїе намь нимало угодань. нефалимосе дакле. Ко оће самь да говори а другомь неда или неслуша, досадань э другима. Мѣру дакле у говореню. ко говори о другима зло-предь нами, и о намиће предь нима. Неговоримо дакле зло о другима, разве кадь э зло явно, познато и кадь може неповинними повредити, онда свакь честни чловекь мора зло за зло признати и противитимусе колико више може. И Опеть овое лепо правило, що намь удругима нїе мило тога дасе чувамо. Що у добримь и паметнимь людма похвалюемо за тимь да наспоимо, що годь видимо да просвещени народи творе на обшу ползу, творимо и ми, колико можемо. Не чинимосе паметнїи одь свїю, ово э знакь варварства. И чуваймосе лисичїе похвале.

30.

ЛИСИЦА И ДРЕВОСѢЧАЦЪ.

Лисица бѣжући одъ ловаца, прибѣгне кь колиби древосѣчца, молећига да иой допусти сакритисе у колиби, овай дозволи. Алъ етопи спигну и ловци, и упитаюга нїели гди упазїо едну лисицу шуда да протрчи? ови речма одговори да нїе ница смотрїо, но у исто време, покаже имъ прстомъ на колибу: ловци се шоме не досете у шпоци, и отрче далѣ. Лисица коя све то примѣти, како види дасе ловци отдале, изиће, и поће на другу страну, ни фала ни сь богомъ остай. Древосѣчацъ стане э укораваши за шаку неблагодарностъ. Да ши э прстъ съ усшма согласань бїо, умелабиши я благодариши, а шако ница, него залудуши добро, осрамошиосисе.

Нарапоученїе.

Тако бива свакоме ко не чини добро сасвимъ и како валя. Свакъ му вели, или куй иль не мрчи. Самъ прави пакьсамь поквари: за луду му мука: чини као попь муждало, кадъ служи, поминѣ свога села поглаваре, а како изиће изь цркве и доће шнима у крчму а онь и пипа, естели чули како я васъ споминѣмъ? Да васъ э анашема свїю що васъ э годъ! А спарацъ ждеривукъ, мало кадъ кое недељ не зове комшїе на частъ: само, даисе напсуе. Μή μ' ἔπεσι ξέργε νόον δ' ἔχε καὶ φρένας ἄλλη. Немойме речма любиши а умъ и мисли на другу имаши страну, вели спари Θеогнидъ. Но са свимъ шимъ. Благодарносшь э

лепа

лепа добродѣтељ и раћасе изъ благородна срца. Погрешке ближни наши ваља заборављати, ерсмо сви погрешкама подложни, а добро учинѣно, никада.

31.

ЛИСИЦА И ЯРАЦЪ.

Лисица и ярацъ жедни сиђу у едань бунарь ити. А кадсе напїю онда ярацъ обзирућисе рече, щоћемо садъ? Какоћесе ово изићи? е о томъ се ти старашь! небринисе одговори лисица: само ти слушай мене, пакъ се небой. Стани управь подупревши прећне ноге кь зиду, сагни главу и наклони рогове спредъ. Ярацъ на све готовь, учини щомусе рече: онда лисица, попевшимусе на леђа и рогове изскочи на полѣ, и скачућиоко бунара почнесе ругати ярцу, и колико више ови вище и псуе наричућиэ лукаву вѣроломницу, толикомусе она више смїе говорећи. Мой ярче! да ти имашь толико мозка колико браде, ти небиниподо сашао у бунаръ, пре негоби добро знао, какоћешь изићи.

Наравоученїе.

Σκόπει τὸ τέλος! Смáтрай последакь! Ово э пре мудри совѣтъ. У две речи велику науку содержава. Немой нища починяти ни предузимати пре него

го довольно не разсудишь и добро не сазнашь какавће чему последакъ бити. Последакъ, не само овога привременнога скоротекућега и кратькога времена живота, но и саме безконечнопростирућесе вѣчности. Не реци ништа, чесасе можешь после застидити; не учини ништа о чемъ се можешь раскаяваши. Ῥίψας λόγον τὶς ἐκ ἀναιρεῖται πάλιν Бацили речь ко не поврати э опетъ: да самъ знала, вели, небисе удала. И кобисе шоме надао? Ово со сваки дань чуе, а мало ко паметнїи бива. Проклетъ часъ кадсамъ шо рекао! да самъ вратъ сломїо кадсамъ на шай путъ пошао! Ево како млоге чуемо да говоре! А защо? Само за шо, що сами нису кадри били разсудиши, а паметнїе одъ себе ништу хошели пишаши ни слушаши. Упамтимо дакле мудрога їисуса Сираха речи. Помишляй последняя твоя, и вовѣки несогрѣшиши. Ове стихе упамтїосамъ изъ детинства одъ некудъ, лепису, нека и придодамъ овде. Чтолибо дѣемъ зло или благо, многоцѣнноли или зѣло драго. Вся дѣла наша добра и лукава, всѣмъ будушъ Явна не молчишь бо Слава.

32.

ЛИСИЦА ЛАКОМА.

Лисица упази у колиби чобанской сирЪ млеко и месо, провучесе крозь тесно оканце и такосе на-ждере да после сь пунимЪ трбуомЪ нипошто немогаше извуhисе. Яо ниой и помагаи! шоhе садЪ, види э друга лисица, и совhтуеиой да чека ту докЪйой спадне трбу. Да ако доhоше, пастири са пси? - - - Яо! Ако они доhу знашЪ шоhе ти бити! шо ме питашь? и ова э басна подобна предидуhей, но притому приписуесе и ономЪ кои се на туhе лакоми.

33.

ДВА ПСА.

Едань човекЪ имао два Пса, еднога одь ни научи ловити, а другога пренебреже дома. А кадЪ би било до эла, еднакоби дава обоима сти. Онда ловацЪ почне укораваши и жалитисе на другога пса говорећи, шо э башь наопако! Ясе мучимЪ и ловимЪ, а ти смрдишЪ дома, а кадЪ доће до эла, онда та мени, та теби! мучи браше, одговориму други пасЪ. Не говори само у вhтарь! я шоме ни мало нисамЪ кривь. Него нашь господарЪ, кои ме нїе научїо трудитисе, него сЪ туhимЪ трудомЪ ранитисе.

Нравоученїе.

Ликургъ Лакедемонски законодавацъ, хотећи своимъ граћаномъ да да познати какову силу воспитанїе имаде, не само надъ людма но и надъ скотови, узме два кучета одъ едне феле за едно одъ едне кучке окоћена: Пакъ едно научи ловити зецове а друго ништа него ждерати и лежати. Сазове едномъ све граждане у едну велику салу, гди да поставити чанакъ меса и пустити едногъ зеца: заповеди пустити и два речена пса у салу, онда ловацъ полети за зецомъ и необзирућисе на месо, а други склопинамсе надъ чанакъ не марећи да э ту хїляду зецова. Видите браћо моя, два Пса еднога рода и заедно окоћена, но какову различностъ међу нима воспитанїе узрокуе! Неучимо дакле децу нашу из малена мекости сластолюбїю и лѣности, но мужеству воздержанїю и прудолюбїю. Свему э свету познато каквису людиЛакедемоняни били доксу међу нима ликургови закони цветали. Совѣтуе едань премудри инглезъ (лордъ чистерфилдъ) свогъ деветогодишнѣга сина говорећи, чини ми све що я оћу докъ ти буде осамнаестъ година, а по томъ за всегда я писе обећавамъ да ћу чинити све що ти будешъ хотео. Младићъ коисе паметно влада до осамнаестъ година, после тога свеће боли и немешнїи бити. А кои се доцле размази и поквари, чудо велико акосе и када поболша. Разве акое одвећъ одъ природе добра срца. Юностъ (вели премудри халлеръ у своему алберту) даесе ласно савїяти кудъ э мудро воспитанїе управля, нѣйзина иоще чиста душа прима, съ подобною готовостїу, любовъ къ добродѣтели и къ истини *καὶ πάνυ ἀγαθὴ γὴ ἀμελληθεῖσα χερσέυεται* и весма блага земля пренебрежена дивячи. Говори Плутархъ. Мужественни и храбри народи безъ воспитанїя и науке щасу? щалиби могли бити? Али коће ово едномъ народу или обществу дати? Нико него ниови управители и поглавари. А кадъ

ћо

ће они то дати? онда кадъ сами буду учени разумни, отечеству прави доброжелатели, и не само речма но дѣломъ благодѣтели и вѣрни служители. А докъ они такови небуду шаће бити? Све овакове речи и наравоученїя биће у вѣтаръ.

34.

ПСИ.

Гладни Пси упазе у рѣки коже, одъ табакчїя ту метнуте дасе киселе, ради бїяу ести и, но немогући за дублину воде къ нима приступити договоресе да пре испїю воду, а потомъ да изеду коже, и тако пукну пїюћи пре него до кожа доћу. Stultum conſilium non modo effectu caret, ſed ad perniciem quoque mortales devocat. Будаласти совѣтъ не само дѣиспвїя лишавасе, но и у Погибелъ люде привлачи.

35.

ПАСЪ И КУРЯКЪ.

Пасъ спаваше у едну летню ноћь предъ авлїомъ, доће курякъ и хоћяшега изести: а ови му почне говорити да садъ у нѣга не дира еръ э одвећь мршавь, каже му даће сутра свадба бити у кући да-

ћесе

ћесе онь тако нарaнити даће одеблятти: доћи, рече му после четири дна пакьћешь баремъ имати ща изести. КурякЪ вѣруе и оде, а кадЪ у уречено време доће, нема пса на полю, зовега ови крозь прошће опоминюћига о уговору. Кадь ме други путЪ наћешь предЪ авлїомЪ, одговори му ПасЪ не чекай свадбе. ОдЪ напасти и зла валя да човекЪ гледа, како може, дасе избави и курталише.

36.

ПАСЪ КАСАПКИ И КУРЯКЪ.

Псу касапскомЪ досадисе све у едномЪ месту живити, и зажелимусе и далѣ кудЪ поћи, и видити щосе и по осталомЪ широкомЪ свету ради. Украдесе едно вече одЪ куће, стане путовати и доће ноћу у едну велику шуму. У призорю срећнега едань мршавь курякЪ: да удари на нѣга; несме видећига велика и здрава, намисли дакле снимЪ познанство учинити, поздравига и упита далеколїэ наканѣнь? Овиму каже свое намѣренїе. Е мой брайко! одговори му курякЪ. Нико више не путуе одь мене, пакь ме видишь какавсамти, нудерь послушай ти мое речи, я ти задаемЪ мою курячку вѣру, да посвету

вету одити що э истомЪ дангубица. Немати болѣгЪ света, одь онога, гдїэ коме пунь трбу. да ти оћешь мене упутити, гди я могу тако одебљати као ти, тамо би я ишао. Увѣрисе пасЪ, и толико више, що мусе почело било већь и гладнити, и одговори куряку; добро, кадЪ э тако, а ти айде самиомЪ, ћути наћи господара у нашемЪ селу коиће добро ранити, само да му у ноћи одЪ лупежа кућу чувашь. Никому э, одЪ мене неће болѣ чувати, одговори курякЪ, и тако поћу. При освитку упази курякЪ да э псу огулѣнь врать, питага ща то значи? - - Ница, непитай. - - Та кажи истомЪ нега знамЪ, сващо э добро знати- - - - Преко дань вежуме ланцемЪ за врать а об ноћь пущаюме слободна. Ща то рече ћањь? ландемЪ за врать? Дакле на часть ти твоя господска рана, я се томе нисамЪ научїо.

Наравоученїе.

Коби радь у едномЪ обществу що добро уживати потреба му э и свое дужности прилѣжно и вѣрно исполнявати. ЧовекЪ нїе као курякЪ за самоћу одЪ Бога сотворень. Една рука безь друге зло спои, а безь прстїю обадве иощь горе. Благополучїе общества состоисе у единодушномь свакога свои дужности исполнѣнїю; и колико ко више одЪ общества прима и ужива толикосу веће и важнїе нѣгове дужности. Курякь би хотео дага други рани, нѣгова курячка память доћле достиже да э добра сиварь пунь трбу, али му ланацЪ нїе по ћуди. О

шућой

шњой муки умепи живити то э врло ласно, ни-
пи изискуе млого памепи и науке. Кажу фїлиппу
македонскомъ цару да се наоди едань човекъ кои еде
за шеспорицу, А можели онь и радити за шеспо-
рицу! упита царь, а кадъ чуе да онь ради за едно-
га; наполъ из царства нїедну вѣру, и акосе и гди
опешъ появи дањуга обесити, таковиби люди у
пропастилм землю. Нїе худъ ки шри погаче изеде,
него онай кои му и да. Давно се чипа у цркви,
комесе даде млого, млогоњесе и искапи одъ нѣга.
Алъ се э шо до садъ разумѣвало дањесе само на дру-
гомъ свепу искапи, пакъ сусе млоги при томъ
есапу добро наодили, њушећи мислилису у себи некъ
э нами добро овде а одунудьсе иоще нико нїе до-
шао шужити да муе зло. Но и томе се већь люди
домислише, пакъ починю башь и овде изискиваши.
млого одъ онога комесе дае млого. Ко оће дага зо-
ву свепи, или некъ э прави свепацъ или некь не
муши. Ко носи пречесшно опеческо ИМЕ на себи,
нека покаэуе любовь и полоченїе опеческо о чадамъ
своимъ. Кадь се за малу плаћу пристойна изискуе
служба за велику праведное изискиваши велику.
Ово напоминѣмъ юносши нашей, на власпишо оной
коясе воспишава на службу общества, буди црко-
вну или грађанску, некъ се играна починѣ упозна-
ваши съ дужностима своима. Кое свакому чест-
ному човеку и правому патрїошу мораю биши не-
рушиме и свепе: и нека не мисли као неки свеще-
никъ съ граова у босни; когасу пипали зашо Апо-
столъ Павелъ вели ко жели Епїскопства добро дѣло
жели? А онь одговори. Како нїе добро дѣло, кадъ
яше на апу како испи паша?

37.

ПАСЪ И НѢГОВА СѢНЬ.

Пасъ носећи парче меса пролазаше покрай едне Рѣке, улази у рѣци сѣнь свою и помисли да э то други Пасъ съ месомъ, учинимусе они комать млого већи, залетисе дага угради, упусти свои комать те му га однесе вода, пакь остане чудећисе како у едань ма оба комада пропадоше.

Наравоученїе.

Non ſi vede quel che ſi poſſiede, per che ſi mira quel che ſi brama. Невидисе оно щосе има, защосе гледа оно щосе жели. Мудра натура учинила э чловека да съ малимъ може бити задоволянь; и кое памећань да у овомъ естеству слѣдуе, може лясно благополучань бити. А лакомство принуждава све то више желити, и привлачи люде къ неправди и къ несрећи. О дами э ищь то! Ищъ оно! Пакъовомъ, о дами э! нейма ни края ни конца. Подобно э врућичини, у коей колико више ко пїе, толикомусе већма распалюе жећа. Пощено стећи и памећно уживати: себи, и другима добро творити ово э добродѣтелъ. Болѣ э и туђину моћи дати, него ли иодъ свога изгледати и просити, ово э такова истина да иой нико неможе противословити. Но на туће лакомитисе, богатїимъ завидити, съ неправдомъ добивати, одъ себе и одъ свои безь нужде щедити, и у всегдашњемъ безьпокойству живити, ово э злоба коясе овде похуждава, и ово се зове сребролюбїе кое може бити у малому какогодъ и у многому, у сиромау како и у богату.

38.

ПАСЬ ЛАВЬ И ЛИСИЦА.

Ловски Пась види из далека лава, и потрчи за нимЪ, лавь се окрене, стане пакЪ рикне, пасЪ се уплаши и побѣгне натрагЪ. Лисица то видећи рече псу, посмеяваюћимусе. Е луда главо, лава-лисе ти усућуеть гонити, коега ни самога гласа не можешь поднети! кобисе надао да онь-тако риче одговори, осрамоћень ПасЪ. Ова насЪ басна учи, да пре валя познати снагу наши противо-бораца, а по томЪ изабрати способань начинь какоћемосе на ни ополчити.

39.

МАГАРАЦЬ И НѢГОВЬ ГОСПОДАРЪ.

Магарацъ гледаше сЪ завидливимЪ очима да нѣговь господарЪ толико миловаше едно свое мало пашче, мислећи у себи, ясе толико мучимЪ воду и дрва носећи, пакЪ едва толико ми даю эсти да одЪ глади не погинемЪ, а она погань мала са своимЪ улагиванѣмЪ толико добра ужива. Некъдерсе и я почнемЪ улагивати, небили що болѣ било. Како упази едномЪ, свога господара предЪ кућомЪ на столици у ладу заспата, привучесе лага-

лагано, наслониму главу на раме кодЪ уа пакь за тегне коликомугодЪ грло може Хиаа! Хиаа! тр-тне се ови викне слуге, спопадну сви, кои мотку а кои айдамакЪ и измажу здраво нашега пояча. Кога кь чему природа нїе створила, некасе у оно не пача.

40.

МАГАРАЦЪ КОИ ПРОМЕНЮЕ ГОСПОДАРЕ.

Магарацъ служаше у едногъ башчована, и видећимусе ту одвећь тешко зажели променити госу. Овига прода едномЪ циглару, гди непрестанно носећи землю и цигле, и неимаюћи такове зелени као при башчовану, иощЪ више о промени почне молити. Цигларь га прода Табакчїи, при коему носећи коже на воду, дома и на вашарь, рекне самЪ себи, садЪ самЪ дошао онде гди ми надлежи! Овай прави коже, онь ће и мою скоро начинити. Кое принућень служити нека не меня често господаре. И комЪ э добро на едномЪ мѣсту некага добро чува. Ко нейма друге вредности, него товарь носити нѣму э кодь башчована найболѣ.

41.

МАГАРАЦЪ И КОНЬ ОФИЦИРСКИ

Магарацъ гледаюћи официрскога коня, како га добро ране и служе ублажавашега; наричућига у добарЪ часЪ роћенимЪ, будући да о маломь труду толико добра уживаше. А себе са свимЪ злосрећна вменяваше, ибо при толикомЪ товареню и муци, ни плеве до изобилїя нема. Доће време на бойску поћи, падне конь убїень: видига магарацЪ гди лежи савь у крви. О! о! рекне, заполи тебе онако господски раняу! Я самсе дакле у добри часЪ родїо, а не ти.

Нарапоученїе.

Врло разумно и справедливо говори славни латински стихотворацЪ Виргилїи o fortunatos nimium ſua ſi bona norint agricolas! Срећнибисе землЂдЂлци. звали, своя добра кадби познавали! А навластито кадь живу подЪ мудримЪ и законнимЪ правлЂнїемЪ, гдисе небое насилїя и неправде. Кадсу разумни и прилЂжни домаћини да имаду свое потребе. Едно просто эло нима э и слаће и здравїе него богатимЪ десетЪ. Спрасти, попечения, гордостЪ, завистЪ, ревностЪ, славолюбїе, кое раздиру срца и душе велики фамилїя нимасу са свимЪ непознапе ствари. Колико више замлЂдЂлацЪ дЂце има толико э богатїи. ЕднимЪ словомЪ, акое само трудолюбивЪ, памешаив и пощенЪ, онЪ э блажень човекЪ на земли-

42.

МАГАРАЦЪ ВРАНА И ОВЧАРЬ.

Магарацъ съ ранѣнимЪ леѣма пасаше на ливади међу овцами, долетиму Врана на леѣа и почнему клюцати рану. Магарацъ се стане бацати ногами, бѣжати по ливади и дречати: ОвчарЪ немогаше то гледати без великогЪ смея. КурякЪ одЪ некуда на то сматраюћи рекне. О ядни ми куряци, несрећнилисмопи на свету! врана му еде живо магаре а онь се смеэ, а насЪ како одЪ далека упази, станега Вика као дасе помами.

Нарапоученїе.

Некесу ствари саме по себи тако смешне да и невесео мора имсе смеяти. Видити пїяна какосе юначи да управь иде, а посрће, свакЪ се томе смеэ, но стару и немоћну смеятисе що посрће, тоэ права худостЪ и знакЪ зла срца. На клизавици падне човекЪ, препаднесе, скочи на ноге, обзиресе гледаюћи есулига многи видли, и не само несрдисе акосе ко томе смеэ. Но и самсе себи смеэ како э пао и застидїосе: али кадЪ ко падне и поквари ногу илЪ разбїе главу, акоће и пїянь бити: ту већь нїе до смея, но до сожалѣнїя и помоћи. Грбаву, сакату и лишену ума смеятисе, то э знакЪ худа и неваляла воспитанїя. Шалитисе и просто смеяти, весма су различите вещи, одь руганя и посмеяванья: прве произходе одЪ добра и незлобива срца, а последнѣ изь зла и пакосна. Съ плачущими плакати тосмо дужни человѣчеству, а са смѣющимися не всегда смеятисе, кадсе они на зло другога смею. Оваковимъ СпасителЪ нашь вели. Горе вамЪ смеющимся.

щимся. Беззлобни смей знакъ э веселя. А кое достойнїи всегда веселимъ бити, одъ благонаравна и добросердечна чловека. Злашне и сладке речи! Веселися юносте въ юности твоей и ходи во всѣхъ Путехъ твоихъ безъ порока. онда управъ можешь рећи sine crimine lusi безъ грѣха самсе играла.

43.

МАГАРАЦЪ ИДОЛА НОСЕЋИ.

Магарацъ у дань Празника ношаше у Литїи идола, коему савь народъ кланяшесе као своме Богу. Магарацъ се помами одъ Гордости мислећи дасе то поштенѣ нѣму чини, пакъ почне скакати. Люди боећисе да онь не сбаци нїовога Бога; счепаю Папарице и почнутига и уздужь и попреко, докъ позна коэ, когали носи.

Наравоученїе.

Ко има велико достоинство на себи, не валя да себи дае онакове свободе, кое ни найнижнѣга реда людма непристое. Добарь и Памешань, на коликосе већа Достоинства возводи толико боли и памешнїи бива, а злу и луду подайму властъ пакъ нешта онда управъ познапи. Разумно наши стари веле, кадсе циганинь оцари обеси и своге Оца. А Инглезь вели, мени е мень клаимсъ онли ту шоо хисъ елеветедъ хиплнесъ. Млоги се пенѣ само да покаже свою узвишену маленостъ. И паки, епь исъ епь шоо хи би инь силкь. Маймунь э маймунь ако-

ће

ће бити и у свили. У Варварству и у Глупости, сва велика господа страшнасу и ужасна, а гди свеша мудростЪ и просвещенїе царствуе онде найвећа господа найболису люди. КадЪ цесарь по Аугаршену хода пакЪ чуешь малену децу да говоре овде да станемо овудаће ОНЬ проћи! Комсе неби то мѢсто Рай земни чинїо?

44.

МАГАРАЦЪ У ЛАВОВОИ КОЖИ.

Магарцу се досади товарь носити, наће негде лавову кожу замопасе у ню и поће плашити све що пред нѣьга изиће узнемири и распера сву пипому живопиню по полю. Скоче люди на оружїе пакЪ изиђу да виде коя э то беда! кожа Лавова! Али гласЪ Магарећь! А кадь упазе и Уши ондасе досете Лукавству, оставе оружїе а попадну коце и лесковце, обколе магарца скинуму лавову кожу пакЪ га науче памети.

Нарапоучећ.

Сада дасе ко попне на амвонЪ и да почне мирне и Пощене люде проклетству и анатеми предавати, акоби видли дамуе мозакь покварень бига метнули у оспиталЪ: аколиби пакЪ познали дасе онь у некакве коже облачи да плаши и узнемируе люде бига другочїе научили памети. ОдЪ превелике су ползе народу паметни учени и добродѢтелни свещеници, сма-

праюћи и, како мудре совѣтнике учителѣ и наставнике общества. Зато о воспитанїу и науци на то опредѣлени младића велико попеченїе треба имати. Ужасъ напада на човека читаюћи Исторїю и видећи колики э немирь и вражда међу люде уведена, неповинна и праведна крвь проливена, царства и кралѣвства пропала и одъ варвара опустошена била. На место небеске слоге и любови адска вражда мрзостъ и гонѣнїе међу люде уселилесе, из узрока немирни на амвону Глава. Оће велики царъ Петарь први да просвети и укрепи царство свое, а Патрїархь му неда. Виче и у Име Божїе заповѣда дасе наука неуводи. Неучень неможе Науку прпити, ерь зна да како Наука доћесва власть коя э на Суевѣрїю основана и утврћена даће пропасти. Бѣжи стрмоглавь предъ Сунцемъ Помрчина. Науку дакле Свещенству! Кадъ они буду учени и добродѣтелни савь ће народъ добарь бити и онда ћесе испуними Спасителѣво пророчество, Биће едно Стадо сви люди, и Едань Пастирь Богъ.

45.

МАГАРАЦЪ ПЕТАО И ЛАВЬ.

Магарацъ пасаше сь Петломъ у дружству кадь етоти одь некуда Лава. Петао по случаю кукурикне, на лава одъ природе ужасъ напада кадъ чуе Петла да поэ ужаснесе дакле и почне бѣжати. Магарацъ помисли да лавь одь нѣга бѣжи,

бѣжи, пустисе за нимъ и удалисе одъ петла; Онда лавь скочи на нѣга и даму познапи коэ лавь коли магарацъ.

Наравоученїе.

Ондасе ко найвећма осрамоти кадь себе забора-ви. Лавь одь природе боисе петлова пояня, нестидисе одъ тога и бѣжаши. Разумань човекъ, кадъ види, да едномъ разговору или послунїе вещъ, а онь слуша и смапра що други говоре и чине, и всегда се ползуе. А неразумань и неразсудань то не може. Кажу за некаква Ћака Самоука да га нико нїе могао надговорити. Тосе ласно може вѣровати, ерь коће луда надговорити; Реклису едномъ философу при пићу, що Ћупи? Рећићеду да нища незна. Башспе погодили! Одговори ови, при пићу ко найманъ зна, найвише говори. Смислень се стиди пачаписе у то, чему нїе вещъ: а несмисленусе велика срамота чини ако онь свуда свой носъ не увуче. Апелесъ славни живописацъ предлагаоэ народу свое Иконе и слушаоби мнѣнїе многихь о нима; доће Папучїя и кажему да би та Папуча, на ови начинь болѣ спаала, послуша Зограф и поправи Папучу, ондаписе онь понесе пакъ почне нещо и о ноги беседити: досша опвеща му Апелесъ: Папучїа некъ не иде далѣ одъ Папуче. Мегавизосъ, Персїйски Астрапь доће къ Апелесу гди ови изображаваше, слуге и оружїеносци нѣгови блиспаусе у злапу. Ученици Апелесови смапраху на Господина са удивлѣнїемъ, а кадъ ови почне разговараписе о живописспву, о коему нища незнаћаше, почну ученици хи хи хи. Неговори више о шомъ, пришапћему майсторъ, ерь видишь да шисе деца смею, а да знашь како говоришь и самь бисе себи смеяо.

64.

МАГАРАЦЪ И ЖАБЕ.

Магарацъ преносећи товарь дрва преко баре упаднe у блато, уздисаше и мучашесе дасе извуче: онда жабе почнумусе ругати говорећи, видишь даси рђа! А да стоишь овде всегда као ми щоби онда чинїо? Мучите будале, одговори магарацъ, зарь мислите гди э вами мѣсто, да ту свакомь мора бити.

Нарапоучењe.

Ниесе нимало чудити що нису сви люди еднога начина живота. Наипаче у овомесе види премудро расположенїе человѣческога рода, да се за различна званїя люди способни наоде, и свакояка склонѣнїа имаду. Ко нїе ковачъ чудисе како ковачи у лето на великой врућини у ковачници по ваздань лупаю. А онисе томе ни мало не чуде, и да то пако бива, то э велико добро за общество. Кадъ ми коминчїя чисти коминь у ютру, и у нѣму пѣва, радога слушамъ и видимъ онако црна и чађава, и драговолно дамъ му на напитакъ, размишляваюћи да э онь весма потребань у обществу. Ово, и овому подобно сваки разсуждаваюћи, друголюбно гледа на найнижнѣга художества и рукодѣлїя люде, и почишу э и, кадъ они пощено живу и своимъ праведнимъ трудомъ свой хлебь заслужую.

47.

КОНЬ И МАГАРЕ.

Конь и Магаре путоваху заедно: Бѣдно Магаре преко мѣре натоварено, почне подъ бременомъ изнемогавати, моли коня да му помогне и понесе неку частъ бремена, ерь иначе онь э готовь изданути. Конь горделивь, неће ништа да зна ни да чуэ; докъ магаре са свимъ не ослаби и падне мртво: онда нѣговь господаръ натовари на коня не само све бреме. него и магарчеву кожу. Садь ови позна но без времена и ползе даби за нѣга млого болѣ било да э послушао магаре и дамуэ помогао.

Напоученїе.

Праведанъ мужъ щеди душе скотова свои говори Пророкъ. Коби радь да га скотъ служи а неће да носи о нѣму могуће попеченїе безсловесніи э одъ скота. Ону исту живошиню кою колѣмо за рану нашу, валя э клапи колико се брже и лакше може да се за дуго не мучи. Коэ немилосшивь къ скоту немилосшивь ће бити и къ човеку само акомусе властъ надъ нимъ да. А кадъ човекъ има неке дужносши къ живошини, колико више мора имаши къ себи подобномъ словесномъ сшвореню? Човекъ, кои зна да э маловременань на овой земли, и кои има Поняшїе о Богу о Правди и о безсмершїу душе можели кадь биши немилосшивь и немилосердань? Оно що у овой басни мрзимо у безсловесномъ коню, како намсе мора чиниши у разумномъ човеку?

48.

КОНЬ И КОНЮШАРЬ.

Коню конюшарЪ зобь краћаше и продаваше а на мѣсто тога чешашега и праше на дань по двапутЪ. Ниткове! Речему конь, за луду ти мене толико тарешь, и око мене лажешь, кадЪ ти мени мою обичну зобь недаешь. Ово пристои онима, кои не исполняваю свое дужности пакЪ истомЪ мисле сь Лажи мажи другима очи да замажу. Честни и нѣжни човекЪ стидисе и свое искапи, а безобразни и παχύδερμος дебелокожни, и оно що э дужань, и що и може и мора дапи одлаже: сутра, по подне, мало почасЪ и тако све тера напредь. Чини мусе дасе толико вѣма господи колико мусе више иште. Дарь и Поклонь кадЪ си наумїо учинити не одлажи. bis bene facit qui cito facit. Двапуть добро чинико брзо чини.

49.

ЭЛЕНЬ.

Елень доће на рѣку пити, и ту гледаюћи свое рогове, фаляше и за величину и лепоту, а ноге чинећимусе одвећЪ танке весма похућаваще. Кадь ето-

етоти упази ловце са пси; Пустисе преко поля и остави и далеко за собомЪ: но улѣзши у густу Шуму ту мусе заплету рогови, и тако га стигну и убїю. Бѣдни я! издишући рекне, колико касно познаемЪ дасуми ноге одЪ рогова много болѣ биле!

•

Нарапоучепїе.

Коликосе варамо цѣнећи внѣшну тѣла лепоту, а душе и срца красоту, то естЪ, разумЪ и благе нарави за нища, или за мало држећи! Ово неразумно мнѣнїе навласпито женскому э полу щепино и погибелно; ибо оне по вишой часпи у лепоти сву цѣну свою и достоинство полажу. Да су многе неразумне за лепоту свою одЪ сами древнѣйши времена пропале и до данасЪ страдаю, томесе нїе толико чудити. Али кадЪ видимо многе премудре и добродѣшелне, да су, безЪ сваке свое кривице, за саму превелику красоту жалосни живота конаџЪ имале, како Лукреџїя, Виргинїя! и Кама галатска, и премноге друге, ово э права жалостЪ! Лепота э безЪ разума цвешЪ у блапу. А кадЪ ни жени не пристои у самой лепоти сву цѣну свою полагапи, мужескомЪ полу мора шо бипи са свимЪ срамотно.

50.

ЭЛЕНЬ.

Элень ћоравъ, придомислисе пасти покрай мора, здравимъ окомъ на суво окренутъ, одъ стране морске небоећисе ницца. Послучаю пролазећи туда рибари устрелега. Ай невѣрно море рече издишући, башь пили ме издаде одъ когасамсе я надао даћеме сачувати! никадъ нико не може знати одъ кудага бѣда и напастъ може наћи. Многократно избѣгнемо велика бѣдствованїа, а онде гди мислимо да смо у безъопасности, изненада и напрасно наће насъ неволя. Разумно э дакле всегда чуватисе.

51.

ЭЛЕНЬ И ВИНОГРАДЬ.

Элень бѣжећи одъ ловаца сакрїесе у зелень виноградъ. А кадъ проћу ловци онда онь почне чупати лишће и ести. Упазе ловци гдисе лоза нїа, приступе виде элена и убїюга. Праведно естрадамъ! Рекне ови савь у крви, Защо вређамъ лозу коя ме э сачувала? Никадъ никога не валя вређати, а за найвише оне, коису намъ кадъгодъ добро учинили и любовь показали.

51.

ЭЛЕНЬ И ЭЛЕНЬЧЕ.

Элена э пишало эленче. Бабо! Како то бива тиси много вѣки одЪ Пса, и гледай коликисути рогови, пакЪ зацо бѣжишь како чуешь Пса да лане? Псису синко кавгачїе. Отвеща спари, а я одЪ природе на кавгу мрзимЪ пакЪ се волимЪ укланяти. Срећань э човекЪ такова сложенїя, кои се ласно не разсрди, и кои може у време срдитости разсуждавати. Ко мрзи на кавгу и укланяесе, избѣжава и избавлявасе млогогЪ зла и немира у животу.

52.

МАЧАКЪ ДИВЇИ И ПЕТАО.

Дивїи МачакЪ уфати Петла и каже му да оће за то дага убїе що онь у ноћи виче и неда людма смиромЪ почивати. Мое э поянѣ людма у ноћи врло мило, одговори Петао, ерь по нѣму познаю кое э доба ноћи, и комЪ э потреба устае, а коме нїе онь спава спокойно. Виште петлови безь свакога закона, имаше више жена него турци, и нимало негледаше на сродство ни прїятелство. велиму мачакь. То э у нашемЪ закону допущено,

од·

одговори ови, и изпогасе нашимъ домаћиномъ млога я легу. Хо! немогусе я овде стобомъ ваздань инапити ерсамъ я гладань- кажему Мачакъ, удавига и изе. Зао човекь тражи узрокъ за учинити зло, а кадъ не може да наће а онь ипако чини що э наумїо.

54.

МАЧАКЪ И МИШЕВИ.

Мачакъ доће у едну стару кућу гдисе наоћяу млоги мишеви, почне ловити едногъ по едногъ. А кадъ виде мишеви маку напастъ, договоресе да не слазе више доле, но да одаю горе по гредами гди мачакъ неможе доћи. Онда се мачакъ учини мртавь и пружисе безь движенїа- Неправари, рекне му едань стари мишъ. Мѣшину одь твое коже давидимо неби къ ниойзи приступили, некамоли къ теби иоще неодерату! кадь едномъ совршено познамо лукавство и злоћу неки люди не валя имсе више увѣраваши башь акоћемои видити дасе осуше одъ поста и покаянїа, и щоно речъ, дасе живи посвеше.

55. ПЕ-

55.

ПЕТАО ПАСЪ И ЛИСИЦА.

Петао и Пасъ велики пуповалису скупа: омркну на Полю, и нађу велики Растъ шупалъ, петаосе попне на гране, а Пасъ легне у шуплину за преноћити ту. У ноћи петао по своимъ обичаю запое, лисица чуе и притрчи ту. Но видећига на висини, кажему 'де э она одъ старине имала велико пријателство съ нѣговимъ родомъ, и даби рада и съ нимъ загрлитисе и поцѣловати. Ясамъ томе врло радъ, дражайшая лисице. Одговори Петао. Но уђидеръ у Шуплину и пробуди вратара мога. Уђе ова, хée ко ту спава? Викне. Скочи Пасъ на ню, счепа э за грклянь и учини конацъ пријателству. кадъ годъ ко сь лукавимъ и злимъ има що распачавати нека гледа дага замрси иоцъ сь кимъ коига э кадаръ, научити памети: А докъ се ко види слабїи подь свога противоборца, некъ се снимъ не фата за перчинь.

56.

ПЕТЛОВИ И ПРЕПЕЛИЦА.

Неко имаћаше два Петла, пакъ купи и препелицу припитомлѣну и пусти ю међу ни. Ови э почну клюцати и терати кои сь едне кои съ друге

те стране. Бѣдна Препелица сакрїесе негде и почне оплакивати злосчастїе свое, кое э довело туђу међу туће, гди э немогу трпити. А кадЪ мало почасЪ упази и петлове гдисе почиу драти и туђи, утѣшисе, говорећи. Међерсу ови зли и проклети, кои и сами себи очи ваду.

Нарапоученїе.

Некое неуздамо даћемо и када мира и покоя съ онима моћи имати, кои између себе нису кадри у миру и слоги живити. Коће се у оне люде поуздати кои живу съ сродни свои у мрзости вражди и неслоги. Кои се између себе не любе и непочитую, худосе уздаю даћеду и други или любити или почитовати. Зла э Птица коя свое гнездо скврнави! Разумань и вредань човекЪ кадь мисли гди међу странне дасе намести, онь найпре ище да сазна, како они люди међу собомЪ живу? У цѣлой Албанїи нећешь учена човека наћи, защо ту сва мудростЪ и достоинство у пушки и анчару стои. ЗемлѢ прекрасне! люди здрави храбри и природно хитри и остроумни, но коя полза, кадсу имЪ сва ова Прекрасна дарованїя естества изь детинства на зло окренута и упућена? Тешко ту ономЪ кое мирань и добарь! Сваки часЪ, мора сваки готовь биши убити, ако нїе радЪ убїень биши. Отети, упалити туђа села, разграбити, убивати тосу нїови всегдашни и наймудрїи разговори. Мѣста великолѣпна, щоно речЪ, Раю подобна, а унима люди дивїи зверови. Гди э найвећа свобода ту э найгоре смущенїе, ерь э свобода безь мудри Закона и Правлѣнїя Дивя и зверска. Варвари варваре и неучени неучене никадЪ нису у добарЪ Поредакъ довели и поставили, ћесе просвещень Владѣтель и силни Закони.

57.

ПЕТАО ЛИСИЦА И КОШКЕ.

У отсутствїу Петла, види лисица многе кокоши у едной Авлїи, и несмеюћи ту на ни удариши каже имЪ крозь плотЪ, да э мирь учинћнь, мећу своМЪ живопиниомь, и дасе одь садЪ неимаю бояти кокоши лисица, да могу слободно по Полю шетати. Радо и весело оне чую то, и поћу, кадЪ етоти петла, питаи далеколи мисле, кажу му ове све щосу чуле. Видишь дастелуде, праве кокошке безь мозка! Кое икада до данасЪ чуо даће лисица що добро казати кокошкама?

Наравоученїе.

Τῶν κακῶν καὶ πονηρῶν κακίσαι εἰσὶν αἱ συμβουλαὶ

злихь и лукавихь злЪйши: есу совЪти: учени и разумни неће ми за Педантичество (гордость о науки) примити, що ови совЪтЪ често пофторавамЪ. СвимЪ намь э познато да у неке погрешке повседневно падамо, чрезь ни страдамо, и опетЪ се одь ни доволно неможемо сачуваши. А то есть: СовЪть и увЪщанїе лукави и користолюбиви люди. Много пута добри човекь и любезни прїяшелЪ може намЪ изь незнаня недобарЪ совЪть даши, о оваковЪ се овде неговори: нЪму нїе за зло примити; онь ниши э мислїо, ниши э имао намЪренїе да насЪ превари: но самЪ у превари будући, сЪ найболимЪ своимЪ срцемЪ и намЪренїемЪ мораонасЪ э превариши. Овде се говори за оне, кои за свою користЪ, за лукаву що зову полїшику, изь злобе и лукавства, сЪ намЪренїемЪ и са знанЪмЪ даю намЪ шаке науке

и совѣше какоћеду насъ лакше кудъ они оћеду за носъ вући. А да какоћемо и познати? Имаймо само естествени здрави разумъ, пакъћемо и ласно сазнати. Разсудимо каквису люди кои насъ совѣтую, есули добри, есули разумни, и есули у животу своме показали такова дѣла да любе ближнѣга свога како себе. И акосу такови, у добримсмо рукама, увѣраваймосеимъ безъ сумнѣнїя. Аколи и познаемо за двоструке, фалишне, користолюбиве, чуваймоисе колико више можемо. Аколи пакъ не познаемо ни нїову доброту ни злоћу, ни разумъ ни неразумїе, остае намъ да изслѣдимо нїова намѣренїя, и дасе известимо зашто намъ они таки совѣтъ даю а не другоячи? здрави Разумъ и Проницателно разсужденїе благородни э и прекрасни даръ Божїи, о коемусмо дужни докъсмогодъ живи старатисе у совершенствога доводити, и безъ нѣга ништи мислити що ни створити,

58.

ЖАБЕ ПАНЪ И "ѴДРА.

Жабе живяу у едномъ риту у непрестанномъ несогласїу и междоусобной кавги, почну желити себи поглавара кои би и у добарь поредакъ поставїо. Падне послучаю едань велики Пань у ритъ; онда се оне уплаше, и спану за неко време мировати: но видећи потомъ дасе Пань не миче, почну опетъ зло живити. Тада имсе пошлѣ "Ѵдра коя и начне фатати и прождирати, одъ тога времена жабе мирую и до данасъ, и свако вече се совѣтую, но кадсе го-

дь

дь совѣтую све говоре а нїедна не слуша, много говоре а ниша нетворе и зато одь ниова совѣта ниша се добро не раћа.

Наравоученїе.

Жабе овде представляю такове народе кои безь науке и добри Закона живу у смущенїю. Пань значи лѣниве Поглаваре кои леже као нечувствени, нишису кадри що добро учинити. "Удра се приуподоблява мучителю кои смири люде, али имъ самъ зло твори. Учи насъ ова басна дакле. Да родъ человечески неможе благополучань бити ниши убезначалству и пустомъ самовольству. Ниши пакъ подъ владѣтелѣмъ лѣнивимъ кои за свое поддане ништи мари ништъ се спара. Ништи на конацъ, подь мучителѣмъ кои и само прождире. Оћесе дакле Царь! Но Царь просвещень, трудолюбивь, праведань, человѣколюбиви Отацъ, просветителъ, и премудри законодавецъ народа свога. Счастливь Народь коему милостиво Небо такового Владѣтеля пошлѣ! но тада з управь Счастливь и достоянь имати га хадъ га люби како *Оца*, радо слуша и повинуемусе.

59.

ДВЕ ЖАБЕ.

Две жабе пребиваху у едной барици, а кадьимьсе ова у лето осуши, поћу далѣ тражити воду: нађу едань дубокъ Бунарь, онда млада жаба

рекне старой. О прекрасне воде! айде да скочимо унутра. Можемо ласно скочити доле, одговори стара, али акосе и ова вода осуши, оћемо-ли моћи наполѣ изскочити? Одавде свакъ себи може ласно наравоученїе вообразити, сиречь. Да ницца не починѣ пре него добро размисли и позна какоће докончати.

60.

ДВЕ ЖАБЕ.

Две жабе обитаваху наблизо у комшилуку една при путу у плиткой, а друга подалѣ у дубокой бари. Ова често совѣтоваше ону другу дасе премѣсти кь нйози; представляюћиой да э безбѣднїе за жабе у дублїой бари живити, и далѣ одь пута кудъ сваки непролази. Ова иой одговори, да она и сама зна да э то тако, али за луду, кадсе э тако привикла на томе мѣсту, дага ни поццо промѣнити неможе. Тоиоцце говорећи, кадь етоти кола проћу туда, погазе э и сапру.

Нарапоученїе.

Мисмо люди подобни птицама кое се све у едпакимъ мрежама фатаю и опетъ неће дасе чуваю. Одъ исти погрешака одь коису не само наши стари страдали, но и ми, богъ зна коликосмо пути

пути чрезь ни злопатили, иопетъ нећемо даисе чувамо. Прасету одрежи репь и уши у лубеница, некъ оно супра само место наће кудьћесе провући опетћешга ти онде наћи. Но птичице и прасе безь разумасу нїеимсе чудити, али ми съ разумомъ будући, правоби бихо дасмо много памешнїи. Но *НАУКА Э ЗЛА МУКА*! и млого гора него ко мисли! Чемусмо привикли и щосмо изь дѣтинства научили, то и тако оћемо да буде и да остане акоће светъ пропасти и ми снимъ. Video meliora proboque, deteriora sequor Видимъ щое болѣ и припознаемъ а за горимъ идемъ, вели бѣдна Медеа, Такову ужасну силу има надъ човекомъ наука и обичаи. Мисе чудимо другима, що неће дасе освесте, а они са свое стране немогу дасе доволно начуде нами, а себи неће нико дасе чуди. Какосе гди састанемо другима кукулѣ кроимо, свакоме ману наодимо и парчета коекаква пришивамо, и що нѣму нїе ни наумъ пало шо смо ми кадри измислити, а самисмо себи чисти и непорочни коликъ дасмо данасъ одь майке роћени. А да кадъ смо таки, защо се ово говори? За милу дечицу, и за непорочну и беззлобну юностъ! Сваки Родитель природно жели и настои да нѣгова мила чада и вреднїя и боля и памешнїа одъ нѣга буду. Нима то неможе завидити ибо свето естество то неда. Ми већь стари, сами себе неможемо тако ласно поболшати, како можемо нашу децу. Ова, коя иощъ нису сасвимъ навикла на злуни добру, у наиспособнїемъ су времену кадъ на зло, на лукавство на неправду и на сваку будалащину могу омрзнути, а свакоме добру привикнути. Акосе из дѣтинства не отрую съ зли обичаи, него акосе упое и напуне съ благонаравїемъ, съ любовїю къ пощеню къ истини и къ свакой благородной добродѣтели; благо нима! такиће за всегда остати, и породъ ће иощъ боли по себи оставити! А благоће предъ Богомъ и онимъ Родителѣмъ бити, коисе о томъ постараю и потруде да нїови унуци и унука унуци боли памешнїи, слѣдовашелно и бла-

гополучнїи постану и буду. Ибо истинито и право Благополучїе изъ просвещенїя ума и добродѣтели раћасе и произходи, Ево како мудруе сврхъ тога найпросвещенїи у Европи народъ (Некь мисе дозволи нїовимъ эзикомъ казати) хи дѳатъ комюникетсъ струѳъ уиѳь соксесъ мостъ би номбердъ емангъ дѳе ферстъ бенифектерсъ аф менкайндъ. Они кои спрїобщава истину съ успѣхомъ, мора бити причисљѣнь међу прве благодѣтелѣ человѣческога рода. блажень народъ гдисе ово мисли и вѣруе. Обичаймо дакле Юностъ на добро, одъ тога све зависи.

61.

МУА.

Муа упадне у лонацъ съ масномъ чорбомъ тусе здраво нарани, хотећи по томъ да изиће неможе, ерь йой угрезну ноге, почне маати съ крили помочесе и крила, коликосе већма она копрца дасе извуче, све то већма види да тоне. Тада почне сама себи говорити. Аласамъ ядна несрећна на овомъ свету. Кадъ самсе найболѣ у животу наела напила окупала и насладила, башли онда моромъ погинути?

Нарапоученїе.

Живо изображенїе сластолюбиви люди. Како имсе мучно распати одъ свои сласти! Неспоминю нимало оно щосу уживали, но жале и туже

за

за онимъ що остављаю. Кадъ помисле щага имъ э вина у подруму, пуне клепе меда и масла и суве крмепине, шолики Теоци и Яганци що иощъ неизедени остаю! ко шо живъ прегорепи може? Они дукапи! одъ кои, ни зраци божїегъ сунцанису имъ већма очи просвещавали, ни срце услаждавали: А оне иляде раздапе комъ у заямъ коме на инпересъ! све ли шо мора остапи? О свету! Такали э нашеби правица? Башли онда моромъ скончаписе кадь наиболѣ мога поживлѣши. Лекаре зовите! плаћайте некое по сви црква бденїя и молитве шворе, Богъ и Свеци за новце чудеса чине! Щоћу надруги свепъ гди ниписе эде ни пїе. И шако одвећь сластима предапъ човекъ радъ би као метусалъ живипи само дасе више наслади. Разумань се рани да живи, а безумань би радь живипи само дасе рани и гои. Богапство аще течетъ не прилагайте срца. Блажень э само они богапъ кои обществу добро швори и после себе лепо име осшавля. А безь шога ево щому вели Евангелїе. Безумне у ову ноћь ћеду душу швою одъ шебе искапи! А щоси сабрао кому будетъ? Осшаће деци? Сину глупому не помощъ Богапспва Аще некупитъ мудросши изрядспва. Богапаси сина осшавїо кадь сига разумна и добра осшавїо.

62.

ДВА МИША.

Мишь граћанинь поће на село, посетити другога миша свога приятеля. Овига радо дочека у еднои сенюшници, изнесему и предложи щогодъ найболѣ има, Ораа, Лешника суви дивячица и

комадиħь окорела сира, щое онь за празникЪ щедїо. Све э то граħанину ништа. Канисе оħели неħели, нħгови господски зуби нису томе научени, закуси що, аль неможе да прогута. Е мой убоги прїяче (машуħи главомЪ) почне селянину говорити. Толїе ваша на селу рана! та оди браше у Градь акоси радЪ знати ща э животЪ. Ови готовь, поħу, кь вечеру стигну. Уведе граħанинь свога госта у подрумЪ богата домаħина гди онь живляше, тусу шунке, сирь пармезань и свакояка печеня за вечеру оставлħна. Чудисе селянинь, и своимЪ очима невħруе. КадЪ етоти домаħина сь лова, загрьми авлїя одЪ лупе коня и лаяня паса, ужаснесе гостЪ бħжи по бучаци, невещЪ мħсту незна гдиħесе сакрити: едвага утиши други говореħиму то э ништа, небойсе! почну нещо окушати, кадЪ етоти у подрумЪ слуге, слушкинħ, кадь по печенħ а кадЪ по що друго, а мишеви сваки часЪ бħже стрмоглавице кудЪ кои може. Почне сирома селянинь заклинятии граħанина дага изведе изь града говореħиму. фалати браше и аратосЪ на господству сЪ толикимЪ немиромЪ.

Наравоученїе.

Beatus ille qui procul negotiis ut prisca gens mortalium paterna rura bobus exercet ſuis. Блажень онай кои далеко одЪ метежа, на подобїе првогЪ рода люди, оца свога ниве сЪ свои оре волови! Да э и ко други на све-

свету ово рекао небимусе тако вѣровало, како високосладкопоющему Ораџїю. Онь, любезникъ Августа Цесара, срце и душа МЕЦЕНЕ Августова првога министра. Онь! Кои да э хотео могаоэ всегда съ Августомъ живити и соцарспивовати, не само овако э говорїо, него ови испи живота начинь за себе э избрао. Валя овде примѣтити, да често они кои нису богати, богате осуждаваю, како и ружне, наодећи лепшима одъ ни, коекакве пороке о ниовомъсе трошку смею, они кои нису у каквомъ званїу и достоинству, съ великимъ проницателствомъ изтражую и наоде коенибудъ у господи недоспатке, даи могу само съ едне или съ друге стране понизити и къ себи (акое икако могуће) ближе привући. Зашо добро погађа неки їталїань говорећи, non è bella che detesti una brutta. Нема лепе коя мрзи на ружну. Защо свака завиди лепшой одъ себе, Но едань кои пише и жели поправити нарави людске са свимъ валя да э чистъ одь овога порока коисераћа изь зависти. Зашо надлежи добро знати да Богатство Властъ и Господство прекраснесу вещи, у ономъ паметномъ и добродѣтелномъ мужу кои и употреблява како на свою, тако и на свога отечества ползу. А у ономе се опорочаваю и осућую кои и има само да се више мучи. А съ друге стране, Оне селяне нашь Ораџїи ублажава коису трудолюбиви и паметни, коихъ су чисте кућице у коима живу и судови изь кои се ране. Живити заедно съ говечетомъ исъ крмчетомъ съ кокошкама и съ патками, овое скотски а не людски. У свакомъ состоянїю люди, потребно э разпознавати и раздељяваги разумна одъ неразумна, вредна и пощена селянина одъ женщине и здрава чипава безь нужде просяка. Ко ово различїе нїе кадарь учинити, онь меша добро са злимъ, и превраћа естества редь, изь щасе нища добро неможе родити. Ово разположенїе вещи свакоме э нужно, а за найвише оному кои за многе пише. Тешко ономъ коме реку врачу исцѣли себе, и учителю научи найпре себе.

бе. Слепацъ слепца кадъ води, щоће имъ бити, може свакъ лясно погодити. Али валя и ученоме ѓди щоопростити. Ерь э самъ господинь Богь на Карару! Вели Карамуспафьага. И Право има.

63.

МИШИЋЬ И МИШИЦА.

Мишићь кадь прирасти и почне изь рупе изтркивати упази први путь у животу Мачка. Пита мишицу каквя э то сатварь? непитай мой синко! зла и опака! Зовесе мачакъ. Само то добро упамти, да кадъ га годъ видишь у кући не излази изь рупе да те чудо не наће. *Мачахъ Мамо!* Та и име му э страшно. А гледайга како смиромъ стои, никоме се и невещъ нечини, само се лиже и глади. Невѣруй му велимъ ти дати злоютро не доће, и кадь се онь найневещїи чини ондагасе найвећма чувай! Луди мишићь неможе да мирує, извируе, провируе, радбига болѣ видити, кадъ га види одъ яме окренута промолисе, иощъ малчицо ближе дага болѣ видимъ, пафь мачакь съ шапомъ. Щи! Щи! Щиу! Ха Щию! велиму мати: нећешь да слушашь, сврбеће леђа, нашаоси коћете чешати! Овако бива маленой деци кадъ Оца-и Матерь неслушаю.

64.

ЗМЇЯ И ЗЕМЛѢДѢЛАЦЪ

Змїя живляше у едной ями близу куће землѣдѣлца ови из некаква суевѣрїя многократь могући не хоћяше э убити. Нѣгово дете неотпице згази на змїю а онага уэде, врисне дете, счепа отацъ сикиру да утуче змїю, но она брзо увучесе у ру. пу само цойой човекъ одреже репь. Умре дете и закопаюга предъ кућомъ. По доволномъ времену изнесе земледѣлацъ предъ змїино обиталище хлеба и соли и почне звати змїю дасе. помире; но незнамъ чиняшели то съ добримъ или съ злимъ намѣренїемъ. А змїяму одъговори. Све э то заруду мой комшїя! догодъ ти гледашь гробь сина твога, а я мои отсѣчень репь прави миръ међу нами неможе бити.

Нарапоучењ е.

Люди, кои едань другомъ велико зло учине, акосе кадъ и помире, опетъ некое едань другога чуваю. Овое змїино мудрованѣ. И по несрећи и за люде служи, догоћь су иоще неправедни: али кадъ би хотели да одъ неправедни постану праведни, и одъ зли да буду добри, онда ова змїина поћїпика неби за ни била. Ми, како словесни и разумни, правду божїю предь очима имаюћи у свачему здрави разумъ валя да слѣдуемо. Познаюћи да одъ вражде међу комшїама, и одъ памешозлобїя за прве обиде никаквосе добро не раћа, него зло и несрећа и ниова и наша: а одъ блаженога

га мира сладке любови и согласїя, обще комшїйско блаженство и благополучїе произлази. Зато све прежнѣ мрзости и обиде вѣчномъ заборављѣню валя предати; а само о томе старатисе и све щогодь можемо створити какоћемо у напредакъ болѣ спаати. Богъ преблаги дао намъ э словесни умъ и разумъ дасе шнима на добро наше служимо а не на зло и на несрећу. Свакь пощень и памешань нека разсуди, ели право и разумно зато що сусе наши стари за законь мрзили, проклиняли и гонили-да ими шо створимо? зато щосу они несрећни били, да ими весрећни остаемо? нїели болѣ и памешнїе, да акосмо хрїстяни (какосе наричемо) да еданьпутъ послушамо Хрїста Спасителя? Кои намъ вели мирь мой даемъ вами! Мирь мой оставлямъ вамъ! само по томе ћешесе познати дасте мои ученици ако Любовь мою и Мирь мои међу собомъ будеше имали. Али вели шай и онай, шо! и шо! и шо! браћо моя, лажимасу крашке ноге; све що нїе памешно оно э лудо, све що нїе одъ бога оно э одъ врага, Хрїстосъ Спасителъ нашь нїе мрзїо ни на Іудеа ни на Самаряне ни на Хананеэ ни на Римляне, и кадсе моли, не молисе само за апостоле но за све говорећи небесноме *ОЦУ* за све *ТЕ* молимъ учини да сви познаду тебе истиннаго Бога, и когаси *ти* послао *їисуса хрїста.* А на кога э мрзїо? На явне лажливе лукаве лицемѣрнике, кои подь видомъ благочестїя и свешинѣ куряци су били и лисице и Змїе ядовише, шаковисуга и убили, и акоби опешь дошао, опешь бига убили акоби само могли. Зато Мирь и любовь! Ко оће да э Хрїстянинь, коли пакъ неће, а онь некше шако не зове, доста э лагао, некъ престане већь.

65.

ЗМІЯ И СЕЛЯНИНЪ.

Змїю у време зиме полусмрзнуту наће селянинъ, и изъ некаквогъ старопреданнаго суевѣрїя сажали о нїой унесе э у свой домъ и положи э подъ топлу пећь. А кадь се ова разгрїе и размрзне, почне по кући мотатисе звиждати и свою едъ просипати. селянинъ видећи такову погану наравь и неблагодарностъ, истера э опетъ на мразъ гдисе она смрзне, и скокча свою едовиту ћудь.

Нарапоученїе.

Достойно возмездїе и награжденїе злоћудна и неблагодарна човека, кои благодѣянїе съ злодѣянїемъ возмеждава. Злоба, коя мећу найгори варвари гнусна э и мрзска. Акоће се како човекъ за какованибудъ несрећна обстоятелства са свои прїятели завади и раздвои: нища манѣ нека никада не смеће изъ предъ очию времена любови и прїятелства. Свеша э речи наши стари. Споменисе хлеба и соли! премудро греци совѣтую μίσει ὡς φιλήσων. Мрзи, као даћеш опетъ любити. Нища нїе способнїе вражду угасити и мрзостъ, колико воспоминанїе прежнѣ любави. Но све э што всуе, кадъ э срце одъ младости изједено и отровано.

---

66. ПАУ-

66.

ПАУНЬ И ЧАВКА.

Птице скупесе да изберу себи Поглавара, Паунь почнесе ширити међу нима, хотећи да за красоту нѣгови перя, нѣга изберу за поглавара. Тисе ту всуе мучишь и печишь, одговори Чавка, щоће нама твое перїе помоћи, кадЪ почнемо сь оромЪ воеваши? наймудрїега найслободнїега и найячега за владѣтеля валя изабрати, а то э орао, Тако и учине. Учи ова басна какове началнике потреба имати.

67.

ЧАВКА И ОСТАЛЕ ПТИЦЕ.

КадЪ птице изберу орла за Цара, договоресе дасе у уречени дань саберу, и дасе свака одЪ ни коя э за що покаже. Чавка спидећисе дасе ту у своМЪ природноМЪ виду яви, скупи свакояка шарени птица перя, нашарасе снима и доће. Онда птице познавше нѣну майсторїю. Почне свака свое извлачити перїе. Онда чавка остане чавка. Некссе нико не издае за оно що нїе; некЪ се не чини да зна оно що незна, и да има оно що нейма. Чавка э найпощенїя кадсе показуе као чавка.

68. ЧАВ-

68.

ЧАВКА И ОРАО.

Чавка види орла гди слети на едно ягне уграбига и однесе. Онда и она залетисе на овна, замрси нокте у овнову вуну пакь неможе да одлети. Уфати э овчарь изчупаиой крила, и да э деци дасе снїомЪ играю. Ево вамЪ децо чавка, рече, коя оће да э боля и одЪ орла. Онда э деца вежу концемЪ за ногу пакЪ э ране и снїомЪсе играю, а кадьиой понарасту крила, украдесе и одлети сЪ концемЪ на нози. Замотасе конацЪ око гране и тако остане висећи. Тадасе почне она тужити на се говорећи. Ала самЪ са свимЪ луда чавка. Прво, що се упущамЪ у дѣло преко силе мое и снаге; а друго що нехотећи трпити децу, морамЪ овде погинути. Явна э и ове басне наука. Неупущатисе у ща ние ко кадарЪ, и за избегнути већега зла подносити и трпити манѣ.

69.

МАЙМУНЬ И ДЕЛФИНЬ.

Кораблѣници путуюћи по мору недалеко одЪ Аѳине имаћау са собомЪ и маймуна, дигнесе такова силна бура, дасе корабалЪ прѣврати и потопи.

пи. Морнари се спасу пливаюћи, а маймунь почне утопавати. За делфина кажу да э риба къ людма милосердна и млогога одЪ потоплѣнїя избави Видећи маймуна и мислећи да э човекЪ узмега на се и понесега къ брегу, упитага пливаюћи, одакле э и кое? Ови каже да э изь Аѳине и рода племенита. Упитага делфинь познаели Пирей (овакосе зове пристанище Аѳинейєко) маймунь мислиħи да э то некакавь човекЪ. Какога я неби знао? Онь э мой роћакЪ. Ели? роћакЪ? Лажлива главо! Оћешь дасе утопишь пакь иоще лажешь? Айде ниси за животЪ! Сбацига са себе, и такотинамсе ова благородна паралажа утопи и долаже.

Нарапоученїе.

Лажь э такова злоба, да кадЪ и небива на щету и вредЪ другога, ништа манѣ скаредна э мрзка и сасвимЪ непристойна пощену и памепну човеку. Она има неко сродство сЪ шаломЪ, ибо обично, шалећисе люди, неговоре оно що мисле: но неки из шале шако обикну лагати да и бїзь сваке шале лажу. Колико э истина благородна добродѣтелЪ, толико э лажь худа и срамотна. А украйнѣй нужди, [можеко рећи] щоћемо дѣлати? Крайня э нужда такова вещЪ, дасе нїойзи ни Правила немогу давати ни закони приписивати. Честни и разумни мужь уме нужду одЪ нужде отличавати ниши сваку бездѣлицу за нужду прима. Аразсудимо само, Ако дозволимо да се за нужду може лагати, морађемо допустити дасе и свако зло за нужду може учинити; пакЪ онда,

сЪ

съ богомъ съ овога свеша и правда и пощенѣ и свака друга добродѣтелъ. У време Войне слагати и преварити непрїятеля, и общега злотвора и лупежа, и кадъ се неможе иначе съ лажомъ избавити неповинна и праведна, себе или другогь кога, одъ зла и неправедна; менисе чини да овде и сама лажъ изменява свою натуру. Овакови догађаи ниписе често случаваю, нити я онима овде говоримъ. Естествени, и граждански закони за овакова обстоятелства приписую намъ нуждна правила по коима смо дужни владатисе. Овде э речъ о лажама кое биваю или изъ зла воспитанїя и обичая, или изъ преизлишнѣга и неправеднога користолюбїя на вредъ, на щету и противу чести и добра имена други люди. Лажь коя бива изъ незнаня, можесе рећи неповинна. Али э [фала богу] мало такови: ерь нико неможе рећи, нисамъ знао да неваля украсти и другомъ зло желити. и исту истину говориши съ намѣренїемъ за учинити другоме пакостъ и зло, то значи истину злоупотребляваши, и добро на зло преокреташи. Младу децу, дакле, валя чувати одъ свакога, и ушали и безъ шале лагања и съ злимъ и лукавимъ намѣренїемъ говореня, како годъ одъ эда и отрова. Ибо, акосе изъ детинства томе науче, за животасе неће моћи одучити. А овакови зли обичай прави э отровь душе срца и нарава.

70.

МАЗГА ОГОЕНА.

Мазгу, чевекъ хотећи продати ранїо э съ эчмомъ дасе огоена болѣ може продати. Кадъ се ова добро упи́ла и одебля, возгордисе и рече своме

госи да э за коня прода а не за мазгу; говорећи, да отацъ нѣйзинь нїе бїо магарацъ него ать. Добро; у време вашара одведе э човекъ онде гдисе добри Кони продаю: А кадъ э узяшу и почну э сь конма упркиваши, шада, иза деблину, и као мазга остане страгъ. Боду мамузи, шибаю сь бичемъ! помагай! не вище! рекне ова задушиваюћисе, каже право да э мазга, и коегъ э рода.

Нарапоучење.

За права бога се ко издае да э целикога рода кадъ онь самъ неваля. Вредань човекъ достоянь и у свому отечеству заслужень, не само починѣ благородство свое, но и родителѣ свое облагороћава. Срамишисе своега рода, то э права худоспѣ. Агаѳоклесъ сиракузски краль, будући лончаревь синь, но за велике заслуге отечеспву учињене на таково достоинспво возвишень, не само нїесе срамїо очина состоянїя, но и всегда на трапезу свою мећу златне судове и земляне заповедаоэ метати; и то э исшо служило на већу славу нѣгове вредносши. Едань Персїйски царь идући у ловь. Доће послучаю у колибу некога пасшира, види шу дете благообразно и остроумно, заишега одъ оца. Добри отацъ отпушаюћи одъ себе сина свога, да му совѣшъ, да онь добро чува кабаничицу и щапь сь коима э за овцами ходїо, и да никада незаборави щае пре бїо. Ово дете именемъ Алїя постане сь временомъ први царски везирь. Ови имаћаше у двору свому, едну собу, у кою никога непушаше, но самъ сваки дань по едань путъ шу улазаше, и богу се моляше. На велике люде честосе и велика зависпъ диже. Нѣгови зависпници оклеваћаюга и налажу на нѣга, да э онь сь неправдомъ и грабежомъ собу едну злаша напунїо,

у

у кою никада никога непуща. Царь, кои га иначе любляше и почитоваше и за найвѣрнїега кь себи држаше, поће да се самь о томь увѣри. Убѣди Везира да му отвори свою тайну собу: ови принућень отвориму э. Но ща ту види? Овчарску кабаничицу и жезаль, и ћилимь ту простретъ на кому се онь Богу моляше. Пунь Удивлѣнїя Царь и зачућень, пипага ща то значи? Кажему ови совѣтъ родитеља свога. Тада царь загрлига кь прсима, своима, и са сузамь у очима любећига вопїяше. Алїя! Предраги Алїя! Тиси Божїи човекь! Тиси столпь царства мога!

71.

МРАВЬ.

Кажу да э у древнѣ време мравь бїо човекь землѣдѣлацъ; кои недоволствующисе са своимь трудомь лакомляшесе на туће и гди що могаше крашаше. Прокунета савь народь и такописе претвори у мрава: Но всуе, видь промени, а наравь злу неизмѣни: ибо, и до данашнѣга дна мравь туће жито краде и носи. И ова басница увѣщава насъ да се чувамо изь младости зли обикновенїя.

72.

ЧВРЧАКЪ И МРАВИ.

Чврчакъ доће у зимнѣ доба кь мравомъ, молећи и да му узайме кое зрно жита дасе прерани и да одъ глади непогине. Питаюга мрави, щоси летосъ чинїо? свирао самъ, каже. Свираоси? А ти садъ играй да те гладъ проће! Айде теписе съ наши врáта!

Нарапоучећ.

Леностъ э смертни грѣхь, изь нѣ се рађаю многа зла, скудостъ убожество и несрећа изь нѣ произходи. Смрди човекъ у лѣности, животъ му э исти на теготу. Лежи доклега ребра не заболу, и едва чека да му дань проће. Жени и човеку ружно э и срамотно безь посла спаати, акосу и колико имући. Когодъ немисли о добру мора о злу мислити защо э напура ума человеческа шакова, да онь всегда мора у чемунибудъ упражнявашисе. Лениваць се нїе родїо да живи него да пруне и дагнїе иоще за живота. Акосе убогъ роди, просякомъ мисли скончашисе; нитїе обществу, нитїе своиой фамїлїи, нитїе себи на ползу. За шакова наши Срблиобичаваю рећи, болъ да э мртавъ него що э живь, нащо му шаки животъ? а далмашини веле, низащо нїе него за калућере, ерь кодъ ни просякъ и калућеръ едно значи. Кадсу Аѳинейци почели одъ добродѣшели свои стари одуспаваши и лѣности предавашисе, онда э шо било кадъ Тимонь, видећи шакове безпослене, каже имъ да э наумїо у своей Авлїи зидапи; и едно велико гранашо древо, що му э на путу пресећи, дакле, некъ некубе времена, него некъ иду поизвешашисе шу, защо

що за шай посао нигде шако древо неће наћи. Сунце и месецъ и сва божїя створеня чему насъ съ непресшаннимъ и неуспавашимъ своимъ движенїемъ уче, него дасе всегда упражнявамо. Комъ нїе нужно никакво рукодѣлїе, занашъ и шрговина, имаюћи съ чимъ живиши, онь да има, не спо, него хїляду година живиши имасе очемъ шрудиши, за просвешиши и къ већемъ совершенсшву умъ, срце и душу свою довесши. Скошско э кадъсе наеде само лежаши, акога пущаю, защо онь сирома съ умомъ и съ памећу нема никаква посла. Богашъ и благородни кадъ позна праву цѣну и способносшъ свое словесне и разумне душе, несумня, да више посла у овомъ крашкомъ живошу имаши може, него и каковъ шрудољубиви шежакъ, занашчїя и шрговацъ. Видећи мале пчелице како намъ са своимъ шрудољубїемъ сладки медъ сокровищесшвую, можемоли ми пренебрегаваши медъ и неумирающеэ богашсшво словесне и безъсмершне душе? зашо децу и девойке, Навласшишо кадь су имући и благородни родишеля, къ шрудољубїю из млади нокшїю пошреба приобичаваши, а кадъ едномъ обикну, онда нїова принадлежећа упражнѣнїя не само нећеимсе шрудна чинишн но забавна прїяшна и мила.

73.

СЛАВУЙ И ЯСТРЕБЪ.

Славуй пояше у пролеће и увеселяваше свакога коига чуяше. Уфашига ястребь, и оће дага изенемойме убїяши! Велиму славуй, видишь како ме люди радо слушаю и називлю ме сладкимъ

пролетнимЪ пѣвцемЪ! Що э мени до пролѣћа и до они кои те слушаю! Мени э само о томЪ старость какоћу я мой трбу напунити.

Мудростъ, наука, слава и добродѣтелЪ, све э то онима за ништа, кои све свое блаженство траже и наоде у чанку и у бокалу. ДокЪ э нима само пунь Трбу, свемусе осталомЪ они смею и ругаю.

74.

СЛАВУИЋ И КУКАВИЦА И МАГАРАЦЪ.

Славуй у Пролећe по обичаю пояше, велиму кукавица, ћешь дасе обкладимо да я лепше одЪ тебе пѣвамЪ? Ако ћешь айде, али коће намЪ бити судїя? - - . Ено они кои онде пасе, видишь коликесу му Уши! Одговори кукавица. почну поятти, али що МагарацЪ зна, щое славуево поянѣ, онь каже да кукавица лепше кука. Изгуби славуй обкладЪ: но утѣшїэ ПастирЪ говорећи, нестидисе мили славую, за тебе э то веће Поцењѣ що се твое поянѣ магарцемЪ недопада.

Нара-

Нарапоученїе.

Акоће незнамъ що ко шворити неможе свакомъ угодити. *Οὐδ' ὁ θεὸς ὃϐ' ὕων πέλει πάντας ανδάνει.* Ни Богъ кадъ кишу дае свимъ неугождава. Колико э люди толико э ћуди. Кадъ би сви люди били доволно и разумни и правдолюбиви неби било међу нима ни кавге ни несогласїя, и много би болѣ за све ни било. Но недостае некомъ едно некомъ друго, а некомъ и обадва. древни Египшяни изображавалису судїю безь Очїю, говорећи, да нѣму ніе потреба гледаши на оне коисе суде, него само слушаши що говоре. но безь сумнѣнїя изискивалису да нїовъ судїя чловечїе уши имаде и здраво проницателно разсужденїе, ерь иначе нища имъ неби помогло що э слепъ. Правда и миръ срећаюсе, любовь и истина љубесе. Вели псалмопѣвацъ. Предрага добримъ срцамъ имена! кадѣе ше сву власпъ вашу надъ людма примиши? кадъ нестане међу нима варварспва и невѣжеспва и злобе. Ко незна, мора изь незнаня шумараши кое куда. А кое злОбань, за луду зна кадга злоба ослеплява.

75.

СТАРАЦЪ И СМЕРТЪ.

Старацъ носаше бреме дрва, весма упруђень сбаци бреме говорећи, хе проклета смрши гдиси ше не доћешь да ме узмешь сь овога света да се немучимъ! кадъ етоши смрпь стане предъ нѣга, онака ружна као що э пишу.; пага пита, що

э зове? Та ницца, одговори сирома стараць уплашень, да ниси дошла волїоби, алъ већь кадси овде, помозими натоварити ово бреме на леђа да идемъ брже кући ерьме чекаю.

Нарапоученїе.

Никомъ нїе мило умрети акоће како бѣдно живити. Далматинци знаду различне веселе преповѣдчице сврхъ ове матерїе. Кажу да едань спараць спремисе да пређе преко планине вучїяка, чуюћи да тамо негде има мѣсто гди нїедань стараць не може живити. А кадъ чуе дасе на планини появїо страшань медведъ а онь ти бѣжи кући. А другомесе досади живлѣти, пакъ узме уже и пође у шуму дасе обеси, пакъ тражи и тражи, и у цѣлой шуми не наће какоби хотео дрво. А кадъ огладни а онсе врати у село, дайте челяди, виче що ужинаши малъ не умре одъ глади! Проклете шуме! Ницати неима да валя у овой нашой далмацїи. Ни дрвета не може човекъ наћи на комбисе лепо и люцки могао обесити! иощъ едну пакъ нећу више Едань стараць свеби говорїо даби ономъ добро платїо кобиму казао како може умрети. Наћесе добаръ човекъ коимусе обѣща казати и безъ плаће. Рече му да стане кодъ едне мће. А онь оде по далеко узме Пушку пакъ почне на нѣга нишаниши. А стараць бѣжь у мћу, говорећи, та худъ э са свимъ биме ушлѣяо на мѣсто! Довде э за шалу. - - - Нишисмо сь нашомъ волїомъ дошли у ови животъ ниши пакъ валя да желимо изь нѣга изићи докъ насъ не позове онаи кои насъ э овде поставїо. А кадъ позове онда илъ намсе оће или неће морамо путовати. Наша э сва дужностъ старашисе, да кадъ насъ позову да смо готови поћи сь чистимь одъ злобе срцемъ и совѣстїю. Незнамо време и часъ кадъ ће шо бити, зашо валя сваки

дань

дань и часъ да смо готови. Блажена душа чиста и добродѣтелна, коей всегда у ушима оне сладке и прерадосне речи звоне СЕ ЖЕНИХЪ ГРЯДЕТЬ ИЗИДИТЕ ВО СРЕТЕНІЕ ЕГО!

76.

ЯРАЦЪ И БИКЪ ИЛАВЬ.

Бикъ упази изь далека лава страовита, уплаши-се, побегне и сакрїесе у шућу Пояту. Дома-ћи ярацъ узмега терати претећиму сь рогови. Бре мируй добарь ярче, велиму Бикь, докъ само лавь проће, нећупи я пояше изести! Али коће маниту паметъ дати? Свесе залеће кадъ страгъ, кадъ сребарке. Проће лавь и удалисе: онда бикь излазећи, лупи мимогредъ ярца, шесе стане пре-метати по кошари и станега бекеке кее. Е! Бе-кекечи садъ ту! Речему Бикь, не веляли ши я да мируешь докси читавь?

Нарапоученїе.

Неки новопогоспоћени. или ши слуге при ве-ликой господи, кадъ виде пощена и болѣга одъ ни човека у бѣди и у ушѣсненїю, и они на нѣ-га наскачу. А кадъ богь да шесе време окрене другояче. Онда имъ доће ярчева Зановешка на главу. Разумань човекъ колико га више Счастїе узвишава, толико онь бива сладконаравнїи и чло-

нїи. А худѣ и високоуманъ какомусе стане Счастїе осмїяваши са свимъ полуди, заврпимусе мозакъ, нишига вєћь нѣгова кожа вмѣщава. Почне наскакиваши на болѣ одъ себе, и тако остане Смѣхъ и Поруганїе последнимъ родовомъ. Разсмотримо съ вниманїемъ ови прекрасни карактеръ благородна срца. Адрїанъ кадъ постане римскимъ Цесаромъ упази едногъ свога великогъ непрїятеля, коисе укланяше испредъ нѣга. Нишьмесе више бои, рече му Адрїанъ нишь сакривай одъ мене; ясамъ вєћь Цесаръ! Иощъ едно подобно овомъ. Лудовикъ дванаести, будући иоще Ерцегъ Бургундски, имаћаше неке одъ господе велике непрїятелѣ, коиму на сваки начинь пакостъ дѣяху. А кадъ ови постане кралѣмъ, почнуга совѣтовати неки дасе освети надъ свои злошвори. Онда онъ рекне ове вѣчне Памети достоине речи. Що ви мислите люди? Срамота би била Кралю францускому да чини Освету за обиде учинѣне Ерцегу бургундскому! Прекрасне! Божествене душе! Достойне Господства и Царствованїя!

77.

ЖАБА И ЮНАЦЪ.

Жаба на край баре упази юнца на ливади, пакъ се начне фалити другимъ жабама говорећи. Я да оћу само, моглаби бити коликогодъ оно юне онде. Ћути не лудуй! велейой друге, гдиће жаба бити коликъ юне. Невѣруете? Станите мало! надмесе коликоигда може, пакъ пита, есамли? Еси

Еси луда! та ниси слепа, погледай насе пакъ на юне! - - - Овасе стане иощъ више надимати, докъ пукне и изиђуиой црева.

Наравоученїе.

Θνητὸς ὢν, μὴ ὑπερ ἄνθρωπον Φρόνει Смертни будући, немой више човека мудровати. Познай себе! Храни мѣру у элу и у одѣлу! Не ревнуй већимъ одъ себе, и незавиди богатїимъ ни ти имсе подоби. Коликеби фамилїе пощено могле живити, пакъ пропадаю, за то що оће да се сравне съ већима одъ себе. Честна и благоразумна жена не тражи славу свою у многоцѣнимъ одѣянїямъ, Луда и неразумна съ алинамасе поноси, и крадомъ се обгледа гледалиэ ко. Не познаюћи цѣну разума и благородство срца у душе, акосе не сяю и не шуще на ниой алине мисли да е пропала. Кадъби (сачувай боже) све жене оваке биле, тешко би ономъ било коби ово писао! Пропаоби и онь и съ книгомъ заедно.

78.

ЧОВЕКЬ УЕДЕНЬ ОДЪ ПСА

Овай оћяше по комшилуку и питаше щаби на рану привїо да се излечи. Неко му рече да узме вруће сомунь, дага напопи крвлю що изь ране тече, дага да ономъ истомъ псу коига э уео, и даћесе тако излечити. Вруће сомунь? Одгово-

ри

ри ови, знамЪ я нещо друго щаћуму дати, ако ми онь само до руке доће! Какво ти э то лекарство? кадЪ би я то учинїо що ми ти велишь, валялоби коликоегодЪ паса у селу даме сви уедаю.

Нарапоучен їе.

Тешко овци међу куряци, и тешко мирномЪ човеку онде, гди ко э ячи онь э и старїи, гди насилїе влада, глупостЪ и варварство законе дае и заповЂда. У таковомЪ безь закона мЂсту мора човекЪ за люту неволю овога лЂкара совЂтЪ слушати, мора онога исшога коига дави и мучи сь своиомЪ крвлю раниши. БЂдно сосшоянїе гди невЂжа има властЪ шрпаши блебешаши и блядословиши, а они кои зна мора мучаши и са страхомЪ слушаши! Гди неправедань и безсовЂстни заповЂда, а пощень и добарь принуждень э повиноваше. Ту принадлежи она Еврипидова речь *ἄνω τῶν βουνῶν χωροῦσι παγαὶ.* Узь гору шеку исшочници.

79.

ПТИЩОЛОВАЩЪ И КОСЪ

Пшицоловащь ставляше мрежу пшицама гледалига косови и запишаюга ща шу прави, онь имЪ каже да зида ГрадЪ. Како онь оде шесе сакрїе;

онда

онда едань косЪ любопитнїи одЪ други, поће да види, какавь э то градЪ, пакЪ се уфати! Птицоловацъ притрчи заколѣга, пакЪ снимЪ у торбу. Онда они други косови рекуму, хе лукава и зла гла́во кадЪ э твой градЪ шаки несрећниће бипи они граћани кои у нѣга доћу живити.

Нараноучење.

Две насЪ полезне вещи ова басна учи. Прво, да излишнѣ любопитство многима на вредЪ бива. Мало намЪ э о нами и о нашима ствармамислити и стараписе, него оћемо и туће тайне да знамо. Блажени миръ и покой срца поглавито э благополучїе наше на земли. Но коликога мало почитовати умемо! За сваку бездѣлицу бацамога и губимо, и узнемируемо себе и друге. Будала э ко оће да зна шасе у свачїемЪ лончићу вари. И ко свуда носЪ завлачи завучега често онде гди неваля, и страда що и ове басне косЪ. Ко що мисли? Куда оди? очему сь кимЪ говори? Защосе смеэ? Немирна глава све то оће да зна; и що незна а она погаћа и све на зло толкуе и окреће. ПакЪ кадсе едно цѣло общество оваковимЪ скареднимЪ обичаемЪ отруе и окужи, какова нарави болестЪ! Колики немирЪ и смущенїе! мирно и чисто одЪ свакога лукавства срце и блага душа иоще у овомЪ животу починю предьчувствовати сладостЪ царства небеснога, а лукава и зла срца иощь се овде починю мучити. Изтреблюймо дакле изь рода нашега такове обичае, недаймоимЪ нигде међу нами станка ни конака. Друго чему насЪ учи наша басна, ово э, да гдису зли Градоначалници зло ту стое граћани. Но гдѣе добарь владѣтелЪ тогасе нѣе бояти. Повомесмо на више мѣста говорили.

80.

ДИВИ ВЕПАРЬ И ЛИСИЦА.

Дивїи Вепарь ошраше зубе подЪ еднимь растомЪ а лисицага питала, мислили се сЪ кимЪ бити ше ошри зубе? НемислимЪ, одговори онь, али ако доће до неволЂ болЂ нексу готови.

Наравоученїе.

Блаженство би било на свету дасе може. да човекЪ о злу ни мисли ни говори ништи пише. Благо ономЪ, ко ништи мисли комЪ учинити зло, ништьсе томе одь другога бои! Али догодь има зла на земли, они кои пишу мораће о нЂму писати, само стимЪ наиЂренїемЪ дасе изтребљюе коликосе више може. А тадаћесе најпре почети изтребљяваши, кадь сваки почне одЪ себе и одЪ свое куће. Ко ће дасу му други праведни, нека и самЪ шаковь книма буде. Елика хоцете да творятЪ вамЪ человЂци творите и ви имЪ подобная, учи насЪ нашь небесни Учишелъ. Я не смећемЪ сЪ ума, како намЪ э пегошно и досадно кадЪ намЪ ко често то пакЪ опетЪ то каже; ми онда ако и несмемо, или намЪ э жао рећи му, неможемо да не мислимо; ша гди шїе памеШЪ? Помагай! Казиваоси намЪ то; или говори що друго, илисе смилуй, пакь ћуши и недави насЪ. Обаче о добродЂшели и о благоразумномЪ владаню често напоминяши и говорипи са свимЪ э оплично одь вишереченнога: ово э шоме подобно: кадЪсмо увЂрени дасмо коме мили и драги, и кадЪ то желимо и томесе радуемо, по сто пута на дань любезнимЪ своимЪ да насЪ назива мило намЪ э чупи. Ко управь люби просвещенїе разума и добродЂшелЪ, нЂмусе никадЪ неће омразипи, о свему що къ шому управля и споспЂшеш-

шеш-

шествуе слушати и говорити. Бити добродѣтелнимъ какоби хотели, и како знамо дасу многи били, то честно, за слабостъ нашу, нїе у нашой власти: али любити и у другима разумъ и боголюбна дѣла, нима желити уподобилисе за шимъ чезнути и настояти, то можемо, и то намъ врло и помаже за управити на добро стопе наше. Совѣтуе насъ басна да се за свако наше нужно дѣло за времена спремамо оно що валя да буде данасъ неотлажимо на супра. Ὁ τὴν εὐκαιρίαν τῶν πραγμάτων ἀμελῶν ἐκπεσεῖται τῆς τῶν καλῶν θύρας ко благовременство вещи пренебрегава изпастиће добру изпредъ двери. Вели Ісидорь пилусїотски. Ленивацъ чека сами дань путованя да се на путъ спрема. Пакъ онда, хе нема пога ни овога ни онога! Ниша ти нїе горе него сѣ одлагаломъ имати дѣло. Време младости, блажено э време саднѣ и сеяна! Ко жели да му эсень мужескогъ возраста плодовита доће, и даму зима старости спокойна буде. И що э найважнїе не само ово маловременно но и вѣчно благополучїе одь младости зависи. БЛАЖЕНЬ РАБЬ ЕГОЖЕ ОБРЯЩЕТЪ ГОСПОДИНЬ ЕГО БДЯЩА.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Я добро памтимъ кажапьсамъ у дѣтинству бїо и ло томе и о другои деци судимъ; що самъ у оно преме доброчуо инаучїо, много мїе у жиноту помогло. А при томе и доста добро нарапь деце познаемъ, ерь самъ снима спуда имао дѣло за заслужити мой хлебъ. Знамъ да кадъ се мало прїобикну опажопимъ Нарапоучитвлнимъ разгопоромъ песма се у нима услаждапаю и ползую. Садъ, кадъ се пекь приближуемъ къ педесетой години позраста

зраста опахопа слисанїя на различни э-зиџи миласуми. Дакле, то џо э мени найдраже, найрадисамъ любимимъ моимъ спрюбщити; а уздамъсе дасе неварамъ, мислеки, да спакомъ чопеку мора за тимъ много стаати, хако се може одъ зла чупати и добро жипити.

81.

САТИРЬ И ЧОВЕКЪ.

Сатирь э дивїи ЧовекЪ, илити велики Мајмунь подобань човеку. Ови едномЪ спрїятелисе сЪ правимЪ човекомЪ и поћу у дружству путовати. Овосе случи у зимнѣ доба; зато, зебући човеку руке прикучаваше и кь устма и грїяше и, Сатирь га пита џа то чини? Ониму одговори да грїе руке. Доћу у крчму, гди имсе донесе вруће эло, онда човекЪ за неопаритисе, опетЪ дуваше разлаћујући то. ДивякЪ зачућень запитага, зашо садЪ дува? Овиму каже да разлаћуе одвећь врело эло. Е! КадЪ э то тако, а ти остай сь богомЪ! СтаковимЪ мени прїятелство нїе угодно изь коега уста и вруће и ладно излази.

Нара-

Нараvоученїе.

Мужь двоедушань и двоезичань неисправљень во всѣхь путехь своихь. Наши веле, недасе уфатити ни за репь ни за главу. Окреħесе као вѣтрени пепао, менясе као месецъ, други часъ друга памепъ у глави, други дань другояче намѣренїе. Съ найболимъ срцемъ, за свое непостоянство ни комъ нїе кадаръ добра учинити, нѣгови исти сродни и прїятели несмедусе на нѣга наслонити; о нѣмусе у правь може ређи да у вѣпаръ говори; да све що добро рече учини, бїоби знаменити човекъ. Βουλέυου μεν ἔραδέως ἐπιτέλει δὲ τὰ δόξαντα σπουδάίως совѣтуйсе полагано, а совршуй що за добро наħешь скоро. Куй гвожђе докъ э вруће. Поредакъ у свачему полезна э и похвална вещъ. Ниша не швори безь времена, а време способно кь чему нипошо не упущай.

82.

КУРЯЧИЦА И КУРЯЧИЋИ.

Курячица се разболи и лежаше у бѣдномъ состоянїю питалїе курячићи, та майко имашли гди кога прїятеля, одъ когъбисе могла какванибудъ помоћь искати? Хе моя ядна децо! Одговори она. мисмо куряци зле и опаке ћуди! Кадсмо здрави самисе о себи, и съ щетомъ другога спарамо, коће намъ дакле у неволи прїятелъ бити?

Наравоученїе.

Ево право состоянїе онога, кои у време благополучїя и здравля самъ о себи мисли. Акое и богатъ кадсе разболи, или у какву скорбь упадне що ћему богатство помоћи? на противь, исши сродни нѣгови радо му смрть чекаю да що закваче. По Смрши да ко чека другима полезнимъ биши шо э суешна надежда. Они исши кои намъ на дањи за испокой душе пїю смею намъсе и ругаю, и веле добро э учинїо що се смакао. Сотворише пріяшелъ себи оть мамоне шо Есть одъ излишнѣга имѣнїя да Егда оскудѣете примуть ви во своя, Увѣщава насъ премудри Спасишелъ. А ономъ другомъ ща вели? воспріялъ еси благая твоя въ животѣ твоемъ. А да що ми радимо? Ми кои нисмо кадри ни люде чесшо преваришн, оћемо свезнающега бога да преваримо, чекающи дасе у болесши и на смерши покаемо, и що добро учинимо разписиваюћи и раздаваюћи оно, що нисмо кадри за се уздржашн; али незнамъ срећомъ ли или несрећомъ, шу лажи непомажу; косе годь нїе у време здравля и благоденсшвїя покаяо, добро учинїо и пріяшелъ себи у богу и людма спекао, онь шо у болесши и при смерши не исправи, него истомъ за неволю мушн. Наше басне курячица она незна лагашн. него каже управь, каква э била и чемусе има надашн.

83.

КРАВА ЯЛОВИЦА И ВОЛОВИ ОРАЧИ.

Краву яловицу ранїо селянинъ, кадь одебля да э заколѣ; ова гледающи два вочића свако вече кадъ утруђена сь ораня долазау ругашеимъсе говоре-

ћи

ћи дасусе у зли часъ отелили. Доће време да заколю краву, вежу э за ноге и рогове, превале э на землю пакъ почну ошприти велики ножь. Тада волови запитаю э, садъ кажи косе у боли часъ отелїо, ми или ти?

Нарапоученїе.

Некасе нико непоноси у благоденствїю своме незнамо какова насъ приключенїя иоще на свету чекаю. Лепа э она теренцїева речъ homo ſum, nihil humani a me alienum puto. Човекьсамъ сващо мисе може догодити. Кадь що можемо добро учинити гледаймо себе са стране безсмертїя, а кадъ насъ пакъ слабости и страсти наше на зло подстрекаваю сматраймосе како маловремение и смертне на земли. О несрећи и страданю другихь радоваписе, какова слабостъ и неправда! Смртъ люди себи држе за найвеће зло що имъсе приключити може, а томесмо сви подложни. О благополучїю подобнихь себи веселиписе достойно разумногъ створеня веселъ, чрезь кое онь усугублява свое благополучїе, радујућисе не само своему добру него и многи други.

84.

ЗЕЦОВИ И ЖАБЕ.

Међу обичне, ове наше зецове, доће одъ некуда едань зецъ пустиникъ, Пакъ имъ почне предиковати, описујући имъ зечїи животъ као най-

бѣднїи и найгори на свету подЪ небомЪ. Говорећи: щосмо ми лдни зецови? Нїе доста що насЪ люди лове и еду! Що насЪ пси тераю! Що нась орлови изтребляваю! него мишь да пропрчи, и лишће да зашуцци страхь и трепетЪ напада на насЪ. Нашто намЪ таки животЪ, кадь смо осуђени да пре смрти сваки часЪ; и тренуће ока одЪ стра умиремо? Видителионо езеро? - - - Видимо, викну сви. Айде дакле да ими едань путЪ у животу учинимо що да валя, сви ви напредЪ а я за вами да скочимо ту и дасе удавимо. шатсе когодЪ наће те намЪ рекне АФЕРИМЪ ЗЕЦОВИ! Едва онь то изрече, кадЪ сви викну юришЪ! Па потеку. Жабе око езера чуюћи топотанЪ уплашесе пакЪши брже болѣ стану стрмоглавь скакати у езеро. То видећи едань стари зецЪ спреда, окренесе и викне СТОИ! Що та лажа, (почне говорити) малЪ неучини сЪ нами? Каже намЪ дасмо сами ми страшливи и зато недостойни живота. Ево садЪ сви виђесте да има и одЪ насЪ страшливїи створенїя, коя исе сила утопи одЪ насЪ уплашени! Онда почну тражити предикатора алЪ нѣга нейма. ОдЪ тада наши зецови живу какосу и нїови стари живили, нити већь слушаю коекакве лажи.

Нара-

Нарапоученїе.

Све щое Богъ створїо премудро є и разположїо сващо има свои конацъ и намѣренїе, зецъ докьга ко не уфати онь живи, пасе, скаче помѣнама или по снегу и плодисе, уфатилига ко шупимуе конацъ, зато э зецъ и башь зато э створень. Тако и различна животна и рибе у води, едносе другимъ рани. Люди обаче како разумна створеня способнису законному праведному и мудрому правлѣнїю; а гди шога нема, и они живу као звериня, ячи слабїега мучи и дере. Но о овомсмо на више места говорили. Некъ видимо чему насъ другомъ ова басна учи. Садсе народи починю као иза сна будиши, и међу собомъ се разговараю; какосе э шо догодило да за толико стотина година, они исти коису на богашство горе него на куряке викали, нѣгасе са страшнимъ заклетвама пред богомъ и предъ светомъ одрицали, и сиромашство као найвећу добродѣтелъ проповѣдали, чрезъ то, ни бога небоећисе ни люди несрамећисе ница друго нису тражили него какоћесе лакше о найманѣмъ или ни о найманѣмъ шруду, шуће у име божїе ищући записуюћи и узимаюћи обогашиши? Кућесе свое одрицали, асъ друге стране светъ глобили и дворове себи као кащеле и градове зидали? Къ вѣчномъ воздержанїю са заклешвомъ себе привѣзавали а болѣсе ранили и поили негоби дасу у родишеля свои дому живили? На ови божїи светъ викали, а у нѣму како иосшали люди радо живили? Све сласши шелесне хулили, а весмасу радо и весело съ чимсу моғли, якоже и прочи человѣци шѣло свое греяли упокоявали и наслаждавали? Кажу дасусе свои спивари за любовь божїю одрекли, пакъ за исшу любовь божїю шуће искали и узимали? Овимъ прошириворечїямъ садъ се людичуде, ниши оћеду даи кое ко више за будале држи да и за носъ вуче и даи вара. Садъ већь свакъ познае и види да когодъ на ови прекрасни божїи светъ и на ови нашь (акоће и маловременань бипи) жи-

вотъ виче и дарове божїе оговора и безъ разлога похуждава или э манитъ те фантазира или э лукавь и мисли друге да превари. Ова злоупотребльнїя нису у едномъ само народу била него у свима, пакъ они коису памешнїи и срећнїи одмећуи и исправляюсе, а просшїи остаю у нима, и чекаю да у свачемъ буду последни. Све щоэ богъ сотворїо добро э ако само човекъ уме то разумно употребляваши, ибо злоупотребльнїе у свачему э зло. Зато и свето писмо ако гди виче на богатство и сласти и прочая, то валя разумѣваши за зло неправедно и неваляло употребльнїе вещи, дакле ни на що неваля хулити кромѣ щое по себи зло и що зло бива: ево примѣрь: Отровь э зао по себи, а Виноэ добро, но може бишти зло кадь се преко мѣре пїе.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Онисе утврждапаю и како себе тако и друге обманипаю хрипо и неразумно толкуюћи христа Спасителя речи, гди пели, дасе паля одрећи и остапити оца и матерь жену и чада, домъ и имѣнїе спое, а нећеду пећь едномъ дасе оспесте, да Хрїстосъ придодае мене ради и Епангелїя! А садъ кадъ мои родители и сродници пѣрую Хрїста и Епангелїе защо дапсе одричемъ? тосе э гопорило за она премена гонѣнїя кадсу отацъ чадо спое и братъ брата Хрїста ради на смертъ предапали, а пећь тога, благодареніе богу, садъ нвйма: опо дакле нїе хрїстопо намѣреніе него лукапи и нелраведни люди, да хо туће желищце и узима. Многиби монаси полили да турци землїомъ обладаю него да ни нестане; ели то любопь къ богу и къ отечестпу? Али що они маре, кадъ сусе они оца и отечестпа одрекли? Зато. О любима

бима и лощена Нащїо! Спа щосе зопу манастирска имѣнїя, тосу народня имѣнїя, улотребите и на школе и на науку паши будущи учителя и Спещеника, а то есть на прапу и псегдашню ползу рода и отечестпа. Блажена ће бити имена они разумни Патрїота кои ће томв слоелѣше, и опо общелолезно дѣло причине и исполну! Добро кое може бити у паше преме защо да чекате да после васъ буде? Проспещени Архїереи и доброжелателни разумни мирски спещенници онису дужни нато народъ склонити и упѣщати. Λάμβανε βουλὴν καὶ παρ᾽ οἰκέτου εὐφρονέωντος Приман сопѣть и одъ слуге благоразумнога ὑμῖν γὰρ φίλα φρονέων ταῦτ᾽ ἀγορεύω! Вамибо благожелая опо говорилъ!

85.

КАСАПИНЬ И ПАСЪ.

Касапинь забавляюћисе о своме послу у касапници, доће комшїйски пасъ украдему волуйско срце пакъ стане бѣжати, спазига касапинь, но подалеко, речему, е такилиси ти майсторь! Иди и уживай, но припому знай да ми нисн узео, негосими дао срце и паметъ, ерьћу други путъ знати какоћусе стобомъ обходити!

Наравоученїе.

Разуманъ се ползуе одъ прве преваре., защо познапши, кога иощъ непознаемо то намъ э весма полезно; знаюћи какоћемосе у напредакъ снимъ владапши. Зато наша пословица вели, ко ме брзо превари, фаламу. А коме и други редъ обмани иощъ већаму фала, моя э кривица щогасе нисамъ чувао знаюћига какавь э. Обманщикъ себи найвише вреди, ибо кадъ и чистосердечно що буде мислити, нећему нико вѣроваши; шако и сама истина пошире цѣну свою кадъ э лажливацъ каже. Кредитъ и пощено име прекраснасу спяжанїя у живошу. Защо и ни море не може пошопити ни злополучїе умалити.

78.

СТАРЪ ПАСЪ И ЛОВАЦЪ.

Спарь и беззубь ловачки пасъ немогаше ниши као у младо доба ловити ниши що уфати беззубь будући добро држати; зато га ловацъ често тучаше, докъ му ови стане едномъ говорити. Сурови и неблагодарни човече! Щоме неправедно бїешъ? защо се неспоменешь прве мое службе и вѣрности? Я ону исту волю и усердїе и садъ имадемъ, али щоћуши кадъ неймамъ ни прве снаге ни зуби!

Нара-

Напоученїе.

И овое противь худе неблагодарности, коя заборавля добра учинѣна; и не уме опличавати оно щосе може одь щасе неможе. Само худа и сасвимь неваляла срца овойсу злоби подложна и повинна.

87.

ЧОВЕКЪ И ДВА ПСА.

Човекъ да готовити велику частъ за свое прїятелѣ, а нѣговь пасъ каже то другомъ Псу своме познанцу и зовнега на частъ. Туђи пасъ уздаюћисе у свога прїятеля, поће и улѣзе снимъ у куйню, и почне туда весео шпацирати машуђи репомъ. Слуге видећи непознану Псину счепаюга за реп и за ноге, пакъ шнимъ крозъ пенчеръ. Ови сирома лупи о землю, и боећисе да мусе иощъ що не пригоди, скочи и начне бѣжати лучуђи. Видега други пси коима се э онь фалїо да ће на частъ поћи, и запитаюга какому э било на части? пакъ иощь питате? Одговори Гаровь, толикосамъ пїо да нисамъ ни врата погодїо кудъ ћу изићи, негосамъ скочїо крозь окно. Коя полза онима казивати наше несчастїе, коиће намсе ругати и смеяти? А друго неидимо гди нисмо звати, защо незвану гостю мѣсто за врати.

88.

СЕЛЯНИНЬ И ПСИ.

Селянина запече зла зима на салашу, онда ови за пранитисе заколѣ две три овце що ту имаѣаше, а кадъ и тога нестане а онь убїе и вола орача. Пси нѣгови то видећи реку измећу себе: бѣжимо одавде ако нисмо ради даи на насъ редъ дође! Чуватисе валл онога кои са своима лепо не живи.

89.

ЛОНАЦЪ И ТЕНЧЕРА.

Лонацъ се укланяше испредъ тенчере, а ова му рече щомесе боишь? неудри ти на ме я нате нећу. Та мени э то све едно, одговори лонацъ, та я нате ударїо та ти наме! одъ зла и пакосна, а иоще кадъ э ячи найболѣ далеко стаати.

90.

ЧОВЕКЪ ВЕЛЕРѢЧИВЬ.

Ови доће съ далекогъ путованя у свой вилаетъ, пакъ неможе дасе наисказуе гди ни онь нїе бїо! щалити нїе видїо! И не само то, него се почне фа-

фалити да э и млого коеща учинио. Островь родосЪ у Архипелагу, то э островь! Хе моя браћо за лудусте живи кадЪ Островь РодосЪ нисте видили! Ко Островь РодосЪ нїе видио, нити що зна, нитїе видїо! Я ту доћо у време великогЪ вашара, гдисе момци ускакую: А кадЪ ти имЪ я скочи! Остадоше сви као изьвань себе; нипсе наће кобисе усудїо самномЪ ускакивапи: и ако невѣруете а ви идите у Островь РодосЪ пакЪ питайте! Одвећь насЪ далеко шилешь, одговори едань одЪ слишателя щоћемосе ми толико мучити и дангубити, кадЪ то може и о манѣмь арчу бити? Скочи да ше видимо пакЪ етотинамЪ островь РодосЪ!

Наравоученїе.

Ништа ти нїе ружнїе него кадЪ ко, или безпоселень, или акоће и сь посломЪ щому драго: ишпацирасе по свету каоноти наше преподобїе] па кадЪсе врати а онь ће да загуши люде казующи и ща естЪ и ща нїе. Велерѣчивь и велехваливь братЪ ако из банапа до Пеще оде, кадсе врати, тешко ономЪ накога нападне! некь самЪ гледа какоћегасе куртализати. Заисто (безь фале) я по вишой части волимЪ више слушати него говорити, алиби опетЪ волїо у манастиру Крупи сЪ ћускїомЪ каменѣ крчити, каоносамЪ и онда кадсамЪ изь Опова утекао; или по каменитой планини Вучяку за ярiће водицу светити, него да ми шаки доће навратЬ. При ручку немаримЪ, ерьми ништа нїе пропивнїе него у време жваћаня говорити: ко се шу ћаће да за ме говори велики ми ашарь чини, а

осимЪ

осимъ шога пореду разговорь, вань дага э по подъ Аренду узео. При томъ валя знати да у саданѣ време люди на дѣла више смаштраю, неголи на многоречїе; и косе э радъ одъ велехваленїя излечити, ово некаму э всегда на памети.

ПРИМѢЧАНІЕ.

У спахомъ граду и пароши, (а неби сорега било дасе и по сели она наредба учини) дасе налрати эдань ослиталъ за сиромашь стару и немоћну. (Прано э да спахо мѣсто свое бѣдне прихрмлюе) дасе уреди общакутїя, у кою спаки, кадь у црквu доће- ло сномъ могућству и произполенїю да що за сиромашь прилаже. Но то знамъ да неби доста било, дакле нехасе учини порезь на гопорчїе. Прио ко оће у време эла да гопори кадъ сви други эду начастъму. Нула. Ко осимъ эла оће више да гопори него други нека плати у пищеречену кутїю по форинтъ на месецъ. Ко другима отима речъ изь уста, едань ф: и зо. х: ко рече нощъ ово послушайте, ла кадъ то спрши; опеть друго починѣ, нехъ положи у кутїю два ф: а ко начне едно казивати, лакь пре него то докончa прелази у друго, а изь другога у треће и тако далѣ, за спаки прелазакъ нехъ мене у кутїю по зо. х. а кадьсе прати на прио гопорене лакъ неможе дага наће него насъ мучи чекаюћи и пели ломозтеми хазати, зато нехъ пргне у кутїю два ф: и зо. х. защо се то мучно трли. Наше жене за спаку нопину що у црквu една другой кажу само по грошићь ахо стане у кутїу ћe сила новаца.

91.

ЗЕЦЪ И ЛАВЬ.

Зезъ се упозна съ еднимъ лавомъ упустисе снимъ у велики разговорь, и међу прочимъ упитага, како то бива да Лавь така страшна зверъ пакъ се бои пеплова гласа? Томесе ње чудити, одговори лавь, на земли нико ње савршень, и ако ће ко незнамъ како славань и силань бити мора имати неку слабостъ! Хаа! Међерь зато и ми зецови како чуемо псе да лаю а мисе уплашимо пакъ чистацъ. Лавь се нато осмене и не одговори ништа.

Нарапоученїе.

Да лавь овде чистосердечно безь свакогъ околиша, свою слабостъ, и предь самимъ зецомъ исповеда, ништисе стиди нишїе шаи; ово э лепо, благородно и лава достойно. Онь добро зна, да нѣгова изрядства и превозходителства шаковасу и толика, да една мадена слабостъ, нѣговой слави и храбрости, кое су свету добро познате, ни најманѣга ущрба неће нанети. Алисе нашь сирома зецъ овде шако срамоти да э достоянь не само смея и поруганїя, него и крайнѣга сожалѣнїя, Не зато щое зецъ; ибо онь као зецъ, не само нїе за похуждење, но има у себи и шакова качества и вредности коесу за исто похвале достойне. Неговоримъ овде за нѣгове Уши, кое као зечїе Уши шаманьсу како валя. Но прво онь добро шрчи, и далеко болѣ него многа животиня већа одь нѣга. Друго, онь има толико памети, да често люде и псе прехитри и изь средъ ни измакнесе и утече. Треће, онь э здравь,

вь, добро се плоди, са своиомъ зечицомъ у крайнѣй любави и согласїю живи, зиму и мразь не токмо ласно сноси, него и по снегу скаче као помамань. Чепиврпо и за насъ найважнїе, кадъга уфатимо нѣгова э кожа много полезна, а месо, кадсе лепо скува и испече найвећа Господа и Госпоће облизую прсте едућига. Ова качества и достоинства, свакъ види да похвалу заслужую: али у храбрости или у плашни и страху, себе нама по лаву ставляши, или що э иощъ смешнїе, снимсе барабариши, и, мећерь зашо и ми DEI GRATIA Зецови! говориши, Ее зече, браше зече! Овдесе са свимъ забораваяшь! Жаомише э али шисе морамъ смеяши. Овде можемо очевидно познаши какосе и ми люди, башь као и ови нашь зецъ, често и люшо варамо сравниваюћи и спрнуподобляваюћи себе онима и у онаковимь вещма одъ коисмо ми врло далеко. Зашо, нека намъ э всегда на памеши она предивна и свако злашо у цѣни превозходящая ораџїева сеншенџїа Eſt modus in rebus, ſunt certi denique fines, quos ultra citraque nequit conſiſtere rectum. Есшь начинь у вещма, есу извѣсшни къ шому предѣли, преко кои и за коима неможесе осшановишъ Правосшь. Умѣрена любовь похвале и разумна желя славе и лепа имена, божесшвенни су дарови природно усаћени у срца наша, коя кадсе разумно управляю къ свакой благородной свойсшвенной и общеполезной добродѣшели насъ возбуждаваю наспавляю и воде. Ове небесне искре свещеннаго огня, ни пощо не валя угашаваши у младимъ срцамъ, но на шакови благораспворени начинь храниши и шу, да имъ всегда потребну шоплошу даю, не причиняваюћи у нима никаква пожара. Свое вредносши познаваши о нима умѣреномударспвоваши, и не високоумспвоваши, на испи начинь и свое недосшашке и слабосши знаши, овде лежи Узао. Съ болима и вреднїима не сравняваписе, но насшояши и свака способна средспва упошребляваши, за моћи съ временомъ нима уподобишисе. Ἀνὴρ ἄβουλος εἰς κενὸν μοχθεῖ τρέχων

Му-

Мужь безсовѣстань всуесе труди трчећи: иощъ едно. Καλῶς μὲν τρέχουσι ἀλλ᾽ ἐκτὸς τῆς ὁδοῦ. Добро трче али извань пута. Що ово значи свакъ зна. Нађи пре прави путь пакъ онда шеци. Не млати недозрело воће! Кадъ сазре слађећепи биши. Не крши гране Коећепи де године родиши.

92.

ДВА ПУТНИКА И СИКИРА

Двоица путовахуу дружству, едань одъ ни нађе сикиру, и почнесе фалити говорећи нашаосамъ сикиру. Велиму други, та браше кадь скупа путуемо валялоби да речешь нашлисмо, а не нашаосамъ. Іокъ, неће ови нища одъ тога да зна; а кадъ мало по часъ, етоши люди на кони за нима вичу сикиру! Щоћемо садъ? Рекне ови, нагазићемо на сїясетъ! они ће реши дасмо имъ ми украли сикиру? Що ти мене садь мешашь, щоћемо садь и нагазићемо? Реци щоћу садъ? И нагазићу, защо и пре ниси хотео да речешь нашлисмо, него нашаосамъ.

Нарапоучениё.

Са свимъ людма добро э у миру и любови живиши а съ комшїама наиболъ. Боли э на близо пријашелъ него на далеко братъ, вели Сирахъ. А Премудри исїодъ старн како насъ лепо о овомъ совѣтуе! Ὅς τὶς σέθεν ἐγγύθι ναίει τον᾽ μάλιστα καλεῖν ἐπὶ δαῖτα, τοὶ γὰρ ἔιτὶ σοι χρῆμα γέννηται ἄζωστοι ἔκιον.

Ко

Ко кодЪ тебе близу обитава тога навластито зови на частЪ, ибо они, кадь ти що до потребе буде неопоясани припрче. И на другомЪ месту, ἔμμορε τιμῆς ὡς τ᾽ ἔμμορε γείτονος ἐσθλοῦ! Получиое честЪ кое получїо комшїю добра! У Аѳини шобисе найпре пипадо кадбисе домЪ или добро какво хошело продавапи, каквису комшїе? Блаженне непорочне нарави они божїи люди, гди комшїя свешо сродство значи. Зао и пакостань ономЪ э найгори комЪ э найближи. наполЂ шакога из града и села да люде нешруе! оЂешли знапи, веле наши добродЂшелни спари, какавь э ко? непипай на далеко, гледай само како сь комшїама живи. У Египепскому опачнику спои написано, да у ливїйской пусшини, наоЂяхусе два пусшиника, едань несшорїанинь калуЂерь а други дервишь мусулЪмань. Ови сваки дань кадЪ би свршили свое молишве и уреЂене мешанїе пошлиби на едань не далеко изворь по воду: шу, из любови и ревности кь богу, почелиби еданьдругога увЂщаваши да се обрати одЪ заблужденїя на прави пушЪ; но не могуЂисе погодипи кои э шо прави пушЪ, ерби свакь одЪ ни хошео да э онь самЪ на блаженомЪ правомЪ пушу а други на проклешомЪ и кривомЪ, речЪ по речЪ (касноши щобива) дошлиби одь речи на инашЪ, а одЪ инаша на кавгу анашему и проклинянЂ, а кадЪ и ово неби ниша помогло, ондаби другЪ друга сЪ пунимЪ шиквицама воде о главу; и шакобисе расшали сваЪ задоволянь са своиомЪ свешомЪ ревносшїю, благодареЂи обоица Богу щои э укрепїо да учине свою дужносшЪ да изобличе нечесшїе и посраме невЂрїе, Други шреЂи и чешврши дань долази дервишь на изворь носеЂи пуну главу шакови крепки доказашелспва щосуму преко ноЂь на умЪ пала, проштивь кои уздашесе, данеЂе моЂи други ни уста отворити. Нема онога! Неможе ови више дасе спрпи; поЂезаедно и сЪ шиквомЪ дагапаЂе у колиби, а кадЪ доЂе, има ща видити! Лежи они сирома у люшой огнющини, и едва изговори, Воде

за

живога Бога изгоре и погибо! видећига дервишь у шако жалостномъ состоянїю, заборави свое Аргументе, притрчи съ водомъ и съ сузама у очима Аманъ кардашь викне що е то одъ тебе! напоига умїему лице и прохладига, ниште хотео отступити одъ нѣга у све време болести нѣгове. По неколико дана почнесе монахъ попридизати; алъ ево неволъ прће огнющина на дервиша, ондага други непусти одъ себе, но съ крайнимъ усердїемъ и любовїю послужига за месецъ дана. Да богъ ше и други оздрави шадатисе обоица освесте, и начну овако изъ међу себе говорити: Браше нїе то шала пустиня э ово! Мисмо овде едань другомъ у неволи и отацъ и майка. Оставимо ми у напредакъ сву вражду и инатъ, и будимо добри комшїе и прїятели! и тако живилису по томъ у великой любови и миру. На петнаестъ година после тога умре дервишь Османь, коега монахъ Патермуѳїе погребе и съ сузами облїе гробь друга свога. Но споминюћисе свое огнющине несме самъ ту остати; прће дань ода далъ и остановисе съ друга три опшелника, но сваке године иѣаше посѣтити гробь свога любимога Османа на дань погребенїя нѣгова. Кадъ то сазнаду други, весмасе соблазне и почну сумняти онѣговомъ благочестїю. Случисе дасе ови при томъ престави, и на самой смерти чую одъ нѣга ове речи. Праведни и благи Боже! Да будетъ душа моя съ душомъ Османа мога. кадъ други то чую, са свимъ га осуде за полутурчина и ѳретика: оду у ближни градъ питати Епїскопа Коптскога [то естъ несторїанскога] оћелига погребсти по обичаю цркве свое? Епїскопь, человекъ учень и за добродѣтелъ свою весма оглашень (чуюћи ово знаменито приключенїе кое самъ напише и последнимъ за воспоминанїе остави) самъ оде напогребенїе нѣгово: гди учини едно прекрасно Погребное слово, коега э почетакъ: Нѣстъ судь мой яко суди ваши, Ниже пушь мой яко пушїе ваши! Ово я овде придодаемъ на болъ утвержденїе, Сербљемъ одъ древни времена предраге любови комшїиске.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Елїсколь охомъ э пише речъ звaосе Амфилохїе. Прилажемъ опде едань лель Параграфь нѣгопе предиже. У коему онь дохазуе, да Патерму-ѳїе могао э любити Османа хако друга, комшїю плити сосѣда и хако благодѣтеля спога; могаое и Богусе за нѣга молити: изь опогасе толихо пише лознае доброта срца нѣгопа. А Богъ, самъ едини праведни судїя, коиѣе спахому ло дѣлу, ло сопѣсти и ло мѣри знаня нѣгопа судити, онь зна найболѣ, щоѣе сь химъучинити, нитиѣе на то одъ люди сопѣта требопати. Дае за примѣрь Мойсеа кои опахо говори молеѣисе Богу заїудее; Или прости и нима, или изгладиш и мене изь книге живота. Дае Ап: Паила, кои пели, даби хотео одъ самога Хрїста отлучень бити, хадби чрезь то могло бити дасе їудеи спасу! що праналюбопь неѣе реѣи! Щоли неѣе лоднети! Крѣлка яко смерть любопь! Опо муе хонаць.

93.

МЕДВЕДЪ И ПЧЕЛЕ.

Медведъ доѣе кь едной кошници и почне полагано вадити саше меда и есши. Пчелага една боцне у губицу, а онь се разсрди дигне кошницу и тресне нїомъ о землю; онда ти све Пчеле раз-

дра

дражене ударе на нѣга летећи му коя у очи коя у Уши, тако да онь у бѣжаню начне искати себи спасенїе говорећи. Нисами ль я лудъ? Небилими болѣ било, претрпити озлоблѣнїе еднога непрїятеля, него съ безвременномъ осветомъ многе противь мене раздражавати?

Напоученїе.

Напрасностъ, нестрпѣливостъ и неразумна освета весмасу многимъ вредовите, болѣ э и озлоблѣнїе гдикое и обиду претрпити, неголи већу беду себи на вратъ привлачити. Два лешника орауcу войска вели пословица. що маримъ за тога, не аемъ за онога, докъ исе накупи сила, пакъ ондащоћу садъ! Слаби якому, кадъ и э много често досаде. Памећань ни у найслабїему не жели себи имати непрїятеля, ко зна що носи дань щоли ноћь? Болѣ э имати сто доброжелателя, неголи едногъ злохотника: горшань сладакъ умножаетъ други, вели соломонь, а сладка речъ гвоздена враша отвара: овое наше. По вишой часши изъ самога зла обичая бива, да многи себе за мале ствари, за саме безделице, за неразсудну шалу, за напраситу речъ, за печенѣ и кое какво неподобно и непристойно мицанѣ устна и лица, кодъ добри люди у омразу ћеће. Но малена э вещъ, вели! Акоће найманѣ биши що неваля, неваля. Муа ако и неуеда а често на образь наскакуе досади намъ; боцанѣ буе ниши убїя ниши шруе, али опетъ никомъ нїе мило. Учимо дакле децу изь младости разсуждениїю, и даймо имъ нашо усеби примѣрь.

94.

МЕДВЕДЬ И ЦИГАНИНЬ.

Медведа питома у ланцу држаше циганинь и вођашега по пазари; гди чинећига играти добиваше свое препитанїе. Почне медвеДЬ молити циганина, небилиму како могао начинити рогове, говорећи дабиму врло лепо стаали, навластито, кадЬ се дигне те игра не две ноге. То може бити, одговори циганинь али валя за то да дашь себи одрезати уши: Уши? Рече медвеДЬ. Поћути мало и промислисе; кадЬ неможе иначе бити рече, а ти айде некЬ иду уши. Стисне зубе сирома и заэчи али претрпи; оде они, наће некакве рогове, пакЬ етошига сЬ сврдломЬ и сикиромЬ: добро да носишь рогове, велиму мећедЬ, а нашто сврдао и сикира? Како нашто? Да ти пробушимЬ чело и набїемЬ рогове. Да ми пробушишь чело? какоћешь ми бушити чело? Бушилети вране очи! Иди безтрага начастЬ ти рогови носи и самЬ, я и нећу. Хе я лудЬ и трипутЬ лудЬ, нїе ми жао люте болётице що самЬ претрпїо, него що садЬ морамЬ безь ушїю одити!

Нарапоучениё.

Басна не само щое смешна, него намЬ дае, крашку али лепу науку, да нико не жели оно що нїе за нёга; да не повари насе що неможе понести, да се не чини оно що нїе, и дасе не меша у оно що не-

незна и нїе кадарь. Многи у умѣренному состоянїю достасусе вредни показивали, нишису ружну фигуру чинили, но незадоволни съ тимь хотелису, щоно лашїни веле per fas et nefas а наши веле съ богомъили съ врагомъ на више пакъ онда що? Осрамотилисмосе! Некъ придодамъ овде и то; доћиће блажено време кадће и Албанези на нїовомъ эзику книга имащи. Но они кои буду ово лепо дѣло насе узимати, то естъ за Пречестно и предраго общество що нибудъ писати, нека добро гледаю щаћеду свету давати. Садъ на различни учени эзици могусе имати, не на стотине него на хїляде преизрядне книге! зато онде гдисе може избирати, памећань избира що э болѣ. Свакъ сосудъ на оно заудара щасе у нѣга сипа, ако э вещъ благовонна мирише, акоди зловонна а онь смрди: болѣ э що незнати него наопако и зло знати. Сви учени люди врло добро знаду колика эмука, и дасе на стотине година време изискуе за искоренити изъ еднога цѣлога народа нека худа суевѣрна и человѣческому роду вредителна мудрованїя, коимасусе съ материнимъ млекомъ задоили и напунили, и коясуимсе у крвь и у мозакъ замесила и претворила. Ласноби било научити люде оному що незнаду али некдерсе наће коћеи одучити одъ оного що знаду, то нїе могуће вань даби свемогући Богъ чудо хотео учинити. Зато одъ деце валя добро почињати, овдесе то може учинити безъ свакога чудотворенїя, правимъ естественнимъ начиномъ. Ево браћо моя иощъ една ствариъ, незнамъ, ели чуда или сїясепа достойна, Мећу исти просвещени народи, има люди, кои савь животъ свой съ книгами проводе, пакъсе неки одъ ни наоде такови, да оно щосу найпре научили и себи едномъ здраво углаву завртили, акоће бити криво, мрачно, неразумително, очевиднога противорѣчїя пуно и на кратко рећи са свимъ absurdum, то естъ безсловесно, они се тога држе као слепацъ плота. А защо? Ни за що друго него само зато ерсу то найпре чули и примили. Предлаже имъсе друго чистио, ясно и не-

злобиву детету ласноразумително, кое да оће-
ду моглиби опипати и познати: неће, не-
го стои и вика на све шое ново горе него на
бесна куряка. Дакле учени и благоразумни у на-
роду, знаюћи даће богу и будущимъ родовомъ
отвѣтъ страшанъ даваши некъ не пазе ни комъ
ашара и некасе небое ниши спиде божїе истине
и правде, нека говоре безъ пристрастїя, нека бо-
дарствую каковећесе книге деци давати; а они кои
незнаду некъ ћуше ако оће дасу пощени. Ноћь
прохази дань се приближава: иде Витовь дань, ви-
дићесе ко э ВѢРА колїэ НЕВѢРА! ми прохазимо,
аль иду други после насъ; ко немари за последакъ-
о ономъ овде нїе речь.

ЖЕНА И МУЖЬ ПІЯНИЦА.

Жена имала пїяницу мужа, и сваколкосе мучи-
ла совѣтуюћига и увѣщаваюћи дасе остави пїян.
ства, чрезь кое, дань о дань потире не само домъ
свой, но и здравлѣ и паметъ и душу и тѣло. А
кадъ већь види, да све то ништа непомаже, како-
га упази едномъ дасе отреска опїе и легне као
мртавь, дага однети у едну гробницу пуну ко-
стїю, и кадъ разбуди дасе э могао наспавати и
отрезнити, доће гробници на врата пакъ стане
куцати, пита онь, ко то лупа, ясамъ, одговори
жена, сь претвореномъ гласомъ, ще мртвимъ

эло носимЪ! кадЪ ови почне у мраку око себе пипати; има ца нађи! главе и кости мртви люди Али цо онь аэ за све то, него кажейой управь. Ко мари за эло некати отвори, мени донеси цо пипы ако оћешь да ти я отворимЪ!

Нараπоученїе.

И ово э πротивь зла обикновенїя, буди у пићу, буди у каквомЂму драго злу дЂлу. За шо нека деца ови стихь овидїевь добро науче и некое болЂ нимЪ ползую. Principiis obſta, ſero medicina paratur, cum mala per longas convaluere moras. Почепику противстой; Позно се лекарство готови, кадсе зло, чрезь дуга, усили закаснЂнїя. Кажу наши у далмацїи дасе надЪ еднимЪ пїяницомЪ упали кућа, вичу люди споля, Воду воду! А онога изънутра стане вика, неидитеми сЪ водомЪ на очи да вамЪ божићь на зло недоће! Вина мени! Али да ко нерече да я само за смей и шалу пишемЪ, приложићу нещо мало, како инглезски Сократь, то естЪ Адизонь прекрасно доказуе, какови союзь овдешнЂ обикновенїе сЪ будущимЪ имаде блаженствомЪ (дθе стеть аф блисЪ, уи каалЪ хевень, уилЪ нашь би кепеблЪ аф афектин дθоозь майндсЪ, уичь ерь нашь квалифайдЪ фарьитЪ; уи мость инь дисЪ уарлдЪ геень е релишь аф πруθь ендЪ верчу, уичь ерь πу мекЪ осЪ хепи ин дθе некстЪ) Состоянїе блаженства цо ми зовемо небо, неће бити способно дЂйствовати у они умови кои нису приучинЂни за то; ми морамо у овоме свету добити едань вкусЪ истине и добродЂтели, кое есу за учинити насЪ благополучне у ближнЂму. Необичавшисе на зло, ово э отрицателно добро, защо само ово, иоще насЪ нечини да смо добродЂтелни, него насЪ само

чува да нисмо зли: а обичавашисе на добро ово э ушверждателно добро, защо ово насъ чини да у самой вещи бивамо добродѣтелни.

96.

КРТИНА И МАТИ НЂНА-

Мала кртина почне едномъ говорити матери своей, Мамо! Я видимъ смокве; пакь опетъ, мени замириса тамнянь! А затимъ, мамо! Я чуемъ музику! Онда иой она одговори, моя ћерко! Тога ништа неима овде гдисмо ми, но како я видимъ тебисе покваріо мозакъ, кадъ ти чувствуешь оно што нїе.

Нарапоученїе.

Ово э за оне кои себи воображаваю да знаду оно што незнаду. Да незнамо што нисмо научили то э природно свакомъ: али да себе издаемо за учене, у чему нисмо, ово не иде управь- Сви ми можемо неке ствари знати, а неке незнати, но разумань разпознае што зна одъ ща незна; и нимадоне сумня, Кадъ би могуће било, да хїляду година живи, свебисе имао чему учити. Оно што самъ я чуо одъ Карамустафаге такова э важна истина, да э сви фїлософи мораю припознати; то естъ да е самъ Богъ безь ущрба, Пчели и мраву и найманимъ црвкомъ естество э дало знати, безь никакве науке све што имъ э одъ потребе. Самомъ човеку богъ то нїе дао, защо э нѣгова премудростъ нами за

болѣ

болѣ судила дасе ми одъ други учимо, не самъ одъ люди него и одь пчеле и одъ мрава. и тако, ко у овоме слѣдуе уставлѣнїю творца, онъ се всегда учи, и данъ подань и боли и разумнїи бива: а косе лени илисе поноси, илисе стиди що одъ другога научити а онь остае стражни. Иже несобираетъ сомною расточаетъ. вели нашь Спасителъ, ко самномъ не сабира и недобива, онай троши сиречъ губи и оно що има. А щасе съ хрїстомъ сабира? новци? Не, онь нитїе сабирао нитїе имао новаца- но онь говори за разумъ и добродѣтелъ. Ходите по свету да васъ необлада помрчина, учи насъ; светъ э просвещенїе душе и разума, а помрчина э глупостъ, невѣжество, и безь сваке науке худо варварство: ко неуме разумно мислити, какоће що разумно и паметно дѣлати? Нема гори люди, вели Бако Веруламїусъ одъ они коисе просвещенїю и науци народа противе, такови да могу сунцеби угасили. Случимисе у црной Гори читати у некой книги, да одъ свїю знања, найболѣ э човеку знати даће поћи съ овога света съ добромъ совѣстїю, кадъ э у обществу у кому э живїо свою дужностъ совршено исполнявао: по обичаю кажемъ що Владики Василїу ербиме онь свагда пишао ща самъ читао. Сутра дань одемо на ручакь у манастиръ онога истога Игумна съ кимсамсе о дуги приговарао; овде за испунити епїскопову волю, опетъ упитамъ Игумна ща э найболѣ знати? А ови ни мало не мислећи намами одговори, вѣрати, божа ако и то незнашь башси прави ћукъ! найболѣше знати да имашь новаца у кеси, а найгоре, да неймашь! загрми трапеза одъ смея: мени э пало на умъ да му речемъ, а како э, кадъ имашь у кеси а неймашь у глави? Али самъ премучао, знаюћи, да ко немауглави, онь мисли да има више него сви други. А Игумань дичећисе пита намесника: есламлиму како одговорїо? Майде [ошвеща онай] имаће, гди годъ доће, ща повѣдаши! Онь мисли гди ми нечитамо кое какве книге да ми нища незнамо. Ево овакови люди кадъ

що смешно знаду казати, мисле у себи да све знаду; и мораду тако мислити зашто неимаду никакова поняшїя о ономъ що незнаду. Природни у нима лепъ разумъ, остроумїе прекрасно, али э све то како добра земля но безь руку землѣдѣлца дивя. Некаимь се даде наука биѣеду украшенїе человѣческога рода. Σοφία μόνη τῶν κτημάτων ἀθάνατον, τὰ μεν γὰρ ταχέως ἀπολείπει, ἡ δὲ πάντα τον χρόνον παραμένει. мудростъ э сама одъ свїю имѣнїя безсмертна, ибо ова брзо насъ оставляю, а она у све време съ нами остае. Исократъ къ димонику. А Іисусъ Сирахъ вели. Аще узриши премудра утренюй къ нѣму, и степени степезь эго да трестъ нога твоя. И мало понизе, они први къ димонику говори, срамота, да трговци толика мореплаванїя подносе за стечи имѣнїе, а млади люди ни по суву да неће да путую за поболшати умъ свой!

97.

ЗМІЯ И ПИЛА.

Змїа уће ноћу у едну ковачницу тражећи ту що за эло, наће пилу и почне э лизати, окрвави эзикъ, но мислећи да э та крвь изъ пиле, непрестане лижући докъ себи савь эзикъ не излиже.

Наравоученїе.

Ово се догаћя онима, кои, са свои змїйски эзици Науку и просвещенїе Народа злослове, клевећаюћи и посмеяваюћиимъсе, мисле да нима вреде; ни-

ши

ти знаду бѣдаци даћеду пре свое здовиште эзике истреши и у нища обратити, негоће Науци наудити. Кадсе нїове кости у пра обраше, она ће цветати и побѣдную пѣсань пояти, ерь она у богу почетакь имаде и снимь вѣковѣчно вѣкуе. Глупостъ, Варварство и худо невѣжество, могу за неко доба на високи престоли седити, круне златне на главамь носити, и добродѣтелъ удручавати; но време, кое э свачему Пила, нїовеће престоле и снима заедно у прахь обратити, и на нїовимъ истимъ развалинамъ, наукамъ мудрости и добродѣтели Академїе и царске градове воздвигнути и утвердити. Эзикъ безумнога що нїе кадарь рећи? Вели да ни бога нейма! Како и защо? Растлѣша Вь начинанїяхъ своихъ, ево како! Ерь безумань нема добродѣтели у сруу своме. Пакъ що му бива? За неко време превознесесе и узвиси као кедарь на ливану, но мало потомъ, докъ само мимоиће, алъ етоштига нестаде! нитъ му мѣста ни трага остаде.

98.

АПОЛОНЬ И ЧОВЕКЬ ЛУКАВЬ.

Пре хрїстянства Аполона су греци држали за бога, кои биимъ на неизвѣстна питаня одговоре давао и будущая предказиваО- Овоме Аполону доће едань лукавь братъ за искушатига, носећи врабца подъ япунчетомъ; и упитага да му каже, ако зна, эли врабацъ живь или мртавь, сь намѣренїемъ, ако рече да э живь да га нама спусне за вратъ и покаже мртва, Аполонь познавши

щае

ћае онь наумїо, одговориму: то зависи одъ тебе, ако ти оћешь врабацъ э живь, аколи ти нећешь, а онь э мрштавь.

Нарапоучење.

Лукавь човекъ све о лукавству мисли, валя се снимъ добро узети на паметъ; онь и кадъ спава све о лукавству сања: нѣговису посли шако замршени, да когасе добро незна чуваши, на коюсегодъ страну окрене наћићесе у нѣговой мрежи. Остроумїе и хитростъ на добро окренуши, а на обшу ползу употребиши, шосе зове мудростъ: а кадсе на пакостъ и на зло другима употреблява. Тада э лукавство, за кое сшои написашо; ровь изри и ископа, и паде у ямукою э начинїо. Лисица э лукава, али иойсе многе коже продаю. Σαυτῷ κακὰ τεύχει ἄλλῳ κακὰ τεύχων; κακὴ δε βουλὴ τῷ βουλεύσαντι κακίστη. Себи зло куе, кога другомъ куе; и зао совѣшь, совѣшующему э найгори.

99.

МЕДВЕДЪ И МАЙМУНЬ.

Медведсе фалїо да э онь добре нарави, защо никаву живошиню мршву не эде; нашо му маймунь одговори, ако оћешь ши даси добарь у живе ши недирай а съ мршвима чини шошши драго. На исши начинь можесе ово рећи и онимъ суевѣрнимъ, кои, одъ живи съ направдомь узимаю а мршвимъ за душу даю.

100.

ОВАНЬ И ЭЛЕНЬ.

Овну се досади подь властїю Пастира живити, и тако, како получи способно време одустане одЪ стада и удалисе у планину. Послучаю, намѣрага намѣри на едногь здравогЪ элена, кои се удиви редкости приключенїя, то естЪ, видити овна усамлѣна у гори; запитага учтивимЪ начиномЪ, одЪ кудЪ тако, и далеколи мисли, Каже му ованЬ све чистосердечно що єнаумїо; тужѣнсе на пастира као на мучителя, кои незадоволянь що стриже овце и музе, него и иоцЪ продае и самЪ колѣ и эде. Осменесе элень, и начнему беседити; кротка животинїо, послушай ти мое рече, яѣути и, безь никакве мое користи, само изь пріятелскога блэгоохотства за твое добро говорити: колико годЪ пастири продаю и колю овце, опетЪѣе ни више на свету бити, него кадЪ и стану куряци клати. Ти видишь мое рогове коликису? И млого већи и ячи одЪ твои, и опетЪ, да ме честократьь ноге одЪ куряка не спасу, ништа ми неби рогови помогли. Овце безЪ чувара и пастира, тое толико колико да и нїе; а ти ако мой доброжелателни совѣтЪ непослушашь и невратишсе сь мѣста кь Стаду, тиѣешь сь твоиомЪ погибелїу, какоте први курякЪ сусретне, мои речи испину познати. Онда му

Ованьь

Овань зафали, и савсевозможнимъ скоротеченїемъ доће у стадо.

Нарапоучењe.

Люди безь подъчинѣнїя, безь Владѣтеля и безь крепки Закона пре или после мораду пропасти: и щое горе, самису себи куряци. Гди оће сваки да заповеда а да неслуша, шу кое ячи онь э и спарїи, а безь добра воспитанїя и безь науке кои э найячи най э и найюри. Владѣтелъ безь нужднога вѣжества и мудрости низринюе у пропастъ погибели оне коима влада и себе снима заедно.

102.

ЗЕЦОВИ И ЛИСИЦЕ.

Зецови обяве Войну орловомъ. пакъ пошлю звати на помоћь лисице; а ове имъ одговоре, кадъ будете имали войну съ кокошима онда ћемо вамь ми помоћь дати, ерь шу знамо даћете и ви ца моћи исправити. добро валя сматрати съ кимсе ко ваша; зашо, у чему ко нїе кадарь найпре самъ себи помоћи некасе на шуђу помоћь врло неосланя:

102.

КОСЪ У КАВЕЗУ.

Косъ у кавезу нећаше обь дань пояти, но само преко ноћи. Упитаюга защо то чини? обь дань поюћи уфапилисуме, одговори онь, затò самсе одъ тада научїо памети. Безь временно и касно, добра косовицо, рекуиой, садъ слободно по васЂдань пой, немашсе вечь чеса бояти.

Нарапоучен ї е.

Παῖδων δε νήπιος ἔγνω кадъ посшрада манишъ, онда зна, вели исїодъ, после боя съ коплѣмъ у прнѣ. Прародишелни грѣхь, щоно зову нища друго нїе него незнанѣ; само, дай да разсудимо ово, накѣне намъ ова вещъ ясна биши. Кадь се ко да или одъ другога обманупи, илисе самъ собомъ превари онь шо нечини ниши изь злобе ниши изь лукавсшва, него изь недосшашка или изь недоволногъ прониџашелсшва ума, а шо э исшо и незнанѣ. Наши дакле прародишели у своме прномъ сосшоянїю беззлобїя ниишсу злобе ни лукавсшва познавали; доће вели змїя и облесши Еву, а ова са своме неизказаномъсвоиомъ любовїу кЬ мужу свому прелащена будући прелассши и нѣга. Ниово непослушанїе са свимъ э основашо на незнаню; ерь дасу они знали щаћесе изь шога родиши небисе преварили; ево дакле како э незнанѣ први прародишелни грехь. Що велимо дасе сви люди у прародишелномъ греху раћаю, шо ако оћемо разумно да шолкуемо, нища нїе друго него незнанѣ, ерь сви що насЂ э годъ на бѣломъ свету кадсе родимо нища незнамо. Ми кадъ велимо да за грехе наше сшрадамо, шо шолико значи, да за наше будалащине и незнанѣ злопашимо; за шо и

фари-

фарисеи слепороћеномъ веле; тиси се савъ у греху родїо, то естъ не само у незнанству ка и други люди, него иоще савише и слепъ. косе глувъ роди, мора немъ остати, защо не чуюћи речи неможе и ни научити; а кадъ бисе оваки иоще къ тому и слепъ родїо щаби онда научїо? Ништа. Кадъ велимо да насъ э нашъ премудри Спаситељъ избавїо одъ прародитељнога греха, ништа друго не велимо, него да насъ э освободїо одъ незнања, да насъ э извео изъ тьме у светъ, да намъ э дао право Бога познанство, и да намъ э показао не само съ своиомъ наукомъ него и съ своимъ примћромъ ПУТЬ къ совершеной Правди и добродћтели, то естъ къ Царству небесному. Одкупїо насъ своиомъ пречестномъ крвлю, како иначе? разве ако познаемо ону Истину и ако схћдуемо онима добродћтелма за кое э онъ не само изагнатъ, псоватъ, поруганъ, поплюванъ и бїенъ бїо, него и найпоследню каплю крви свое излїо. Когодъ дакле вели да э Хрїстосъ за нћга свою кровъ пролїо, а онъ се Истине бои, на ню мрзи, и гонию, за привременну користъ лицемћрствуе и лаже. трбу и сласти свое правди и добродћтели предпочитава, у глупомъ суевћрїю, у худомъ тврдоглавству и самоволномъ незнанюлежи и остае, онъ се ужасно вара, и у прародителномъ греху, то есть у незнанью своеволно остае. Аколїе ко пакъ много ученъ искусанъ и остроуманъ, а зао, пакостанъ, и лажливъ, онъ е подобанъ едномъ: кои види чуе и говори, али кадъ муе покваренъ мозакъ свемуе оно за худу; злоба, покварено срце и развращене нарави люто ослепляваю човека, и недадуму знати оно щое найнужнїе и важнїе, то естъ добродћтелъ, безъ кое, сва наука остроумїе и вредностъ на злосе употреблява и вреокреће зато дакле, предрага юности! Учисе вразумлявайсе и умудравайсе, али у исто време, сва твоя наука разумъ и мудростъ, исте твое игре и забаве некасу неотлучно свезане и соединћне съ честностїю и съ добродћтелїю, безъ кои, добро

знай,

знай, да наивећа мудростъ нища нїе друго него наивећа и крайня слепота и лудостъ. Μισῶ σοφισὴν ὅς τις ἐχ' ἑαυτῷ σοφος. Мрзимь мударца кои себи нїе мударь.

103.

ЛОВАЦЪ И ДРЕВОСѢЧАЦЪ.

Ловацъ здраво вооружень хоћяше по гори за ловомъ; упази изь далека древосѣчца и за показати-мусе да э юначина упитага знали гди кою пещеру гди лавови стое. Иди све томъ путанїомъ; каже му они, пакъ ћешь брзо кь едной доћи: а кадъ ови то чуе, Ха Ха! Нещо самъ заборавїо, рече, пакъ бѣжь натрагъ. Овое за оне кои кадъ стану говорити страотаи э слушати, ца они нису кадри рећи и исполнити, а кадъ се кь дѣлу доће а оно смућкай па проли, а греци веле пресусе планине родићесе мишь.

104.

РИБАРИ.

Рибари извлачећи мрежу изь рѣке, осете да э врло шешка почну викати и скакати одЪ радости ублажаваюћи дань и срећу свою: а кадЪ едва извуку мрежу, нађу у ниой на место рибе великачакЪ пань, и мрежу сву изкидату, онда почну псовати и проклиняти таку срећу; немойте браћо! Рече едань одь ни; видобро знаше дасу радостЪ и скорбь две сестре, кое една за другомЪ долазе: вистесе мало пре одЪ већь радовали, време э да мало и поскорбите.

Нарапоучећ.

Прекрасна наука даенамсе овде да себе у свачемЪ умѣравамо у благоденствїю дасе не гордимо, ни-ши пакЪ у злополучїю дасе очаявамо. Коби радЪ да э всегда весео, подобань э детету кое, какосе наеде ни защо друго немари него да му се играши, ерь детинска памећЪ нїе кадра за последакЪ мислити. Трудитисе и мучити да що научи то э нѣму неугодно и противно, ниши оно мари да зна да кадЪ доће старостЪ пита гдитїе младостЪ? На исти начинь и човекЪ кои ниша друго неби радЪ него само да э ситЪ, у сласти и весељу, онь мора мислити дае само за ови животЪ создатЪ као и осшала животиня; а иначе бисе здраво замислїо кадЪ биму пало на умь даћедуга онамо питати шае овде чинїо? Но башь кадби били само за ови животЪ створени, опетЪ непрестанно веселЪ, ни ти намЪ э могуће ниши шо валя. Всегдашнећ почиванћ безь никаква посла и труда, не само що нейма у себи ни какве прїятности, него э и савише смрдливь животЪ.

вотъ. Ко себи никада неда огладнити, не само що не чувствуе какова э сладостъ хлеба, но иоще къ тому сва ела щоисиломъ трпа усе нѣмусу отровъ. Ко никада нїе чувствовао горестъ скорби, онь нїе кадаръ ни праву сладостъ радости чувствовати ко хоће да э нѣгова радостъ словесна и разумна, а не само чувствена и скотска, онь се мора за многе ствари скорбити спарати и трудити. Давняшни Еллини, и неимаюћи такова чиста поняшїя о вѣчномъ животу, какова ми имамо, само за оставити пощено и славно име за собомъ; послушаймо Еврипїда какосу мислили и говорили: *εἴη δὲ μοι γὲ μήτε χρυσὸς ἐν δόμοις, μήτ' Ὀρφέως κάλλιον ὑμνῆσαι μέλος, ἢ μὴ πίσημος ἡ Φήμη γένοιτό μοι* Нека ми нейма ни злата у дворови, и одъ Орфеа лепшу некъ не поемъ пѣсну, само знаменито Име некъ ми буде! Пишаю младога Θемистоклеа нѣгови врсници, за що э постао тако замишлѣнь, и одъ сви забава и веселя престао? Кои э узрокъ толике промѣне? Ахь браћо! Одговори разумни младиће, Милцїадове побѣде ни спавашими не даду! На властито, у садашнѣ просвещено вре́ме кадъсе сами Цесарь толико шруди и зноi, ниши доволно сна себи дае, за дапи Царемъ прикладъ какосе царствуе, можели ко тако худо мислити да э само за трбу на ови светь дошао, и да э на какво достоинство возведень само да може вѣма шѣло свое упокоити и насладити? Пролазе и пропадаю она времена мрака и варварства кадсе э сва слава и величество у кони и у инпови држала и наодила. Садъ се ови обичай уводи и оваки законь узаконява. *Колико ко шеку честъ одъ общества жели и изискуе, толико шице шаля дасе труди и дасе стара да э заслужи.* Радостъ и Скорбь двесу сестре вели наша басна, садъ да видимо коя э одъ ни памешнїя. У радости и благоденствїю човекъ заборавля себе и бога, а друга сестра що чини? Помянухь Бога во скорби моей и

возвеселихся, вели Пророкъ. нїели ова памет нїя? Премного! Твораць премудри таковое разположенїе у Естеству учинїо да найчувствителнѣйше сладости чувства найкрашесу; заколико осећамо сладость эла и пића? Само докъ намъ крозь грло прођу, пакъ шу ши имъ конацъ. Свака радостъ у коей срце разумъ и душа участїя нейма безьсловесна э, и како брже доће шако э и нестане. На противь чиста совѣстъ и блажено спокойство срца, шако су тихе вещи дасе едва чувствую, али могу пребивашись нами докъ смо годъ живи, и на самой смртной постели неоставляю свое любителѣ. Сладостъ пакъ и радостъ коясе у благотворенію и добродѣтели наоди она э са свимъ чрезьестественна (нека добро ово примѣтимо) добри човекъ баш и кадъ страда и злопати за свою добродѣтелъ и шадасе радуе и весели [акое само нѣгова добродѣтелъ нелесна и права] ова дакле радостъ мора биши вѣчна, како э и самъ Богъ вѣчанъ, у коме она свой изворъ и почешакъ има.

105.

СТАРА ЛИСИЦА И КУРЯКЪ.

Стара Лисица срешне куряка, овисе залети на ню, а онага почне молити да недира у ню бѣдну стару коя нейма ништа него кожу и кости. Ако ми кажешъ три истине, речеиой курякъ, кое ћу морати вѣровати, пустићуте. Прзо, одговори лисица, Проклинѣмъ часъ кадь самте сусрела. — — Добро то ши вѣруемъ — — Другого,

го, ако те други путЪ сретемЪ желимЪ да ме слепа сретнемЪ — — и томорамЪ вѣровати, — пређе, да богЪ да да пропаднешь и да те нестане даше я ни слепа више не видимЪ. Насмеэсе курякЪ пакЪ э пусти.

Нарапоучєнїе.

По вишой части людма истина нїе мила, защо мису шакови какови се чине. Ако намЪ нїе драго да се говори с нами да смо каквисмо, срдимосе на себе защосмо шаки? А не онакови, за каковеби ради да насЪ люди држе и проповедаю. Аколи насЪ пакЪ ко из злобе, зависти или незнања оговара и шуђа парчепа нами пришива; кадЪ ми само знамо да онь лаже, или дасе вара шо э нами досша, начастЪ му нѣгова лажь; а зависшЪ и злоба вайвише мучи онога кои э у нѣдри носи. Давно э речено коће свету уста запушити? Ово нїе могуће: а да сами себе исправимо, и да будемо добри ако желимо за добре почитовати биши, ово можемо, о овомЪ дакле да се и старамо. Нико нїе шолико богашЪ за подмишити цѣли народЪ да неговори оно що мисли. Правда, да другда лажь опше ма, и чинисе као да надвлада истину, но небоймосе, лажь кадЪ годЪ буде она мора пропасши. Али ће рећи ко, учшивосшЪ изискуе дасе свагда не говори оно що есшЪ, и оно що ко мисли: шосе зна, али прошивь шога кадЪ се о исправлѣнїю человѣчески нарава говори и пише, валя право казаши, да э много боли они народЪ кои пошенЪ, правду истину и чистосердечносшЪ люби, неголи они кои све ове божесшвенне добродѣшели спрама учшивосши за ништа држи и попире. Щоби било одЪ характера они люди, коиби за законь узели да за любовь къ учшивосши и къ худимЪ комплименшомЪ валя лагаши,

гаѣни, као црвь по блату милиши, и у све време живота взаимно вараписе и заслепляваши? Учтивостъ кадъ произходи изь доброхотна человѣколюбива и благородна срца лепа э, красна и общеполезна добродѣтелъ: а кадъ излази изь худа, пришворна, лукава и лажлива срца, онда э и сама сгадлива и непотребна. Не Браћо Срблн! Гдиспегодъ немойше дасе о вами рече оно що э Солонь некимъ у свое време говорїо. ὑμῶν δ' ἓις μεν' ἕκαστος ἀλώπεκος ἴχνεσι βαίνει σύμπασιν δ' ὑμῶν χἄυνος ἔνεστι νόος, εἰς γὰρ γλῶσσαν ὁρᾶτε καὶ εἰς ἔπος αἰόλον ανδρὸς εἰς ἔργον δ' ἐδὲν γιγνόμενον βλέπετε. Одъ васъ свакъ до еднога лисичїимъ шрагомъ ходи, и у свимъ вамъ що васъ э годь слабь се наоди умъ; ибо на эзикъ гледаше и на речъ шарену мужа, а на дѣло никакво що бива не смашрате. Но ово щоћу садъ рећи добро знаймо! Нїе могуће да э човекъ управь добарь, а да нїе у исто време и учтивь; нѣму э природна и свойсшвенна учшивосшъ какогодъ шѣлу сѣнь: разсудимо само. Учшивосшъ э да у обхожденїю другь другу угодни и прїяшни бивамо: садъ, онай кое свагда гошовь и радъ свакомъ по сили своей помоћи и добро учиниши, ели му могуће да безъ узрока и радо, когалибо речма увреди и озлоби? Нѣгово прекрасно и благородно срце кое неби радо увредиши ни мравка у шрави, можели озлобиши слаба, сирошу, деше или жену? Никако! Овакови ни нашо не може мрзиши, разве на явно и общевредовишо зло, а шо мора акоэ управь добарь. А учшивь и сладкоречиви комплименшашь безъ добра срца, ништа друго не чини него лаже. Шаће нами и када помоћи слуга покорнѣйши и понизнѣйши, кои, кадъ намъ до неволъ доће нећесе ни кренуши ни помаћи сь мѣсша? Помози ши брашу своме човеку у потреби, пакъ ши нѣму рећи поспаринскн, добро дошао браше, и сь богомъ пошао! Помози и помажи колико можешь, и некь се радуе срце швое помагаюћи. Зашо, помоћи шо э божїе и божесшвенно

но

ко дѣло. Убога удовица коя э за сиромашь два новчића дала, више э, по свидѣтелству преблагословенога спасителя дала, неголи сви богаћци, зашто э дала све що э имала. Славни характерь еднога Народа у томесе состои дасу сложни на добро, мужественни у потреби, вѣрни едань другомъ, послушни закономъ отечества, трудолюбиви, трезвенни, чистосердечни, правде и пошеня любители, кои предпочитаваю честь привременной кориспи, и воле животъ изгубити него пошено име. Оваковису доспойни имаши просвещена надъ собомъ Цесара, зашога умеду познавапи и слушапи, и заслужую не само нѣгову любовь но и Почитанїе. Права любовь неможе биши безь почитанїя, а истиннипо почитанїе нейма мѣста безь добродѣтели А добродѣтель изискуе здрави природни разумъ, кои кадъсе иоще съ наукомъ соедини онда сосшавля онай божествени вѣнацъ кои краси и увѣнчава словесну душу. Изъ овогасе види као сунце на небу, да нїедань Народъ нищїе бїо нищиће биши славань безъ науке и добродѣщели.

106.

КОМАРАЦЪ И ВО.

Комарацъ стане волу, на рогъ, пакъ мало почасъ речему, ако самъ ти тежакъ а ти ми кажи пакъ ћу отићи. Ти мени тежакъ? я те и неосећамъ коликъ да те и нїе на свету.

Нарапоучєнїе.

Ово э за оне кои о себи одъ вєћь много мисле, човеку э одъ естества усађено своелюбїе, а що э годъ одъ естества кадъ се само разумно и пристойно управля добро э и нужно. Любећи човекъ себе съ разумомъ, одь свакогасе зла укланя и чува, желећи да му добро буде мора добро творити; и зато у каквомъсе годъ состоянїю и званїю наоди, буди у землѣдѣлству или рукодѣлїю или науци или у служби общества одъ дань до дань кь вєћему совершенству силисе и тежи. Но ово разумно своелюбїе валя отличавати, одъ самолюбїя, и чуватисе да се прво у фторо не преобрати, щосе врло ласно догодити може: пакъ онда човекъ самога себе почитуюћи и любећи, а за друге ни мало, или одъ вєћь мало марећи, не само щосе срамоти, него и савиште, праведно негодованїе и мрзостъ другихь на себе навлачи. Ако ми себе како надлежи любимо, за то̀ исто и самцато валя да сваки трудь прилѣжанїе и подвигъ употребимо да насъ многи радо имаю любе и почитую; а кь томе инимъ путемъ неможемо доспети, разве общество у коему живимо, како себе, и гди надлежи, више него себе почитуюћи любећи и о нѣговой общей ползи трудећисе. Разумно дакле своелюбїе мати э добродѣтели; а изь худога самолюбїя раћасе свака будалашина и злоба. Косе одъ вєћь фали онисе завали, лепа пословица! оћешли да познашь вели, кое будала? Косе фали са своимъ истимъ будалашинама. Едань албанезь яничаринь доће у Босну, зна понещо србски, али мало, и хотећи да каже бошнякомъ да э онь страшань юнакъ, запитаи, какосе у Босни зове онай ко чини све що онь оће, Огурсузь, одговоре бошняци. Ха море Огурсузь, да знаше да самъ я велики Огурсузь! Каже имъ Албанезь, валла и еси и бићешь, одъговоре други, смеюћисе. Кажу за два просяка дасусе предъ едни врати инашила, коће одь ни преискати, онда спа-

рїи

рîи млађему рече, ти щоси юче постао просякомъ, оћешь дасе самномъ барабаришъ, когасу отацъ и дедъ просяци били! Есиль чуо? Овосе свакомъ мора видити смѣшно, но такоэ самолюбїе, ослеплява нась ужасно и чини насъ да себе похвалюемо, онде гди би дужни били окаявашисе и на сами себе срдитисе. Цѣли народи поносесе и фале съ враждомъ съ мрзостїю и съ гонѣнїемъ коясу нїови спари другима наносили, и шако и свою децу испомъ враждомъ напояваю. Заисто крайнѣга, не велимъ посмѣянїя, но сожалѣнїя достоянь э человѣчески родъ! колика зла страда одъ коиби савимъ свободань могао бити да э доволно памета-нь и праведань? Ругасе комшїя комшїи, село селу вилаетъ вилаету и сви народи едань другому. А защо? За слепо самолюбїе. Колико кратъ кадъ смо при шрезвенной памети стидимосе и срамимо сами одъ себе, похуждавамосе и да можемо поплювалибисе, како могосмо шо рећи, или шо учинити! Рекаоби као дасу два срца и две душе у нами една сва на зло склонѣна, а друга сироша хотелаби нещо добро али нейма власти, ерь э она зла сву силу надъ ниомъ преотела. Ово э що онм божїи Апостоль говори, аки за себе, но у самой вещи за человѣчество. Видимъ, вели, други законь у Удесѣхь шѣла моега кои воюе прошивь закону ума моега и чиниме твориши оно на що мрзимъ и чесасе морамъ срамити. Зато дакле, имаймо бодро око сврхь себе, недаймо мѣста у нами слепоме самолюбїю, другъ друга честїю болша себе творише, смиряй себе вознесется; и држимо ово за небесно Изреченїе и Законь, да э онай найславнїи Народъ на свету кои з найпощенїи и найдобродѣшелнїи.

107.

МИШЕВИ И ПРАПОРЦИ.

Мишеви нађу негде два Прапорца, пакъ учине саборь и начнусе совѣтовати, нащоби и употребили да имъ полезни буду: неки реку да и привежу старешини на врать или за репь даму звече и чине пощенѣ. Старешина обаче зафали свима за такову учтивостъ и отмѣностъ; али у исто време одмоли одь себе таково пощенѣ, съ коимъ небисе никадъ могао изь рупе помолити дага мачакъ нечуе. На последакъ падну на то умишлѣнїе да и домаћемъ мачку привежу на врать; алъ ево неволѣ, неће нико насе да прими ову чудновиту Експедицїу, Стари шилю младе, а ови сви у едно грло съ заклетвомъ утвржаваю, да они, дужно къ своимъ Старешинамъ високопочитанїе никадъ и ни пощо неће за леђа метнути, нитиће таково важно дѣло, кое онима принадлежи насе узимати. Одложисе дакле ови посао до другога сабора, и тако остане и до данасъ.

Нарапоучен ї е.

У свакомъ совѣщанїю о предузиманю коегонибудъ дѣла, прво валя разсмотрити ели то возможно, и ако естъ, неотлагати; щогодъ мора бити данасъ, то з сутра у невреме. Мишеви нису посмѣянїя достойни зато, що нису иощъ мачку

ку прапорце на вратъ обесили, него щосусе о нима невозможномъ дѣлу совѣщавали. Припомъ неваля у слабостъ падапи и оно щое могуће за немогуће примапи- Многасусе общеспва у сви народи сачињавала, сва съ шаковимъ намѣренїемъ, или подъ видомъ шакова намѣренїя даћеду свему народу добро какво учинипи; пакъ мало помало сосшавилису особипо (да шако речемъ) шѣло ушѣлу и общеспво у общеспву, а по шомъ собспвеннимъ самолюбїемъ заслепљѣни, не само свою особипу корисшъ общой ползи предъпочшелису, него и са щешомъ и вредомъ великога общеспва и народа, своесу мало общеспво уппверждавали и обогаћавали, а велико варали, заслепљявали и кадъ э до найпосле било ногами газили угнѣшавали и попирали. Таковису били Маги персїйски, Брамини їндїйски, Бонци Хинезки и Японски, Іерофанше египешски, Ламе шапарски- книжници и Первосвещеници Іудейски, и прочая! Коби и када, не само рекао, него помисліо, даћеду наслѣдници, они први хрїспянски пуспиника и монаха шакови съ временомъ поспаши да први у народу ищу да буду, а неки одь ни даћеду живе люде за Хрїспову (како они веле) вѣрупећи, и на парчета сећи? Овосу само они кадри чиниши коисе одъ свега человѣческога рода одреку и одмешну, и са свимъ щасу и одъ кудсу произишли забораве и изъ душе изгладе. Ево ща бива изъ раздѣленїя люди, кои не валя дасу разделѣни! зашо, о пречесшно общеспво человѣческога рода, а навласшито Сербскога, за кога я ово пишемъ, послушай ши гласъ Человѣчесшва, свеши гласъ Есшесшва, а шоће рећи гласъ божїи! Нераздѣлюишесе и немрзишесе изъ међу себе за цркве грчку и лашинску; церковь э Хрїспова, а нишше грчка ни лашинска; него само гордосшъ и инашъ и злоба увеласу ова имена, раздѣлила и омразила шолике пощене и блага срца люде. И различни Народи подъ еднимъ просвещеннимъ и законимъ царемъ едно су общеспво и фамилїя, коимаэ оцъ судїя и Архїпасширь царь.

царь. Управители, Судїе, Официри, Воинство Епїскопи Свещенство и сви народи, све э по одно тѣло, една душа и едно свето Общество, коега э свещена глава Царь. Сва друга общества коя се бе разделюю одъ овога великога и светога общества, и коисе изьмеђу себе само (као пустаїе на вашару) разумѣваю, и коихъ инпересъ нїе всеобща отечества и народа полза, просвещенїе и благополучїе, или некъ се врапе одъ кудсу изишли, сиречъ у народъ, и нека гледаю какоћеду му бити на дѣйствителну ползу, или некъ праже себи мѣста гди нема люди.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Нећемисе нико чудити що х о подобной матерїи толико говоримъ, хозна, холико множество лощенна иначе и избрана народа у Славонїи хорватской, у спой Далмацїи до Албанїе злослопесе и мрзе, само за бездѣлице. Они эде жабе и корняче и луже, а леченомъ прасету нико и непещъ, ерьга сви радо эду. У спетомъ Евангелїю стои чисто и ясно написано де щогодъ у уста уоди, сиречъ щое холе прїятно и що онъ може эсти тога никадъ допека неће осхернити, него зле речи кадъ изь уста излазе, оне скверне и логане чопека. Али кадъ Богъ да тесе послуша Евангелїе, ондаће проласти они хоису спой хапги хрпи.

108.

РИСЪ И ЛИСИЦА.

Рисъ састанесе негде са лисицомъ, пакъ нама почне о своей кожи говорити, дичећисе и поносећи каквае лепа, гладка и шарена! Кадъ годъ дођемъ, каже, на кои потокъ за напитисе, немогу доста дасе нагледамъ мое красне коже! вѣруйми секо, да сто очїю имамъ имаоби ща гледати! Досадисе већь лисици и догрди све то пакь опетъ то слушати, пакъ му рече. Кажи ти мени, мой брайко, имашли ти толико разума и памети да учинишь, да та кожа на вашарь не доће? А безь тога колико э она лепша, толико горе заше! Моя житие лепа нити шарена као твоя, но ницца манѣ, сваки ми часъ глава на концу виси, а ради ща? Ради коже!

Наравоученїе.

Одавде нека себи узму прекрасну и преполезну лекцїу девойке, а наипаче оне кое мисле дасу лепше него друге: некасе измладости незалућую у свою мниму лепоту, добро знаюћи да коликосу лепше и присталїе, ако не буду имале доволно памети благоразумїя, стида и честности, толико горе за ни. Свакъ се лакоми на лепу ружицу, а како увене и необзиресе на ню баца э подь ноге. Лепота э сами видъ, кои данасъ естъ а сутра нїе; а добродѣтелъ э онай пріятни мирисъ, и прекрасно благоуханїе кое неоставля човека не само у старости, него и по смерти. Она э дѣвица управь лепа,

па, коя э разумна трудолюбива, вредна и пощена, и коя жели само едному лепа да буде, но лепа и у самой спароспи; а ово лепота не даэ но взаимна любовь, свепа вѣрностъ и добродѣшелъ. Бѣдна, худа и срамотна вещъ видити здраву чилаву жену, коя ни очемъ не мисли него о безпослици о шпацир у о огледалу и о халинама, као да э безьдушна лутка, а не разумна сашваръ сѣ словесшимъ обдарена духомъ. Всеконечно растлѣнїе пощени обичая наводнява и попоплява едно общество, гдисе жене изъ младоспи безпослици, раскошу, безьспидїю злонаравїю и суепшимъ украшенїямъ науче и предаду. Жена мудра и добра, окренуће мужа свога на добро, ванъ да э са свимъ скотъ; а зато она, коя э памешна гледа за когаће поћи, и мужа себе жели и вѣрна друга а не худа вешреняка и цифраша. чесшной и разумной жени никоиой нїе добро дошао кои иой доће улагивашисе говорећи иой да э лепа, и предъ нїомъ посмеяваюћисе другимъ женама кое шу нису. Женски полу! Предраге кћери! Сладке сесшрице! Миле Любезнице! Пречесшне и свеше Родишелнице человѣческога рода! Ви међу хрїсшяни нисше у зашвору као худе робинѣ, свободнесше повелишелнице сше. употребише само на добро вашу свободу и вашу крошку и сладку власшъ! Све о вами зависи, ако ви будеше пощене, вредне, благонаравне и просвещене и вашаће деца бишти, ако имъ само ви будеше богинѣ мудросши, како сше имъ и рожденїя. И шако цѣлићесе Народъ чрезь васъ просвешишти и прославишти, и шада биће вами чесшъ и слава и поклонѣнїе во вѣки вѣковь аминь.

109.

РАСТЬ И ТРСКЕ.

Растъ силнимъ вѣтромъ изкоренѣнь и оборень падне у рѣку; почнега вода носити покрай трсака, онда онь упита трске како то бива, да оне танке и слабе, при найвећи вѣтрови остаю на своме мѣсту, кадъ силни растови ломесе и падаю? Мисе крепчїимъ и ячимъ одь себе не противимо, одговоре трске, него се укланямо кадъ на едну кадъ на другу страну, и тако остаемо читаве; а ви велики противстоећи силнїимъ одъ себе, нїе чудо да падате и сокрушавасе.

Наравоученїе.

Господъ гордимъ противитися а смиренимъ даетъ благодатъ. Не разумевасе овде да човекъ до саме худости смирень мора бити, него дае разумань и да зна чему и кадъ э потреба противитисе, гдили пакъ и предъ кимъ смиравасе и покарати: едно и друго, у невреме, бива погибелно. Ово намъ лепо каже наша стара Пословица, нити буди овца међу куряци, нити курякъ међу овцама. Како цѣло общество, тако и свакъ по насамо кадъ се съ здравимъ разумомь и мудримъ Совѣтомъ не управляю, нуждно мораю злопастити и пропадати. Обстоятелства се случаваю многочисленна и различна, нити э могуће свима правила предписати; но ово э поглавито и всеобще правило, дасе свако общество стара искусне и добродѣтелне поглаваре, имати съ коима у потреби дасе совѣтуе и да и слуша: а свакъ по насамо некьсе неспиди одъ разумни совѣтъ искати и приматы, и нека добро гледа

да

да зашо неразумни злопаше, зашоли паметни добро спое и мирно живу. Нежелимо дасмо свуда зейшинь на води. Ни свакой гороби запрати.

110.

ПУТНИЦИ И ТОПОЛА.

Путници на врућини дођу подь велику тополу у ладъ, и ту одъпочину; а полазећи реку, щета да тако велико древо неплодно и безьполезно тако стои! Видителн, каквисте ви неразсудни и неблагодарни люди! Мене, коя самъ васъ у моей Сѣни упокоила и прохладила! коя вамъ у зиму дрва зо греянѣ даемъ, и граћу за домове ваше! Безьплодномъ и неполезномъ наричете! Низащоли немислите него за трбу? Ви мислите дасте сами на свету: но знајте, да кадъ би очи ваше могле видити, вибисе ужаснули, коликосе милїона животни само съ моиомъ кожомъ ране!

Наравоученїе.

Великоће добро роду Сербскомъ учинити ко преведе на нашь эзикъ малу рафа физику що э за децу на немецкомъ эзику издата. Сулцерова Размишлѣнїя о чудодѣйствїахъ божїихъ у натури неизказаноби добро било дасе народу сприобще; иощъ коя овима подобна книга. А попомъ едну на кратко

свїю

Свїю народа Исторїу, сѣ нїови обичаи, закони, правѣнїемѣ и состоянїемѣ землѣ и мора, плодородїемь и тргвиномѣ. Нека буду ове вещи препоручене общега добра роду желателѣмѣ. Ни на кои начинь неможе човекѣ тако дѣйствително о Существу, о Мудрости и о Благости Бога творца увѣрень бити, као кадѣ премудра дѣла божїя у Натури размишлява; и колико болѣ ова познае, толико у веће Богопознанство и просвещенїе долази, и боли бива. Исторїю знати, то значи, знати сѣ чимь се э родѣ человѣчески ползовао и благополучань бїо, сѣ чимлисе э покварїо, повредїо и у несрећу падао и пропадао. Како грецїа (шака люди) сложна и соединѣна монархїе света чинилае предѣ собомь трепетати, а несложна сама э себе разрушиаа: на исти начинь и сви прочи народи. Босна оће свога Краля, Сербїя свое деспоте, Ерцеговина своѣ Ерцега; доће турчинь пакѣ све у торбу. Знати закони обичае други на свету Народа, то э знати, ща э при нима добро и паметно щалие зло, худо и смешно; кадѣ туће познамо ондаћемо моћи и о нашима судити како иду, управь, или на ребарке или са свимѣ на стражке: пакѣ онда що познамо да э добро држаћемо щоли наћемо да намѣ нїе на добро защо неби одметнули? Браћо мила! Овомесе нїе ни мало чудити, ерь се сваком на свету случава, да нико свое будалащине коима э одѣ детинства обикао и косу мусе чрезь дуги обичаи у Естество претвориле ни пощо за Будалащине не држи; а кадѣ и позна топрвь у другима да су такове, пакѣ и после наће и у своеи кући, онда се истомѣ освести пакѣ начне викати гони и терай на полѣ. У неки мѣсти дасе пощень човекѣ у суди и рекне да нїе ни какавь грехь есть пуже жабе и корняче, бисе нашао кобига заклао како годѣ пиле, пакѣ бига шай дань свещеникѣ нѣговь пречестїо, и биму иощѣ рекао светаости образь. Али малѣ незаборависмо нашу басну, но тополa мїе крива, и на овиме разговорь навукла сѣ свои милїони кое сѣ коромѣ своиомѣ рани; но ово-

ће свакъ наћи у вишереченой книжицѝ кадьсе преведе, а ми садъ айдемо къ басни. Топола право има що укорава оне путнике како, не само не благодарне, него савише неразсудне и несмислене, коихъ паметъ ни мало имъ далѣ одъ носа не досеже, да разсуде, да ништи э све щое годъ на свету за самога човека, ништи пакъ и оно що э за нѣга, да неможе и не мора биши за сами самцапи трбу. Я мислимъ, (а нађесе иощъ ко да овако дума) да неймамо нища него трбу, фалапи лепо, болѣ би било да ни нѣга нїе. И нека ко не мисли да самъ я трбуу непрїятелъ и злошворь, свима частъ и пощенѣ и съ моимъ за едно, али по свирай пакъ и за поясъ задени, неваля да онь мисли да э онь самъ на свету. Овде се допада една лепа Арапска їсторїица, башь кадъ ми паде на умъ казаћу э. Едань пустиникъ дервишь, именемъ Абдулъ Ибраимъ поће изь Анаполїе на меку да поспане ачїа. Прелазећи нека прекрасна мѣста, у коима све Горе и холмови и међу нима цвѣпуће долине саме собомъ бяху насаћене и покривене преизрядними плодовишими древесами, кое анаполска земля раћа; шу су Маслине, Смоковнице, Финики, Шипци гранатски и сладке Наранче: Потоци кристаловидни свуда пропичући туда шуще и къ покою маме, разни видови птица шу пою, цвѣти химунски и ливадни савъ воздухъ облагоухаваю. Нашь Абдулъ Ибраимъ мисли у себи, нисамъ ли я како у Рай допао? Али опетъ неће да вѣруе; защо добро зна (ерь э шако чуо) да э Рай негде на другомъ месшу. Ниша зашо, онь на свакомъ пошочићу пересе и мешанише; эде до си тости кадъ едно кадъ друго воће, као у некомъ восхищенїю восклицаваюћи, Боже благодаримъ ти щоси оволике сласши за човека створїо! Идући напредъ доће у едань вилаетъ гди э Войска и Битва била, шу куряци эду-убїене люде, и зафалюю богу, щое и саме исше люде за нїову рану створїо. Бѣжи сирома Абдулъ Ибраимъ другимъ путемъ; кадъ етопи види негде одераша куряка гдига эду орлови, зафалюћи

кћи богу що э куряке за ни саздао. Мало по томъ намѣрисе негде на убїена Орла, кога већь црви еду-ћи међу собомъ говораu, дивно чудо! и сами високопарни подьнебесни Орли за црвесу на свету! садъ се то првь нашь Пустиникъ опамети, кадъ му падне на умъ да и нѣгово тѣло одъ црви неће упећи, да нїе истина да э богъ све за самога човека створїо. Изь овога можемо ласно заключити, да онай, кои ни на чему другому, него на эду и на пићу, на покою и на сласти Богу благодари, не познае како надлежи, ни себе ни бога; ерь му не зафалюе, него на чему и сва проча животиня, да зна, биму зафаливала. Дужнисмо славити вѣчнога Творца и за воздухъ коимъ дишемо и за воду коиомъ се прохлаждавамо, но овису дарови общи и животнимъ дати; По превозходительству обаче на благородномъ и високомъ дару словеснога Разума и безьсмертне душе коя э способна[ске то већегь просвещенїя, Богопознанства, науке, Правде и добродѣтели, овесу саме вещи кое нась одъ безьсловесни животиня опличаваю, на нима смо дужни Богу благодарити; а само тада пристойно благодаримо, кадъ ове дарове како на свое временно и вѣчно, тако и на обще добро упопребляваmo.

III.

ЧОВЕКЪ УБОГЪ И ЖЕНА.

Човекъ убогъ разболисе тешко, и неимаюћи се съ чимъ лечити, нити лѣкаромъ плаћати, рече жени своиой да оде у едань манастирь и дасе заветуе у свету Обителъ дати сто Волова ако

иой мужь оздрави. Та мой човече, а да ако богъ даде и ти оздрави гди ћемо ми толику силу волова наћи? Бре иди ти и учини що я теби реко, некдерьсе я само подигнемъ, а заосталоћемо ласно; тиси проста жена, зарь ти мислишь, да богъ мари за конѣ и волове! Калуђериби само у томъ преварени били. А малогалису зарь и они преварили? Залудусе чине свеци, яти задаемъ мою вѣрицу да нису башь коликъ я и ти; вань да су по томъ щосе болѣ одъ насъ ране. Иди већь не оклевай, велимъ ти! Яóой, и гледай да що оправишь пре него изданемъ, ерь после, боимсе, нећешь ми моћи ниша помоћи: ако що на овомъ свету лажи не помогоше, на ономъ знамъ да не пролазе. Овде, гдису и молитве за новце морасе, моя жено, лагани кадь новаца нема: ти знашь, да ко не плати никада му имена у цркви нећешь чути.

Нарапоученїе.

Δειλὴ πενίη ἤτις κακὰ πολλὰ διδάσκει, ψεύδεα τ᾽ ἐξαπάτας τ᾽ οὐλομένας τ᾽ ἔριδας! Виче ѳеогнидь: Бѣдно Сиромашство кое многимъ зломъ учишь, лажама, преварама и погибелнимъ кавгама! Рано ваља раниши и касно легани, ко жели да му сиромашство у кућу не доће. Синѣ море ваља препливаши, и високе прелазитъ планине за упећи одъ свогъ зла и напасти; одъ коега нико насъ нїе кадаръ сачуваши него разумно трудолюбїе, и умѣрено живлѣнѣ. Трудолюбїе кадьсе съ Умѣреностїю са-

сачета прекрасна чада раћаю; Здравлѣ и тѣла Крепостъ, Правду, Пощенѣ и Свободу. Ко никомъ ніе дужань и съ своимъ трудомъ праведно живи онь э доста богатъ и свободань. А кадъ э већь ова басна за калуђере споменула; и яћу нещо с нима проговорити, кои самъ неколико година гледао що у далмаціи у Босни у Ерцеговини и У Албанїи и на свакомъ мѣсту гди могу и смеду чине. Пакъ ако э добро; а оно некъ стои; ако ли э зло, време э већь некъ се люди зла, баремъ колико могу избављаю. Навластито у далмаціи, гди за каменита мѣста неимаду люди ни землѣ за оранѣ, гди више него половина народа по неколико месеци гладуе и съ коекаквимъ коренѣмъ живи: кадь му оно мало жита доспе, навале, не само домаћи него и са страна калуђери и фрапри, и съ гувна разграбему рану. Кадъ се вуна сприже, етопи калуђера! кадъ масло и сирь пастири, и одъ свои уста щедећи, за зиму сабираю, етопи ни! Кадь се виногради беру и маслине купе, навале са све четири стране! кадъ люди, по обичаю, свога свеца славе, и пада себе млоги затиру, видишь истомъ по чопорь калуђера, пакъ да оћеду само да эду и пїю као и остали люди, пакъ да иду своимъ путемъ, некаби. Али они пада записую, немилостиво и безьстидно ищу салландаре проскомидїе, поменике, вола, краву, а одъ сиромаа овцу, яре, или ако нища, чарапе, онь мора що оштинути да му ніе за худу путъ. А у турской земли що чине, то ніе ни за описиванѣ! Но ређиће ко, силомъ неотимаю. Горе него силомъ, зашто у име божїе отимаю а сирома прости и невѣжа човекъ боисе да га не покара богъ ако калуђеромъ неда, ерь э тако одъ ни изь дѣтинства научень. А они яшу на коньма како исте Пашалїе, држе крепко Народъ и чуваю у простоти, ерь иначе знаду даби пропали. Сва вражда међу хрїстиански народи неслога и люте мрзости због нису постале ништиће се разве съ нима заедно истребити. Богъ праведни Судїя види; у ови исти часъ кадъ ово пишемъ,

срце мое, и зна защо овако пишемъ, а оћелисе ко овимъ ползоваши шо сшоји људма на воли. Неки проигумань макаріе изь далмаціе кои э неколико ради сву мажарску обиграо ищући найпре на драговићь а потомъ на хилендарь. кадъ се враши у далмаціу питалига други; ели що мажарски научіо? Есамъ: како неби? Одговори: ищемъ кућа шеремшепе — — — а ща шо значи оче мако? що значи? зарь неразумеше? Како насъ виде мажари, вичу, да ми ищемо људма куће, него да насъ шераю. Ови э лепо шолковао; защо ели калуђерь онь ище. Ако ши доће кући ище, акоиму доћешь кући ище. Ако си здравь за здравлъши ище, акоиси болесшань за болесшъ ши ище, аколи до найпосле умрешь и за смршь ши ище. Какавси даси, и гдиси даси, на овомъ или на ономъ свешу, ища онь шо неће да зна, шо э нћму све едно, онь ище ше ище. Аль су већь доискали! Садъ сви ошечесшву доброжелашели у свој Хунгаріи славонїи и Банашу желе да се манасшири на школе и оспишале упошребе да э народу полза одъ ни. А не по неколико люди у нима дасе инаше и колю цћлому народу на соблазань. А познашо э да и одъ ни испи кои пошено мисле и ошечесшво љубе, шо едва чекаю и шомесе радую.

112.

ЖЕНА И КОКОШЬ

Жена имаћаше кокошь коя иој ношаше сваки дань по едно яе. Она сшимъ незадоволна, лакомећисе навише, почне преизобилно кокошь съ эчмомь раниши желећи даиој по два яепа на дань

ње снесе. На ови начинь, одебля кокошь и престане сасвимъ носити.

Напоученїе.

Тѣло наше дужнисмо ранити на такови умѣрени начинь дае здраво и крепко. Душа э наша у шаковомь союзу съ тѣломъ, да кадъ э оно здраво и трезвено и она э шакова, и способнїе своя дѣиствїя чрезъ умъ исполнява, ако э само, одъвећь силовите спрасти и похоти съ пута не смећу. Болестань и разслабљењь, о найлепшой материи неможе како мала мислити, ниши найполезнїю книгу съ принадлежећимъ вниманїемъ, разсужденїемъ и услажденїемъ чишати; слѣдователно нипише може нїомь, какоби иначе могао ползовати. Но у исто време не само неприспойна э, и чловеку разумну недостойна, но и весма вредовита вещъ, тѣло свое размажавати разблуђавати и гоити, и чрезь то како себе, шако и благороднїю частъ себе, то есть Умъ умекчавати разслабљявати и многочисленнимъ болестима самопроизволно подълагати. Тѣло э дотле добро, по елику э достойно жилище словесне и безъсмертне душе, а какосе начне одъ овога благороднога намѣренїя и конца, на коимудрого начинь, устраняваши и отдаляваши, шай часъ начне себе похуђаваши къ несмисленнимъ скотомъ приближаваши и нимасе прїуподобляваши. Разуманъ човекъ люби себе и жену свою и чада, али неразмажуе ни себе ни свое. Душа и умъ могусе размазити како годъ и тѣло, пакъ изъ тога слѣдую различне наравне болести, Самоволство, шврдоглавство Упорство и прочая. Πειρῶ τὸ μὲν σῶμα εἶναι Φιλόπονος, τὴν δε ψυχὴν Φιλόσοφος; ἵνα τῷ μὲν ἐπιτελεῖν δύνῃ τὰ δόξαντα, τῇ δὲ προορᾶν ἐπίσῃ τά συμΦέροντα. Прекрасно учи Исократъ. Стара-

райсе даси тѣломъ трудолюбивь, а душомъ мудролюбивь; да съ онимъ исполняваши можешь що за добро наодишь, а съ овомъ да предъвиђяшь щотїе полезно. Они древни славни Греци, просветители человѣческога рода, самимъ естественнимъ здравимъ разумомъ просвещени какосу високо и благородно мислили о души и о Уму человѣческомъ! Чуймо овога истога Учителя како димоника у томже слову совѣтуе *πάντων μὲν ἐπιμελοῦ τῶν περὶ τὸν βίον; μάλιστα δὲ τὴν σεαυτοῦ φρόνησιν ἄσκει, μέγιστον γὰρ ἐν ἐλαχίστῳ νοῦς ἀγαθὸς ἐν ἀνθρώπου σώματι.* За све прилѣжавай що треба животу; а найвише свой разумъ упражнявай. Ибо оно щое найвеће у найманѣму, то э умъ вредань у человѣческомъ тѣлу. Умъ! славна Славеносербска Нацїо! у Сербїи, Босни, далмацїи са Ерцеговиномъ, Умъ кадъ съ наукомъ просветишь и съ просвещеною добродѣтелїю соединишь избранїе Нацїе надъ тобомъ неће бити на земли. Добродѣтелъ э теби природна; Пощенѣ, Слава, Великодушїе, Мужество тосу твое прародителске добродѣтели: Овосу драгоцѣнни Дїаманти, но потребую да и рука мудрости очисти углади и осветли. Разпущенїе и растлѣнїе Нарава, нипошто ни одъ кога народа међу се непримай. Само и едино божественно Благородїе то э съ просвещенимъ умомъ добродѣтелъ. Я знамъ да гди Варварство влада онде нитїе мѣсто ученїю и просвещенїю, ни правой добродѣтели; обаче некьсе ова добра уводе онде гди Глупостъ невлада, а гди за садъ влада неће довека владати.

113.

КОРНЯЧА И ОРАО.

Корняча молила орла да э научи летити. Вели иой Орао, седи ти смиромъ, и одай тако по ниско какоси и до садъ, болѣ ће за те бити; защо сложенїе твоега тѣла ние за висину начинѣно. Неће ова оно щае за ню, него све досаћуе молећи. Узме э Орао, подигне у висину, пакъ э пусти, айде лети садъ. Почне она летити, алъ како неваля, паднe на землю и свасе сгрува.

Нарапоучен ї е.

Мѣримо и познаимо себе и неищимо що нїе за насъ, защо, ако не получимо осрамотићемосе, но тое нища, некъ иде; али ово щоћу рећи видићесе многимъ за παράδοξον (чрезъвичайно) обаче права э истина. Башъ онда кадъ получи ко оно що нїе за нѣга найвећмасе осрамоти. Защо онде гди сшвари управъ и како валя иду а не наопако, (що но речъ) и наузнако, комесе годъ велико що дае, неотложно морасе одъ нѣга що велико и ожидавати, кое, ако онь нїе кадарь исполниши, онда э управь осрамотисмосе! Те веома! Едань шаливь Игуманъ моляше Викентїя Іохановича белиградскога Митрополиша дага учини владикомъ акоће баремъ за неколико дана: а нащо ти то? Речему Митрополитъ; како нащо? Дасе протежемъ у кревету кадъ ми попови юпреню чаше, да оданде *мирь псѣмъ* вичемъ и да благословлямъ. Лепь Сарказмусъ! Но не само они кои ище валя да добро гледа ща ище, но и онай кои има властъ давати дужань э колико више може гледапи ща, и коме дае, защо и онь весма гре-

ли ако дае гди непристои. Александру македонскому доће едань одъ нѣгови дворяна и запроси одъ нѣга два шаланпа да удоми кћерь свою. Царь заповѣди да мусе даду петъ шаланпа. Вели дворянинь то э много за мою кћеръ. Узми пакъ ћупи! речему царь, Александру би срамота била мало дати. Овосу многи фалили и до неба дизали. Али садъ сви памешни люди наоде. Да э у томъ Александеръ са свимъ лудо поступао. Царь мора биши найправдолюбивїи одъ свїю други, а свеша правда изискуе дасе дае що коме надлежи, слѣдовашелно праведань, владѣшелъ дужань э добро смашрати що одъ кога узима и що коме дае, да све съ правдомъ бива. Александерь э сву Асїу разграбїо и толике народе одерао, а другима безь разлога и лудо давао, како дошло наопако, шако и прошло! Педесетъ ша-па по шући бушина ша э шо? Фїлипь нѣговь оцъ у овомъ шоћу казапи памешнїе э поступїо. Едань ришорь параситъ илиши похлѣбникъ, илъ иощъ лепше, лижисань, при прапези учиниму велику похваху, и зато заище на поклонь едну злашну чашу. Фїлипъ нама заповѣди дасе ша испа чаша даде Еврипиду шраћедїошворцу, кои эћаше смиромъ мучећи. Како то? Вели ришорь, я э ищемъ а ши э другомъ даешь кои э неище. Правда, одговори Фїлипъ; Онь э неище али э досшойнїи одъ шебе, имаши. Едань персїйски сулшань и онь э у овомь що слѣдуе памешно учинїо. Доћему едань лукавь дервишь, коисе чиняше лудъ, знаюћи да шурци луде као свеце почишую, и запишага вѣруели онь у Алкорань? Яо яо! Какво э то пишанѣ? Рече му Сулшань, есиль ши чишавь? Како я неби у нѣга вѣровао кадь самь фала богу шурчинь? А сшоили у Алкорану написано, опешъ запишпа дервишь, да су сви шурци браћа? Бака! Како неби сшаало кадь сшои? Одговори Сулшань. А пишели у Алкорану, придода дервишь да браћа щогодъ имаду право међу собомъ разделе. Ѣа пише, проћимесе АМАНЬ! Ко вели да непише? Е добро! Приложи други, а ши айде пакъ раз-

раздели самномъ све щогодъ имашь. Онда султань за избавишигасе пружиму едну пїастру. Те шако ши право делишь! Речему онай, одъ шоликогъ блага мени брашу швоме само едну пїастру? Бре узми, пакъ иощъ ни пискацъ, ошвеща памешни Сулшань, ерь знашь щага насъ э кардаша, ако сви навале и поьрву свои део искаши, нећеши, боимсе, ни шолико допасши. Узме чинилуда пїяспру пакъ опраши. Мислећи у себи, не замочи! Хишарь си ши, али э ови иощъ хишрїи. Добросе э мало у книзи и попрошалиши, ерьби иначе моя дечица задремала чишаюћи, а книзи мало ашара надъ коиомъ се дрема. Навласшишо просвещень Владѣшелъ добро гледа каквису они, кои службе и досшоинсшва одь нѣга ищу, Царь Пешарь велики уредїое законь дасе на обща досшойнсшва добродѣшелни и учени избираю. А гдисе не наће учень, упишаюга, щоћемо шу? Ту валя пражиши добродѣшелна. Одговори монархъ. Правда, овосе добро зна; може многи учень биши, а за нека дѣла ништа неваляши. А иощъ ако э учень а зао, сшроптиворавань, пакосшань, лукавъ и злобань, ондасе управъ крсши одъ нѣга и господи помилуй вичи! защо э шакови съ намѣренїемъ и са знанѣмъ зао, а кое на ови начинь зао, подаиму само власшъ у шаке, пакъ епюши Нерона и Калигуле заедно, кои су желили да савь Народъ римски само еданъ врашъ има; да имь се съ еднимъ ударцемъ све главе смлашше. Управь добро єрце, красна и благородна душа, и здрава человѣческа памешъ у комесе наоде, шакови э за велико досшоинсшво, защо онь кадъ о чему сумня, уме совѣшъ искаши и примаши; а наипаче, нѣгова нелесшна и чисша любовькь добродѣшели нѣгаће всегда на добро наспавиши.

114.

ДЕТЕ И СРЕЋА.

Дете легне спавати баш кодъ устїя такогъ Бунара, у кои ласно могаше превалитисе и удавити. Доће срећа подъ видомъ жене, пробуди га и прошиба. пита дете плачући зашога бїе? Ето зато, одговори она; що спавашь кодь бунара, гди ласно можешь упасти и утопитисе; пакь онда нико небн тебе кривїо, него би сви наме зинули и несрећомъ биме карицали.

Нарапоучентїе.

У устн свїу народа и люди нищасе чешће не чуемего срећа и несрећа, а почти нико и немисли да чисто сазна ща су те сивари. Овое во обще обичай люди, говоре о многимъ вещма само зашосу чули да и други о нима беседе: шакосу, Чини, Баяня, Уроци и коекаква ноћна Привидѣнїя: а онде гдисусе люди просветили, и ова будаласта суевѣрїя одметнули, нища већь тога нема међу нима: него щосе годъ случи има свой естествени Узрокъ зашо. Неразуманъ и неразсуданъ найвишесе на несрећу шужи, а неће да позна да сва ша несрећа нища нїе друго него мѣгово невниманїе и неразумїе. Човекъ предосторожанъ и памешанъ, више съ добромъ срећомъ има посла, зашо онъ кадъ пође одъ куће добро веже врећу, и шакова средства за свое после избира какова къ добромъ концу воде. Млогога э у Инглишери съ курякомъ несрећа срела, докь э шу ни било; а какосе сви Инглези сложише и све куряке изшребише, шу већь нейма одъ курька несреће. У земляма гди нейма добра поредка, ко

шу-

путуе сваки часъ чека даћега съ кесечїомъ и съ злимъ човекомъ несрећа сусрести, а овде у Саксонїи пушуй колико ти драго, даню или ноћю; пѣшице или на коню нитсе кога боишь, нитъ тесе ко бои, Кадъ човекъ невиди ласноће у яму пасти. или о що главомъ лупити, а кадъ види, онда неће. У стара времена срећу су почитовали за богиню коиой сусе кланяли и жертве приносили; но що велимъ у стара времена? И до данасъ мећу Хрїстяни наодесе, кои и сами незнаду ща о нїойзи мисле. Кароль дванаести бїое срећань противь Петра великога докъ э ови свое воинство научїо како ваља воеваши, пакъ онда онай пропадне. Греци су мїлїоне побѣждавали докъ су соединћни и согласни били, а потомъ междоусобнимъ несогласїемъ сами су себе затрли. Памећань урани на дѣло свое, молисе богу пакъ ради, путуе тргуе и придомишлявасе; а лѣнивь лежи и чека даму що срећа донесе. Я добро знамъ да ће многи шврдоглавь противь овога зинути, Хе́е! Я знамъ тога и тога кои ница нїе радїо ни заслужїо али кадъ э срећань! Мучно э говориши съ човекомъ кои оће у вѣтарь да говори, и да ни самъ незна ща мисли щали беседи. Овосе може случити, али одъ стотине едномъ; пакъ що доказуе едно противь десетъ? А и у ономъ едномъ, само нека тражимо узрокъ, пакъ ћемо наћи како и защомусе то тако догодило. За чудо како човекъ може тако упорань бити да толико срећу брани, кадъ своима очима многога види юче срећнимъ а данасъ несрећнимъ? А кадъ би срећа у самой вещи нещо била; тако, кое срећань, мораоби всегда и у свачемъ таковь бити; но ми видимо све на противь. Али кадъ э већь ова речъ, како у све езике, тако и у нашь уведена, я э неиспера дасамъ сторуки Врїареосъ: него би само ово радъ, да ко оће словесно да мудруе и да зна оно ща умствуе, овако да мисли. Срећа э то, кадъ човеку нѣгова Предъпрїяшїя на добро, и по нѣговой жели излазе; и да су само они управь срећни кои боголю-

любно, прудољубно, и памешно живу; чинимо ми само све добро що можемо, а що одъ насъ независи то вишнѣмъ промислу оспавимо, ерь иначе, и щасмо ми? Данасъ есмо а сутра насъ нейма. При томъ, и овое свакомъ познато, да кое разумань и уме, и о малому мирно спокойно и задоволно живити, онь э срећнїи и блажёнїи и овде на земли, него незнамъ колико богатъ, кои нїе ни мирань ни спокоянь ни са свимъ що има задоволянь. Пастирь за овчицамъ кадъ пѣва онь э срећань у своей сфери, илити окрестности.

115.

ПЕТАО И ДРАГИ КАМЕНЬ.

Петао чеприкаюћи наће многоцѣнни дїаманть, оће дага изе, неможе, нїе за зло. Тада почне говорити, щета овака лепа ствар, а ницца не вала! Волїоби я наћи едно зрно эчма, него иляду оваки блистаюћи каменя. Садъ видимъ да су люди безъ намести, кои толико маре за едну вещъ, що нитъ се да извести ни попити.

Наранчученїе.

Драги камень овде значи Мудростъ и Науку, а петао и нѣгово говоренѣ представляю онога, кои ницца непочитуе разве щое прїятно нѣговимъ пѣлеснимъ чувствамъ. Султань омарь обладавши Александрїомъ ужаснесе кадъ види ону славну Библїотеку за коюсу гречески цари мїлїоне потрошили, и

кою

кою сва учена Европа никада безъ велике жалости неспоминѣ. Султань упита свое дервише спои-ли що, у шоликой сила ѣитапа ща у Алкорану ней ма? Дервиши памешни ка и онь, одговоре ІОКЬ, какоби спаало? А ща у Алкорану нейма? Онда онь нама заповеди све пе книге на вапру. И шако э и било. Ево браћо жалосшно и плачевно сосшоянїе Глупосши, Слепоше и варварсшва! Оно о чемъ сусе прекрасни просвещени умови неколико иляда годи-на трудили све у огань! Шесшъ месеци све народ-ньѣ баньѣ съ онимъ книгама су запоплявали, за коеби данасъ премудри инглези све їндїйско драго ка-меньѣ као шолико песка дали. Δεινὸν ἡ ἄγνοια! [виче лукїань] καὶ πολλῶν κακῶν ανθρώποις αἰτία, πάντων ὥσπερ ἀχλὺν τινὰ καταχέουσα, τὴν δὲ ἀλήθειαν ἀμαυροῦσα καὶ τον ἑκάστου βίον ἐπισκιάζουσα! Бѣдно э невѣжесшво и многомъ злу людма виновно! на све као маглущину неку просиплюћи, исшину очерняваюћи и свакога живошъ пошамня-ваюћи! Каково чемерно и скошско сложенїе мора биши у шаковомъ човеку, или болѣ да речемъ нечо-веку, кои на свешъ разума мрзи, безъ коега э испа словесна душа слепа, и у всегдашнїой шами и мра-ку живи! Ниша друго нїе вредно, никаква човека до шоликогъ безумїя довесши развѣ само и едино суевѣрїе: а како ово несмепа, свака словесна душа природно жели що добро чуши и научиши, уразу-мяваишисе и просвещаваши; и коликосе вѣма про-свещава, шолико више свешъ люби и къ нѣмусе ша-щи, зашо э и сами Господъ Богь свешъ невечерни, по оной речи пророка, *Одѣяйся свѣтомъ яко ризою.*

116.

СТАРАЦЪ И ЗЛАТО.

Старацъ богатъ распрода гдигодъ цо има, све учини у злато, кое сасце у едань котао, закопага у башчи близу куће; гди мало кои дань пропущаше да не доће, надъгледатига попропипатига и нѣговимъ жутимь лицезренїемъ ублажитисе. Неки коварань и злохитаръ изь комшилука Прїякъ, некако крозь плотъ на месечини привреба нашега Старине любовна дѣла и попаене састанке. Щаби друго подозрео, него оно цо естъ? Какосе способна дочепа времена, оде у старчеву башчу, злато сасце у торбу а котао напуни шлюнака, затрпага брже болѣ, пакъ исподъ жита, никомъ ни речи. другу ноћь за шимъ, око вечернѣ доба, пре први петала, кадъ сва челядъ полеже, оде Старацъ да нагледа по обичаю благо и душу свою: а кадъ наће ту шлюнке, коимасе никадъ за живоипа нїе надао, станега шаки лелекъ и яуканѣ, да савь комшилукъ на ларму и на оружїе скочи, и притрчи ко у кошули а ко у гаћа. А кадъ чую да се э злато у шлюнке претворило онда ти почну, ка и остали люди едань едно а други друго говорипи; а како упазе старога сеоскога ѧака, сви мукомъ умукну, да чую цо онь о томъ чуду мисли. Ондаписе онь накашлѣ, и по Челу протаре пакь

стане

стане беседити. Чуйте браћо! Тотїе оно, що самЪ я у мое младо доба, кадЪсамЪ у намастиру Студеници ћаковао, у Старостављнику книзи (колсе свуда не наоди) не еданьпутЪ ни два, него на! (уватисе за браду) оволико реди проучїо. Злато кадЪ стои за дуго закопато, оносе мора претворити или у углѣвлѣ или у шлюнке, алЪ оное злато те злато. Него слушайдерь ти кумашине вуче! Нити ти тужи ни запѣвай, него ти добро чувай те шлюнке, и тѣшисе шнима какосисе и пре тѣшїо то и све за те живо злато, какогодЪ и прво, закопано стоећи, и добра вамЪ свима браћо ноћь!

Нарапоученїе.

КакогодЪ друге различне ствари, тако и злато и проче богатство, не само у свимЪ мудри люди книгама, него и у свещенномЪ писму, на неки се мѣсти похвалюе, и за знакЪ Божїегь благослова представля. Благослови БогЪ Іова и дадему велико богатство. И паки Соломону говори БогЪ, будући даси ти Премудростъ искао, ћути дати и богатство каково ніедань царЪ пре тебе нїе имао. На више мѣста обаче то исто богатство похуждавасе и за вредовито и многимЪ зломЪ виновно издае. За имати, дакле, чисто понятїе о томе, и ова видима противоречїя за уклонити сЪ пута. дужнисмо овако судити. Злато илити Богатство само посеби нитїе зло нитїе добро, но чрезь употребљѣнїе коесе нимЪ чини, бива едно или друго. И будући да по вишой части на зло, а то естЪ на гордостЪ, на раскошь, на сладострастїе

и на растлѣнїе добри и благи нарава служи, зато се чешће на нѣга и виче. Сребро и злато, како и прочи метали изь землѣсе ваде и на земли остаю и пропадаю; но одь кадь сусе люди согласили да се за ова два метала на властито, сваџо променюе, одь тада, ко ни има; сваџа може имати, то есть џосе купуе и продае. Зато кадь ове вещи добромь и памешномь у руке дођу, онь многа добра сь нима чини: акадь се злу у шаке и власть допадну, на зло му и служе: кадь се пакь намере на бедака и простака, каоноћїе наше басне кумашинь, а они леже гди у котлу или у чемь другомь: и ништи чине зла ни добра као и шлюнци. Многисе богать роди, нисамь незнаюћи како: или одь каква сродника наслѣди богатство; овоме никакве чести нїе на томь, развѣ, ако будезнао сь нимь добро управити, ондасе обичава рећи дошлое у добре руке. Неки се обогаши сь неправдомь и грабежомь, и ово служи за силно доказателство, да богатство ништїе всегда одь бога, ништїе знакь благослова божїя. На конаџь, многи стече доволно сь поштенимь и праведнимь своимь трудомь и вредностїю; овосе управь може нарећи благословь божїи, и служи своему стяжателю на поштенѣ, навластито тада, кадь онь, какогае умео стећи, тако уме сь нимь разумно и управлять, себи доброчинећи, своју дѣцу пристойно воспитаваюћи, сроднимь и ближнимь своимь помажући, а наипаче на обшу отечества своега ползу употребляваюћига: ови э они разумни управитель Евангелски таланта, коићесе удостоити оне блажене чуши речи. Благи рабе и вѣрни надь малимь сими бїо вѣрань, надь многимьћуше поставити ући у радость Господина твоега! Разумномь служи злато нѣгово, а неразумань и бедакь дркће предь нимь као предь жестокимь Господиномь и лютимь мучителѣмь и несмесе ни макнуши. Ово э оно проклетство божїе гди вели, И СОТВОРЮ ТЯ РАБА РАБОВЬ ТВОИХЬ. Но нека нико изь овога не заключава и немисли, да

ко

ко много има, валя да лопатомъ разсиплѣ, никако! Разполагати, одь разметати, и давати одъ разбацавати и просипати далекосу отличне вещи.

117.

ПАПАГАЛЪ И МАЧКА.

Неко купи Папагала донесега дома и метнега у едань лепь кавезь; гди онь, по свомъ обичаю начне све що зна говорити и пояти. Доће домаћа Мачка, гледага са сви страна, чудисе кояе то беда! запитага, кое и одь куда? Ясамъ птица, одговори Папагалъ, родомъ самъ чакъ изь индїе, овдешни домаћинь купїоме э данасъ и мало пре донеоме и ставїо овде. О несмислена и неразсудна сатвари! Речему мачка, само одъ мало пре си дошао у ови домъ, пакъ чинишь толику вику и праску: а незнашъ ядань да я у овой кући роћена и одрасла, да десети део твое ларме учинимъ, Господарь и Госпоћа и сва кућа би наме скочили; а ти, кои ни мало незнашь обичай места у комеси, сь крайнїомъ смелостїю и продерзливостїю небоећисе ни найманѣга противоречїя зачинѣшь толику уку буку и калабалукъ! Небудити жао госпо Мацо, рече иой Папагалъ, међу моимъ и твоимъ гласомъ валя даэ каква нибудъ разностъ

и отличностЪ, кадЪ тебе нико радо не слуша да маучешь а мене колико више говоримЪ и вичемЪ, толикоме драже купую, лепше држе, и радїе имаю.

Наравоученїе.

Видимо неке да млого говоре, али лепо, разумно и кь свачему пристойно, и свакЪ и радо слуша акоћеду цЂли дань говорити: овие особити дарь, другда и саме природе, но врло редко, по вишои части обаче, гдисе совокупи сЪ естественимЪ даромЪ лепо воспитанїе и наука. Ко одЪ саме природе много може беседити, има весма живу фантазїу, то естЪ воображенїе, но неимаюћи довольно потребна матерїала, брзому, щоно речь, осане вода, усилюедисе пакь, и шако да истомЪ говори, онда клепеће као клепетуша. Аколїе шакови и довольно матерїала сабрао, или чрезь чтенїе или чрезь обхожденїе, а нейма довольно разсужденїя и искусства своему говореню потребни редЪ и разположенїе учинити и дати, онь врло ласно пада у блебетанЂ и разумнимЪ слишателЂмЪ досадань бива. Ко одЪвећь много говори, обично мало мисли и суди, и оно що мисли свемуе непостояно и замршено; эзикЪ му предь памећу шрчи, нитїе кадарь себи времена дати да разсуди о ономЪ що мисли рећи. Одь шудь бива да шакови себи сваки чась пропивослови, и безь свакога намЂренїя лаже башь и кадЪ найманЂ о лажи мисли. КогодЪ нїе кадарь, у време Мучати, са вниманїемЪ друго слушати, и сверхь свачеса що чуе шврдо и постояно судити, онь ће моћи блебатати више, него колико трго, аль памешно неће никадЪ говорити: у ову погрешку имући люди и господска деца всегда, почти, падаю, защо и кваре, за свашто што говоре фалећи и, и неисправляюћи. Зато се обичава рећи, говори као папагалЪ, сиречЪ немисли

нити

ништи суди о ономъ що беседи. Друго чему насъ басна учи, ово э; да нечинимо непристойна сравнѣнїя и сприуподоблѣнїя, као мачка коя полаже себе у сравнѣнїе съ Папагаломъ, испаствръ коя едному може лепо спаапти, другому спои весма ружно. Ево како прекрасно о овомъ Фїлемонь учи

Τὸν μὴ λέγοντα τῶν δεόντων μηδὲ ἕν
Μακρὸν νόμιζε κἂν δὶ ἔπῃ συλλαβᾶς:
Τὸν δ' εὖ λέγοντα μὴ τὶς νομίσῃ μακρὸν
Μηδ' ἂν σφόδρ' ἔπῃ πολλά, καὶ πολὺν χρόνον.
Τεκμήριον τοῦδε τὸν ὅμηρον λάβε:
Οὗτος γὰρ ἡμῖν μυριάδας ἐπῶν γράφει,
Ἀλλ' εὐδ' εἰς ὅμηρον ἔιρηκε μακρον.

Ко намъ незна рећи нища да валя, су двесамо речи онь з дугоречивь; благоглаголива нико невменява за многословлива и весма много кадъ беседи и за дуго време. Прикладъ у овоме Омира ми узми; Ови нами стихе безчислене пише но нико Омира не назва дугачкимъ. Прекрасань э дарь лепо умепи беседити и пристойно времену и людма; знати како са старїимъ, каколисъ подобнимъ себи, съ здравимъ или съ болнимъ съ веселимъ или съ скорбнимъ, Нашемъ Архїмандриту оповскомъ ачи Захарїу, болну доће на посещенїе стараць Вуя изь Ирига; пакъ у засваку речь, молисе Богу господине! докъ се ономъ досади, пакъ онако болестань стане викати: Та проћимесе старче вуио ако бога знашь! Та богусе молимъ, нећу се теби молити. Ово придодаемъ овде, ибо ова би често бивала фаворить преповедка моега благонаравнога ΘЕОДОРА МИЛУТИНОВИЧА. Но онь бїе тако лепо знао казивати, да и плачевань мораобисе насмеяти: Сврхъ свега, ово нека добро знамо; да коэ годъ красноречивь, ако онь свое красноречїе злоупотреблява, о Пристойности, честности и Благонаравїу немарећи, познатой Истини и общему добру непоборствующи,

ѣи, неповинне и пощене люде злословеѣи, све нѣгово красноречїе крайнѣга э похужденїя и отвращенїя достойно. Евожако мудро о овомъ Плутархъ пише. *Λόγος τροφὴ διανοίας ἐϛὶ, τοῦτον δ' ἀκάθαρτον ἡ πονηρία ποιεῖ τῶν ἀνθρώπων.* Слово э рана ума али га лукавство человѣческо нечистимъ чини. Блаженъ ко лепо говори а лепше твори!

118.

ПАПАГАЛЪ И ДРУГЕ ПТИЦЕ:

Папагала донесу изъ индїе у едань вилает гди ни нейма, купига велики господинь и дага спавити у позлаѣень кавезь. Друге птице чудеѣисе толикой отмѣнности, скупесе око нѣга и начнуга питати, држе ли нѣга у толикомъ поцењу у земли рожденїя нѣгова? Не, отвеща онь, ондесмо ми као и остале птице, башь као и ви овде. А како то бива, приложе друге, дасе теби овде у иностраннои земли толика слава и честъ показуе? Зарь ви незнаше, одговори онай, да право достоинство малосе кадъ у своемъ отечеству како валя припознае?

Нарапоученїе.

Инглези овако о овомъ веле„ Лерндь ендъ екселенть мень хевь селдомъ дѳе кредить ендъ естїимъ инь дѳеерь оонь конпрїисъ, уичъ дѳе хевь инь енадѳеерь “ учени и превозходни люди, имаю редко кре-

ди-

дитъ и почитанїе у своимъ истимъ отечествамъ, кое они имаду у другимъ. Ови безъпоредакъ у они мѣсти небива, гдису поглавари народни просвещени и обще ползе прави ревнители и желатели; а ту гди по несрећи бива по вишой части изъ зависти произлази. Давно э речено да зависть незна почитати полезное. Кою суману они завидливи Іудеи Хрїсту спасителю наодили, разве, що э одъ нїова рода бїо? Ево имъ нїове паметне речи! Нїели то ИИСУСЪ синь Іосифовъ изъ Назарета, кога ми знамо оца и Матерь? а можели що икада изъ Назарета добро бити? Ели икакавъ пророкъ изъ нѣга произишао? Бѣдно суевѣрїе! Гнусни породь скаредне и слепе зависти! Кое они? И щае ови? Та мига знамо! Невредань некъ изиће само съ празномъ кесомъ изъ свога гнизда, пакъ нама мора бити просякъ; а трудолюбивъ и вредань гди годь доће благопотребань э и честань. Разумни люди и туће призивлю къ себи, присвояваю, и награждаваю по мѣри ползе, кою виде да одь ни могу имати, и на овисусе начинь народи едань одъ другога просветили и научили: а глупи варвари и свое одь себе очуждаваю презирући и, пренебрегаваюћи и и недостойно съ нима обходећисе. Како турци цариградомъ обладаше сви учени Греци разбѣгошесе кои у Ітахїу кои у францїу: и за тимъ, она славна Грецїа, мати мудрости и свїу наука назвасе туркобарбара Грецїа. Сама токмо церковна достоинства що мусулмани немогоше на се узети, остадоше хрїстяномъ; но и ова, чрезъ турску и калуђерску кабалу и хїтростъ, доћоше такима у руке кои болѣ умедоше лагати лицемѣрствовати, отимати, грабити, бѣдномъ и удрученомъ народу и мозакъ изъ костїю сисати и туркомъ блювати. Патрїаршески престоли и епархїе епїскопске еднако какогодъ Провинцїе и Пашалуци ономъ ко више да, почешесе продавати; а Епїскопи у своимъ бѣднимъ Епархїама, цркве, парохїе, литургїе, исповедъ, са сви страна калуђеромъ дозволѣ-

нѣ да народъ деру, и щое найужаснїе! И сама проклетства и Анаѳеме таксираше и почеше и продаваши (валя знати да ту кадъ едань оће другога у цркви да анатеми преда одъ владике валя да купи анатему) Ево браћо и народи, у каково срамотно и плачевно состоянїе чисту хрїстову црковь доведоше и низринуше варварство тамно невѣжество и проклето неправедно сребролюбїе. Епїскопи! Оци духовни! Пастири хрїстова стада! Калуђери посници и богомолци! свису ту жестоки суровi крвопїе волци, кои подъ изѣтомъ вѣре и закона кровь человеческу пїю, гди варварство и мучителство влада. Серафимъ ови прошасти година цариградски Патрїархъ у време свога митрополитства у великомъ Трнаву разпродаое четрдесетъ иляда котлова и тенчера сиромаши, кои му нису могли димнице и подушїя платити. Да добро разсудимо, тога покора и сїясета они исти коису хрїста распели нишису чинили нишису за што знали. Пощень, а къ тому учень човекъ то неможе да трпи, но жали тужисе и обличуе; зато онь ту мора пострадати ако пре не утече. Онде дакле гди варварство невлада науку свещенству и благонаравїе: Свещеникъ мора бити предводитељъ совѣтникъ и учителъ обществу своме: а неучень учителъ ща то значи? Ништа и преко ништа. Свакъ изъ овога ласно може видити (ако само оће) какова э потреба народу одъ учителя, а учителѣмъ пакъ притребное лепо награжденїе иощъ лепша честъ. И акосе иоще за неко време гди наће кои владика, или са свимъ неучень, или недоволно за еднога Епїскопа учень, а онь некасе стара да съ своиомъ отмѣнномъ добротомъ, то що му у науци недостае надокнади: на ученїе и добродѣтелнїе одъ себе нека не наскакуе и нека и не чини плакати. Оно що муе Царь и Народъ дао некъ се дань и ноћь стара какоће ЗАСЛУЖИТИ: и нека заборави оне турске обичае свои стари, кои су све достоинство Епїскопства у томъ држали да Свещенство

во

во деру и бїю. Овосе пише не само за садашня времена, но и за последня, нека знаду и на илляду година после насЪ потомковЪ нашихЪ Потомци. Да у време Царствованїа ІОСИФА ФТОРАГО Римска. го Імператора Истина э смела сЪ умѣренностїю, но у исто време, сЪ благороднимЪ СвободомЪ свой ГласЪ воздвигнути. Нїедань народь тако непочитуе свое старешинеа навласпиито Архерее како Сербли, и весма добро чине: ово э лепь и прекрасань Характерь свое старїе любити и почитовати; праведное дакле да се и боголюбиви Архїереи стараю да ови похвални обичай всегда у нацїи остае. Право и пожелателнѣйше почитанїе оно э, кое не изь суевѣрїя и простоте него, изь здраве и просвещене произходи душе.

119.

БРАТЬ И СЕСТРА.

Човекъ имаое Синчића весма лепа, и Кћерь поружну, Ово двое, као деца, играюћисе едномЪ око Огледала почнусе огледати ту: онда БратЪ начнесе фалити да э врло лепь, похуждаваюћи сестру као ружну. Ово весма огорчи малу девоичицу: коя плачући оде кь Оцу, и начнесе тужити на Брата свога, коликЪ да э учинїо найцрнѣ и горе дѣло на свету, щосе онь огледа на Огледало кое пїе начинѣно за люде него за жене. Дете се правда и извиное са свое стране говорећи, я

нисамъ ницца друго учинїо, него що самъ иой рекао да з ружна. Отацъ и загрли обое и съ отеческомъ милошћу любећи и да имъ ову Науку. Я оћу да се ви сваки дань у исто огледате Огледало: ти Сине мой, не зато щобисе поносїо, и Сестру свою ружномъ називао, него щоби Красоту и благообразїе лица твога са злонаравїемъ и непристойнимъ поступкомъ не наружїо и неоскверњо: а ти Кћи моя! Щоби сь честностїю живопта твоега и съ красотомь нарава твои недостатакъ красноличїя прикрила и надокнадила. Вистте обое лепи ако будепте благонаравни и добри.

Нарапоученїе.

Све жене на свепту како Европейке и Азїапкинѣ шако и црне Арапкинѣ премногосе спараю за свою шѣлесну вићшню Лепопу; одъ шудасу произишли шолики различни начини шарени и свакояки боя и цвешова алина, Белила, Руменила и многообразне моде Кићеня и облаченя. Зарь валя по свой прилици дасе оне саме себи преко сваке мѣре ружне чине и виде, кадъ се шолико пеку и брину за шуће коекакво лажливо украшенїе: ибо, безь сумнѣнїя, жена кояби задоволна била съ своимъ природнимъ Лицемъ и Образомъ шаковимъ каквогаиой э Богъ дао, она нипощо и никако небига кое съ чимъ мазала; а навласшито знаюћи да коликога вище шаре и маже шоликога већма грди и ружи. Одавде слѣдуе и явносе види да кое годъ преко мѣре у любљѣнь у украшенїе и одѣянїе, онь нуждно, мора имаши зло и преко разлога худо мнѣнїе о шѣлу

своме. На исти и еднаки начинь, кое саевимъ у дюблѣнь у тѣло свое, онь или незна да има словесну душу, или ако и зна, а онь э за ништа држи и почитуе. Кадъ би могли ми люди осећати и чувствивовати, сву силу они кротки речи вѣчне блаженне божїе истине съ коима насъ за ово наше неразумїе укорава говорећи. *Малопѣрни нїели лучша душа одъ тѣла, и тѣло одъ одежде!* Ово кадъ би ми могли приспойно разумепи, довека бисе морали срамиши за толико наше маловѣрїе и неразумїе! Одѣянїе кадъ се издрпа и издере бацамога у ћубре; тѣло, кое, кадъ остари, ослаби и изгуби сву топлоту крви, иде као земля у землю; за нисе толико спарамо и мучимо, а за словесностъ коя у нами мисли, и коя э способна Правди, Истини, Богопознанспву и свакой божественной добродѣтели, слѣдователно и вѣчномъ и безъконечномъ животу, толико мало маримо! Одъ кудъ дакле толика Немарностъ, разве, що е како надлежи непознаемо? Жена остроумна, коя э управь, увѣрена о сили красоте и пріятности свои, онасе облачи за нужду, обичай и приспойностъ, ништа толико проста да се узда више що примити одъ шивача свога, него що е примила одъ премудре руке Естества. Подобнимъ образомъ разумни чловекъ кои познае све преимущество словесногa Ума или Душе, онь се спара за тѣло свое колико нужда и благопристойностъ изискуе дае здраво, чисто и благопріятно, но никадага не обожава ништа за нѣговь прекомѣрни алтарь и угожденїе презире и пренебрегава благороднїю частъ себе, то естъ словесни разумъ. Мое э мудрованїе о Чловеку доста познато, зашо се небоимъ да ме ко овде не прими за каква жестока предикатора кои оће да э човекъ савь, и само, Духь. Не, то ниште потреба ниште пакъ могуће докъ смо съ тѣломъ заедно: но овое и нужно и возможно дасе свакомъ свое дае; и на ови начинь бива у нами совершена Армонїя или Согласїе сладчайше небесне музике. Дакле наше предраге сербске

Кће-

Кћери добро неказнаду да блаѣообразїе и Красноликчїе кадсу сЪ цЪломудрїемЪ, сЪ светомЪ честностїю, сЪ смиреномудримЪ благоразумїемЪ, сЪ незлобивимЪ и непорочнимЪ благонаравїемЪ, сЪ разумомЪ и мудростїю соединћне, ондасу миле и прїятне Богу и людма; а безь ови добродЪтели, и сЪ противнимЪ нима злобама сва лепота, и красота, и прїятности ништа нису него ругоба, срамота и и несрећа. Нека приме ови премудри совЪтЪ благоразумнога Оца, кадЪ се годЪ виде у Огледалу ако имсе чини дасу лепе, некЪ све свое попеченїе у томЪ положе да свою лепоту са злонаравїемЪ не обезчесте и не потару. Аколи имЪ се то нечини, некьсе нимало нестараю за особиту пЪлесну лепоту; знаюћи, да душевна и наравна Красота, коя э у нїовой власти, несравнЪнно э честнїя и благороднїя; ибо ова, чрезь године и старостЪ неможе увенути, болестЪ э неможе наружити и порушити, иста Смрть нїе кадра уничтожити ю, защо э она рода божїега и сь богомЪ скупа пребива и вЪкуе. sat pulcher qui sat bonus! Доста э красань кое доста добарь! Паметно учи федрусЪ.

120.

ЛИСИЦА И КУРЯКЬ.

Лисица упадне у едань бунарь, у то исто време послучаю пролазећи туда КурякЪ чуе гласЪ и вику изь бунара; погледа у нутра и види бЪдну лисицу готову утопитисе; кояга почне молити и заклињати, да поити колико брже, доне се уже и дае извуче. КурякЪ се обеща све то

учи-

учинити, но при тому, запитае да му каже, како э ту упала, она коя иначе, одъ свакога почитуесе за хитру зверку и врлосе ласно неда преварити. Уже! Уже! Викне она, помагай! видишь да мени нïе до дангубе и разговора. Извадиме пре, пакъ ме онда питай щогодъ оћешь.

Нарапоучењ̈е.

Кадъ видимо кога у нужди и неволи, ако можемо, помозимому: аколи неможемо, кажимому управь дасе ненада: ништи стоймо заповешаюћи и приговараюћиму, да ниси то учинїо болъби било. Кадъ ко погреши и пострада, тада и самъ види да нïе како надлежи поступїо, нишїе потреба да му ми кажемо оно що онь чувствуе. Оно э добарь погађачъ кои погоди пре него се ствaрь случи, а кадъсе већь що догоди свака бака може о томъ прорицати. Кажу за шпанїоле, да акоће ко одъ ни и просякъ бити, опетъ э поноситъ и високоумань. Едань одъ ови заище одъ некогъ Господина даму що да: а оньга почне увѣщаваши да здравь човекъ не валя да проси, него съ трудомъ руку свои да себе обдержава. Оћешь ли ти мени дати що я одъ тебе ищемъ? То ти мени кажи; одговори му високоумни просякъ, а то що ти мени садъ говоришь, држи за се, ерь я све то знамъ болъ одъ тебе. Бѣдна ствaрь просякъ поносить! Защо иначе знамо, да нужда и убожество смирява и велику гордостъ. Срамотна вещь видити здраво тѣло да проси, а наипаче кадъ бива изь лѣности и обичая: а кадъ э познато да э ко трудолюбивь и пощень, пакъ мусе случи какво несчастїе: онда свакъ чувствуе велику радостъ кадъ може такомъ помоћи. У Аѳини изь међу прочи Судїя уређавалисусе и такови Надъзиратели, коису морали знати, на

кои

кои начинь и найпоследни гражданинь свое припитанїе и содержанїе придобива; Ленщину и безь нужде просяка нису хотели међу собомъ прпити; гдису пакъ праву нужду видли ту э све общество единодушно помагало. Предвараваши валя на свами начинь, да се ленщивостъ не уводи у обичай, а гди э права потреба, онде преблажень онай кои показуе по своме могућству милостиво и благодѣтелно Срце и Утробу. Овде служе оне свете речи. *Блажени милостиви яко тїи помиловани будутъ!* Злашнесу и оне речи Исократа къ Димонику: *μηδενὶ συμφορὰν ὀνειδίσῃς! Κοινὴ γὰρ ἡ τύχη καὶ τὸ μέλλον ἄδηλον.* Никога у злополучїю неукоравай! Ибо, случай э общи и време будуще невидисе.

121.

ЛАВЪ И МИШЬ И ЛИСИЦА.

Лавь у своей пещери спаваше; доће мишь и препрчи му преко Шїе: тргне се Лавь и скочи иза сна, то̀ гледаюћи Лисица сЪ поля начнемусе посмеяваши, говорећи, да онь Лавь будући миша се бои и плаши. Небоимсе я, одговори Лавь, щое годЪ мишева, али я нећу ни поцто да се тай обичай уводи, кадь я спавамЪ да се они мени преко шїе упркиваю некь прче кудь су и пре тога широко имЪ полѣ.

Нара-

Нарапоученїе.

Злимъ обичаемъ валя на сваки начинъ изъ почетка противьстаапи да се не уводе и не укореняваю: Защо кадъ се већъ уведу и утврде, силомъ и насрамоту оћеду да се за законъ држе и почитую. Ево ща простопа и суевѣрїе виче, такосу наши Стари чинили; тако оћемо ими; но ово, у свачемъ, ни мало не валя. Нашису се Стари пре неколико стотина година кланяли давору и Коледу као своимъ боговомъ, коихъ се садь едва име гди чуе. Нашису Стари за многе коекакве после люто поспрадали: Ели дакле право и памепно да ими у нима остаемо и страдамо? Ии пощо! Кадь би люди све еднаки остаяли, никада нїедань Народь небисе поболшао ни просветїо. Разумни иду све на болѣ, а неразумни или остаю какосу били, или (щое вѣроятнїе) акосе не поболшаваю а они иду све на горе, Ово добро да примѣтимо: Докъ се годъ едань Народь наоди у простопи, онь э у состоянїю дѣтинства, защо детету э природно да э просто; али ово му небива изъ доброте нѣгове, него изъ незнаня и неискусства, на испи дакле начинъ, како годъ дете колико више расти, све то већма бива или паметнїе и болѣ, или луће и горе. Акосе на добро упућуе, наставля, учи и принућава, съ возрастомъ расти у нѣму разумъ и добродѣтелъ; и тако мало по мало постане човекъ благонаравань и совершень, благопотребань себи и другимъ. Аколи пакъ живи и расти своеволянь, необуздань, распущень, а наипаче съ строптивимъ дружствомъ, коиму сваки дань даю развращене примѣре, бива дань о дань гори и опачнїи: подобнимъ образомъ бива и съ цѣли Народи: изъ почеткасу сви прости; пакъ акосе чрезъ добре обичае и Законе на добро упуте, иду и напредую све къ то већемъ совершенству и благосостоянїю; Аколисе упуте на криво и на зло, а они изъ простоте доћу у Варварство глупостъ, суевѣрїе и у свако злонаравїе.

Защо.

Защосу Албанези одъ толико стотина година све Арамїе и Убїице? Ни защо друго, него що остаю као су имъ и стари; и щое опачнїе! Мало по мало бивају све тогори; догодъ ко паметань нима необлада; пакъ онда, оне кои небуду хотели одъ зла престати све поизвеша, а остале упути на добро и приуди и да живу мирно и паметно, и до буду благополучни. Да э Велики Петарь хотео да нѣгови Россїяни остану као су имъ и стари били; они би били и данасъ као Татари: алїе богопросвещени Монархь знао да то ниша неваля; увео э нове обичае, Науке и Законе и за то э Россїа данаєъ шако славна, Сви Европейци дасу хотели остати као су имь Стари били; билиби и данасъ Идолослужители, а не Хрїстяни, Варвари, а не просвещени и благоуправляеми народи. Изь овога дакле що самъ рекао, и найманѣ деше може познати колика э потреба отличавати зле обичае и неваляле одъ добри и полезни. Премудри творацъ овое вложїо и усадїо у Естество вещи, да щое годъ управь полезно и за всегда полезно то э и добро. Како оћемо дакле да познамо ели една ствары, или дѣло или обичай добарь, прво испитаймо нашое благопотребань и полезань? И будући да э овде слово о Обичаи зли или добри, испитаваймо и, и разсуждаваймо о нима: и кое познамо дасу непотребни и ни нашо полезни одмећимо и акосу чакъ одъ Меѳусалова времена; а добре само уздржаваймо и утверждаваймо; и нове кое познамо за полезне, уводимо и узаконяваймо; и шако поступаюћи и напредуюћи, изь простоше и детинства нећемо доћи у Варварство, кое э много горе одъ детинства, но у возрастъ мужа совершена и украшена разумомъ и добродѣтелїю. И заслужићемо мѣсто међу славнимъ и просвещенимъ Нацїама Европе.

122.

ЯГНѢ И КУРЯКЪ.

Ягнѣ бѣжећи одъ куряка, за утећи и избавити-гасе прибѣгне у едань Храмъ богова, злоси прибѣжище нашао, речему Вукъ, какопе ту Попови нећу заклаћепе на жертву Боговомъ. Волимъ, одговори ягнѣ, Боговомъ Жертва бити, него швоимъ кровожаждущимъ челюспима Рана.

Наравоученїе.

Умрепи, мало пре или после сви морамо; али кадъ э ко принуждень пре времена животъ оставити, баремъ некъ се спара, какоћесе съ нимъ найславниимъ начиномъ растани. Овосе говори за оне, кои за показашисе само дасу храбри Юнаци немаре на коиће начинь погинупти; а ово є са свимъ худо и безьсловесно. Велика э различность, законно и и праведно за опечество воююћи кровь пролипи, или само за инапь, за безьсловесну яростъ и устремлѣнїе, или у краћи и лупежспву животъ изгубити. Прво э дѣло похвално, випежко и славно; а фпоро э полико колико на вешали висипи; и скупа са животомъ честъ и душу свою изгубити. Худа и луда мнѣнїя они люди о Храброспи и Юначспву имаду, кои мисле дасе по само у томъ состои за животъ свой немариши, и съ еднакомъ будалащиномъ или убїю, или убїени буду. чловекъ кои зна да безь узрока ни Коня, ни Вола ни Пса неваля живопа лишипи; можели пако зверонаравань, худъ и бесань бити, да свой, или подобнога себи човека животъ- за багателу вменява и држи? Поганису проклепи и вѣчне срамоте достойни неки мѣста обичаи, гди, за осве-

тити

пиши крвь еднога, оде нечовекъ пакъ убїе другога кои томе ниша нїе кривь. Ова се люпа и проклета дѣла онде шворе гди нейма добри закона ни управлѣнїя. Люди! Люди! Очетели кадъ годъ на небо ногледаши, и немислиши да э Богъ надъ вами, кои васъ гледа и види, и коиће вамъ судиши? Ели могуће, да є одъ шолико сшошина година међу вами Хрїсшянски Законь, и да иощь незнаше да онай кои нїе кадарь и неће и своме непрїяшелю и злошвору проспиши нишїе, ниши може биши Хрїсшянинь? А у време мира кровь чловеческу пролиши, и живоша га лиши! Такови ниїе кадъ вѣровао, ниши вѣруе Хрїсша, но самога дїавола коме сшакови дѣли служи. Ево речи самога Спасишеля Хрїсша *Творяй дѣла дїяволя отъ дїявола естъ*! Коя полза, речма називаше Хрїсшянином, а дѣли служиши самоме Сашани? Дакле, они коису шакови, или некъ прекрсшану одъ шакови проклеши и вражїи обичая и дѣла и нека уведу изъ међу себе Поредакъ Законе и Судъ, или баремъ нека не лажу, него некасе и словомъ Хрїсша одреку, коега пресвешу Науку и Правду ниши слушаю ниши позная. Они кадъсе међу собомъ поздравляю веле еданъ другомъ Свѣшаоши Образъ. Ово э прекрасна Поздравь! Али валя чисто знаши, да они, кои увреме мира туће неправедно грабе и ошимаю, и друге лупежскимъ начиномъ убїяю, онису за Вешала. А можели и када свешао образъ биши онога ко э досшоянь да на Вешали виси? Нѣму э црнь образъ предъ людма и предъ богомъ, и онь э Нишо и Нищо и Поганинь. Али ћесе покаяши! Онай покаяши! Когаэ Срце шако опоганѣно да у време мира човека може убиши? Никадъ до вѣка! Онь не знащае покаянїе, него само у време болесши лаже, и оће Бога да превара. Но мисле шакови да су храбри Юнаци! И у шомесе люшо параю, ниши знаду щое право, разумно и пошено Юначшво. Какоће биши Юнакъ, онай кои нїе кадарь съ собомъ владаши, съ разумомъ и Памећу себе зауздаши, и

пра-

праведно и пощено на свету живити? нѣгово э Юначство скотско и зверско како свїю Арамїя, Лупежа и Пустаия. Ако, по случаю, ова книга и међу те люде доће гдисе вишеречени зли обичаи още наоде; нека не приме ове речи, они коису међу нима пощени, разумни и добродѣтелни и себи на безьчестїе и укоренїе. Овосе само за Зле разумева и говори. Я самъ живїо съ нима, и знамъ да се наоде изь међу ни премногы благородномислећи препощени и славни люди: кое я високопочитуемь, и више любимъ, него они могу себи представити; и опетъ, за злесе ово говори, за кое и Свето ЕВАНГЕЛІЕ оваго говори и пише. Дакле, за живога Бога! Поредакъ уводите међусе изберите себи Поглавара и дайте себи Законе добре, по коима косе годъ не буде владати и управляти дасе съ Судомъ наказуе, а не безь Суда и како ко оће и може: и на ови начинь, увѣрени будите даћете бити дика и слава нашега Рода и Имена; и пада биће вамъ предъ Богомъ и предъ свепомъ свѣтли и пресвѣтли Образь, и биће те управь свободни, храбри и славни Народь! Кое вамъ жели срце и душа моя одъ благога Бога до вѣка.

123.

КРМАЧА И КУРЯЧИЦА.

Крмача гопова опраситисе лежаше затворена у кошари: кадъ етоти одъ некуда Курячице, коя немогући кь нїой улѣсти, почне иой говорити съ поля, завирующи крозь ограду. Сестрице! По свой прилици тисе мислишь опрасити: зато самъпти я на помоћь дошла: я ти одъ све-

га Срца добро желимъ, како теби тако и твоимъ Прасићемъ. Фалати лепо, одговори крмача, на твомъ доброжеланїю; али како самъсе я и до садъ прасила безь ничїе помоћи такоћу и садъ и у напредакъ: И ако ми управь добро желишь, жени и момъ породу, како сама сведочишь; а ти отступи и удалисе одъ насъ колико далѣ можешь: Защо наша э Наравь така, да колико знамо Куряке далѣ одъ нась, толикосу намъ прїятнїи: а како помислимо да су гди близу насъ, нещо намсе стужуе, пакъ оцрнимо зубе.

Наравоученїе.

Кадъ э ко познатъ да э двострукъ и лукавь неваля му вѣровати окоће незнамъ како лепо говорити. О овомесмо на више мѣста напоминяли; ниша манѣ; ова э матерїя толико важна и нуждна за человѣчески родъ дасе о нїой никада одъвећъ много неможе говорити. Ибо сваки дань, зли и лукави добре и чистосрдечне на сваки начинь раде да преваре и за носъ да вуку. Да сваки човекъ за свою користъ ради и настои, ово э природно и нуждно; но то исто 'може бити съ Правдомъ и съ Неправдомъ. Пощенъ и правдолюбивъ човекъ, никада са своимъ знанѣмъ, не жели за свою користъ другога на щету навести: а неправеданъ у свачему, ни за кога и ни защо немисли него за се и за свою Добитъ; праведно, или неправедно, то э нѣму све едно. За то у свакомъ Предпрїятїю потреба э добро на умъ узети съ кимъ имамо дѣло. ко э ко, и какавь э, и какосе э до садъ съ людма владао. Эзикъ э безь Костїю и зглавака ласно слаже речи какве оће; и сваки зао може сладко и лепо говори-

ворити, зато правогасе э чуваши, и на Нграви и дѣла свакога смапрати. Бѣдно э и несрећно оно Общество гдисе у обичай уводи Припворностъ и Лажливостъ; и гди не само на Речь, него ни на Заклетву едань другога несмедусе поуздати: а ше в права Истина, да кое годъ кадарь свою речь бевь крайнѣ нужде погазити онога ни Клетви невадя вѣроваши. Очуждаваймо дакле одъ себе худе обичае лицемѣрїя и припворности! Недаймосе временнимъ користолюбїемъ заслепляваши! Нећемо до века овде живити: И никада незаборављяймо, не само како Хрїстяни, него и како честни люди, оне свепе Речи, БУДИ ВАМИ ЩО ЕСТЬ ЕСТЬ: А ЩО НІЕ НІЕ!

124.

ЛИСИЦА ПЕТАО КОКОШИ И ПСИ.

Лисица мршвагладна, види изь далека Петла съ кокошима и поће управь кь нима. Упази э петао и кокоши, и поизьскачу на едно гранато древо. Видећи и лисица изьвань свога домашая, весмасе оскорби; но айде на срећу, помисли у себи: ово нїе први редъ да э мене моя хитростъ помогла. Приступи съ великомъ учтивостїю и сладкогледућимъ очима; поклонисе найпре петлу, пакъ онда свимъ кокошима; и съ кроткимъ гласомъ и веселимъ лицемъ начне имъ

говорити. Та щое то? Зарь се ви плашите одъ мене? Међерь я видимъ да вами иощъ Гласъ нїе дошао що се э юче заключило на вселенскомъ Сабору свїю животиня! Ща? Рече петао, ми иощь ни слова о томе незнамо. Хее! Дакле мени мущулукъ, одговори Лисица; Мирь всеобщи Мирь, међу своимъ животинїомъ заключїосе и уприрдїо. Одъ садъ ђеду Вуци пасти са јагнци, јастреби съ голубови, и Лисице са кокошима, нитьсе има ко ща бояти ни плашити. Сиђите дакле, да сви скупа ови радостни празникъ празнуемо. Онда и петао, чинећисе пунь радости, викне, О сладки вѣсти весели гласова! Пружи врапь и ноиздигне главу, као да нещо изь далека види: ево и наши пааса гди управь овамо трче и носе намъ новине мира! Пааса! викне лисица, пакъ бѣжи на све четири ноге колико и гда може скачући. Стани щотїе, викне петао, та мирь э учинѣнь! Е зарь пси маре за мирь, рече лисица бѣжећи, болѣ се мени за времена уклонити.

Нарапоучењ е.

Ево лепа наука како се ваља съ лукавимъ владати. Съ клинцемъ, що но речъ, клинацъ истерати. Разумань човекъ кадъ зна да съ чистосердечнимъ и пощенимъ людма има дѣло онда э и самъ незлобивь како ягнѣ, и шу муе мрзка и скаредна свака притворностъ и ухищрење: А кадъ пакъ позна да други о лукавству и превари мисли, онда и

онь остроумїе на помоћь себи узима. И овое исто чему насъ Евангелїе учи, говорећи, БУДИТЕ БЕЗЬЗЛОБИВИ КАКО ГОЛУБОВИ, И МУДРИ КАО ЗМИЯ! Нїе право да зли добре вараю и да и за будале држе. То нїе ни каква доброта, да ше вара свакь ко оће. Даписе два пупъ одъ еднога преварити, то э недостатакъ разума. А пущатисе всегда вараши и за носъ потезати то э са свимъ луда простота, за такога се ужа рећи, простъ као Магаре, гди га ко привеже ту стои, нити мисли, билисе како могао одрешити? Достоинство словесногъ чловека состоисе у разумной и просвещеной добродѣтели а не у слепой глупости. Когодъ одвећь Фали еднога народа безь разума просноту, или мора бити и самъ проспакь, илїе лукавь и злохитарь пакъ у шоме наоди свою користь да други оспаю у просноти и слепоти ума, да онь може съ нима чинити що оће и да му вѣрую ако имь рече да магарацъ лети. Но благодареніе буди Богу садь се мракъ и тама неразумїя разгони; лукаве Кабале, злоковарни и человѣчеству вредовити и срамотни Махїавелисми изгонесе изь међу люди? соборища коекаква помрчине и бучака коясе одъ рода человескога отделяваю и ищу мало по мало Царемъ и Народомъ да обладаю, све то, са суевѣрїемъ съ незнанѣмъ и съ глупомъ простотомъ гине и изчезава. Просвещени и правдолюбиви Владѣтели желе поштенимъ и просвещенимъ людма да владаю и управляю. Защо такови народъ познае и почитуе у свещеной персони Цара, свога праведнога судїю и чадолюбива оца, кь коему му э у свакой неволи путъ свободань и отворень: зна да э интересъ царски, до найпоследнѣга човека у царству едань, то естъ, безьбѣдно и мирно свакога у нѣговомъ состоянїю живлѣнѣ. Сви добри и пошени у цѣломъ Царству браћа суи вѣрни пријатели, кое э за то Натура учинила да у обществу живу какоће лакше и болѣ едань другомъ помагати, и себе взаимно и единодушно одъ зли и неправедни чуваши. Крайня глупостъ и просто-

ша и чрезъмѣрно славолюбїе соединѣно съ лукавствомъ еднакосу обществу вредовите и погибелне. Що су Іезуити чинили, иоще мислили (дасу могли) томе э узрокъ нїово зло славолюбїе и лукавство. юче 24. Декемвра по рим: стои у новинамъ у Гои граду, у португалской индїи двеста попова да сусе согласили и свезали били пропивь законнога свога Краля. Общество себезвани илуминаша, у Баварїи пре четири године низвргнуто, ща э хошело, ищући да сва гражданска и милитарска достоинства у шаке узме свое? Тайна браћа! щоће намъ у Обществу, и осимъ цѣлога Общества шайна браћа? Истина, Правда и добродѣтелъ свѣтъ любе а не шайне, помрчину и бучаке. Пропивь непрїятеля Отечества шайну употребляваши, то э са свимъ друга работа. Али у свомъ истомъ Отечеству и Обществу, међу честнимъ людма, и вѣрнимъ отечества синовомъ, шайне некакове и пошаене састанке држати, подъ извѣтомъ акибисе чрезъ то обществу добро мислило чинити; А у исто време, кадъсе иощъ види, да та иста шайна браћа злонаравнимъ (само акосу нїови) на достоинства пеняшисе помажу! Ово ща э, ко зна да дваредъ два чини четири, погодити може. Кадъ бисе то чинило онде гди варварство влада, и гди нїе слободно що добро и паметно ни говорити, ни шворити, имаобисе баремъ извѣтъ: али у просвещеномъ владѣнїю гдисе за добродѣтелъ почитуе све що э полезно и разумно и говорити и дѣлати; онде се нимало не види нашо у добримъ дѣламъ шайна? Иоще къ тому; кадьбисе видло да такова общества избираю и примаю међусе само такове коису засвидѣтелствовати и безъ свакога сумнѣнїя познати добродѣтелни, била би имъ часть и пошенѣ; кое, добродѣтели, гди э годъ она, принадлеже: Али, кадсе види да они лове само оне коису или богапи, или у достоинствамъ, а за качество и благонаравїе или мало маре, или ни мало, свое що савъ поводъ дае о нима зло мислиши. Бѣда онде добримъ, гди сва власть злимъ у шаке доће!

ловѣ! Ко Бога познае и люби онь то съ свои добри дѣли засведочава, и съ искренномъ любовїю къ свимъ добримъ и пощенимъ людма, одъ кои, ни на кои начинь онь не жели дасе разделюе и разцеплюе. Реклосе э на више месша, и опетъ некьсе рече; иста наука и просвещенїе разума безь свеше добродѣшели и благонравїя не само нища не валяду, но и на зло служе. Iезовиши су били весма учени люди, но коя полза кадъ су лукави и злохишри били? За шакове учене лепо ,приличествуе она наша пословица: гди су кола мудросши шу су двоя лудосши, и башь э шако у ономе коиэ што божь учень, а лукавь и зао. За што, не раздељѣнїе међу люде но соединѣнїе валя уводиши: косе годъ одриче пощени люди браће свое, одричесе самога бога: Соединѣнїе не велимъ у чишаню и поянюу цркви, богу э све едно ша ко чишао гречески ша лашинеки, онь све што разуме; но оно блажено Евангелско соединѣнїе у любови, миру, вѣрносши, пощеню и у свакой добродѣшели. Овосе зове право во Хрїсшъ съ богомъ соединѣнїе, ВОЗЛЮБИШИ ГОСПОДА БОГА ТВОЕГО И БЛИЖНЯГО СВОЕГО ЯКО САМАГО СЕБЕ. Ево савь законь и сви пророци! По Спасишеля самога науци: одавде управь и очевидно слѣдуе, да косе годъ одриче ближнѣга свога одричесе и Бога.

125.

КОВАЧЬ И НѢГОВЬ ГАРОВЬ.

Едань трудолюбивь ковачь имаћаше нагоена но лена гарова, кои у све време кованя лежаше кадъ у едномъ кадъ у другомъ бучаку; нити онь ма-

раше да зна щосе око куће ради. А какоѣ ковачь почео эсти, етопи му гарова разбућена и готова. Найпосле већь досадисе ковачу, затвори ковачницу, спопадне едань ашовски држакЪ, пакЪ почне гарову овако предиковати. Гарову нїедна вѣро! Псе и одЪ Пса! за што ли ти очешь да я тебе ранимЪ, да ми ти по васЪ дань у ковачници смрдишь Ели? Кадь я лупамЪ, да се не само Наковань, него и земля подамномЪ тресе, теби э то тамань спаваћа музика! А какосе мое вилице почну мицати, нама ти скочишь као да ти сто шиляка подЪ кожу улѣзу. Броишь залогаещо я у уста улажемЪ, као да ме ти ранишь! Несита упробо, да можешь чигерицу бими изь тела изео! Ово изрекавши начнега мазати све узь длаку и низь длаку: пакЪ онда отвори врата и даму путь.

Нарапоученїе.

Премудра и прекрасна предика за женщине и шунћядце. Нейма ти срамотнїегЪ ни хућегЪ заната одЪ дангубице, безпослице и лѣности. Найлепши божїи дни таковоме пролазе у згадливомЪ унинїю, кое э опровь живота. Коиму драго пань доспоянь э већега пощења него онь. За што пань, прво баремЪ э прави пань, второ не иште эсти, треће, може за многе потребне ствари служити, ако ни защо, а оно за огань. А женщина и дембелЪ, ниште међу люде, ништи међу панѣве пристао. Чинисе као да э човекЪ, по томе што би радЪ эсти и пити: али сво беде кадЪ нема ща, а онь онда мора

ря мислити или о превари или о краћи зашо шрбу за шалу незна, онь свое оће ше оће. Аколи э пакъ имућь и нїему нужде красти: а онь кадьсе наэде и задоволи шѣло свое, неимаюћи никакова полезна и благородна упражнѣнїя за умъ и срце свое мора о свакой будалашини мисливши. Душа му э подобна пустой и забапалѣной башчи пуной шрня копривешина и свакоякогъ непошребногъ корова. Непреценѣни и неизказани даръ божїи ВРЕМЕ! Ово крашко време живоша, кое э трудолюбивимъ и добродѣшелнимъ доста дугачко зашо нимъ свешу и блажену Вѣчносшъ могу заслужишши и добиши, моме, сиречъ ленивцу, ништа нїе, него као некакво Проклешство божїе. Ево, браћо моя щасе раћа и произлази изъ злоупошребльнїя найденши и найполезнїи божїи дарова! Медъ испи прешварасе у оцровъ, и исто благословлѣнїе божїе, милосшъ и благодашъ у проклешство. За што предрага юносше! Чувайсе да се изъ младосши овои злоби не предашь и не обикнешь, ако любишь себе и благополучїе живоша швоега, не само вѣчнога, но башь и овога временнога. Питалису Апелесса какое могао посшаши шаковъ славни живописацъ, каковъ нїедань пре нѣга нїе бїо? Οὐδὲ μίαν ἡμέραν ἄφηςα ἄνευ γραμμῆς. Нїедань дань насамъ оставїо безь редка, одговори. Ево найспособнїе и наймудрїе правило за досшигнушши къ великомъ успѣху у буди коемъ дѣлу, науци и занашу. Нїедань дань не пропусшиши безь посла и ползе. Тое безумїе, данасъ преко мѣре много чинишши, а сутра са свимъ ништа. То се зове καρκίνου βάδισμα, рачїи ходъ. Време свое валя измѣриши, разложиши и за свако надлежеће дѣло опредѣлиши; пакъ онда ово опредѣленїе и редъ никогда кромѣ крайнѣ нужде и болесши не преступиши. У присшойно време спаваши, проходашисе и проиграши, за даши шѣлу и крови потребно движенїе, и у здравлю содержашига, ово нїе дангуба; кадъ само у свое време бива.

На-

Натура э премудра, по нїой се валя, сЪ разумомЪ владати. КакогодЪ, ко преповара стомахЪ сЪ толикимЪ эломЪ кое онЪ нїе кадарЪ скувати, на мѢсто полze одЪ эла вредЪ и болестЪ на се навлачи, тако и онай, кои преко мѣре много чита, и преобременява умЪ свой сЪ толикимЪ вещма, кое онЪ нїе кадарЪ памет-сивовати и (да тако речемЪ) скувати, ниша друго не добива него несвестЪ и вртоглавицу, доводи у разслабѣнїе мозакЪ и весма слабо и худо напредуе. Оно э всегда много що э добро и совершено. Толико читаймо, колико, кадЪ оставимо книгу, можемо памтити и знати шта смо и о чемЪ смо читали, и после сврхЪ тога да смо кадри мислити судити и разговарати се. Овако поступаюћи, сваки дань, акоће бити и по мало, но у много дана буде много. КадЪ се сЪ временомЪ овомЪ поредку и начину проибикнемо, тада намЪ се што преобрати у природу и бива намЪ ласно, мило, сладко и преполезно. Ово ћу само рећи за примѣрЪ: нейма одЪ хїляду глава една, да нїе кадра на дань баремЪ седамЪ врста запамтити: а сваки дань по толико, свакЪ види како то расти и умножавасе. Ниша нїе чешће чути, него да се многи туже да слабо памте: какоће ко икада памтити оно о чему немисли? А ти исти, кои се тако туже, добро памте кое какве безделице о коима всегда мисле. Мати натура сваком Ъ э доволно дала, ко само што у добарЪ редЪ и разположенїе мегине, и пристойно употреблява: И весма често, слабїе памет-сивованїе сЪ добримЪ уређенїемЪ и прилѣжанїемЪ више добїе и накупи, него друго вредно и оштѣмно безЪ чина и поредка. ПасЪ колико каса, да све управЪ иде, отишаоби у Америку, али онЪ шрчи кое кудЪ докЪ изплази эзикЪ. ЛѢностЪ дакле, и безъпоредакЪ еднакосу щетне и вредовите, одЪ коихЪ Юность, како мужескога, тако и женскога пола изЪ младости валя дасе чува и убѣгава. Какова ушѣха и радость споминятисе у старости свои трудолюбиви добродѣтелни и плодоро-

доро-

дородни млади година, право блаженство живопа человѣческога и царство небесно овде на земли! И безъ сумнѣнїя, душа, иоще овде съ шаковимъ предрагимъ, добродѣтели и разума сокровищемъ обогаћена и спремлѣна, кадъ одавде изиће, по свидѣтелству блаженога Спасишеля, иощъ вишће получити. *Ко има, цели, даћемусе и претећићему, а хо нейма узећемусе и оно що себи мечта да има, а самимъ дѣломъ нейма.*

ПРИМѢЧАНІЕ.

Мала но прелолезна о Празницахъ книжица Госпоцином Іоаномъ Мушкатиропићемъ Пещанскимъ сенаторомъ, состаплѣна и издата достойна э псеобщегъ чтенїя. Опи учени, и за спое усерцнѣйше, Отечеспиу и спой Нацїи нашей доброжеланїе достохпални мужъ, прему дро у реченной книжици доказуе, ща су празници, какосу постали: какопаля дасе разумно празную; и какопа щета одъ ни произходи кадсе неразумно у лѣности прошоде и злоупотребляпаю. Лѣностъ э целики и общевредопити грехъ; а хо не зна, да грехъ ни на празникъ не паля тпорити? А наипаче кадъ залоцну ло два ло три и ло четири у едной недели празника. Дасу нехи дни опредѣлени за лоћи у цркпу и богусе молити, Опай э лелъ обичай, али не паля изъ нѣга злоупотреблѣнїе чинити. Хрїстосъ спаситель учи насъ НЕПРЕСТАННО МОЛИТЕСЯ! То естъ и кадъсте у послу неха срце паше о богу и о добру мисли; Ово э прапа къ богу жертпа и молитпа. Нейма небу благопонниега тамняна ни прїятнїе-

тнїега приноса и молебствїя, него халъ добри и лощени чопекъ дѣлаюћи тпорца спога слапи и онѣму мисли; и тако съ споимъ прилѣжнимъ трудомъ лолаже себе у состоянїе, себи и ближнѣму споме добро учинити. По случаю, я опо у дань неделни ло литургїи лишемъ, но за томе сопесть моя не обличапа, на протинь, радуемсе желећи да чрезъ опо комгодъ полезань будемъ; ако не за морь жипота нища за то, има томе премена и ло смрти: а да безъпосличимъ, хоя би ми полза била?

126.

ЯСТРЕБЬ И КУКАВИЦА.

Ястребь заппла кукавицу съ чимъ се она рани: ова му каже, эдемь мраве, и свакояке црвиће но найлепшамїе часть кадъ уфапимъ младогь полскога миша. Насмеэсе ястребь, мећерь си права кукавица! Рече ноЙ. Та етоте по величини тѣла колико я; а ни перѣ ти нїе одъ могъ перя отличпо; зашто дакле голубове, кокоши и пилиће не фапашь? Ондаби знао шае сластъ и рана! То изрекавши, залеписе къ едной сеоской кући међу кокоши: Селянинь коига давно съ пушкомъ вребаше, пукне нанѣга и пребїему десно крило, вежега иопе жива за ногу, и обесига негде у авлїи да се нимъ

и

и други ястребови плаше. Ояда кукавицавидећига гдисе обешењ иоще копрца, речему. Садъ ми кажи косе болѣ рани, я или ти?

Нарапоучєнїе.

Ништа нїе безбѣдније; мирнїе и пощенїе, него съ своимъ праведнимъ трудомъ ранишисе и содржавати: нипи пакъ бѣдствителнїе и срамотнїе него нашуће лакомишисе и съ неправдомъ себи помоћь искапи. Праведань и добарь човекъ ако и щепуе и све що има изгуби, богъ и добри люди нећега ни пощо оспавипи. Усаћеное одъ бога у срце добримъ людма да радо желе пощеномъ човеку у злополучїо помоћи. А неправедань и зао, и оно що съ неправдомъ стече съ немиромъ и са всегдашнимъ безьпокойствомъ ужива. Аколи (какосе често случава) що има изгуби ништа му неостае него срамотно име. Ево едань крашакъ разговорь некога старога капетана рашковића изь голубића у далмацїи съ еднимъ светогорцемъ, кои самъ у нѣговомъ дому на дань светога Николая, коега онь славляше, у реченомъ селу децу учећи, слушао. И будући дае крашакъ а весма, и у самой простоти куріозань, ћуга овде придодати. Седећи ми при трапези, зачуесе у авлїи топотанѣ коня, и гласъ светогорца, кои како сяше почне, ка у своей кући заповедаши дасе коньма зобь даде. Насмеесе старацъ капетань, говорећи, ешопи ми куге, никадасе съ пимъ човекомъ безь кавге не могу растати: та сви калуђери ищу, али овай силомъ ће да отпима. Светогораць: Но Капетане пиши едну парусїу на царски манастирь Н: Капетань: Та одпочини мало оче нека найпре ручамо, има поме времена. С: Поседићу мало докъ кони позобљю, аль ми нїе до дангубе, ерь знашь щага э данасъ кршняка: ћемоли записати парусїу? К: Я нећу ништа писати, него що будемъ могао

гао дађу и безь писања С. А щаћешь дати? К. Дађути едань цекинь: С. Цекинь на свету гору? Нїели ти срамота предь шоликимь людма то и рећи? К. я мислимь оче, кадь човекь дае оно що може и оће, не заслужава срамоту него пошенћ. С. мени цекинь зарь самь я марко слепаць? К. марку слепцу кадь я газету дамь, онь ми вели фала и да богь поможе, а теби и сь цекиномь срамотань се чинимь. С. зарь незнашь капетане, да какву милостиню ко дае, онаки и благословь прима? К. я знамь дае оно права милостиня, кою човекь да, онде гди валя, и доброволно а не силомь и преко срца. С. онде гди валя! А зарь у свету гору не валя давати? А одь кудь вамь долази више благослова него изь они свети месша, за кое вась и богь благосливля, и накнађавамь сторицею оно що ви нами дате? Овдесе капетань на смеэ, и овакому одговори. Калуђеру! Я самь теби толико пута рекао, да се ти самномь не инатишь; я знамь добро да богь благосливля оне кои се шруде и правично живу, али, да нами богь дае за ваше калуђерске благослове, шо ши другима казуй; да ви шаке благослове имаше, ви би себе найпре благословили, и неби довека просяци били, ни свету досађивали. С. ми не просимо за себе, него за манасширь. К. опешь онь! За манасширь. Та нїели манасширь ваша кућа? А ко проси за свою куђу не просили за се? С. Ти незнашь Капетане коликосе люди у едной лаври рани. К. Та у добри чась, акоће вась биши и на илляде: Колико вась више, шолико више можете израдиши и изъпословаши, да оћете дасе шрудише, пакь би вась и богь благословїо и даоби вамь каи другимь людма, алиспесе ви научили сь пућомь мукомь живиши, а гдие годь пуће шу нїе благословь него проклешство шо я знамь, и шеби кажемь. С. неби ши шако говорїо, да знашь ща ми шуркомь даемо. К. да ви о своиой муци живише неби шолико давали, али шурци добро знаду да ви дереше свешь пакь

оће

ће и они да деру васъ; у томесу они паметни башь као и ви. А ето босне, видисе одавде гди савь ришћянлукъ туркомъ дае, а нико не проси, него иоще у свакомъ селу наодисе фала богу имући людн и газда. що ти я велимъ, гди се люди сами не труде, но съ тућомъ мукомъ ищу да живу онде мора бити проклетство божїе и прошня. Сведочба ти шоме наши калуђери и фратри, они никомъ ништа недаю али све просе ше просе: а да ви имаше жену и децу ви би радили као и ми пакъ би васъ и богъ благословїо и дао би вамъ као и нами. С. То нїе за насъ ерсмосе ми одрекли мїра, жене и фамилїе. К. Свегасше се одрекли а нашесе кесе немогосше ни пошто одрећи. Кадсшесе насъ одрекли, шоћеше међу нами, и що намъ мира едань пушь не даше? Кадъ ми одъ васъ ништа не ищемо, не ищише ни ви одъ насъ, прошћишесе насъ и окаяше. С. Неищеше ни нашега благослова? К. Я самши казао, благословише ви себе да више не просише, а ми, у свакомъ селу имамо наше Свещенике кои ће нась благословляти. С. То си ти научїо одъ онога грка канцелиста у книню, а не знашь да онь нишїе латининь ни грекъ. Опетъ се стараџъ Капетань здраво насмеэ, говорећи, прошисе ши оче грка и латина; ми ако и нисмо грци ни латини дао намъ э богъ паметъ као и нима, да ако ћемо можемо знати шае добро и пошено, шали нїе. С. Дайми баремъ и шай цекинь, и богъ да прости, башь ме э данасъ скупо стао. К. Кошїе кривъ? ши добро знашь да кодъ мене коекакве шурске мусеведе не пролазе. — — — Овдесе э нашь светогораџъ иоще паметно разговарао, знаюћи дае речени капетанъ шакови човекъ кои неда ласно на се насршати; Али на други мѣсши долазило би довике, кавге и анашема. Ево права причина, защосу већь шакови калуђери свуда и међу сви народи у презренїю; и ништаи иоще не држи него суевѣрїе и простота люди, кои како упазе калуђерске капе и манторосе и кукуље, ни сами незнаду ша себи о нима воо-

бражаваю: а навласшито кадъ упазе коега, дае сувъ као угаракъ, неочешлянь и издрпатъ, и кадь чую да не само месо него ни рибу не эде, онда већь мисле да изь нѣга све знаменїя и чудеса хеше; држега за прозорлива, и нѣгове речи за Оракулумъ. Сврхь свега, кадъ э шакови иоще лукавь да се уме владапши, онда нека нико предъ нѣга не излази. Апосшолъ Павелъ явно каже. Чадо Тїмоѳее доћићеду бѣдна времена, кадъћеду неки за свешшиню држапши дасе одъ законнога брака удаляваю, и одъ меса уздержаваю: но за луду; калуђери веле да шо нїе за ни него за манихее, алъ већь не служе изъмишлѣни извѣши и шолкованїя, валя право говорипши, ово э за свакога кои шако чини, буди ко му драго. А за когае ово що Спасителъ Хрїсшосъ вели? *Горе шамъкои прождире домоше удопица, и дугачке молишше, чинише, да шасъ люди шиде!* Когодъ жели дае прави хрїшповь ученикъ нећесе на ово що пишемъ срдипи. негоће и самномъ заедно желипни дасе исправлѣнїе у сваџо уводи, и џогодъ нишїе полезно нипи валя да се одбаца.

127.

СТАРАЏЪ ЯРЕ И ТРИ ПАНДУРА.

Старацъ купи на пазару яре, напртига себи на плећа и понесега дома за празникъ. Видега три пандура и договоресе да муга како излажу: Изиђу понаособито изпредъ нѣга, пакъ онда први рекавшиму добра кобь, упитага смеюћисе, Деко есили читавь! Що пса на лећи носишь? Мало по-

сло

сле сукобига други, и крстећисе почнему бесе-
дити, богЪ сь тобомь Чико! Що си пса на леђа
упртїо? ИоцЪ тогда чуда нисамЪ видїо! Каква пса
люди! Що вамЪ э данасЪ? Та ово э яре. Яре! Ха
ха ха! Стане онога; и такосе размину. Не про-
ђе много, кадЪ етоти тређега. Бабо! речему,
та не чини тога покора помагай! Вежи пса за вра-
тьпакЪ води за собомЪ не срамотисе подь ста-
ростЪ, когаси иоще видїо да пса на леђи носи.
Ее! тое много, помисли стараЦЪ, кадЪ тебе са-
вьсветЪ за пса припознае, ти валя да си прави
пасЪ, какавьси даси, неможе на ино бити. Сто-
вари сЪ себе яре, забацига негде у међу, пакЪ
се врати да що друго купи. Онда пандури,
кадЪ се онь удали, однесу яре, испекуга и про-
чая.

Наравоученїе.

Инглезъ сверхъ ове матерїе овако вели, е фаалсЪ
винкЪ бїингЪ канфермдь байафшнь ринетиишнь етъ
лестьисЪ билїивдЪ, ендЪ песЪ фарьс корентьшрууеь.
„Една лажна вещь будући поиверждена чрезъ чес-
„то пофтореніе на конацЪ вѣруесе, и прозази за
„едну ишчећу истину: сиречь, за такову истину
коя вреди да се за истину признае. Сва изьмишлѣ-
нїя преваре и лажна мнѣнїя извиру и произлазе
или изь незнаня или изь лукавства. Оне лажи кое
произходе изь незнаня лакше и э одЪ себе отрес-
ти; ибо како човекЪ позна оно що естЪ, тай часЪ
почне за ништа држати оно ща нїе; али само валя
му добро дати познати оно ща нїе и щае лажно.

Оне пакъ лажи коесе изъ лукавства раћаю, неке биваю, тобожь, съ добримъ намѣренїемъ, а неке са злимъ. Кадъ мати немирно и плачливо дете съ плашиномъ оће да примири и велиму, ето куряка у помрчини! Ето вещице! Ето вампира! И прочая, она то чини акиби съ добримъ намѣренїемъ, то естъ за примирити дете, нити зна коясе зла изъ овакове плашнѣ раћаю. Са злимъ намѣренїемъ биваю, кадъ лукавїи, за свою користь, простїега оће да обмани. Као ове басне пандури сиарца, за излагашиму яре. Овакови лажа има найвише на свету: кое, будући да су съ великомъ хитростїю измишлѣне и састављѣне, найтруднїесе э одъ ни избавити: Защо, кадъ се гди укорене и утврде за истину продазе, и вѣруюсе како исто Евангелїе. Садъ, кадъ гди, велико число люди неке ствари лажне за истините почитую, акосе ко наће да те вещи као лажне изобличава, шакови чинећисе да многе люде за преварене држи и да и саперава у лажь, мора бити зло гледанъ, почитуесе за невѣрника и често ограише: ево за оваковесу вещи сви Апостоли, и самъ Хрїстосъ гонѣни и убїени били. Защо, (то щое иайгоре) по вишой части, наодесе међу свима людма шакови, кои одъ они превара свой прибитакъ и користъ имаду, и за то башь ако и они и невѣрую, нища манѣ, оћеду на сваки начинь да и други вѣрую, ерь нима шако торна конашъ. Оваковису дакле први, кои, какосе коя истина, нїовимъ интересомъ противна появи, нама, црква и Законь пропаде! Вичу. Камо, гдису шѣлеса Апостолска и светога Нїколая? Време и воздухъ у нища су и обратили, шакоће и проча коясе иощъ наоде. Да э богъ хотео да они нетлѣнни остаю: ни, нитиби могла ватра сажећи, ни време разружити. Али иди, и кажи то онима кои притомъ губе, пакъ се држи онда! Они показую, оне, кои се иощь наоде и съ коима они добїваю: а за оне кои э нестало били пакъ прошли, о нима ћуше; или показую нїове кости, пакъ и съ нима добива-

ю,

ю, то в нима све едно, само некъ имъ що у тасъ, я изь таса у кесу доће. Са мало здраве человеческе памети овосе може постигнути; да оно що богъ оће да непокварено остане, то никаква сила земна ни небесна неможе покварити. А оно що изгорепи и мало по мало у пра и у ништа обратитисе може, що и сами на парчепа режу и разносе по свету и продаю, то се види щае каколїе. Хрїстосъ доће да насъ избави свакога поклонѣнїя и службе твари и дѣла рукъ человѣческихь, а они, ше окрени ше обрни, пакъ опетъ морашсе кланяши дѣлу рукъ человѣческихь. И щое грће и горе пишу светога хрїстофора съ пасїомъ главомъ морашъиойсе кланяши: Образь преблагословене спасителѣве матере са три руке пишу! То щоби у нашури, (сачувай боже) чудовище било, шоме се на икони морашь кланяши. Ево браћо моя докле суевѣрїе и слепота може доћи и стигнути! И овакове вещи не само щоби довѣка морале остати, негоби иощъ све на горе ишле: защо зло кадъ отме ма неће да се успави но све то већма напредуе: Обаче промисаль благога бога то не допуща; Него дае у срце некима людма любоистиниито и смиренномудро дерзновенїе, да кажу людма пресвету истину, даи моле и братолюбно увѣщаваю дасе преваре чуваю. Ова увѣщанїя якосе и не послушаю брзо и за нїова живопа, но съ временомъ и после ни, мало по мало нађу свое мѣсто и послушаюсе. Такови люди, любећи са свимъ срцемъ и душомъ бога, кадъ познаду божїю истину любе э већма него сваку свою привременну користъ, и него исти маловремени живопъ на земли. Изь любови божїе рађасе у нима любовь къ свимь осталимъ людма; но любовь разумна и словесна коя люби душе человеческе и просвещенїе ума нїова. Такова любовь не ограничуесе само онима, кои у нїово време живу, негосе разпространюе и и до они далеки родова люди коиће доћи на миляде година по нима живити. Зато желећи да учине кое добро дуговременно, и якое возможно вѣчно;

често су принуждени замѣрити се онима у коихъ време живу, и нїово негодованїе на се привуѣи: и гнѣвъ, злобу и мрзостъ противъ сами себе воздвигнути Но нїова поштена и чиста совѣстъ за све то ни, не само у великомъ спокойству содержава и утѣшава, него иоще са више богато и награждава; представляюћи нима, да э злоба человѣческа весма крашка, и съ животомъ свой конацъ прима, а истина и добродѣтелъ по су ствари вѣчне како э и самъ богъ вѣчанъ. *Кадъ би хотео людма угождати*, вели блажени Апостолъ, *хрїстосъ рабъ небн бїо!* Защо и Хрїстосъ дае Книжникомъ и Фарисеемъ угождавао нипошто га гонили ни на смертъ предали; ово су нѣгове исте речи, *Тако подобаше пострадати Хрїсту и по томъ нити по славу свою!* Они премудри Григорїе Назїанзинъ ево како лепо фали неке соборе свога времена

Οὐδε τί που συνόδοισιν ὁμοδρονος ἔσσομ᾽ ἔγωγε
Χηνῶν ἢ γεράνων ἄκριτα μαρναμένων.
Нишћу гди соборомъ сосѣдатель бити я
Гусака или ждралова неразсудно воюющихъ.

А да кадъ э тако било у нѣгово време кадъ э тобожъ више светиње било; щасе э дакле после нѣга догаћало? Сваща и свакояко, како су наумили да се покажу мудрїи и одъ самога хрїста. Оригена држаше триста година за найвећега црковнога учителя. (Како и естъ такови) а после триста година проклешега као еретика, и книге нѣгове кое могоше сажегоше. А защо? ето зато̀ що онь нїе мислїо каосу они мислили. А како э онь могао знати, щаћеду други на толику силу година после нѣга измислити? Ниша му то не помаже. Леонь Папа римски, и Іоань посшникъ патрїархъ цариградски докъ су годъ живили проклинялисусе и Едань другогъ Антихрїстомъ називали, а кадъ по смрти

оба-

обадва свеца, и правила имѣсе чаше у цркви. Госе зове срећа! Ово ни защо друго не напоминѣмъ овде, кромѣ само за то, да кавга, инатъ и мрзостъ међу пощенимъ и добримъ людма за законъ не бива. Сваки э Хрїстиански законъ свети и добарь по Еванђелїю, а све остало щосу люди измислили, онићe што опетъ сь временомъ нещо одмештнупти а нещо поправити. Богъ зна найболѣ кое свецъ, и онь ће свакому дати по дѣлу, а ми међу нами свакога кое пощенъ, разуманъ и добродѣтелянъ у обществу, како правога свеца почитуймо и любимо, защо, кога видимо како живи и ща чини, онога управь можемо познати ели свецъ, и щое иощь више, синь вишняго или не. *Слава и честь псякому дѣлающему праду, нѣсть бо у бога лицезренїя*; Учи насъ блажени Апосполь. При томъ, памтимо добро нашега старца; не три, но триста илляда пандура да намъ реку да яре нїе яре него нещо друго, некъ иду они своимъ путемъ, а ми яре носимо дома: защо яре нища друго неможе бити него яре.

128.

ЋЕЛАВЬ ЧОВЕКЪ:

Ћелавь човекъ не привеже добро своју паруку, и путујући сЪ другима на коню, дуне якь вѣтарь и однесе му шешир и паруку заедно. Онда сва дружина видећига са свимъ ћелава начнусе смеяти; тада и онь смеюћисе сЪ другима рече, хе браћо! Нїе чудо щоме туће власи издаю, кадсуме и мое исте издале.

Наравоученїе.

Различне лепе науке могусе изъ ове басне извадити. Прво, кадъ естъ що у нами смешно, чемусе други мораю смеяти не срдимосе на оне кои намъ се смею; защо чрезъ то не само ништа не добивамо, него и чинимо данамъсе више смею и управъ посмеяваю и ругаю. що э годъ, у комъ му драго смешно, томе нїе могуће дасе люди не смею: дакле найболъ смеймосе съ нима заедно. Чрезъ ово три ствари лепе добивамо; едно, що намсе неће нико ругати, видећи да ими сами наше недостатке познаемо и смеемоимъ се; друго, бивамо другима прїятни и любве достойни, кадсе за мале вещи на ни не срдимо; треће, чиномо да смей престане, отимлюћиму сваку непрїятностъ и горестъ, и примаюћига за незлобиву шалу, Свойство разумнога човека у томесе состои да самъ себе сваки дань неумитно суди, и що у себи позна посмѣнїя достойно томъ се посмеява, щоли наће за похуждењїе, то похуждава: и такосе исправля. А неразуманъ и високоуманъ оће у свачему да има право, и тако све то лући и гори постае. На по пута э къ добродѣтели доспео ко свое слабости чувствуе и припознае. Но овоме се оће чисто срце, кое, ко има, блаженимъ га вѣчна истина нариче. Друго, чему насъ басна учи, ово э, дасмо трпеливи и великодушни у злополучїю и у щети кадъ намъ се приключе, разсуждаваюћи, да оне исте вещи кое намъ э природа дала за времесу наше, кольми паче оне коесмо ми стекли. Едномъ спадаю власи другомъ испадаю зуби, младостъ и лепота вене и изчезава, дни наши пролазе и ми снима съ тѣломъ къ гробу се приближавамо, а съ безьсмертномъ душомъ къ вѣчности; коя, какваће намъ бити, одъ употребльѣнїя овога кратког овде времена зависи. Ко неће добарь, праведань и пощень бити, ко ову чувствишелну и очевидну истину чувствуе и добро познае? Косе небы неправде и злобе удаля-

лао,

дао, кадби како надлежи познавао, да оне, временно и вѣчно человека несрећнимъ чине? Коли неби честностъ, благонараѣе и добродѣтелъ возлюбїо, знаюћи, да э съ нима и на земли рай соединћень, и да оне саме вѣчно блаженство дариваю? Любострастно и изщећено срце наоди свое задовољство само у шѣлеснимъ наслажденїямъ као црвь у ѣубрету, непознаваюћи ни мало кое су сладости ума и непорочне душе. Срамотни Неронь и худи Калигула погрезнути и загушени у смрадномъ блату злоће и нечистоте, никадъ нису осетили сладостъ они благородни добродѣтеля коесу одушевлявале Тита и Марка Аврелїа. Придодаймо и ово къ науци ове басне: Не ваља да смо ласноскломни къ посмѣянїю другихъ, овое худъ и маймунски обичай, на кои, сви добровоспитани и разумни люди мрзе; и акосе за часъ и смею таковимъ маймуноподобнимъ подражателѣмъ? обаче у себи презиру и, и за нищо држе. *Ругается гражданомъ лишени разума*, вели Соломонь. Явна и самопроизволна злоба, безьстидно; щоноречъ съ барякомъ злонаравїе и безчинїе такови люди, кои, као свимъ людма у пркосъ и у инатъ безьдѣлствую и беззаконую; овесу само вещи достойне, не само всеобщега поруганїя него и гражданскаго наказанїя. Защо, нища нїе щетнїе обществу цѣлога народа, него, кадъ необуздана злоба отме ма, и кадъ развращенонаравни и зли, не само, щосе не сниде и не бое, него иоще дижу главу и поносесе у своимъ преступлѣнїямъ. Ово э, що привлачи за собомъ всеобще изкоренѣнїе свакога прозябла и семена честности и добродѣтели.

129.

МАГАРАЦЪ И КОНЬ.

Магарацъ се усуди утркивати съ добримъ конѣмъ; а кадь остане далекостраг и почнемусе сва присутствующа животиня смеяти и ругати: Онда онь съ свойомъ магарећомъ памећу и безобразїемъ одговори; Ее дасе я нисамъ ономадне убоо, и да ме нога неболи видлиби ви! Тада, проча животиня не могући више трпити толико безстидїе, псующига и ружећи отераюга измећу себе, и одъ онда и име магареће остане посмелтелно и срамотно.

Нарапоучентїе.

Лепо сверхъ овога говори француз, L' effronterie répand ſur les défauts de l' ame un coloris qui les rend encore plus laids qu'ils ne ſont par eux mêmes. Безобразїе просипхъ сврхь недостапиковь душе едну бою коя и чини иоще ружнїе неголису по себи. да сви незнамо све и да нисмо кадри за све, и да имамо потребу докъ смо годъ живи одъ други що приматн и учити овое природна и права истина. Соломонь насъ шалъ да се научимо трудолюбїю одъ мравка: и полезномъ упражнѣнїю одъ пчелице. Ево причина защо э басна прва человеческа наука. Ибо изъ начала, сматраюћи паметни люди що животна чине, многимъ сусе прекраснимъ и преполезнимъ научили вещма. А ели ово већь престало? Никада докь э годъ света. У колико већа познанства люди долазе толико богатїю и преизобилнїю наоде материю мудростъ шворца у створеню изнаодити, познавати и дивитиойсе. За

то

шо прави ученъ и разуманъ всегдасе учи, и всегда зна да иоще мало зна, и зашо нишиму кадъ пада на умъ да о своме знаню високоумствуе, него, непрестанно и прилѣжно внима щосе око нѣга говори, и нейма дневи ни часа у животу кадъ онъ не жели да що добро и полезно чуе и прими. Слѣпъ рођень морасе смеяши кадь чуе, дасе окаши шоликимъ многочисленнимъ и различновиднимъ боямъ и цветовомъ чуде и диве, о коима онъ сирома никакова поняшїя нїе кадарь имаши. Такови нїе посмеянїя, него сожалѣнїя достоянь: али, кои би могли що познаши, а за упорспво и високоумїе нећеду онису достойни поруганїя и осужденїя: а савише иоще кадъ ко осећа у себи да му щонибудъ нїе добро и ясно, познашо, а шо испо утврждава, само за шо, щосу и други шо утврждавали, о шомесе инаши и виче, и каже да онъ не мари нишши оће що друго да чуе ни да зна, овое найпоследни спепень неразумїя и безсловесносши, кои ни мало човеку неприличеспвуе; разве по шому, що, кадъ човекъ оће даэ зао, гори э одъ звера, и кадъ оће дае глунь, глупїие одъ истогъ магареша. Ево узрокъ, зашо, просвещенъ човекъ оно що мисли и вѣруе речма доказуе, а глупи варваринь утврждава свое мудрованѣ и вѣру съ силомь и съ оружїемъ. Какова э кротка и сладка Спасишеля нашега наука! ИСПИТАЙТЕ, вели намъ, *писанїя она сведоче о мени* Свободне насъ жели одъ сваке слепоше и рабскогъ суевѣрїя како э и самъ свободанъ. *Иго мое благо э, и бремя мое лехко;* зашо не ище одъ насъ, развѣ дасмо разумни, просвещени, добри и синови вишняго.

130.

СЛАВУЙ И ПАУНЬ.

Уедань лепи пролетни дань сладко пояше славуй: Остале птице неке изь зависти, а неке изь простоте и недостатка осећаня нитисе обзираy дага виде. СамЪ паунь какога чуе устависе ту, начнега внимателно слушати и радо гледати. Упазига славуй, престане пояти, и кадЪ сь единмЪ кадЪ сь другимЪ окомЪ начнега сматрати. Зашто не поешь, рече му паунь, што ме тако гледашь? Коте неби гладао, одЪговори славуй, какавси лепь и красань? А зашто ти овде толико за дуго стойишь и мене гледашь? Како неби стаяо? отвеща паунь, и какоте неби гледао кадь тако сладко поешь? одь тога времена и до данасЪ паунь и славуй велики су пріятели.

Нарапоучећ.

Одь древнЂйши времена утверждавалосе э чрезь многе ово мнЂнїе да люди велике отмЂнности и достойнства међу собомЪ едань другомЪ завиде и ненавидесе; то испо и до данасЪ многи увЂраваю. А сЪ друге стране многи доказую да вредань вредна и достояињ достойна познаюћи како надлежи, мора любити и почитОвати, наодећи у нЂму она иста качества, коя самЪ у себи за добра држи и и високопочитуе. Приклади кои осведочаваю и доказую како едно шако и друго, не само шосе наоде премногн у свимЪ Історїамъ, него и повседневнЂ ис-

искусство о томе намъ неда сумняти; ерь видимо многе такове кои се мрзе и ненавиде, а многе пакъ коисе искренно любе и нелестно почитую. Какоћемо дакле ову заповетку погодити и размрсити? Врло лясно, кадъ ово що идемъ рећи себи представимо. Они коисе мрзе, и себи взаймно завиде, присвимъ нїовимъ лепимъ достоинствамъ, неимаду срце одъ злобе чисто и свободно: защо, завистъ и мрзостъ тосу злобе коесу кадре найученїега и вреднїега са свимъ заслепити, на таковига начинь залудити и до толике безьсловесности довести да оне истe дарове кое у себи безьмѣрно почитуе, у другоме и мрзи и ненавиди. Обратимо садъ погледъ нашь на сладко и весело зрелище чиста, беззлобна и непорочна срца, гди она прекрасна и первородна божїя кћи света *добродѣтель* живи и царствуе; щаћемо ту угледати? Взаимно високопочитанїе, согласїе, неприпворну любовь, вѣрно дружество, и сродство душе и срца: за кое, она злапоречива Еврипидова Муса овако сладко пое, Ἔστι δή τις ἐν βροτοῖς ἔρως, ψυχῆς δικαίας σώφρονός τε κἀγαθῆς. Естъ нека међу людма любовь, душе праведне, цѣломудре и благе. О овой чистой дружеской любави и свети Григорїе Назїанзинь съ речма играюћисе овако пое, Φίλοι φιλοῦσι τὰ τῶν φίλων φίλα. Любезници любе любезнихъ любимая. Овакова блажена срца и у исти злотвори свои ако що добро виде и познаду, то почитую и похвалюю; защо изъ источника добродѣтели ништа нечисто не може извирати. Ко управь познае и люби божїю премудрость и доброту, онь никоемъ добру у натури неможе завидити, знаюћи дае свако добро одъ бога. Срце, коегае любовь основана на любови къ богу и къ добродѣтели радуесе и весели, видећи да се међу людма свако добро, вредностъ, просвещенїе и благополучїе разпространява и умножава: и на ови начинь, моще ов-

де

де предощущава и ужива ону вѣчну радостъ будущега живопа.

131.

КОНЬ И БИКЪ.

Добарь конь носећи на себи младића трчаше и поиграваше; видига бикъ, и почне, ругаюћимусе говорити. Нека би я тако носїо на мои леђи то дете! Познало би оно щае бикъ. Би я, одговори конь; защо кое би ми поштенѣ било дете съ мене сметнути, и надъ слабимъ юначство показивати?

Наранoученіе.

Пошени, и истинито храбри мужь за срамоту себи вменява надъ слабїимъ свое юначство показивати. А звероналични варваринь и надъ женами и децомъ свою срамотну и скотску храбростъ оће да покаже; Ако ниша, онъ и граби и у робство продае. Да войска на войску и на градове удара, то има свой разлогъ; али надъ невооруженимъ свирѣпствовати, неповинну децу одъ родителя расшавляти и у робство продавати, ово нитие храброспь ни вишежство, него варварско и скотско безчеловѣчїе.

132.

ЧВРЧАКЪ И СЛАВУЙ.

Не поносисе веѣь толико съ твоимъ поянѣмь! рекне чврчакъ славую, ерь ти я могу показапи толике, кои и мене по вась цѣли дань, башь тако радо слушаю, како годъ и тебе. А кои су то? Ако тїе драго милости, нудерь ми и кажи, рече славуякъ. Косачи, отвеща чврчакъ; жетаоци и остали полски работници; кои, знашь да су добри и поштени люди. Я ни признаемъ, одговори славуй, не само зо добре и поштене, него и за весма обществу полезне люде, али изь свега тога още не слѣдуе да се они найболѣ у пояню разумѣваю. А при томъ, да ни, нїовь посао на полю не држи малоби оии ту, или башь ни мало за апаръ твоега цвркања стаали. Видишь ли ти оиога пастира, кои и самъ лепо флуромъ свира, слѣдователно у музики и пояню се разумева? Догодъ нѣга ти, съ твоимъ поянѣмъ къ себи не привучешь, и не учинишьга да оспави флуру свою, и да тебе съ удоволствомъ и съ услажденїемъ за дуго слуша, дотле ти никомъ немой рећи да лепо поешь.

Нарапоучењe.

Свакоме э своя пѣсна мила, башь ако неће и ниша друго бити него Фїлипи ундъ якоби, Якоби ундъ фїли-

Фїлипи. Свакъ радо слуша що самъ говори; обичаваше рећи нашь добри Карамустафьага. Свакъ радо чита оно що самъ напише било ща било; Акое истина оно що моя покойна мати говораше, (вели Жилъ Блазь) у цѣломъ Сенцилану, у време мога детинства нїе било ни лепшега ни памешнїега дешета одъ мене. Но валя знати да одъ ови више речени неки имаду право, а неки криво, и у овоме стои сва различность. Да су се Димосѳень и Цицеронь, и нима подобни, у своmъ говореню услаждавали, то ће свакъ, косе у овомь послу познае, докъ э годъ света, рећи, да су весма право имали и мислили. Здраво шрудишисе и знои ши за заслужиши, у комунибудь дѣлу, похвалу; и шако желиши ю, ово има свой прави разлогъ: Али здраво есши и пиши, за дуго на кревету се окреташи и протезаши, а осшало време зеваши, гледаши ко кудь прохази, ландаши и у вѣшарь блебеташи: и шое много горе скверноловиши и друге злословиши, и нища манѣ за похваломъ зїяши, овое крайнѣ будалашине изискиванѣ. Разумань жели похвалу; али э жели одъ паметни и добри, и на власшито одъ они кои се у дѣлу познаю. Мораоби ко биши смеса зла и добра и самовещно лукавсшво и пришворносшъ, подобань лукавомъ Шези Лудовика чешрнаесшога духовнику, кадъ би злимъ како годь и добримъ угодиши умео. *Горе намъ егда рекуть намъ добрѣ иси челопѣци!* Вели намъ неложна истина: а защо шо? за шо що по несрећи на свету иощъ има много зли и лукави люди, кои, о ономъ неговоре добро ко нима по ћуди нїе. Но, за садь, нека на страну, що о нами други мисле и говоре: разсмошримо паче, що ми сами о себи мислимо и мудруемо; за овимъ весма много сшои; а кадъ се ово у пришойни поредакъ положи и друго ће болѣ слѣдоваши. Ми сви себе природно любимо; но за шо, ели право да сами себе заслеплявамо и варамо? Ни пощо. Ево како, башь сврхь овога еда-

нь

ић францyзъ врло лепо говори. L'amour propre bien entendu corrige de tous les défauts, et prévient toutes les fautes de l'amour propre mal entendu. Своелюбїе разумно исправля одъ свїю недостатака, и предварава све погрешке своелюбїя неразумнога. Я се добро спомињемъ, да э о овой матерїи на више мѣста била речь; но расуждаваюћи колике э, ово наравоученїе, важности и ползе, (акосе добро прими) и съ колнкимъ стараньемъ о томъ, свїю народа учени люди говоре и то налажу, не боимсе даћу у излишеречїе пасти, о томе често опоминюћи. Не може човекъ имати хитрїега ни лукавїега ласкателя коибига кадарь бїо тако заслепити, као нѣгово исто неразумно своелюбїе. Овое оно, що чини чврчка да мисли, да толики посленици цѣлога лета жарь трпе, само за наслушанисе нѣга. За исто, страшно и ужасно мора бити состоянїе, у овомъ пункту, на властито, владѣтеля и велике господе: кои, свое природно своелюбїе, као и остали люди, у нѣдри носе; а при томъ мучнїе него сви други, могу такова истинолюбителя наћи, кой би имъ чисто у очи казао ща мисли; Одъ самога нѣжнога детинства окружени наодећисе одъ такови, кои се силе какоћеимъ већма угодити, и кои и обожаваю. За то, Царь, владѣтелъ и сваки велможа, ако нїе управь у добродѣтель залюбљене душе, ошра ума и отмѣнногъ духа, ако не люби правду, и ако се всегда не учи и не просвещава да в кадарь, люде, и потаене нїови срца свитке и заплетке разпознаваши, онь мора бити найпреваренїи човекъ подъ небомъ. Едань просвещенъ Владѣтелъ милїоне люди просвещава, прославля и на путь добродѣтели и благополучїя поставля. Сва Европа и Азїя види и све то више познае слѣдованя трудовь и подвиговь, законовь и уреженїяхъ Петра Великаго. И не само велики Імператори, и славне на свету Імператрице овакова дивна и роду человѣческому преполезна исправљенїя у дѣйствїе производе: него и далеко мани у обществу

поглавари, кадѣ су добродѣшелни и учени много добра чине. У едномѣ селу судїя и свещенникѣ, благонаравни и разумни будуѣи, све село на добро наставляю, уразумляваю, кь трудолюбїю и кь праведномѣ животу приводе. А щае друго потреба човеку, колико за ови временни, толико и за будущи вѣчни животѣ? Дакле, само онда, кадѣ едань Народь буде имаши добродѣшелне и учене поглаваре и свещенство може сѣ основанїемѣ и сѣ благомѣ надеждомѣ ову пророческу створити молитву *Настанимя господи на истину твою*! А пре тога, колико э простїи толико више о себи мисли, баш као ове басне чврчакѣ.

133.

ФИНИКСѢ И ГОЛУБОВИ.

Нови прекрасни финиксѣ родисе изь родителског пепела: нарасти, и начне разширивати и трести крила своя, кь стогодишнѣму летењу спремаюѣисе. Упазига ято незлобиви голубова, долети кь нѣму, обколига и прїятно гледаюѣи на нѣга запитага: каквога э рода и племена и на коисе путь приуготовлява? Каже онь, кое и одѣ кудѣ э, и даѣе сто година живитѣ и летити. Сто година! Викну голубови? О благо теби! А гди тїе другь? вопросига една голубица. Я немамѣ друга я самѣ самѣ и едань овога рода

на свету. САМЪ на Свету! са ужасомъ, вопїю голубови, поздравега, честитаюму срећань путь, и одлете; са сожалѣнїемь међу собомъ говорећи: О несрећне на свету птичице! каколиће толико дуги и бѣдни преживлѣти и провести животъ, и безь брата и безь пріятеля, безь сестрице и безь вѣрна друга!

Нарапоученїе.

Одъ кадъ эБогъ люде на земли створїо, и одъ кадь су међу нима цареви; Ни едань Царь нїе веће благодѣянїе роду человѣческому показао и учинїо, одъ онога, кому э богъ у срце вдохнуо да се чрнци и чрнице, калуђери и калуђерице одъ робства, у свободнимъ землямъ, и одъ вѣчни безь сваке кривице тамница избаве и освободе. Благословено и свето остаће име нѣгово до вѣка: Коликосе више человѣчески родъ буде уразумляваши, одъ мрачнога суевѣрїя освобождаваши и чистимъ разума свѣтомъ озаряваши и осїяваши, толикоћесе више нѣгова человѣколюбна душа одъ рода въ родъ ублажаваши и память и име нѣгово поминяши и славиши; и све оне илиде илияда люди, коисе неби родили, а за нѣговъ узрокъ родиће се; за сладки даръ божїи за животъ и за словесну безсмертну душу, БОГУ, и ІОСИФУ сину Францишкову и Маріину дужније бити благодариши. Да се наоде неки међу людма, коису, или за естествене или наравне недостатке и узроке и лютомъ нуждомъ усилѣни не женитисе, и тако безь порода и безь плода живу и умиру; то по несчастїю и бивалое и биће. Али изь тога законь, и щое найужаснїе, свети и Хрїстїянски ЗАКОНЬ установляваши и правиши, овое управь противь божїегъ намѣренїа, волѣ и благослова, противь богосозданнога Естества,

противь сваке искрице памети и разума, на умалѣнїе, истреблѣнїе и на погибелъ рода человеческога. Слѣдователно всеконечнога безумїя измишлѣнѣ и дѣло. Я самъ остарїо вечь са многи народа и и езика калуђери; (и самъ, да коясамъ гуя него калуђерь; кадъ овако самъ живимь? разве що у црнимъ алинамъ обучень не одимъ) иоще, фала господу богу! Нисамъ ни у едномъ роду и езику такове дрвене и нечувствене калуђере нашао ни познао, кои за женомъ не уздишу, не чезну и негину. Онимь древнимь у непроходимимъ ливїйскимъ пустиняма пустиникомъ (како житїя нїова гласе) воздушни, или болѣ да речемъ, чрезь нїово воображенїе начинѣни духови, у жене (и по свой прилице лепе) су имъ се прешварали, и како на сань тако и на яве долазили. А да щае друго ово, разве непобѣдимая воля Бога Творца, и непоколѣбими и вовѣки неподвижими естества законь? Кои чини да чловекъ безь жене неможе бити, како годь голубь безь голубице, како риба безь воде и како све що живи и дише неможе бити безь воздуха. Оно що свещенни пое пѣвацъ, не разумевасе само за водное, него за све естество и редъ, когае премудри и свемогуђи уредїо богъ. *Предѣлъ положилъ еси егоже не прейдуть.* Одь овога свещенога и вѣчнога предѣла косе годъ удали, мора сирома тумарати по мраку и главомъ кое ощa лупати и носъ гди не валя завлачити: мора, акомусе и нећe, за люту неволю блудити и као изгубљена овца заблуждавати, и акоће анђелско срце имати, принуждень э изщепитига и покварити. А како и за що? Ето за то, за що э прешао они предѣлъ *Егоже не прейдуть*, и кога иощъ нико нїэ съ читавимъ вратомъ преступїо и прешао. Я благодаримъ творцу моему що ме э упутїо къ науци полезни эзика и учинїоме наћи сладку забаву съ книгама; А иначе у оному земномъ раю подобномъ мѣсту, у прекрасномъ Опову, коега всегда съ усладженїемъ срца споминѣмъ, неби несрећнїегъ одъ

мене

мене човека било. Но како, (може ко помислити) у таковомъ мѣсту, а несрећанъ? Каково противоречїе! Нїе противоречїе. У найлепшимъ мѣстамъ, чувствителна срца найвећма чувствую. Срце, кое э за любовь одъ бога сотворено, метига сама у Рай пакъ не желиму горега пакла. Но любїоби бога? Рећићешъ ми. Мисмо мало пре опоменули да они пустиници коису съ три смокве на дань живили, а оспало, по свой прилици, валя да су као хамолеони съ ветромъ надокнаћивали; па каждерь ми що су имъ жене на паметъ и на срце долазиле, ше иощъ онде гди имъ нїе било ни гласа ни трага? А ми у Опову! гди су фала богу праве жене као щои э' богъ створїо и мати родила, оћешь зарь да о нима не мислимо? Све су лажи съ временомъ за луду; валя да имь се трагови нађу. Когодъ нїе кадарь себи подобна створеня любити, некъ лаже колико му драго, онь ни бога никада неће бити кадарь любити; защо, у срцу хладномъ и нечувственномъ ни каковой любови нїе мѣспа. И щое чуднїе и ужаснїе они люди, коису себи метнули били у главу да осимъ сваке къ людма любави самога бога любе, до толикога ихь э буйства и бешенства нїова любовь довела, дасу люде за любовь божїю проклиняли, убїяли и живе пекли. Ово ти имъ э плодъ нїове пощене любови! Ево дакле сва шайна кою люди далеко траже, а у нѣдри э носе. *Дакy намъ*, вели богъ чрезъ пророка, *Законь ноши на скрижалѣхъ срца нашега написанъ.* Овое законь хрїста спасителя; кои ништа друго нїе ни длаке, ни манъ ни више него вѣчни законь просвещене и у свое право совершенство доведене и узвишене натуре, илити естества. Щое годъ противно правди и добродѣтели, тое противно и естеству, и самому богу кои е премудри естества зиждитель и шворацъ. Съ коимъ, сиречъ Естествомъ, кадъ се, како надлежи соединимо, онда ћемосе соединити са сваком добродѣтелїю, и са свимъ до-

бримъ и честнимъ людма, съ нашимъ правимъ бла-гополучїемъ временнимъ и вѣчнимъ и съ самимъ богомъ во Хрїстѣ Іисусѣ господѣ нашемъ кому Слава Честь и поклонѣнїе во вѣки вѣковь аминь.

134.

ГУСКА ВОЗГОРѢЛА

Међу белимъ гускама нађесе една найбеля одъ свїю и найлепша. Све э гуске радо гледау и нѣйзину лепоту хваляху; докъ се ова понесе и мепне себи у главу да она мора бити рода лабудскога. Одлучисе одъ прочи гусака, почне пливати по эзеру уединѣна, кадъ дижући и пропежући, а кадь накривлаюћи шїю свою за показатисе оно ца нїе: и допле доће да смѣхь и поруганїе свимъ гускама буде.

Напоученїе.

Изъ ове басне, свакъ себи лясно може полезну науку извадити. То есть, да дарови како тѣлесни, присталостъ и лепота; тако и душевни, остроумїе, разумъ и наука, прїятне су вещи и похвалне: но допле, докъ съ нима ко смиреномударствуе. А какосе ко, на подобїе ове наше гуске, са своими каквимънибудъ преимуществами, почне гордити, главу више дизати, него що валя да э подигнупа, на едне као съ куле гледаћи, а на дру-

го

ге устна и образъ искривливати, шай часъ етоши намъ ове лессингове басне гуска. За шо нека намъ э всегда на памети онай прекрасни лапински спихъ Deo proximus est ille quem ratio movet. Богу э найближи онай, коимъ разумъ управля.

135.

СВИНЯ И РАСТЬ.

Свиня долазаше често подъ едань жировити растъ, и тусе съ жиромъ раняше. Растъ му рече едномъ; коликосе съ моимъ плодомъ питашь, а никада нећешь на ме да погледашь ни да ми зафалишь! Свинче да се покаже да и оно нешто паметно уме мислити, одговори? Е баш! Као да ти мени за любовь шай плодъ раћашь и проспиплѣшь!

Наравоученїе.

Точно мудрованїе они люди, кои наоде свакояке извѣште но безсловесне и свинске, да нису благодарни богу, родитељмъ и благодѣтељмъ. Богъ э неотлучно соединїося сваком добродѣтелїю шаково свойство, да онай кои э исполнява како надълежи мора у исто време чувствовати у срцу своему задоволство и услажденїе. Такова э и благодарность: и когодъ ову свещенну добродѣтелъ ис-

полнява, не само що, свою дужностъ къ благодѣтелѣмъ своимъ, него и къ самому себи обвршава: прво, показуюћи себе достойнимъ примљеного благодѣянїя, а по шомъ чувствуюћи и наодећи себе болимъ и благополучнїимъ, у сохранѣнїю честному чловеку приспойнога мударствованїя. Чиста благодарностъ права э Слава коя се богу воздае. *Та десеторица стесе излечили, а гди су они дешетъ, хахо нисусе пратили дати слашу бо*гу? Пита кротки и преблагословенни Агнецъ божїи благодарнога и благоразумнога Самарянина. Познатое да Римски Имперапорь и Россїйска Импераприца за интересъ царства свои съ турци воюю; но ница манѣ, свака благоразумна и человѣколюбна душа благосливляће имена нїова, кое э вѣчни промисалъ за орудїя своя изабрао, за умалити непоредакъ, варварство, кугу, мракъ суевѣрїя и невѣжества, и сва злополучїя коясе изъ ови рађаю, съ временномъ истребити изъ человѣческога рода, Бѣдно и са свимъ одъ безъсловесних безъсловеснїе мора бити оно ядно срце кое никакове благодарности у себи не чувствуе; зашто *полъ и оселъ позная ясле господина спога.* А ко богу не благодари на дару бытїя, живота и словесности знакъ э да э свега тога недостоянь. Коникомъ нїе благодаранъ на сладкой любови и прїятелству показуе да ниши кога люби, нитига ко люби: а нашо му шаки животъ? Но буди благодаренїе богу, Овакови чудовища мало э у натурк. Човекъ природно радо гледа безъдушно но листовишо древо коега у лепо осѣнява, и радосе спомињѣ сви они мѣста у коимасе э у детинству играо, и потока у коимасе э купао: а щае шо него благодарность? Сладка благородна добродѣтели! Ти оживлявай срца наша, и одушевлявай душу нашу, дасмо благодарни едань другому, и сви скупа вѣчному Творцу: съ овимъ свещеннимъ сродствомъ соединѣни и овде благополучно да живимо, и вѣчногъ живота достойни да се покажемо.

136.

КОНЬ И ЗОЛѢ,

Добарь конь на войсци убїень почне трунути. залегусе у нѣму золѣ, кое кадъ иачну изь нѣга излетати, фалећисе међу собомъ почну беседити; о чуда преко чуда, каквога смо ми славнога рода! не далеко одатле, пчела облетаваюћи цвѣтове, и собираюћи медъ, чуе то и зуећи одговори имъ: болѣ би вамъ било знати щасте ви, а не одъ кудасте произишле!

Нарапоученїе.

Некасе нико не фали съ благородствомъ свои спари, кои иїе наслѣдїо оне исте добродѣтели и преимущества, чрезъ коя су нѣгови предки благородство заслужили. Предивно сверхъ овога говори їпалїанацъ; Folle! tu vanti nobiltà in vano, ſe tuoi coſtumi ſono da villano! Лудо! Тисе съ благородствомъ поносишь за луду, када наравь имашь орятску и худу. Одъ простога рода, воспитанїя и состоянїя люди не могусе очекивати ни изискивати шакова качества, какова, правично и неопходжно изискуюсе одъ благородни и имући родитеља роћени; кои су имали начинь и средство благородно воспитатисе, научити и просвешити; и у коима малене погрешке противь благопристойности и благонаравїя за велике се вменяваю. Да се бѣдни сирома превари, за неколико грошића, или акоће и дуката лагати и худо поступати; то премъ дасе нѣговомъ неваляломъ воспитанїю и бѣдности припише; ниша манѣ, съ тимъ извѣштомъ закони граж-

дански нису задовољни; но оћеду, и право оћеду, дасе такови по достоинству накаже и научи памети. А кадЪ се наће ко благородань и имућь да лаже и худо поступа, пусе са свимЪ види худородно и одЪ блата сруе; и толико э веће срамоте и наказанїя такови достоянь, колико, не само що себе безчести, него и пощено и славно име свои родитеља и дедова очрнява. Ко мисли да э за то благородань и у обществу отмћенань, да муе слободнїе противь сваке пристойности, и акиби у пркосЪ честности и закономЪ необуздано поступаши сь такимЪ ваља управь у оспиталЪ, и овое най мехче и најслаће що му се изрећи може; кое онь себи за велико пощенЪ мора држати. Законь грађански мудро э установїо, да се за велике заслуге кь отечеству, не само заслужени отечества синови, но и породи нїови отЪ рода вь родЪ благородствомЪ обдариваю и прославляваю; за возбудити чрезь то вишежку и саму временну смертЪ за безсмертїе себи вменяющую добродћтелЪ. Али при свемЪ овомЪ похвалномЪ установлћнїю, не ваља никада сь памети сметати да э законь естественни, а то естЪ законь божїи; далеко старїи, мудрїи и совершенїи одЪ закона грађанскога, и ово э законь вћчань, да се свашто, и сваки толико цћни колико ваља и вреди, ни манЪ ни више. На що су онимЪ последнимЪ изћћенимЪ и порабощенимЪ Аѳинејцемъ и македоняномЪ, прва, нїови стари, вишежства и добродћтели, разве на већу срамоту и уничиженїе, служиле? О овомЪ бисе много дало беседити; но прво, що паметну э мало доста; а друго, намћраваюћи, ако ми богЪ даруе животЪ, на идуће лето велики и знаменити люди, на кратко Исторїе издавати, ондећесе у сами примћри о подобной материи више видити, зато садь доволно. Толико и изь овога, свакЪ добро види да э величайше нужде дћло, наипаче благородной и поглавара дћци присшойно воспитаніе давати, и нихь изЪ прве мла-

дости

дости къ трудолюбїо, къ науци, къ благородномъ мударствованїю, къ свакой честности и добродѣтели путеводствовати и пріобичавати.

137.

СТАРА КЛИСУРА И ВРАБЦИ

У едной старой клисуретини обитаваше сила врабаца коисе ту плоћау. Господарь мѣста даэ развалити, и на томъ мѣсту чини сазидати училища и зданїя за фабрике. Кадсе ова нова зданїя савршесакуиесе опетъ врабци иражећи своя прва обиталища и станке, но ужаснусе кадъ не нађу оне прећашнѣ развалине и рупе, и међу собомъ стану мудрословити говорећи. Нїели овай господарь мѣста са свимъ безь памети? Гди учини толику праску и посао, докъ поквари оно прекрасно одъ старине зданїе, а начини ово ново кое намъ ни нашо не служи! Гди єу намъ оне прве рупе и пукотине гди су се наши дедови и прадедови съ неизказанимъ спокойствомъ и пространствомъ вогнизћавали и водворявали? Нашо му ово помагай! Коиће му гушери овде садъ живити? Вѣжмо браћо одавде, начастъ ономъ кога э тако начинїо, кадъ э таке памети!

Нара-

Наравоученїе.

Пущай нека врабци овако говоре нима шта прохази и пристои, ерь су они прави врабци, одь ни нища друго нїе за ожидаванѣ. Али словесномь душомь и прекраснимь разумомь, богомь обдарени и украшени чловекь, да овако мудрує, и да се овако неки старински плесниви завичая држи; и то, ни за кое друго рузумно доказателство, кромѣ, що су тако и стари држали; што значи, да силомь оће, одь истога врабца безьсловеснїи да остае. Ко не види да ово нища не валя, дае разумномь створеню срамотно, волн и намѣренїю премудрога содѣтеля (кои э човеку способность дао да може дань о дань на болѣ успѣвати) са свимь противно? Све Исторїе одь кадь су люди почели, щосе годь међу нима чини, писати, о овой нась истини сложно увѣраваю; да велика царства и силни народи, докь сусе словесностїю и разумомь како надлежи владали и управляли, цветалису и и прославляли се: а какосу се сь овога спасителнога уклонили и свратили пута, у безьчестїе и злополучїе падалису и пропадали. Нека нико не мисли дасе изискуе некаково чародѣйно и преестествено дѣйствїе и майсторїя за учинити оно, за кое древни Омирь овако каже да э минерва дїомиду рекла Ἀχλὺν δ' αὖ τοι ἀπ' ὀφθαλμῶν ἔλον ὄφρ' ἔυ γινώσκῃς ἠμὲν θεὸν ἠδὲ καὶ ἄνδρα. Маглущину сампи са очїю свукла, да добро познадешь и бога и човека. Ова маглущина нища нїе него суевѣрїе и криво предразсужденїе, кадь човекь що утверждава или одриче незнаюћи защо, башь као ови наши врабци, Мудро, су мало речи о овомь Димосеень савешує. Δεῖ ἡμᾶς σκοπεῖν ὅπως μὴ χείρους ἔιναι δόξωμεν τῶν ὑπαρχόντων. Валя да смапрамо да се не чинимо слабїи него що смо: што есть, богодаини разумь употребляваймо како надлежи, онде гди можемо, И одь общега человеческога, но здра-

ваго

ваго разума, ни у найвећой науци не удаљаваймосе. Не само одъ стари времена, него и у данашнїой ученой европи, многи се наоде велике науке и честнога живота, которы само за то щосе почну удаљавати одъ здравога разума (кои, неотложно мора служити за основанїе свїю человѣчески знания) упадаю у оно що немци зову Швермерай, а по нашки паренїе и окретанѣ ума, и почнусе сѣмотамо мотати изтражуюћи некакве чрезестествене Іероглифическе и рабинске тайне, И когодь неће у нїова, на яви, сновидѣнїя и кривоглавице да приступане и у нїовь тефтеръ да се запише, веле да э профань, то естъ несвещень мирянинь. А косе ту запише и прилепи, акоће и во обще познатъ бити да э злонаравань и неваљаочовекъ; ни ща за то, онь э братъ; ћути! зато, мила браћице! Благо кући коя има добра и паметна домаћина. Благо народу кои има правдолюбива, бодра и просвещена цара, кои не чува сарай и жене као Сардапалъ, ништи лови муе као Домепїань, него обилази царство свое, као вредань домаћинь домъ свой, старе клисуре и кулетине дае разваливати, и на нїова мѣста воздвиже училища, Фаврике, оспиталеи овимъ подобна общеполезна зданїя: немареће що зановетаю и мумлаю врабци и совуљге. Благоће биши и свимъ людма кадсе буду словеснимъ здравимъ разумомъ, како надлежи, и добродѣтелїю управљяти, не мрзећисе не раздељяваюћисе, разве одъ зли и неваљяли, не наричући едань другога профани, защо овое псовка, и нїедномъ честномъ човеку нїе угодна ништи пристои, разве злонаравну и злочинцу. Свепа э она речь онога старца Ерцеговца, даћеду онда зли пропасти кадь се сви добри соедине. А коису ши добри? Може ко помислити. Сви они кои прудолюбно, паметно и пощено живу, себе и свое фамилїе богоугодно содержаваюћи, и за общу ползу сложно, единомисленно и и единодушно стараюћисе.

138.

ЛИСИЦА И РОДА.

Лисица упази у пролеће новоприщедшу роду, приступи кь нїой и запроси э да иой що лепо изь дални мѣста, чрезь коя она пролази, каже. Онда она затегне дугачко и пространо разказиванѣ каквесе баре и ритови у индїи и у Египту наоде, и каквесу у нима жабе. Преће у ципарь, пресловуту грецїу, мацедонїу и далмацїю, пакЪ каже каквесу туда планинске жабе и зелене жабице щосе и на древеса пеню, и каквога су кое вкуса. Аласи за ницщо, кадЪ изь толики мѣста друго казапи не знашь, него каквесу гди жабе. Рече лисица Окрене пой репь и оде одЪ нѣ.

Нарапоученїе.

По многой часши ова греческа сенпенцїа испинспвуе, *χαρακτὴρ ἀνδρὸς ἐκ λόγου γνωρίζεται.* Изображенїе чловека по беседисе познае. Разумань свуда гледа да що памепно види, позна и научи, каковису гди люди, нїове нарави, обичаи и правлѣнїя, Науке, художесшва, упражнѣнїя и забаве; щое гди достойно похвале и подражанїя, щоли пакЪ похужденїя и отвращенїя. Ево како божественни гречески стихотворацЪ безьсмерпну свою починѣ илїаду *Ἄνδρα μοι ἔννεπε μοῦσα πολύτροπον, ὃς μάλα πολλὰ πλάγχθη, πολλῶν δ' ἀνθρώπων ἴδεν ἄστεα καὶ νόον ἔγνω.* Мужа ми

кажи

кажи муса многоискусна, кои э весма много странствовао, многи э люди видїо градове и умъ познао: Ко тражи разумъ, разумнїи кући доће, а лудьсе луђи врати него щое кадъ поће, зашо овогъ еспапа, едногъ како и другогъ свудасе наоди. Съ каковкма се ко обходи, и самъ илїе онаки, или ће мало по мало поспати. Ἐσθλῶν μὲν ἅπ' ἐσθλὰ μαθήσεαι· ἢν δὲ κακοῖσι συμμιχθῇς ἀπολεῖς καὶ τὸν ἐόντα νόον. Одъ добрићешьсе добру научити, аколисе мећу зле помешашь, изгубићешь и оно що имашь ума. Ово валя разумеваши не само за обхожденїе, него и за читанѣ книга. Има многоразличии бездѣлица написани и нащампани, кое, болѣ э не читаши, или кои чина, дужань э здраво разсуждаваши, и добро, одъ невалаја, разпознаваши; прво благоразумно приматии, у срце и у памеш слагаши и сокровиществоваши; а фшоро како непошребно одмешаши. У овомъ шворимо како Iсокрашъ димоника учи, ὥσπερ γὰρ τὴν μέλιτταν ὁρῶμεν ἐφ' ἅπαντα μὲν τὰ ἄνθη καθιζάνουσαν, ἀφ' ἑκάστου δὲ τὰ χρήσιμα λαμβάνουσαν. Како що пчелу видимо на сва прозябенїя спущаюћисе и одъ свакога благопошребная узимаюћи Савъ прекрасни божїи свешь пунь э меда и млека, нектара и амвросїе! Духь свеши благи и истинни свуда преизобилно изљїява знаке вѣчне мудрости, промисла и благоустроенїя за добра срца и благоразумне душе. Ошвараймо само на све предмеше кои насъ окружаваю очи наше, разсмашраймо и са вниманїемъ ума! И ежелиби до века живили неби никадъ престали са свещенимъ пѣвцемъ вопїюћи *Возвеличишася дѣла твоя господи, вся премудростїю сотворилъ еси!* На ови разумни начинь поступаюћи, или странствуюћи или книге читаюћи, не само имаћемо о многимъ прекраснимъ вещма и мислиши и разговарашисе (а не као рода само о жабами, и пїяница о вину и ракїи) него що найвише сви желимо, шо ћемо получиши; сиречъ

свакъ

свакъ у свомъ состоянїю, бићемо спокойни и благополучни. Не требуе чловекъ маћически тайна знати, нитъ какоће бакарь у злато претварати, за наћи свое право блаженство: На властито комъ э богъ дао тесе наоди подъ праведнимъ и разумнимъ управлѣнїемъ: Трудолюбїе, умѣреностъ и паметно владанѣ, чиста и непорочна совѣстъ, братолюбно и человѣколюбно срце, овое сва тайна, свое злато и сокровище временно и вѣчно, безъ коега богати Мидасъ и сластолюбиви Сарданапалусъ ниша нису, него чебраци и просяци. Vivitur exiguo melius, Natura beatis omnibus esse dedit si quis cognoverit uti. Живисе са малимъ лепше, Естество э блаженимъ свима бити дало, ако ко позна да употреби. Ко ове речи за истините не припознае, онь своеволно неће да э благополучань. А кадъ неће, некага; ми га силомъ не натерасмо.

139.

ОРЛИЋЬ И СОВА.

Младъ орлићь упази негде у шуплѣмъ древу сову, приступи кь нїойзи и упита э ща ту чини? Ево мислимъ и размишлявамъ; отвеща сова. А о чему мислишь, приложи орлићь, о добру или о з/у? Та падне ми кадъкадъ, и що зло на паметъ; рече она, али волилаби, дасе може, све о добру мислити, защо добре мисли чинеми много болѣ. Кадъ ти толико много мислишь, придода

дода валя да ти знашь що више него ми проче птице, кое и не мислећи толико, опетъ гди що знамо: Кажими, молимъ те! Ели истина оно що кажу люди за некакву птицу меропа, да она лети у висину сь тртицомь кь небу, а съ главомъ окренута кь земли? Насмеэсе на то мишервина фаворитъ птица; и одговори, Естъ истина; али валя да знашь, да су та птица они исти люди, кои тобожь веле да би ради небо заслужити, а са свимъ су кь земли прилеплѣни, нити би в кадъ ради изь предъ очїю изгубити.

Нараспоученїе.

Ове предивне басне, небеснога Лессингова ума прекрасни породи, такосу остроумне и у науци богатоизобилне да бисе много могло сверхь ни беседити. Да ми сви любимо ови временни животъ, и ову землю нашу, коя намъ э дата за време, како участїе обиталища нашега, у коме право имамо, и добро творимо слѣдующи врожденномь и природномь естества закону. Свакъ вредань и разуманъ, кадъ намѣрава у едномъ дому, не све време живота, него само годину или месецъ, или краће времена, пребивати, онь се спара да муе тай домъ чистъ, уређенъ, за здравлѣ полезанъ и колико више може бити прїятанъ: нити ће безь неволѣ да живи у ћубрету и смраду; зашто ово э не само здравлю вредовито, него и самой души словесной худо и недостойно: И какосе ко види да безь нужде у ћубрету и непоредку живи, правичносе о нѣму и худо мнѣнїе зачинѣ и има. Но, *ést modus in rebus!* Естъ начинь у вещма, какосмо и на другомъ рекли месту: Кадьсмо дужни Као словесна

и разумна створеня за привременно тѣло колико више можемо старатисе дае наранѣно, здраво и чисто, кольми паче дужнисмо несравнѣнно већу старостъ прилагати за словесни умь, и за безсмертну душу да намъ э наранѣна здравомъ и разумномъ; наукомь, да намъ э здрава одъ сваке наравне болести и недостатка, и да намъ э непорочна и чиста одъ сваке мане и блазни, како чиста и цѣла голубица, достойна бога творца свога, одъ кога она почетакъ и родъ свой признае и има. Кадъ э праведно и разумно старатисе да су намъ авлїя, домъ и постеля, село, градъ и предраго отечество у милой, прїятной чистоти и поредку, да у нима мирно и задоволно преживимо, и да и лепе и благоустроене милимъ нашимь потомкомъ оставимо; колико више морамосе старати за оно безъконечно и блажено обиталище и отечество за свету вѣчностъ. Ми сви видимо, нипи ко о шоме сумня, да царске фамилїе, и силни цари на земли, какогодъ и други люди у болестъ падаю и умиру, нипи има на земли богатства ни власти, кое би могле кога одъ смерти одъкупити или сачувати; дакле свиѣемо, кои мало пре, кои мало после, путемъ смерти одавде поћи. А защо ово напоминѣмъ, що свакъ зна? Едали за то да се већма смерти страшимо? Нипошто и ни како! И овое оно що свакъ не зна, и за кое э моя речъ овде. Косе и када сна бои кадъ мусе задрема? Нико, разве дае пао у какву меланхолїу. Косе и када смерти може плашити и бояти, кои како надлежи вѣруе да естъ богъ, и да э душа безсмертна? А ко то не вѣруе, онь э сирома морално меланхоликусъ, за тосе плаши и стоига дрека. Коѣему помоћи, кадъ э таке памети? О шаковомъ овде нїе речь. Ово наше тѣло, жиле и кости, одъ эла сеэ и пиѣа, найпре у утроби матере наше, а затимъ, и наполю сложило и нарасло; дакле що э ту ново и необично, даѣемога едань путь свуѣи и оставити? Мисмо плакали кадсмо промолили главу на ови светъ, алъ онда баремъ нипа нис-

нисмо знали нико намсе неће за то ругати: Али да плачемо и кадъ почемо одавде, кадь смо фала богу памешни и знамо що намъ надлежи радити? Ово нища неваля, овое стари обичай коега треба међу варваре, простаке, невѣрне и зле у започеніе оправити. А ми, коисмо по милости божіей светомъ евангелскимъ просвещени и вѣруемо бога, и безсмертіе душе наше, сматраймо привременну смерть како сань, и радуймосе съ онима свешима ремма *блажени уснушши по господѣ.* Нища нїе шако способно, како ова благородна хрїстянска мудрованїя, чловека кь добродѣшели возбудити; нѣга достойнимъ словесне душе показати, и кь нѣговомъ истинитомъ благополучїю довести. Живити разумно и добродѣшелно на ползу и радостъ себи и другима; а потомъ, у свое време, поћи одавде разумно и добродѣшелно съ чистомъ совѣстїю и съ увѣреннимъ упованїемъ вѣчнаго живота, ево савь хероизмусъ Хрїстова Евангелїя и закона, и високо совершенство, за кое эчловекъ способнимъ создашь. А меропь пшица нїе за хрїстяне ни за разумне люде.

140.

БИКЬ И ЕЛЕНЬ.

Ови два паасяу на едной ливади; бикь почне едномъ Элену говорити: знашь ли щое? Рогове обоица имамо здраве, айде да се договоримо, ако по несрећи удари на насъ лавь или медведъ, да се не одустаемо него дасе заедно бранимо. Елень

му на то овако одговори, да ти право кажемъ, щое файда лагати? Каквису годъ мои рогови опеть се я вѣма у мое ноге могу поуздати, ерь добро знамъ да утећи могу; а одъ противьстаня и битве не знамъ ща се може случити, за то ти пре кажемъ да се у мене не уздашь.

Наравоученїе.

Совѣтуе насъ ова басна да не ищемо помоћи одъ онога ко э нїе кадарь даши; бикъ овде греши противь полїтике, хотећи да учини союзь са еленомъ кои э добро за страшива познатъ. Елень пакъ учи насъ двема лепимъ вещма, прво чистосердечности, исповедаюћи у правь то що есть, ниши ласкаюћи бику съ суетномъ надеждомъ. Фторо учи насъ предосторожености; да всегда она средства у нужди избирамо коя су намъ известнїя и безьбѣднїя; гди видимо и познаемо да ниемо ни пощо кадри противстати, а можемосе уклониши и спаасти, ту нїе нимало потреба двоумиши да последнѣ валя изабраши. Искуство добра официра состоисе, колико, да зна гди и како валя на непрїятеля удариши, и побѣдитига, толико гдие потреба, разумно уклонитисе и изьбѣгнути.

141.

МАГАРАЦЪ И ЕЗОПЪ.

Магарацъ упази Езопа гди ода по полю, сматра що животиня чини, и одъ пуда саставля свое басне и дае и людма за науку: приступии речему: чуешь ли езопе! Ти често мене у твоимъ баснама споминѣшь, баремъ напиши да самъ и я кадъгодъ що паметно рекао и учинїо! На то му езопъ смеюћисе одговори. Онда би я бїо магарацъ, а не ти.

Нарапоучениѣ.

Ко жели у каковомъ нибудъ похвалномъ дѣлу сѣбе отмѣнним показати право э да о томъ попеченїе имаде и да се труди. Високоумїе долази предъ паденїемъ, вели немецка пословица. Ружна э игра и пуна бѣдствованїя издавати себе зато що ко нїе. Εἰ τὶς δ' δεδάϊκε τέχνην σκάπτοιτο δικέλλῃ, Косе нїе научїо занату нека копа будакомъ, совѣтује фоцилидъ, пакъ и на ови начинъ може бити пощенимъ човекомъ, Найнуждньесу вещи честность и добродѣтелъ, за то и э богъ и всеобщимъ учинїо одъ самога Цара до селянина: що е неопложно потребно и безъ щасе неможе бити, тое дано и мраву. Сваки има толико разума да може, ако само оће, добарь и пощень бити. Едань краль француски, пролазећи покрай куйнѣ види ту момче гди окреће ражань и пѣва; запитага зашто э тако весео? Ерь неби бїо весео кадъ мїе добро као и краљу? Одговори младићь, незнаюћи съ кимъ говори. Како то? Вопроси опеть краль. Ево тако ридо-

да мали; Нашь краљ има що нѣму потребує, а я имамь що мени. Овисе ответь тако почуди владѣтелю да узме малога међу свое ближнѣ служитеље кои сь временомь постане знаменитимь лицемь. Некь нико изь ови речи не заключава, да свакь ваља да остане шакавь какавь э; не, овое за магаре а не за човека: Него надлежи добро знати, да э превелика различностиь, самимь дѣломь постати болимь, одь мечтати себи и чинитисе болимь. Пишу за Іулїа Цесара дае бїо ћелавь, али э онь заслужїо толике побѣдоносне лавре, да э имао чимь преславно ћелавостиь свою покрити. Ко нїе ученъ, а спарасе добротомь своиомь недостатакь науке надополнити, онь памешно мисли и дѣла, какогодь речени цесарь. Али, ко нїе доволно ученъ, а оће да се покаже да естиь, и само за то, свему оному що онь нїе кадарь разумети противоречи: и нїе шо тако, виче: а упитайга защо нїе? Онь или незна казати; или ако що и каже, ономуе горе одь истога незнаня, противь овогасе овде говори. Нашь добри комшїя Стойко, онь самь каже и чистосердечно признае да нитїе остроуманъ, нити за особита вредань дѣла, нища манѣ, трудолюбивїега ни поштенїега човека у цѣлой вароши, одь нѣга нейма. И онь дакле у своеи окружности како исти Іулїе цесарь поступа. Смотримо садь онога ветреняка обркнежевића; у просте дне кадь нїе лепо обучень, разговарасе како тако; а како ти буде о комь празнику, ше се обуче у златогалониране алине, накитисе и напудра, онда све му сапрлошираня изь уста лепе: ти му говоришь а онь звижди, гледа свой везень прослукь, и каже дањему други нове моде, скоро изь беча доћи. Еднимь словомь друге алине на нѣму, друга паметь у глави. пакь иощь акосе наће коя и духовна персона ованова, етотиле па огледала и примѣра другимь Честина и разумна жена, акоће и просто обучена биши достойна э високопочитанїя. а она суетна и безпослена цифрашица, коеи сь шу

ще-

щенѣмъ свилени алина окреѣесе и мозакъ, разтежуиойсе речи као цицвара, гди се о бездели-ци о опорицаню и посмеянїю другога не гово-ри ту она иїе пристала; такова некъ се сакрїе и некъ не излази изъ куће, она э за какавь турски сарай а не за свободне люде гдисе память и разумъ гледа и изискуе. Овимъ, дакле подобне пороке остроумни и премудри лессингъ представљя подъ символомъ, илити знакомъ магарета; о коима, ко-би що добро хотео говорити мораоби самъ магаре бити. Смапраюћи на после насъ слѣдуюћа времена, о овомъ напоминѣмъ овде. Какосугодъ пре на свету изменѣнїя бивала, такоће и после бити. Тур-ска нишїе одъ искони турска била нипиће довека остати; сама э божїя властъ вѣчна; а человѣческа правлѣнїя изменяваћесе како и пре: а при изменењу владѣнїя уводићесе наукаи нови обичаи. У та-ковимъ дакле желаемимъ обстоятелствамъ, на ма изъ почетка дужнису народни поглавари све попе-ченїе свое полагати, да се юности, колико за гра-жданску, толико и за церковну службу опредељ-ной, полезне книге, лепа наука и добродѣтелно во-спитанїе дае; зашто кадъ се изъ почетка сварн на добро упуте све на болѣ иду и напредую.

142.

БАКАРНА СТАТУА.

Упалисе едань храмъ, и унѣму истописе едно-га свеца, древнимъ некимъ майсторомъ искусно-начинѣна статуа Доће нови майсторь, и одъ ис-

истогъ бакара, содѣла, по новому вкусу у нечемъ различну, а вь прочемъ подобну первой статуу. Види э зависть, зашкрипи зубма одъ муке: но сь овимъ се утѣши говорећи. Онь э неби ни оваку кадарь бїо сдѣлапи, да му нїе било онога првога майстора бакара.

Нарапоученїе.

Нїе се чудити да у саданѣ доба учени люди що лепше саставе и напишу, и вредни, у чемь му драго, майстори що лепше содѣлаю, неголи су други прежде ни. Подай вредномъ трговцу добарь капиталъ намаће болѣ трговати него да почне сѣ празнимъ рукама. Предивно прїуподобленїе овому дае намъ блаженни Спасителъ. *уподобися* (вели) *царстиїе небесное человѣку домоупиту хои износи изъ сокроупища своега петхам и нопал.* Щосу први знали, што су други за нима готово и и написано нашли, а що су ови за илядуи за две иляде година изьнашли, што они први нису могли знати, овое натурално. Да су Аристотелъ, и Архимидь друге себи подобне пре себе имали, и да су живили у време Нефтоново и Айлерово, и они би знали ща и ови. Похваливаюћи садашнѣ велике люд , чрезь то се не чини ни длаке умалѣнїя славе первихъ: Они всегда остаю и остатиће вовѣки велики и славни. На исти начинь после садашни доћиће други, коиће нихъ превзићи, и тако далѣ, докъ э годъ науке међу людма. Наши поглавити церковни, учипели, како Василїи кесарїиски и Григорїе назїанзинь училисусе у Аѳини одъ елинскога фїлософа Ливанїя; слѣдователно оно що се э у што време знало тосу могли и они знати; а проче науке, коесусе после ни постигле, какогодъ и Америка,

ка, нису имъ ни на сањ долазиле. Ово когодъ съ зрицемъ соли памети разьсуждава, види да своимъ еспественнимъ правимъ путемъ иде; и да ништо не може иначе бити. А да зашто се дакле наоде многи коису за старимъ погинули? Кое чуемо да уздишући подъвикую, Ее стари стари! Гдису стари? Те лише што за веће чудо и сїясетъ, овосе найвише одъ они чуе, кои ништи знаду (што по вели црногорацъ) майде ћаволъ мрве, ни щасу стари ни млади. Питасе, одъ кудъ ово произлази? У простима изъ незнаня, и овимасенїе толико ничудити, за што природно, ко што незна, догодъ незна, онъ то неможе знати акоће сто глава а не едну имати. А у онима кои знаду, пакъ тако говоре, ево намъ каже лессингъ у овой басни, да изъ ниища друго него зависнъ говори, Окаянна, слепа зависнъ, коя неда ни видити ни познати, а ищъ много манъ почитовати полезное! Но коликое зла и опака баремъ ово добро има; што мучи, разпза и чини шкрипити зубма онога кои съ нїомъ има посла. Словесно створенъ чловекъ, ако ни за што, баремъ за свое исто добро, мирь и спокойство, валялоби да очисти срце свое одъ ове пакостне и общевредовите злобе; коя э многа царства и безьчисленне народе превратила и упропастила. Нїели лепше и разумнїе овако мислити? Богъ, кои э по еспеству сама и совершенњйша премудростъ, создавши чловека словеснимъ; дароваому душу способну разума и мудрости; дакле гди годъ видимо ове вещи, акоће бити у Ехлину или у хапину, у брамину илъ у мандарину, почитуймо и како дарь божїи; и тащимосе нима ползоватисе. Први греčески мудреци искалису науку у египтяна, у фїникїана, у халдеа и Індїяна: а они су э по томъ у велико совершенство довели, свое исте учитехъ много превзишли и прочимъ э европейскимъ народомъ спрїобщили и приподали. И будући, да на овой земли биваю различне премене; видимо данасъ да исти памешни и лю-

боучителни греци, нималосе не стиде у просвеще-ну европу прелазити, за прïобрести науку и мудрость. А кадЪ богЪ вишни изволи нихЪ одЪ варварске власти и удручења освободити (каковису они остроумни и любоучителни) у малоће времена све друге постигнути и надЪвисити. Защо, грецïя э природни домЪ и прïятнЪйше обиталище муса; и еллински эзикЪ, онь э свïю грацïя по превозходителству фаворитЪ эзикЪ; и бïое и есть и битиће. Овако мударствуюћи, мислићемо као словесни люди и чувствоваће срца наша сладость и радость. Просвещена и благоразумна душа нипи оће нищи може иначе мислити. Радуймосе дакле свЪтлимЪ и сладкимЪ божïимЪ даровомЪ; почитуймо и, и желимо и. КоимЪ се овде радуе, много вишеће имЪ се радовати кадЪмусе душа одЪ слабостей тЪла и одЪ попечења житейскога размрси и освободи. И ако и э ко до садЪ, или за незнанство, или защому друго, ненавидïо; некь престане, ово э паметнïе и болЪ, тЪлу и души и свему обществу полезнïе. Честному чловеку не прилично кабале, зависть и проче худости,

136.

ХЕРКУЛЕСЪ.

Ови славни витезь кадЪ свршн све труде и подвиге свое очисти землю одЪ вредовити и зли зверова, и освободи люде одь варвара и мучителя: онда се то првь удостои на високи понети Олимпь, у светле дворове Цара Юпитера улЪсти; и

за трапезу гдисе Ципарски Нектарь и малвазїиска Амвросїя пїе, сести. Ту кадЪ доће, свемусе царскому роду и племену, синовомЪ и кћерма поклони, све по пристойности и по реду поздрави; а навластито и по превозходителству великои Госпоћи, честитой Царици Юнони маћїи своиой, покаже свое високопочитанїе и вћчну благодарность. Како то? Чудећисе упитага Юпитерова кћи премудра Минерва, оной кояте э найвише ненавидила, и люта на те гонћнїя воздвизала толику благодариость? Нїой истой, одговори ХеркулесЪ; зашто, да нїе нћйзини гонћнїя било, я ни полакЪ мое славе неби заслужїо.

Наравоученїе.

Ко неби тисящекратно ублажавао и благославяо ону свету лессингову душу, коя намЪ э тако високу и благородну Науку у своимЪ премудримЪ оставила баснама? Можели и каква фїлософическа книга сЪ лепшимЪ, вразумителнїимЪ и дћйствителнїимЪ основанїемЪ показати, превелику ползу, коју човекЪ може одЪ свои зависника и непрїятеля имати? Испи зависници сами бисе ужаснули, кадЪ би добро разсудити могли: какова нїовой жели и намћренїю, прошивна дћйствїя и слћдствїя изЪ нїове худе зависти раћаюсе и произходе. Но нека ни на страну, айдемо ми кЪ нашемЪ лепшемЪ и болћмЪ послу. Добродћителни и вредни човекЪ може имати неке слабости и погрешке, кое и самЪ онЪ, какоби валяло, нїе кадарЪ примћтити: Слћдователно ништисе стара да се одЪ никако отресе. Нћговои найболи прїятели, или за преизлишню кЪ нћму лю-

любовь, и сами ше погрешке не опажаю, или му и
пращаю и извиновляваю, за що ово э обичаи любо-
ви и пријятелства. А прави непријятељ, онь за шалу
неће да зна; него са своя два Ока, или а акое по случаю
ћоравь, а онь и съ еднимъ, болѣ гледа и види него
стоокапи Аргусъ. Пакъ акоће биши, оно ща онь
види трунакъ, нѣговесу очи шакове нашуре, дасе
нима шо чини коликъ найвећи пањ. И акосе сре-
ћомъ не бои, онь за ашарь не мари, него каже, не
за лећма, него управь у очи оно ща онь види: А
ово э шамањ шо, щое разумномъ човеку, коисе ис-
правиши жели, одъ найвеће потребе. Ово э прво,
и како свакъ види нїе малена спварь, али э прама
овоме щаћемо рећи, багашела. Природно свакъ
вредањ и памешањ човекъ люби како славу и че-
сшь, шако и свое спокойсшво. Такови свакъ шру-
дисе и насшои да заслужи лепо име, и да спече
коликомуе доволно да може по томъ (разумевасе,
по своемъ состоянїу, и у своей окружносши) у ле-
пой чесши и задоволномъ спокойсшву живиши. Са-
де, ми у свимъ їсшорїама премноге наодимо, и
своимъ очима у наше дне многе видимо коису се
за доволно време разумни, шрудолюбиви, вредни
и добродѣшелни показали, докъ су по своей жели
и намѣренїю честь или имѣнїе или достоинство
получили: а по томъ дошли су у немарносшь, раз-
слабилисусе, изщепили и са свимъ другоячи пос-
шали. Одъ иляду примѣра довесшићу едањ, али
здравь; за доказаши дѣломъ то що велимъ. Нїе
могао боли, ни трезвенїи, ни памешнїи Царь би-
ши одъ Александра великога, докъ нїе ношъ поко-
рїо бїо Азїу и побѣдїо Дарїя. А кадъ получи све
щое хошео, предасе савь суешнои и худой персїис-
кой гордосши, неограниченому раскошу и пїянсши-
ву, ниши доволсшвуюћисе царскомъ чесшїю, да се-
бе обожиши, и посшане одъ чловека зверь, одъ
премудра цара мучишељ, и почне за шрапезомъ
убїяши найвѣрнїе и найболѣ свое пријашељ и офи-
цире. Ели нужда, помисліше ко; да кадъ човекъ

доће у славу и господство дасе развраши и поквари? Нипошто; ако е управь памешань. Августъ Цесарь пре него постане цесаремъ, бїое доспа зао, а по томъ нїе болѣга ни блажїега човека надъ нимъ било. Изь овогасе дакле види, одъ какове ползе, добромъ и вредномъ чловеку може бити зависникъ и непрїятелъ, одъ коега стоећи всегда на опазу, ако и на велику честь и достоинство доће, недасе разслабљенїю ни разблуђиваню. Имаћисе кога чуваши, непрестанно бодарствуе, ни тићисе дае ласно заслепити чрезьмѣрними похвалами, они кои му ласкаю. Щогодь добро и похвално учини све мусе чини даэ мало, догодъ зна дасе ко наоди, коиће настояши да то умали и за несовершено покаже. За то всегда у предосторожности и у дѣйствїю, неослаблява ниши престае путемъ добродѣтели тећи и напредоваши, докъ достигне къ таковой мѣри совершенства, гди већь и сама зависть мора онемиши и сакрисисе; кое акосе не случи за живота, а оноће по томъ, разуманъ се стара за едно како и за друго. Изь свега овога нека нико не заключава дае зависть добра вещъ, будући да и она може другда узроковаши що добро и полезно: не; она осиае худа и зла, защо нѣйзино намѣренїе, нїе да що добро причини и произведе, него да то воспеши, удручи и уничтожи; и кадгодь иойсе пода и узможе она то и чини. Добродѣтельъ обаче, будући рода и свойства божественнога, она има ови прекрасни дарь и преимущество, да, и исто туће зло намѣренїе, на добро преобраши и употреби. Остае намь да речемо ща э зависть, и какосе раћа. Зависть э скорбь о совершенству другога. Ово кратко определѣнїе показуе у исто време и щае она, и начинь на коисе раћа. Како ко жали, и радо не види да э други боли одъ нѣга, и даму э болѣ него нѣму, онь му завиди, пакъ почнега и ненавидиши што естъ мрзити и желиши му зло. Греци э наричу Φθόνος одъ αὐτὸς, ἡ, Φόνος то есть себе убїиство, защо зависникъ себе убїя. Первѣйше

ше возбужденїе и начало ове страсти у незлобивой природи, ако се само на зло не окрене и неупотреби, не само що нїе зло, него добро и полезно ерь э любоподражанїе и желя успѣха. Деца кадсе упркую коѣе болѣ, добро чине; али кадь едно подмете другомь ногу, да ово падне на нось, а дага оно препече, овако бива зло. Щое годь естество усадило у човека, акосе приспюйно и разумно употреби све э нужно и добро; а злоупотребльѣнїе све на зло окреѣе.

144.

ДЕТЕ И ЗМІЯ.

Дете упази змїю, узме щапь, и речеиой неприступай кь мени, ерь ѣуте сьовимь по средь главе, Я самь чуо какоэ нека одь вась едно дете уела и смерти предала. Чуй садь, одговори змїя, и оно що иощь ниси чуо, а валя да чуешь, ако си радь знапи ствapь одь края до конца. Оно дете хотело э убити змїю, садерати иой шарену кожу и навуѣи ю на свой щапь, за то га э она уела и убила. Оде дете, каже оцу щае чуло, пипаюѣига ели то тако? То може ласно бити, сине мой, отвеща Отащь, зато одь садь немой никада вѣровати едну вещь коюна полакь чуешь. Него чекай докь э сву, и са свимь

нѣи-

нѣйзинимъ обстоятелствамъ не чуешь; пакъ и онда добро разсуждавай пре него речешь, тако а не иначе.

Наравоученїе.

Сва прелащенїя человѣческа на свету, какосмо на више мѣста рекли, произходе или изъ незнанства, или изъ недостаточнога и кривога познанства; кое, какое недостаточно, шако све щосе онѣму суди и говори мора бити, или са свимъ, или одъ части лажно. А да защо шако лясно люди вѣрую, и вараюсе? Ево защо. Знаши а лепа вещь. А свакъ природно оно щое лепо, жели имашти; а желити имаши, или у самой вещи имаши, шо свакъ види да а весма едно одъ другога далеко. Имаши що и знаши, шоме се изискую средства, начинь и прудъ; а желити що, или себи мечшати, да оно що ко жели, има: шоме се нѣе ни полакъ пруда. За шо се случава ово що Инглеглезь вели. Е мень шаль хердли спїикь ени биикь со ебсордъ, боть хи уилъ файндъ хисъ епрууверсъ. Едань човекъ едва ће говорити що ни будъ шако будаласшо, но онь ће наћи свое соутверждашелъ. И наша србска речъ лепо ово исто предсшавля, у пословици, *Лакше а пѣропаши него иѣи литаши.* Нища нїе чешће него децу чути да се инаше и едно другомъ веле *ши незнашь нища.* Кадъ би човекъ пристойно хошео и могао разсудити, да све нѣгово наравно благополучїе изъ чисшога и правога поняшїя, мишлѣня и суѣеня произходи; ништиби у испишиваню вещи итїо, ништи би себи воображавао да зна оно що незна, ништиби, наконацъ, лясно вѣровао све що на полакъ чуе, и що обстоятелхно не зна. На примѣрь. Ко вѣруе и исповеда да есть богъ; разумно и вѣруе и исповѣда, за що види толике чудне предмѣше, съ шаковомъ премудро-

дростїю устроене, да мора биши всесилни и премудри зиждитељ и содѣтељ кои э све то создао шако дивно уредїо и содержава. Али кадъ намъ, ревниви дервишь доће казиваши да шай исши богъ самимъ туркомъ добро жели, а на све проче народе да мрзи; онь се люшо вара, ниши има чисто поняшїе о богу: о коему овано валя мислиши. Мрзиши, срдишисе, завидиши и прочая; шосу страсши и несовершенсшва, а богъ э безсрасшань и совершењ, онь се никада ни на кога неможе разсрдиши: ако чини зло, самъ га себи чини. Нерона исшога и нѣму подобне, нїоваћеи зла совесшъ и зла дѣла мучиши, а не богъ. Бѣднога Монтезуму Американскога владѣшеля немилосшиви шпанїоли осуде на сожеженїе. Доће францишкань да га обрашти у свою вѣру. обѣщаваюћи му по смерши рай. Запишага Монтезума идули шпанїоли у шай рай кога шолико фалишь? Каже онай да иду. Дакле я шамо нећу- оппеща, неправедно осуђени. Онь нїе могао другояче мислиши него овако, гди зли и неправедни люди иду, (нека говори ко що ће) то неможе добро мѣсто биши. Ко зна да оптровь шруе, и косе неби радъ оптроваши, онь своеволно и при здравой памеши неће оптровь пиши; а ко прво зна, и фшоро неби радъ, а шреће своеволно чини: шаћешь о нѣму судиши? Разве да нїе при памеши. Добро э лепе вещи и знаня доспойне знаши: али э у исто време пошено и памешно оно що незнамо казаши да незнамо, и искаши способно средсшво кь правомъ познансшву, онога що желимо, доћи. Навласшишо кадъ ко що доказуе, или нека памешно доказуе или некь не зановеша, и нека не чини као неки Александровь похлѣбникъ, кои хошећи да докаже да сномъ не валя вѣроваши, доказиваше говорећи да э шако Александерь снїо. Свакъ зна даэ исшина да сни лажу и да нису за вѣрояшїе; али шо на шай начинь доказиваши; значи, исшину на лажи осниваши, и нио иссу у лажь преобращаваши. Одмећимо одъ себе крива

знаня,

знаня, починимо сумняти, ово доводи къ изтраживаню, а изтраживанѣ къ познаваню и къ истини. Нїе доста, рече тако ови, а онако они, томе никада нема ни края ни конца; рекаое кое що знао и мислїо; колико глава толико капа; но разумань човекъ валя да сазна защо э ко що рекао; и ели тако управь или криво речено? Щага Муаметь каже да муе богъ рекао, мора ко бити са свимъ худъ турчинь даму то вѣруе. Онь самъ знаюћи да те вещи нису за вѣрованѣ имаое толико хитрости да и одъ стране божїе каже; пакъ ко сме онда далѣ испитивати или сумняти? Нама по врату. Нїе дакле ни мало доволно, що неки оће, то э духъ свети за добро нашао и установїо: многасусе Евангелїю са свимь противна мудрованїя на ови начинь увела. Зато валя здраво разсудити ели то паметно и полезно? и какосе позна да нїе ни едно ни друго, онда се пай часъ видк щае и какое. Ми видимо неки разумъ у истимъ безловеснимъ животињама, пакъ ели право да и одни стражни остаемо? На примѣрь; Рпь кадъ безпослень каса онь иде коекудъ, а кадъ се за зецомъ пусти, лети управь како тане: тако ими, гди э потреба, и гди можемо найкраћимъ путемъ и управь доћи, нащо намъ околиши? *Похажими оть дѣлъ твоихъ пѣру твою*, премудро вели Апостолъ: овое управь и на крашко. Когодъ вели да добро вѣруе, а видишь га да зло дѣла, крстигасе; шаки и съ богомъ лаже, некамоли неће съ людма. Ко разумно пощено и праведно живи, онь тамань вѣруе како Евангелїе изискуе. За докончапи ово наравоученїе, памтимо ове две вещи; прво, щосе годъ може са здравимъ общимъ разумомъ ясно познапи то нїе потреба замршивати ни потамнявати: А щосе годъ чисто не разуме за тосе не валя инашити ни мрзити, но безь пристрастїя о томъ разсуждавати. А ово свакь разуме; да э онай найпаметнїи кои э найболи.

145.

БИКЪ ТЕЛЕ И ПАСТИРЪ.

Бикъ пролазећи са устремлѣнїемъ крозь ниска цјалска врата, са свои силни рогови пребїе горни прагъ. Теле видећи то, рече пастиру, садъ ми право кажи, не волишли мене, кои ти нисамъ кадарь онаку цjету учинити? Распи ти брже и оячай, одговори му пастирь, пакъ се ни мало ти не старай за цjету цjоћешь ми причинити, онаће се мени тобомъ обилно наплатити.

Нарапоученїе.

На ма овде у почетку приложићу одъ слова до слова Лессингове речи. Беседа телета, беседав мали фїлософа. Зли Баилъ! Колике э пошене душе съ своими продерзливими сумнѣнїями опечалїо! О ви Господо, коликоби ми ради били опечалѣни биши, кадъ би само сваки одь васъ Баиль биши могао! Овако благородне и велике душе о великимъ людма мисле и говоре. Верхови превисоки Гора оспављяю далеко подъ собомъ црне облачине. Многа се у месецу шамна мѣсина виде, нища манъ, онь намъ велико добро чини кадъ насъ у ноћи просвещава. У самоме сунцу, чрезь на шо прїуготовлѣна орудїа, видесе неке маће, но за шо нико неће рећи дае сунце мрачно. Не можесе ни одъ кога изискиваши да э безь найманъ слабосши и порока (ово э само божїе) а међу людма онай э найболи кои наивише добра у себи имаде. *Лажлиши синоши челоцѣче-*

шѣчески, вели Царь давидь, а защо? *Ерь су неправедни у мѣрила*, нећеду право да мѣре. За малене слабости у човеку, опорочаваюму и презиру велике добродѣтели; свакь види даэ шо весма неправедно и неразумно. Всесилни и свемогући Богь не натеруе никога силомь да у нѣга вѣруе, хо оће да не види, може, и кадь э сунце на средь неба, нека само веже очи. Спасишель нашь, небесну и пресвешу Науку даюћи, ево како э налаже: *Ко има уши да може чути нека чуе!* Овде нїе силе ни натериваня. И то э исто що доказуе сунцеподобну истинносшь и божествснносшь нѣгове науке, коя э шако природна и увѣришелна, да, ко само има здраве и чисше одь сваки предваришелни лажа уши, не само що ће э чуши, но и за истиннишу познаши, и на свое велико добро и благополучїе примиће ю. Свако доказашелсшво коесе подупире сь проклешсшвомь и сь Анашемама, или (що ионь опачнїе) сь сабљомь по врашу, шосе већь види що; само некь э слободно казаши. Баиль, коега Лессингь фали, и онь као човекь могаосе э лако у некима вешма преваришти; али э премноге лажи опкрїо, и общеполезне истине изяснїо и показао, а овое шамань що памешни люди и нацїе желе и ищу: А по томь нађићесе коће и нѣгове речи просїяши, башь шако како эи онь другихь, и показаће у чемь има право у чемь ли не; иоще, що најважнїе; сь каквимь э намѣренїемь писао; све то люди изнаћу, по оной речи; *хртина исподь земль оди, лакь олешь нојсе трагь наће.* Пошень Платону и Аристошелу, али истини највеће, веле Греци; и овако сви благоразумни народи умсшвую. Вещи коесе могу сь памешнимь изяснити речма, нашо шу кавга анашеме и сила оружїя? Свешь и истина Евангелска нїесе сь силомь ниши сь оружїемь разпросшрла ни разширила; ниши шребуе да се нима подупире ни защищава. Како гди доће кавга, вражда, лукавсшво, кабале и насилїе; одашле здрави разумь, мудросшь, истина и хрїсшянска наука бѣже: За що,

кое причастїе слѣту съ мракомъ, мудрости съ варварствомъ, и духу кротости и мира съ свирѣпостїю и съ немиромъ? Турци докъ су тога закона никадасе неће съ наукомъ просветити, защо имъ нїова вѣра неда; коя будући съ силомъ и съ оружїемъ разширена, на нима э и утверждена; косе шу усуди найманѣ що рећи противъ онога що оже и дервиши кажу, на ма оде глава као печурка. Блажени дакле народи кои пресветой Іисусовой науци слѣую! Кадъ годъ буде онићесе сви съ мудростїю и съ наукомъ просветити; защо гдїе годъ права мудрость съ найздравїимъ разумомъ, съ непорочнѣйшомъ и съ чистѣйшомъ добродѣтелїю соединѣна, туе право мѣсто и домъ Евангелїя, и царство небесное кое намъ се чрезъ нѣга обѣщава. *Покайтеся приближибося царстїе небесное.* Кое э ово, разве хрїстова наука, коясе сва состои у свету разума и добродѣтели? Изъ овога свакъ може чисто видити, како греше и противъ свое ползе поступаю они одъ наше предраге браће, кои, како виде що ново, и нима иоще необично написано, на ма се почну срдити и питати, кое то написао? Ао пюму и то било! Негдерь онь доће овамо пакъ ће мога ми научити какосе пише! Е добро, айде, пакъ башь и да доће (що онь весма жели) ща би му учинили? Истукли па етотига, некъ зна други путь какоће писати! Чуда люди! Зарь се и томе оће велика наука за истући слабїегъ одъ себе? Али онь добро зна да ви то неби учинили! Нѣговомъ срцу сладки люди! Онь васъ све скупа болѣ познае него ви сами себе. Нека онь вами иощъ що напише; а у славной нацїи има благодареніе богу и садъ, и биће уздамосе у бога у напредакъ много више и премного ученїи и боли одъ нѣга люди, кои, гди годъ и у чемьгодъ, онь буде као чловекъ погрешїо, познатиће и показати; и тако то неће никакова вреда нанети. А благо нѣму ако що

добро

добро и полезно напише! Тоѣ све нѣгово блаженство кое онь себи одъ бога иоще за кои дань живопа на овой земли жели.

146.

ЛИСИЦА И ВРАНЬ.

Често врань лећаше на Алтаре богова, узимаше слободно гди кое парче меса на жертву принешена, и никому неби; сметао, почитуюћига свакъ за птицу коя будущая прориче. То гледаюћи лисица, помисли у себи; я би рада знати, далїе зато врану слободно месо са Алтара узимати щое онь пророкъ? илига за то за пророка почитую, що онь посвећено месо, никога не питаюћи носи пакъ эде?

Наравоученїе.

Преводећи ову Лессингову басну доће ми на паметь нещо курїозно що мисе э у Далмацїи случило. Кадъ самьсе вратїо изь Азїе мале и Грецїе; прво, за то що самъ остао бїо безь крайцаре и новца, дођемъ у далмацїу за учити гди децу и стећи що; Друго, дати себи времена, пре него що друго почнемъ за утвердитисе болъ у прекрасномъ Еллинскомъ эзику. Изберемъ неко планинско, около предивни и широки долина, са свимъ за Омирова и Исїо-

Исїодова чтенїя пристойно мѣсто зовомо Плавно; тусе остановимъ и сакупимъ доста дечице. На едань празникъ, недаюћи лекцїе, у лето, сѣдимъ међу црквомъ и моиомъ школицомъ, подъ растомъ у хладу, съ моимъ любимимъ другомъ попомъ данїиломъ мораишкимъ, и слушамъ (съ изобилно текућимъ изъ очїю мои сузами) умилителну повѣсть нѣгове вѣрне, но несчастливе любови, кояга э у толико очаянїе довела, дасе покалуђери, и Корцири свое отечество остави. Кадъ еноши къ нами свещеникъ непознатъ на коню; сяше, поздрави насъ, скине пуне бисаге са седла, да коню путь у долину на пашу, седне кодъ насъ и почне ми беседити. драги браше Школниче; Мисе иоще непознаемо али добри люди ласно учине познанство; брзоћемосе ако богъ да и болѣ познати, ерсмо комшїе. Еноти мое село за ономъ главицомъ що намъ баш спрама носа стои, и за ономъ растовомъ шумомъ щосе преко нѣ промолила; я самъ ти попъ Маукъ, а моесе село зове Опонь. Ево самъ ти донео у бисага два варићака чисте пшенице како злато, оку масла и едань сирацъ; простићешъ овое мало, али биће и више ако богъ да. И молимъ те да ми у неделю дођешъ и моимъ селяномъ едну здраву и вредну предику изькажешъ: и кадъ будешъ имати времена, да ми що лепо напишешъ, да кадъ кадъ и я що моимъ людма кажемъ, ерь радо слушаю, кадъ имсе що добро беседи. Зафалимъ му я на дару, и обещамсеедно и друго, що одъ мене жели, учинити. По томъ разговаралисмосе коевочемъ, изь међу прочегъ предложими ово чудновито питанѣ говорећи; кажими молимъ те зашто насъ попове зову Свепи Оче? Даели намьсе ова свештиня за едно съ поповствомъ; или би ми морали бити безь сваке шале свети? Презнемъсе на такови вопросъ; и речемъ му зашто то пипа? Акоепрво, одговори, у добри часъ некъиде; акоїе фторо, у триста зли часа! то нека добро знашь; Я имамъ толико посла на глави, дами свештиниченѣ ни на умъ не пада: Други су ту били,

и

и други, пакъ нисусе могли посветитй, алтроке попь Маукъ! Онда самъ му я одговоріо, по моему надашнѣму начину мишлѣня, да Свещенство будући даръ свелога духа и власть духовна, зато ко ово има, по шому онь э свешацъ; шога э упокоилои оде. Садь обаче овакоби му одговорїо; да Свещенство, какогодъ и осшала досшоинсшва военна и граждански, неошложно изискуе неке службе и дужносши, кое, ко неисподнява, не само нїе да се нариче свешимъ оцемъ; него и дасе лиши шога досшоинсшва и званїя: А ко ихъ исподнява како надлежи, онь э прави свеши ошацъ и високопочишаня досшоинь, носећи попеченїе о ономъ шое свешћйше у человѣческомъ роду, шо есшь Благонарашћйше, всеобща Любовь, Мирь, непорочносшь и чисшоша совѣсши.

147.

ЛИСИЦА И ТИГАРЪ.

О дамїе швоя снага и брзосшь, рече лисица шигру, весма би ми драго било! А зарь за мою шарену кожу не маришь? рече иой шигарь, ондабисе показала и споля суща какваси изнушра, хишра и шарена. На шоме ши лепофала! ошвеща она; Я не желимъ дасе покажемъ шакова каквасамъ.

Нарапоученїе.

Ова басна сЪ великимЪ остроумїемЪ показуе да нїе добарь знакЪ кадь ко неби радЪ дасе покаже паковь, какавь э у самой вещи. Притворность э природно подозрителна, ни пощо не да о себи добро мислити, и всегда оно що лапїни веле, Latet anguis sub herba, крїесе Змїя подь травомЪ. А ми велимо покривень углЂнь, предполаже. Iезуити су у овой майсторїи знаменити били; пакЪ, кадЪ би до последка, що имЪ поможе? Попешесе на толико височество богатства и силе, какоће ужаснїе превалитисе и са свимЪ скрушити. Ово правило, кое идемЪ рећи, уливеное одЪ самога бога у Естество; да чистосердечїе и нелестностЪ нарава свезуе и утверждава прїятелство: То исто служи и за благопоспЂшно обхожденїе са свимЪ честнимЪ у обществу людма. ПримЂтимо обаче; да и вЂрни другЪ, гди нужда и разумЪ изискуе; и за време, одЪ дражайшаго друга може неку тайну (навласштто туђу) сакривену чувати; ништа нейма безь изятїя. Овосе не говори за са свимЪ особита обстоятелства, него за характерь срца и за обще правило обхожденїя и живлЂня. Неймати горе бЂднїе ни скареднїе, одЪ всегдашнЂга у притворности живота; а то онде мора бити, гди лисичїе погане нарави преобладаю. Защо э природно, и естеству человЂческому непрїятно и отвратително кадЪ види ко двое, међу другима, да всегда шапћу и хихичу? На то свакЪ мрзи, башь ако ће знати да се нЂга ни мало не каса. Свето, богосозданo безь злобно Естество! Покажи людма све прїятности и блаженство чистоте срца и нарава, да блажени буду на земли! Но нашо ми ово восклицанїе, за коеће ми се (може бити) многи посмеяти? Овое свакомЪ показато кога злоба и лукавство не заслеплява. Nemo felix nisi bonus.

Нико

Нико счастливь разве добарь. Древня истина коя никадЪ неће остарити.

148.

ОВЦА И ЮПИТЕРР.

Овчица доће кь цару Юпитеру и почнемусе тужити да ioй многе обиде на земли биваю; молећига да учини, акосе како може, да то у напредакЪ престане. Овцо моя, речеioй Юпитерь, то иначе престати неможе разве да ти каквонибудЪ средство дамЪ, сЪ коимЪ ћешь ти пвое здочинце одЪ себе одбїяти. На примѣрь, да ти дамЪ уста и очи едовипе, и како заданешь или погледашь на кога да га отруешь. Духь! Неговори то юпитеру! Уста и очи эдодовите! Коби .то радЪ имати, зарь оћешь да самЪ гора одЪ змїе? — — КадЪ писе то не допада, да ти дамЪ зле зубе и нокте као у лава. И тоэ зло нећу, дайми що друго. — — А оћешли дакле величину бика и страшне рогове да шесе свакЪ бои? — — Нећу ни то, я не желимЪ да месе ко страши. — — ИощЪ едно остае шакЪ ако ни ово не будешь хотела, а ти морашь страдати какоси и до садЪ: хитрость и лукавство лисичїе. — — Нећу ни то, рече овца, ни

по ми нїе мило. ВолимЪ страдати, кадсе безь зла немогу зла избавити. Онда благослови царь Юпитерь овцу, заповеди да у напредакЪ овце имаду пастира, кои дасе може нима ранити и одевати? но да и чува и дасе за ни стара.

Наравоученїе.

Ништа нїе свеће ни чистїе одЪ овце, веле наши Далматинци: и нЂйзине брабонке изЂди човекЪ изЪ млека, пакЪ эде млеко, нипимусе гади. Сама доброта, благи и добри люди, доволнаби била за доказати безьсмертїе душе и будущее награжденїе. Има много на свету шако благонаравни и добре душе и срца люди, да често за свою исту доброту страдаю: дакле премудри шворацЪ, коегасе премудростЪ у свемЪ створеню богато показуе, оће несумнЂнно шаковимЪ, праведно и своему величеству и благости пристойно награжденїе учинити. *Радуйтеся*, вели намЪ небесни учишелЪ, *и веселитеся яко мзда ваша многа на небесѣхЪ.* Друго примЂчанїе, кое се настоећемЪ наравоученїю приличествуе (коесмо више крать напоминяли; но некЪ се опеть спомене) овое. Колико су дужни небесномЪ промислу благодарни бити, народи коисе у благоурежденимЪ царствамЪ наоде и живу. гди силанЪ и неправедань мучисе и гризе у зломЪ и пакосномЪ срцу своме, а не може ништи сме слабїега обидити. Ко годЪ нїе ходїо по варварскимЪ и злоуправляемимЪ земляма, и нїе видїо люпа страданїя, коя родЪ человески за скудостЪ добра поредка и добри закона подноси и шрпи, никада неможе себи вообразити каково э благополучїе на земли, да човекЪ може себи рећи пошень самЪ и праведанЪ не боимсе никога. ВезьбЂдство и миръ началнасу

насу и найвећа у обществу добра, а въпрочемъ како себи ко просшре онакоће и лежапи; како сеэ пакоће и жепи. Али ено неволѣ! Гди човекъ добро посеэ, и богъ да ше лепо роди, а кадъ пожнѣ и овршп; пре него сасне у жипницу, доће други и однесе; а онь остане съ женомъ и децомъ ше гладуе. Ко не жели да се мучипелство, неправда и свако зло испреби изь међу люди, онь нипи зна за бога нипи кадъ о нѣму мисли; и акога речма споминѣ, чини као папагалъ. Чловекъ э на земли за благополучїе свое, онде гди э свакому дужносшь нѣгова опредѣлѣна и позната, и гди э свакъ вѣрно и радо исполнява, а гди шога нейма, шуе несрећнїи него звериня коя у горамъ живи. Природно свакъ жели и ище свое благополучїе, кь коемусе овимъ путемъ долази; гдисе зли подъ спрашномъ уздомъ и люшимъ бичемъ, а добри съ мудримъ совѣшомъ и съ чисшомъ наукомъ воде, наставляю и управляю.

143.

КОЗЕ И ЮПИТЕРЬ.

Козе се согласе доћу све скупа и учине молбу Юпитеру да имъ даде рогове. Совѣтуе и юпитерь да се проћу тога закшеваня, казуюћи имъ дасе съ рогови иощь нещо мора дапи, що нима нсће бипи по воли. Ницца шо не служи, козе ће рогове съ чимъ били да били. Айде, изрекне Юпитерь, некъ вамъ нарасшу рози. Но ужасъ на-

нападне на козе кадЪ виде на себи сЪ рогови за едно и браде; стане и дрека, тресу главомЪ, скачу, яо и помагай щоће нама браде! Вичу; но све за луду мораду и до данашнги дань браде носити, илЪ имсе оће илЪ неће.

Нарапоучење.

Алл мой човече, види гди коя жена мужу своме дасу ми онаке алине, нища већь неби желила! Но у шому се люто вара. Жедя излишнѣга подобнае отрову змїе зовоме жединце, коя, кадь уеде човека илй живошно, шакова люта и неугасима жећь нападне на ни, да пукну пїюћи ниши жећи угасиши могу. АлфонсЪ мудрй Арагонски КралЪ, немогући ни на кои начинь возбранипи женами свога времена да не носе на алинамЪ злашо; учини шаковь законь, да се шо дозволява само онимЪ женама носиши, кое су познаше за непошене; и шакошисе шай обичай нама пресече. Колико умножава ко, излишнѣ желѣ и попребе свое, шолико већма усшоричава зло на главу свою. Коликоби вельможа, блаженомЪ божесшву за доброшу свою уподобишисе ласно могли, да оћеду само да умѣре раскошне и непошребне прошкове. Онибы шисящекрашно срећньїи били, име би имЪ се благословляло на земли, и пошли би сЪ радосшномЪ и чисшомЪ совѣсшїю сЪ овога свеша. Ели право да се илйду незлобиви фамилїя удручаваю, само за моћи болѣ шрпаши у спо безпослени и неблагодарни шрбуа? Но шако оће обичай и мода! Велика господа мораю великолѣпно живиши? А овосе неможе безь просипаня, а одЪкудЪ бисе просипало, кадь се неби подданимЪ цѣдїо и изможданао мозакЪ изь коспїю? Вишни боже! КадЪћедуше едань пушь и велика господа познаши? Правдо! ЧеловѣЪчесшво! Добродѣше-

дѣтели! Кадѣ ћеду васѣ вечѣ едномь и велможе чувствовапи? Кадь ћеду смапрапи на нагу и гладну дечицу прудолюбивога и неуморенногa земледѣлца сѣ овимь благороднимь чувствованїемѣ, овихь э пѣло као и мое! У нима кровь тече како и у мени! Имаду душу словесну подобну моей, и чувствую, Чувствую и зло и добро кое имсе чини! Благородни! Можели и ко благородань бипи безь благородни и человѣчеству достойни чувствованїя? Воспипанїе дакле благороднимѣ! Но воспипанїе начално и нужнѣйше у человѣколюбїю, милосердїю и правди, ако желе да су предѣ здравимѣ разумомѣ и предь богомѣ пощосе наричу, да буду цвѣпь и украшенїе рода свога, и да служе за примѣрь честносши и добродѣшели свему обществу.

150.

ДИВЯ ЯБУКА И РУЖИЦА.

У шуплину дивїе ябуке улѣзе рой пчела, и напуни ю меда. Ондасе она почне поносити и фалити сѣ медомѣ у себи. Неразумна и луда гордости! Речеиой ружа, що се сѣ пуѣомѣ сладостїю поносишь? Учини ти, ако си кадра, да сладость меда уѣе у плодѣ твой, ако желишь удостоиписе да те люди фале и благословляю.

Нара-

Нарапоучен їе.

Агесилау лакедемонскому воеводи почну неки, кои су у персїи били, разказивати и фалити одѣяніе, богатство и величество цара персїйскога. Що ви ту у вѣшарь беседите рече имь онай. Кажите ви мени ель онь мудрїи, искусьїи и добродѣителнїи одь мене? И ако то нїе, онь э нищо срама мени. Онай що пролази онуда, ели то Архїмандрить манастира Н? Зарь незнашь? Онь э садь Епїскопь Н. СКИ. Пакь зарь зашо онь онако главу диже и окреће као Креуза на театру. О гордости! Достоинство епїскопства нѣму нїе кадро дати ни зрна науке, памети ни добродѣтели више него има. Али има на годину толико иляда карагроша! Горе иощь за нѣга; по томе може много гори бити, а паметнїи не, ако нїе до садь бїо. Можели то бити? И како? Може врло лясно: овако: пре тога ако э и имао коју слабостъ, за получити то достойинство, кое валя дасе дае честнѣйшимь и найболимь у народу; нїе иой се са свимь пущао; а садь имаюћи у шака то щое желїо, и уздаюћисе у толике иляде карагроша показаћесе савь какавь есть у натури. Ови крашки разговорь може сь временомь бити полезань за оне кои се спремаю на шакова достоинства: да се не уздаю даћеду одь нихь получити оне вредности кое неимаду; него паче да се весма стараю сь своеличномь достойностїю узаймлѣно достоинство да опощене и украсе: Овосе зове сласть меда у свойствени плодь пренети. Имамь у комшилуку едну познаницу коиойэ име Дїакрисись; Ова, како що напишемь ће да иой прочишамь; и често ми чини сверхь свачеса, различна примѣчанїя. Кадь самь иой ово прочитао, рекла мие; Не мислишли ти даћесе за ово ко на те срдити? Кое добарь и памећань неће; одговорїосамь; а ко нїе шаковь, за нѣга, фала богу! Данась нико не мари: Притомь, и коби бїо шаки простакь да се на ово срди? чрезь тоби онь

самъ показао да муе пчела на клобуку; а ко само прво правило полипике зна, могаћесе здраво чувати. Ми сви, коисмо садъ на земли, коликоћемо иощъ овде спаати? А ово щосе издае на щампу, пребиватиће и кадъ наши коспїю неспане. Цари исти, просвещени и добри, радо читаю погрешке своихъ предковь, и чуваюисе; и радо примаю наставлѣнїя коя имсе даю. Свакъ памешанъ чувствуюћи у себи какову немощъ, шай часъ шражи средство да се излечи, и одъ сваке слабосши ради дасе опресе. Едань чадолюбивъ опацъ, ако и има кои недосшашакъ у себи, онь не жели дага и синовомъ своимъ припода, но усердствуе на сваки начинь, и бога моли да чада нѣгова буду много боля и срећнїя одъ нѣга. Подобнимъ образомъ дужнисмо ими желиши да наши дражайши попомци буду и памешнїи и боли и срећнїи одъ насъ. Положимо и ово, ако башь по несчасшїю ми сами себе одъ неких слабосши не можемо освободиши; що намъ смепа да любимимъ нашимъ добарь совѣшь дамо да се они шога чуваю? Не ми, него (щоно веляше мой комшїя попь маукъ) други и други су шу били пакъ су люшо поклизавали и на носъ падали. Нека чишта, ко оће, црковну Історїю, пакъ ћесе чудиши и ужасавши премногимъ дешинскимъ и са свимъ худимъ посломъ, ше лише они люди кое за свеце држимо. Само едноћу казаши изь церковне Історїе за примѣрь. Епифанїе Ципарски Епїскопь иоще заживоша почишоваше э бїо за свеца и чудошворца (Знаймо да у оно време, како и садь гдїе простопа, ласно э било бишти чудошворцу, защо кобисе годъ разболїо а неби умрео, шоби нама приписивао комъ чудошворцу) но бїое пуки проспакъ и слабо учень; Ови нїе могао нипощо Орїгена пирпиши. Ѳеофилъ Александрїйски за привућига на свою страну: какоће съ нимъ лакше Златоустога съ престола сперати; нѣму за аташарь прокуне Оригена, коега э дошле браніо. Епїфанїу э шо доста било, и обещасе учиниши све що Ѳеофилъ оће. Подигнесе и доће у Цариградъ

и

и ту различне будалашчинеи противъ Іоана Зл. учини, напериваюћига да прокуне Оригена и книге нѣгове съ нимъ заедно, ако оће даэ читавъ. Златоусти као човекъ учень, и кои болѣ познае кое и какавъ э Оригень неће зато да зна: Изъ тога кавге и анатема колико оћешь. Ово нека нико не тражи у житїямъ ови свештаца, защо су житїя после скрпљена, какосу хотели они коима э торнао конать; а у Исторїи церковной стои башь како э било. Овакови посала наћићешь онде силу божїю: Зато дакле не плашимосе ни мало, чуюћи неке да вичу, Свети Оци! Свети Оци! Ако су такови, то имъ нико неће отети, али я мислимъ даэ и нами слободно знати, писати, и казивати що су чинили; а богъ и люди свакогь по дѣлу суде; овай судъ ће вара. На що ово? помислиће ко; на велику ползу, ако будемо само хотели на добро употребити; то есть дасе любовь къ истини божїой почне свему предпочитавати, ако оћемо, да довека неостаемо у прегари, суевѣрїу и варварству, Дасе испреблява изъ међу люди мрзость и вражда: да се мисли и суди о свачему праведно, разумно и слободно; дасе свака злоба изгони да иой нитрага међу нами не остане, и дасе чиста евангелска добродѣтелъ, мирь и любовь уводи и утверждава; и на конаць да се свако древо по плоду своему познае и фали.

151.

ЛАВЬ И МАГАРАЦЪ.

Лавь полазећи у ловь поведе са собомъ едно магаре: на що му? то свакъ зна. Друго магаре, комшїя, и пре тога добарь пріятелъ магарета о комъ э речь, видига сь лавомъ - поздравига по обичаю и нещо га запита. Сь кимъ ти мислишь да говоришь? Магаре надь сви магарци! Викне лавовъ магарацъ, бечећи на оиога очи и дижући главу и уши. Сачуте! — — Те ћешь ти познати ко самъ я садъ! Та ниси слепь, ти видишь съ кимъ я садъ шпацирамъ! Сиромо магаре ужаснесе, пакъ бѣжь у село, мислећи у себи: мећерь э мой комшїя изгубїо и оно мало магареће памети щое пре имао.

Нарапоученїе.

По свой прилици ова Лессингова басна дала э едномъ ученомъ Инглезу поводъ да напише два сочинѣнїя, одь кои едно се зове магарацъ фїлософь, а друго магарацъ погоспоћень. Познато э да Инглези одъ свїю народа европейски найслободнїе мисле, но на велику славу и дику и благополучїе человѣческаго рода, и найразумнїе. Речени дакле Инглезь овако починѣ предисловїе своега сочинѣнїя. Честь и високопочитанїе свакому разумному и правому фїлософу и достойному господину. Цѣлой э Европи извѣстно, да учени люди нигде нису ни у већемъ почитанїю нити у болѣмъ благосостоянїю него у насъ: а Lord, (то естъ Господинь) толико ко-

дь насЪ значи; колико кодЪ други нацїя Принцъ. У овомЪ дакле сочинѣнїю опорочаваѣесе они зовоми фїлософи и господа, кои, чрезь свое злонаравїе, непотребна, худа и непристойна дѣла самопроизволно свое званїе безчестне и прощитуираю. ПакЪ по томЪ онь пространно и подробно описуе како то бива. Но у мало речи, и лясно свакЪ себи може цѣлу сумму дѣла вообразити, представивши себи, да развращень поступакЪ, противь благопристойности, честности, правди и разуму, чини и показуе чловека таковимЪ, бїо комудраго. А разумно, пощено, праведно и добродѣтелно владаѣЪ еднога селянина достойное почитанїя и имена фїлософскога и благороднога. Кое у правь учень и фїлософь, що значи, любителЪ мудрости, онь эдужань дѣли своими засведочити и показати любили онь праву мудрость; Аколи онь по несрећи люби лагати, лукавствовати, лицемѣрствовати и симЪ подобная; то онь показуе дае любителЪ безумїя а не мудрости. Сви народи на свету, кадЪ виде кога да нечисто живи, наричуга свинїомЪ; аколи лукавнуе, лисицомЪ, и прочая; у томесу сви природно согласни. Многе видимо да изь нискога состоянїя доћу на велика достоинства и господства: Кои су одЪ ни благоразумни и добри; онда несравненно иощЪ боли постану; имаюћи више средства за показати доброту свою; за шакове обичавасе рећи дасу се благородни и за господство родили: Кои се пакЪ почну бацакати, све око себе презирати и за ништа држати; що се о оваковимЪ може рећи то смо чули у басни. Богати и велможе у обществу имаду много средства за моћи показати доброту свою, и чрезь то любовь общу и лепо име заслужити; Овое само и едино у нима що разумань човекЪ може себи желити: а ьь прочемЪ, по вишой части, много више немира и безпокойства имаду него нискога состоянїя люди. Ко има человѣчески разумЪ, нека добро разсуди ово що слѣдуе, безь найманѣ ишощи исЪ вни-

мз-

манїемъ читаюћи. Когодь види, какво мудро майсторско сочинѣнїе одь каквему драго маперїе, тай часъ природни разумъ савершено увѣравага да мора бити негде мударь майсторь кои э шо начинїо, ерьсе само собомъ нїе могло начинити. Акосе дакле наће кои зовоми фїлософь или читателъ книга, кои види безчислена премудра сочинѣнїя, и признаэ и за такова, ница манѣ премудрога майстора шо есть бога неће да призна; него вели шоэ натура тако начинила: а ово толико значи, шосе э само одь себе тако начинило, по случаю: Кои, съ особитимъ красноречїемъ или болѣ да речемь бладословїемъ каже намъ, да пашки нису зашо дапе шаке ноге да може съ нима пливапи, него само по случаю; будући да има шаке ноге, плива а да щоће: Кои вели да зуби нису начинѣни да гризу, него кадсу зуби, а они нека гризу, болѣ него да за худу спое: Кои уштверждава да сунце нїе сотворено съ намѣренїемъ и на тай конацъ да свепь гріе и просвещава, него кадъ э већь по случаю шаково, мора сяпи и греяпи илъ мусе ове илъ неће. Акосе наће, велимъ, ко да овакове и овима подобне будалащине противь сваке искре разума, доће увѣраваши; нека свакъ по совести каже, ошелисе ко моћи уздржапи да му не рече дае лући него магаре? Щоегодь неразумно, неправедно и неваляло, било у фїлософу или у простаку, у грешнику или у свецу, у богапу илъ у сиромау, шо нигде свою натуру не изменява; него свуда и за всегда неваля. Ево нещо изь црковне Іспорїе, щосе случило у време цара Аркадїа у Александрїй. Тусе тада наоћяше Епархъ, тоесть царски Намѣстникъ надъ свимъ Египтомь именемъ Орестъ: Ови живяше у великой мерзости са светимъ Ћириломъ патрїархомъ Александрїискимъ; Чую по нитрїйски пустиници, кои Ћирила за свеца држаху, сакупиисе пепь стотина и доћу да убїю Епарха; Ови незнаюћи о томъ, изиће изь града на кола проодатисе, дочекаютинамга пепь стотина свети отаца, нань удри каменѣмъ:

Эри.

конѣ, кола, слуге, ништа се ту нїе разбирало; одъ толике силе каменя кое изпребїя Епарха, погодига едань и у главу; падне савь у крви; међу тимъ и народь доспе; удари на свете оце, кои се уплаше кадъ виде съ оне стране веће число; покажу леђа и разбегнусе кудъ кои може; уфаше некога Аммонїа, и по несрећи башь онога коие Епарха у главу згодїо. Да э ови но томъ смрћїю наказань бїо, тосе разуме: Но овое за чудо, що свети Кирилъ узме тѣло нѣгово, погребега съ великомъ славомъ у цркви, и почне увѣщаваши народъ дага признаду за свеца и мученика; но у томъ га срећомъ нико не послуша, а онь кадъ види да ништа неможе исправити, него дасе срамоти, онда ућути, као да нїе ништа ни било. У то исто време наоћашесе у Египту у граду Кирини едань весма ученъ и добродѣтелнога житїя чловекъ зовоми Синесїи, коега сви церковни наши учители наричу Σοφώτατος συνέσιος то есть премудри Синесїи: Овога за дуго моле и принуждаваю да прими Епїскопство града Кирине; но онь оженѣнь будући, (а тадасе већь бїо увео обичай да су Епїскопи неженѣни) каже свима чисто да онь неће ни пошо примити Епїскопства за два узрока: Прво що жену свою неби оставїо за све Епархїе и за сва Епїскопства и Патрїаршества на свету: А друго що онь, како ученъ човекъ, не може вѣровати све що прости вѣрую; ништиће пакъ лагати да каже да вѣруе то що за истинито не признае. Све ти то овомъ човеку ни длаке не помогне: Нѣмусе дозволи да онь вѣруе како зна дае болѣ, и жену свою да држи, и дечицу ако му богъ да, съ нїомъ да раћа, само нека буде Епїскопь; и на ови начинь прими ову службу. Нѣга споминѣмъ овде, само за показати какве э ученике имала Премудра Ипатїа фїлософїе Учителница у Александрїи. Ништа се красније ни слаће не може читати одъ писама Синесїя къ Ипатїи, у коима э нарече благодѣтелницомъ, учителницомъ, сестромъ и майкомъ своиомъ

иомѣ. У што време, (како иста церковна Історїя сведочи) найвећи мударци царства греческога долазили би ове жене науку слушати; Коя, иоще славнїя била за свое цѣломудрїе и непорочность житїя, (шѣломъ прекрасна будући) нежели за науку. На ову исту жену свети Ћирилъ весма мржаше; прво, зато що она нїе била Хрїстиянка него Еллинка како иойэ и отацъ и савь родъ бїо; а фторо, що у толикой чести и слави, као некакова богиня, бїяше. Петарь Анагностъ светога Ћирила, ревнивь и ужежень у вѣри къ богу и къ светомъ Ћирилу сабере многе себи подобне православне: Оду у едну ноћь пакъ счепаю Ипатїю, довуку э къ цркви, свукуе голу нагу, пакъ э почну са школкама параши, и съ нѣ живе месо на парчета кидати, докъ э тако уморе, пакъ онда шнїомъ на ватру. Ко не признае овака дѣла за безьбожна погана и проклета? Ово, браћо моя! у церковной Історїи овако одъ слова до слова стои. Сада сравнимо оваки светаца дѣла са пресветомъ Евангелскомъ наукомъ, пакъ ћемо ласно видити како стое; и можели ко бога зна и почитуе ово знати а другима не казивати? Ко не жали оне бѣдне заслепљене варваре, какови иощь и данасъ има за свету! кои су у такове богове вѣровали и нима служили, коимасу синове и кћери свое на жертву приносили, клали и на ватри пекли! О чемъ и Псалмопѣвацъ напоминѣ говорећи, *и ложроша сини своя и дщери своя бѣсомъ!* Такови богови, кои истребљѣнїе и умалѣнїе рода человѣческога изискую, и коисе у безьчеловѣчномъ неповинне деце кровопролитїю услаждаваю, щасу друго разве бесни волци и люти и немилостиви Демони? Они! Кои царскога намесника каменѣмъ у главу удараю. Они! Кои цѣломудренно и живо Ипатїино шѣло на парчета кидаю, щасу друго, него подъ лажнимъ именемъ хрїстяна, пустиника и светаца бесни пси, люти убїице и демони? А да какосе нїова шѣлеса посветише и миришу? Ласноће ко помислити.

Ево како! *Имѣяй уши слишати да слишитъ!* И данашни дань у египетскимъ гробницама наодесе балсамираша нерастлѣна тѣлеса одь три хїляде година; сва миришу, и изь неки матерїя масна тече, зейтину подобна и прекрасно мирише. Сада Инглези такове мумїе съ илядами дуката купую; а у оно бѣдно време кадсу хрїстяни почели мощи за свете и чудотворне почитаваши, савь э Египетъ бїо подь властїю царей греческихъ, све су мумїе нїове биле, ниши имъ э била потреба куповати. Многа су тѣлеса и хрїстяни балсамирали: али она матерїя и майсторїя съ коиомсу древнѣйши Египтяни то чинили, последнимъ нїе позната била. А паметномъ хрїстянину овое доста, кадь су се она иста тѣлеса коясу за Апосполска држаша била, растлѣла, що ищешь, щоли пипашь далѣ? Разумна и пощена браћо! Разумейтеме: Праведна и добра човека я за Ерешика не држимъ акоћесе онь, за незнанѣ свое и костима кланяши; али само почнимо слободно и разумно мислиши, судиши и говорити; пакъ онда, щосегодъ за добро позна некьсе иощъ болѣ утверждава, а Све що неваля; самоће одъ себе пропасти. И нека намъ э ова вѣчна божія истина всегда и у свачемъ у памети и у чувствителномъ срцу, да Човекъ безь здравога разума, и безь любови кь человѣчеству; кь правди, кь честности и кь божественной добродѣтели, онь э нечовекъ и зверь, бїо фїлософь, бїо господинь, бїо хрїстянинь и зовоми светацъ, бїо најпосле щому драго. За децу, рећиће ми ко, таке ствари пишешь? Башь, и на властито за децу нашу предрагу! Защо, сва садашня деца бићѐду скоро люди; а ако не почну изь детинства разумно мислиши, после неће моћи. Защо сирома расколникъ остае докъ э годъ живь расколникъ? И за що све мисли да несозданн и непостижими богъ носи браду и мустаће башь као и онь? Ни защо друго, него щое изь дѣтинства расколникъ, и онда муе тако казано. А некажелиму Спа-

си-

ситељ и не читали онь у Евангелїу *Богъ духъ есть*? Каже, и онь то чита, али му то ништа не помаже, ерь э онь онако у детинству мислїо; а одь тога све зависи, како ко мисли у своемъ детинству.

152.

ТРИ АДСКЕ ФУРІЕ.

Царица Јунона пошаљѣ Дугу слушкиню свою, да иой нађе на земли при здраве велике и лепе девойке, кое су безь никакова чувствованїя любови и милошће у срцу, и да иой и доведе на Олимбь да иой буду камерьюнгфре. Отиде дуга, обиће сву землю, па кадъ етое сама дође. Камо? Гдису? Пита Јуно. Нема таке, какве ти очешь ниедне, каже дуга. Биле су само три, алъ э Меркурїе пре мене дошао, и одвеоие у адъ. Когьће яда тамо? Запита она; да буду паклене Фурїе, и да муче онде зле и осуђене душе, отвеща друга. Насмеэсе Јунона, и рече, Гледай ти хитрога Меркурїя! какое онь то лепо умео изабрати!

Нарапоученїе.

Тврдо и немилостиво срце ни у мужескому полу не валя ницца, али у женскому ту э са свимь противь натуре. Любкость, милошћа и доброта женскога срца к душе тако су премудримь творцемь устроене, да ако би що и било у мужескомь полу твердости и немилосерћа дасе чрезь нихь умехчава, ублажава и кь милостивомь природе чувствителству привлачи. Смотримо члоѣека изь первогь младенчества; пре него разумомь позна чувствованїя благодарности кь родителници своей, наодећи рану и живопь свои у персима нећизинима, као да већь савршено зна да се безь нећ ништи родити нити живити може, безь нећ плаче, ню жели, на ню се найпре починћ осмїяваши и ню као свое прво блаженство милуе и люби. Ово э изворь и начало свїю схћдующи найслађи и найсветїи чувствованїя и дужности человћчества; благодарности, вћрности, любови и благотворенїя. Прву милостьь богь кь човеку, по створеню показа кадь му дарова жену, и први благословь що му изрече, овое, *растите се и плодите се.* Кадь би дакле (сачувай боже) хотео богь найвећу немилостьь показати човеку, що би му учинїо? Узеобиму натрагь жену, пакь етотига. А кадь би хотео и дага прокуне, щаби му рекао? не растїосе ни плодїо, но некь ти пропадне родь и колено и некь те неспане на земли. Ко има мозакь и памет, самь себи изь овога може прекрасне и преполезне науке даваши; коли нейма, илъ неће да има нћму се све за луду беседи, Но о доброти и благости срца, буди мужескога или женскога, ово примћчанїе господина Абта придодаћу: **Menſchen! Wenn eure Seele ſchlecht iſt; ſo prahlt nicht mit dem guten Herzen.** Люди! Ако э ваша душа невалъала; не фалитесе сь добримь срцемь. Кадь душа разумна, просвещена и правдолюбива управля и разполаже сь добротомь срца; онда э ова доброта савршена; а иначе, сама

доброта

доброта срца безъ разума може ласно човека у различне погрешке довести; и неправеднимъ, злимъ и несрећнимъ учинитига. Но (осимъ велики, и другима вредовити зала) во обще, многосе може човеку презрети, и простити, кадъ э управъ позната доброта срца нѣгова, и кадсе може о нѣму рећи, нїе изъ зла срца и намѣренїя то рекао или учинїо. Зашо се сами богъ нариче праведни судїя, защо онъ самъ совершено познае свакога срце и утробу: И за то намъ премудри спаситељъ налаже говорећи, *Не на лица зряще судъ судите!* Ласно се преварити на лице гледаюћи; а щае у срцу, ћоће намъ то казати? Многисе споля чини светацъ; а кадъ после, чудишьсе ща у нѣму наћешь. Кадьсе о човеку по дѣломъ нѣговимъ суди; ово иде своимъ путемъ, и ово э едино найизвестнїе и безгрешнїе правило, по коему можемо заключавати о живима како и о усопшима, о праведници, како и о грешници. Само се собомъ каже, да когодь, знаюћи лаже пай э са свимъ лажа; нитисе гледа ни пита, кое? Кому драго. Веле Талїанци за свога именитога Папу Ксиста Papa Sisto non perdona pe a Gieſù Criſto Ево щое овой речи поводь дало. Езуити у Риму начине у свомъ манастиру статуу Хрїстову, у кое главу метну сунћерь, пакъ кадь би годъ хотели да хрїстова статуа учини чудо и да плаче; воде у сунћерь, пакъ суза колико оћешь. Доће тужба Папи да савь народъ одустае све цркве и иде къ езуитомъ гди Хрїстосъ плаче. Оде и Папа ахъ понесе чекичъ у чепу: Како ти статуа почне плакати а онь чекичемъ у главу, пакъ имашь ща наћи! Сунћерь пунь воде. У томе э Папа свето дѣло учинїо, защо, Хрїстосъ вѣчна божїя истина неће ни пошо да се нѣму за апарь лаже, и ко то чини онь Хрїста ниши вѣруе ниши познае. Соединимо дакле съ добротомъ срца и честностъ срца, и даймо овимъ нѣговимъ благороднимъ свойствамъ здрави и просвещени разумъ за управителя и пу-

Зри.

теводителя; пакъ ћемо онда, за исто, наћи у њему источникъ нашега естественога и наравнога благополучїя.

153.

ВРБА И ТРНЬ.

Врба гледаюћи да трнь свакога кои покрай њега проће за алине заквача; упитага, зашто онь туће одѣянїе къ себи вуче, и на што би му башь да и има то? не требую мени алине, одговори трнь, ни-ти и я ћу, него само миломие дерати и парати. Ова басна изображава зло и пакосно срце, кое безь сваке свое полze, наоди некаково проклето задоволство у штети и озлоблѣнїю другога.

154.

СТАРАЦЪ И СОЛОМОНОВЬ ДУХЪ.

Едань старацъ, добарь и имућь газда, по доволной летнїой радии седне у ладь за одьпочинути: кадъ етоти явимусе едно сѣни подобно,

но, но великолѣпно и царско видѣнїе. Запита стараць кое то? Оно му отвеща, ясамъ Соломоновь духъ, и дошаосамъше питати, како живишь? Ево, рече стари, како симе ти научїо; совѣтуюћиме дасе одъ мрава научимъ трудолюбїю, то самъ одъ младости примїо; и томе, овако старь какоме видишь слѣдуемъ, непрестанно трудећисе и радећи. Ее мой старче! Самоси полакъ моега совѣта примїо, а валялоби да савь примишь. Мравь се труди у лѣто, али у зиму почива, и трудь свой ужива. Та и ти; трудїосисе и мучїо у лето снаге и крепости, защо садъ дакле у зиму старости и слабости не почиваш и не уживашъ? То изрекавши изчезне.

Нарапоученїе.

Одъ већь любостяжателянь, лакомъ, или во обще рећи неразумань човекъ, онь э дошао наови светъ да се мучи. Докъ э иощь оскудань, и ради да спече; има право и разлогъ, али кадъ доће у изобилїе, да може рећи имамъ доволно, не само да спокойно могу живити, него и лепо за собомъ име оставити; пакъ муе све мало ше мало, и свесе спара и гризе и у срцу мучи; оваковомъ коће помоћи? Коће му паметъ дати кадъ э онь неће? Онь самъ ће и жели да буде светога свога сребролюбїя многострадални мученикъ. Найвећи нѣгови непрїятели не могу му већега зла желити, него що онь самъ себи причинява. Не валя му ништа говорити! Некасе пече, и молви! Некъ уздише

ше и эчи! И колико годѣ вѣћма зна и може, пу-
щай нека себе обезпокоява! Ово э у естеству вещи.
Срце, кь благодѣтелному промислу неблагодарно,
що исто заслужуе. Некасе добро чува да са сво-
имѣ имѣнїемѣ никаква обществу добра не учини;
защо, ше чести онь нїе достоянь. А за найвише
некасе никада не усуди помислити, да що имѣнїе,
щое онь сѣ великимѣ попеченїемѣ и сѣ дуговременомѣ
щеднїомѣ сабрао, да муе що богѣ дао. Ово-
га некасе остерегава како жива огня! Овїе начинь
мишлѣня за простаке, а не за нѣму подобне люде!
Защо, ако онь по несрећи овако що помисли; при-
родно доћићему за тимѣ и ово на паметь, да оно
що муе богѣ дао, онь э дужань на добро употре-
бити: Пакѣ ако що почне, шай чась ће почети чу-
вствовати задоволство и сладостѣ великодушїя и
благотворенїя; онда бимусе облегчало срце нѣгово,
и душа би мусе зачела радовати и веселити; и та-
ковѣнацѣ вишереченнога мученїя са свимѣ би за нѣ-
га пропао. Марко далмашински слепацѣ често би
овако говорїо: Фала богу що у Далмацїи нейма ни-
каква чудотворца; ерь биме учїнїо силомѣ да про-
гледамѣ пакѣ би онда морао радити да се ранимѣ;
а овако вилаетъ ме рани, а я ница него пѣвамѣ.
Ово щое онь сирома шалећисе говорїо, у моралнима
ствармаса свимѣ испинствуе. Косе годь наоди у сле-
поти ума, или у блату невалялства, шай мрзи на
свакога кои му що говори о просвещенїю разума,
о чистопи и честности нарава. Принцѣ Фенело-
нь Камбрейски Архїепїскопь, у свои прекрасни раз-
говори, састављое едань међу Одисеомѣ иоакїйскимѣ
царемѣ и Грилломѣ нѣговимѣ официромѣ. Цирце ча-
родѣица претвори яднога Грила у крмка. Одисей
мудростїю Минервиною вооружень доће и онь кь
реченой чародѣйци; Ова покусисе да и нѣга пре-
брази у ярца, но не може: Защо гдие здрава разу-
мѣ и права мудростѣ, оваковимѣ, преображенїямѣ
шу нїе мѣста: истргне мачину и речеиой; Грила
ми брже на среду, ерь ћу ше сву на парчета! Ка-

жему

жему ова, ща э садъ грилъ, молига да утиши свою
яростъ, обещаваюћимусе, да ће довести грила у
прво состоянїе, само ако онь узоће, ибо безь нѣго-
ва соизволѣнїя то се неможе учинити. Како неби
хотео одъ свинчета човекомъ бити? Оду кь нѣ-
му у свиняцъ. Ужаснесе Одисей видећига у такомъ
чину, и речему, Грило ядань Грило! Какавси то? Зри.
Г. какавьсамъ дасамъ, болѣмїе него теби: О. Та не-
будали кукавче я самъ дошао да те возвратимъ у
први образъ само реци да очешь, пакъ ћешь на ня
бити човекомъ. Г. Иди ти своимъ путемъ: ме-
ни э много болѣ овако; да ти знашь како э мени
садъ добро, и ти би желїо бити као я. О. Каква
шїе то паметь грило! Волишь свинчетомъ бити, и
у томъ смрадномъ изгадномъ блату се валяти, не-
го словеснимъ човекомъ, и у своме отечеству съ
людма, и у своиой фамилїи живити? Г. ћути ти!
Моя э паметь садъ боля него твоя: ерь я волимъ
онде живити, и онако, како э мени болѣ, Види-
шь ли ти ово блато що теби смрди, и на кое се
ти гадишь, ово мени мирише као миро и ружица,
и щогодъ изь нѣга эдемъ, слаће мїе него найизбра-
нїе ваше пите и ущипци! Пакъ се я гоимъ, и све
то дебли бивамъ; нити самъ толикимъ болестим-
ма подложань, као пре що самъ бїо; ни ти имамъ
прежни мисли, попеченїя и коекакви главоболя, що
ви люди за велике и славне ствари почитуете и
држите. Вѣруй ти мени Одисею! Ако очешь да
знашь щае животъ и сластъ овога света, буди
свинче, као я щосамъ, пакъћешь онда знати!
Ограише Одисей съ овимъ, кои неће ни защо дру-
го да зна, него само за оно що чувства нѣгова
осећаю. Найпосле употреби сву силу красноречїя,
и почнему изображавати преимущества человѣчес-
тва и разума; Благородство словесности; сладо-
стъ и красоту добродетели; божественно сродство
безсмертне душе; и познанство всевисочайши
божїи свойства, Мудрости, Благости и Проми-
сла. И съ овимъ у такога умилѣнїе доведе да за
желы

жели и соизволи чловекомъ постати. Овое, како свакъ види причта, но весма истинита у моралнимъ вещьма. Коягодъ страстъ са свимъ облада човекомъ, заслепига и неда му прогледати; обаче сребролюбїе у овомъ э оплично и горе одъ прочи; що друге страсти имаду, по вишой части, свака свое време, подрже човека као нека врућичина пакъ и пусте; имаду снагу свою и слабостъ, младостъ и старостъ, гладъ и ситостъ; Само сребролюбїе неће мира одъ тога да зна; кадъ заквачи кога у свое нокте не пушага ни при издисаню; и колико више ко стари и изнемаже, толикосе већма ова страстъ у нѣму помлађуе и распалюе. Но доста већъ о томе; докончаймо науку ове наше басне; коя намъ ово показуе, да коликое похвално съ правдомъ и трудолюбїемъ стећи; несравнѣнно веће э чести и похвале дѣло, знати, разумно то уживати; и како способнѣйше къ общей ползи, слѣдователно къ своей слави средство, употребити: а безъ овакова употребленїя, найвеће имѣнїе своему э истомъ стяжателю мученїе, често, и безчестїе; и као у турской преки путъ къ конопцу.

155.

СЛАВУЙ И ОРАО.

Колико те я ублажавамъ високопарни орлу! Рече му едномъ славуй, достоянь си да те царемъ свїю птица наричу! Какосе славно у небесне висине возвисуешь! Ти валя да много лепше красоту

ту небесну видишь, него све ми друге птице оздо. Ее мой славую! Башь си са свимь просиѣ, и ницца не знашь! Зарь ти мислишь да се я небесной красоти за любовь тако високо пенѣмъ? Я то чинимъ какоћу лакше кога Зеца, Корнячу или эжа на земли упазити. Умукне славуякъ и помисли у себи, некъ те одъ садъ фали ко оће, я башь нећу; кадъ ти и на толикой висини ни о чемь другомъ не мислишь него о трбуу.

Нарапоученїе.

Да бѣдни просякъ, и оскудии убогъ одъ ютра до мрака ни очемъ не мисли, разве какоће гладь свою утолити и празну утробу задоволити; никосе томе неће чудити: али господинь човекъ у достоинству и изобилїю, о томъ истомъ да мисли, и у томе свое упражнѣнїе забаву и блаженство да наоди; Каково пузеће срце! Какова низка и худа душа! Ови слѣдуюћи блатогмижући разговорь, често одъ многи случаваомисе слушати; Нашто нами наука!На каква господства, славу и богатство, чрезь ню уздамосе доћи? Каково сиромашко познанство и презрително мудрованъ они, кои тако говоре, о мауци имаду! Тое опачнїе, неразумнїе и луће него да болестань рече, нашто ми здравлѣ? Неразумань, нашто ми разумь и памећъ? И слепь, нашто ми очи? Ни у Англїи орачи и копачи, тежаци и пастири, касапи, чизмечїе и проч: нитьь су ритори ни фїлософи; али есу сви Епїскопи и све Свештенство, сви Сенатори и судїе, сви магистри до найпоследнѣга и у найманѣмъ селу. Колико э овакови люди у свакомъ многочисленомъ народу одъ потребе? А овакови люди акосу невѣже и неучени, щасу? По души, чести, и совѣсти, ница! И много више,

опа-

опачнїе и горе него нища! Човекъ кои нити зна лекарства, нити оће дае лекарь, нећеме излечити, алъ ме неће ни упутьи: А онай кои оће да мїе лекарь; а тога занатa незна, утуче на место, и самь незна, како ни защо? Учителъ, безь науке, како ће ме научити кадъ онь и самъ сирома незна? Онь изь чепа, ни изь трбуа науку неизвади. Алиће ме учити како зна! О велика ти фала на такой речи! Гдиси ту мудростъ почерпао! Изь таковесе науке раћа права морална смертъ, и тое изворь и начало свакогь суевѣрїя, слепопе, и щое горе, вражде и мрзости међу людма. Мораоби ко бити или са свимъ злобанъ, или всеконечно несмисленъ, коиби само помислїо дасе ово пише съ намѣренїемъ за опорочити наше настоящее свещенство; кое или в са свимъ безь науке, или безь доволне за своя звания. Свима намъ э добро познато ща се э до ономадне изискивало одъ наши кандидата. Умели коекако чипати? Имали новаца да купи парохїю? Ели одъ добре куће да може даваши онде гди надлежи? и кадъ мусе напрти каква крпвица да се може одкупити? Ево ти му класси и школе кое э морао абсолвираши. Ща слѣдуе изовога? Разве какве класси, така и наука. Такове сохрани боже опорочаваши или осуждаваши! Соболѣзноваши тое све. Овосе дакле говори за одъ садъ; а ово одъ садъ неваля одлагаши. Свако средспво коесе къ овомъ дѣлу може употребити тай часъ предузети; све щогодъ цркве и манастири имаду недвижимо и движимо за ово нещедити. Учень и благонаравань свещеникъ болѣће просветити церковь свою него милїони свећа да у нїой гору. Торонь, Звона, Полиелеи, Кандила сребрна и Чираци; свеэ то мїрска помпа и украшенїе, а не хрїста спасителя уневѣщене цркве, за кою э онь свою пресвету пролїо кровь. Душе народа просвещене и добродѣтелне; Нарави непорочне и чисте, овое братїо моя! прави небесни Сїонь и хрїстова невѣста по свидѣтелству Апостолову, *Вивсте церкопь бога жива*! Кою, ко краси украсиће

сиће нѣга богъ; а не зидови, звона, златоткане одежде (женска украшенїя) и сребрно посуће. За то, све те вещи (кое ни на какову дѣйствителну пользу никомъ нису; развѣ на дѣцинску и суевѣрну очїю забаву; и на неразсудну света гордость) некасе уложе у едань капиталъ; а при томе, нађићесе многи коиће радо и доброволно и одъ себе що дати; да се могу, ако не више, баремъ две стотине младића за будуще свещенство и за учителску службу воспитавати и учити. Овоће бити православїе и благочестїе, дѣйствително хрїстянство и церковна слава и украшенїе; а не празна и велеречива имена безь никаква плода и разума. У време простоте и варварства како ко може и ће онако и живи; докъ умре пакъ се стене и нестанега; а садь э већь време дошло да се имена и память онихъ, кои що значе у обществу, или вѣчной чести и слави, акосу добри; или вѣчному безчестїю и поруганїю; ако су зли и невалялн, предаю. Свакь, кои себи за честь почитуе словеснимъ чловекомъ нарицатисе, и кои вѣруе да разумну и безсмертну душу има, онь мора овако мислити; Волимъ бити у Семартону или у Войтегу сирома Свещеникъ съ просвещенимъ умомъ и съ чистомъ совѣстїю: неголи у Београду Митрополитъ съ мрачнимъ невѣжества умомъ, и съ немирномъ совѣстїю. Они, кои ищу науку, само да чрезь ню на некакова зовома господства дођу; а не, да разумнїи, просвещенїи, боли и совершенїи буду; пакъ акоће еду и у селу децу учити: Такови, криво, мрачно и худо мнѣнїе, како о науки тако и о своиой души имаду; и подобнису басне орлу, коисе високо пенѣ, само да гди зечића или корнячу угледа.

156.

ПРЕПЕЛИЦА И ПРЕПЕЛИЧИЋИ.

Препелица излеже у житу свое препеличиће; пакь кадЪ ови поодрасту и жито почне сазирати, пре негоби кудЪ препелица одлетила, всегдаби налагала пилићемЪ своимЪ да мотре щосе око ниве твори, и да слушаю ща се туда говори. ЕдномЪ, кадЪ долети мати, наће свое птичиће у великомЪ страху и трепету; пита що имЪ э, ща и э тако уплашило? Кажу ови да су слуге господара ниве ту били, и видећи да э жито сазрело, опишлису по српове и доћиће жети; за то да се бѣжи, кудЪ се пре може. Не бойтесе рече имЪ мати: догодь не видите домаћина да доће и не чуете да онь то рекне, не плашитесе. Сваки посао гди прави домаћинь не присутствуе слабо напредуе, често пропада; ПУСТО МЛЕКО ПСИ ЛОЧУ.

157.

ХЕРХУЛЪ И ЛОПТА.

Херкулъ пощапаюћисе сЪ своимЪ страховитимЪ Айдамакомъ, сЪ коимЪ на лавове и медведе удараше, упази некакву лопту: ударїе, но она одЪ удар-

ударца нарасти већа. Чекай дакле! Помисли у себи; замане са свомъ снагомъ и удари; она ниђа, него иощь већа постане. Дивећисе онь необичной вещи, покажемусе Минерва и речему, Недирай у ту лопту, видишь дае то инатъ! Колико э више ти будешь ударао, толикоће она растити; а како престанешь у ню дирати, онаћесе помалити, и бити како пре.

Наравоученїе.

Преизрядно изображенїе распре и ината! Нейматти горе муке инатчїи, него да се нейма съкимъ инатити и терати процесъ. Мнгомесе тамо негде кућа продае; а онь у бечу ище коеодъкога узаямъ да тера процесъ. А коя му одъ тога полза? Велика! Да може казивати докъ э живъ какое съ Президентомъ Н. И съ конзилїари Н. Н Н. говорїо. Знашь ли какосамъ имъ кресао? Бре нисузнали щаћеми одговорити! Него само, шоньгуутъ, шоньгуутъ! — И кадъ ово казуе, варницему изъ очїю лете; ерь за нѣга нейма блаженства надъ овимъ. Некасе само гди появи какавъ процесъ, чїиму драго; нестарайсе ти; онь ће наћи начинь какоћесе у нѣга помешати, и тераћега о своме роћеномъ трошку, у томъ послу онь незна петь ни деветъ, то э нѣговь Елемент, безъ коега онь дисати не може. Давняшни Еллински стихотворци представляю намъ страданїя и мученїе оваковогъ бѣднога чловека у изображенїю Iксїона, кои е осуђень бїо да валя узь едну превисоку гору водэнични камень; а какобига съ великомъ мукомъ доваляо башь на врхъ, не имаюћи ту места дасе увшави, съ великимъ устремљенїемъ бисе сваляо шай

часъ у долину: А сирома Іксїонь опеть съ нимъ узь гору као и пре, и тако до века. Защо дакле међу словеснимъ и разумнимъ створенѣмъ вѣчна, луда и срамотна кавга, коя имъ огорчава дне живота? Нїели намъ милостиви Творацъ даровао ово неколико дана живлѣня, на славу свою? На сладость и радость нашу? Инать за тврдоглавство и упорство! Инать за привремени интересъ, и често безъ свакога узрока, само изъ зла обичая и за несмислену ината любовь! Но щое найгоре, и Хрїстіяномъ найсрамотнїе и недостойнїе, инать, кавга, мрзость и гонѣнїе за вѣру и законь мирнога, кроткога и преблагословеннога ІИСУСА! Питасе дакле, защо ово бива? Ево причина. Люди се уче говорити пре него науче добро мислити и судити. Очемо свакъ, и сви що насъ э годь на земли, да имамо право; а не долази намъ на памет да найпре испитамо и совершено познамо, имамоли право или не? Свакъ утверждава свое право на томь, щое одъ други чуо. Ово э изворь и почетакъ свега несогласія и сваће. А да они други, зарь се нису могли преварати? Те здраво! Време э већь да сви чистосердечно признамо да смо зло и неправедно створили, инатећисе и мрзећи, у сами свети нѣдри и наруча Евангелскога закона, кои э изворь любови, мира и доброте. Садъ дакле, кадь благодареніе богу, ниписе ище, ниписе мисли, дасе церковь греческа латинской подъвргне: но желисе и настои да свакъ при своей церкви, и сви заедно, будемо истинити хрїстови ученици; а то значи, праведни и пощени, умомъ просвещени, а срцемъ и дѣли добродѣтелни; садь послушаймо свете Апостолске речи, *Раслре међу нами да небитаю! Но мирь божїи да подпоряется ихъ сердцахъ! нашихъ Блажени миротворци яко тїи синове божїи нарекутся.* Знамо чїесу ове речи; чувствуймо сву сладость нїову! Ако желимо синови Оца небеснога биши. Ово що ћу рећи, управь изъ ови спасителѣви речи слѣдуе; то есть, *Охаянни немиротвор-*

порци яко тїи синопе дїаполи нарекутся. Ако прве речи за истините вѣруемо; како и есу; мораю всячески и ове друге неложне бити. Церковь гонима и удручаема била греческа или латинска, може бити хрїстова церковь. А она коя гони и удручава, ни пощо неможе бити. Защо э Хрїстосъ, богъ мира и любови, а не вражде ни гонѣнїя. Дѣла пощена, она су нелестни знакъ истинитога хрїстянства; а когодъ вели да право вѣруе а неправедно и зло живи, онь э савь лажа одъ главе до ногу, нити онь има вѣре ни закона.

158.

ВРАНЬ И СЛАВУЙ.

Врань упита славуя колико година славуи живу на земли? Седамъ година одговори мали пѣвчикъ: кадъ манѣ, кадь више; мисе нестарамо колико ћемо живити, него само да лепо и мирно поживимо. Међерь се люди ни мало у пояню не разумѣваю, рече врань, кои су толико у вашь гласъ залюблѣни, и радо васъ слушаю. А ели икада могуће дави лепше поете одъ насъ, кои по сто година живимо? То рекне пакь одлети на високо дрво и почне изь свега грла краакати.

Нарапоученїе.

Сѣдина бо есть мудрость человѣкомъ, и долгота живота не состоисе у числу година, Премудро Соломонь учи: Само добродѣтелному и честному чловеку принадлеже, ове, кое у истомъ мѣсту слѣдую речи; *Схончался пь малѣ исполни лѣта долга*: придодае узрокъ защо: *Угоднабо бѣ, вели, господеви душа его.* Изь овога видимо да у самой добродѣтели состоисе сва цѣна науке и мудросши; сва честность старинске сѣдине; и сва долгота живота коя превозходи меѳусалова лѣта; ибо чрезь ню саму душа богу угождава, и блажену вѣчностъ заслужуе и добива. Сви коисе наоде у добримъ обстоятелствамъ, и имаду доволна средства да могу тѣлу своме угоди-ши, и сва чувства своя насладиши; по вишой части, та иста средства, на зла и недозволѣна услажденїя употребляваю; и то, ни защо друго не чине, разве що себи дугачакъ животь обѣщаваю. А овай долговременни животь свой држе у педесетъ, или найдуже у сто година. Чини имсе дакле да шимъ годинама неће биши края ни конца: и за што, као онай у Евангелїю богатацъ, говоре души своей, *Эди и пи мила душице! Имашь одъ худьза сто година дана! бикети и претекикети!* Да ови исши люди, по случаю сазнаду, да неће ду живиши, него само иоще два или шри дни: били шако души своей говорили? Мучнобисе и одъ стошине едань нашао, разве да э са свимъ, ништа друго него марвинче. А да щоби чинїо? Ако э неразуманъ, ништа него яо! Леле! И помагай! Аколи э разуманъ; а онь би употребїо та два или шри дна да найлепше, найблагороднїе и найславнїе свое вещи расположи и оспави. Сада дакле свакъ памешань нека намъ право каже, сто година, кадъ проћу, що оспае одъ ни? Нигде ништа. Ово дакле число година, коећеду проћи и у ништа обрашишисе; небили разумнїе и полезнїе било на добро,

на

на честь и на вѣчну славу употребити него на суету на будалащине, и щое горе, на вѣчно безчестїе и вредъ? Кадби люди здраво, чисто и разумно о времену живота свога мислили, пропалоби изъ међу ни свако зло; а на овога мѣсто дошлоби и преобладало свако добро и благополучїе. У арапскимъ Исторїамъ, наодисе една, коя у самой вещи нїе ништа друго него причта, и баснословна повѣсть; али нѣйзино наравоученїе такое лепо и и полезно, и толикосе къ овой матерїи допада, дасе немогу уздржати съ инглезскога эзика да э не превемъ, и овде не напишемъ. Единъ египетски Султанъ зло живляше и свое поддане удручаваше и мучаше. Неки пошени, и за добродѣтелъ свою за свеца почитаеми дервишъ, представляюћи речномъ Султану крашкостъ живота; молящега, совѣтоваше и увѣщаваше да престане одъ зла и неправде, и да не привлачи на душу свою са неколико минута живота вѣчно срамотно име и сави ше муку. Султанъ, у самой младости своей, Као зверь силовишь, не може никако да разуме що шай дервишъ оће, напоминюћиму толико крашкостъ живота; кадъ онъ мисли, найманѣ, иоще педесешъ година живити и царствовати, Кадъ дервишъ већъ сазна, да э ова надежда дугога живота начална причина коя Султана заслеплява и недаму у чувство доћи; наћега едномъ на дивану међу први поглавари и официри царства и речему. Иощъ едну ствар що ти речемъ, молимъ те да учинишь, пакъ ти за тимъ више нећу досаћиваши. Вала! (акосе само може) оћу щогодъ речешъ, само да месе већъ прођешъ! Тада дервишъ заповеди дасе донесе единъ велики чабарь пунъ чисше воде, надъ коиомъ онъ нещо очиша, пакъ рекне султану да замочи сву главу у шу воду, и дае шу за толико држи, за колико може свое диханїе уздржаши. Ща главу? Одъговори радъ и весео Султанъ; бре оћусе савъ, какоме видишь загнюрити; само пампи! да ми у напредакъ не долазишь на очи съ пвоимъ На-

равоученїемъ; говорећи ми да в мой животъ кратакъ; ако си радъ да не ограишешь! Главу само, рече дервишь, пакъ држи э у води колико дуже можешь. Онда ти онь съ главомъ у чабарь; постои неколико, па кадъ э изь воде извади, гледаюћи са ужасомъ на дервиша, Айме нїедна вѣро свече! Що учини одъ мене! Коликолиме намучи да одъ бога нађешь! Ща ти э учинїо? Запитаю официри. Како щамїе учинїо! Ево равно двадесетъ година како прпимъ неизказане муке! Пакъ почне изказивати своя страданїя на ови начинь. Како умочи главу у ону проклету воду, нађемъсе на брегу Нила рѣке; дигнесе ребелїя на ме и истераюме изь царства: те ти я бѣжи оставлѣнь одъ свїю свои, преко некакви страовити пусти планина и и песковити поля; доћемъ у туђу землю, гди за не умрепи одъ глади наймимъ се, и служїосамъ седамъ година. Умре ми господарь; а я се, у зли часъ по ме! Оженимъ съ нѣговомъ удовицомъ, зломъ женомъ и проклетомъ да иой подъ небомъ у злу нейма пара! Седморо деце съ нїомъсамъ изродїо, и све за луду; бре шукла ме э та жена! бре мучиламе э! Изказати вамъ не могу ща самъ ту поднео и претрпїо! А кадъ прирасту деца, зла као имъ и мати; найпосле сложесе съ матеромъ, пакъ каменѣмъ бацаюћисе на ме, операюме одъ куће: шада ти я, кудъћу? Щоћу? Те опетъ преко исти поля и планина врашимсе натрагъ. Кадъ доћемъ на брегъ Нила дочекашеме ви и признашеме опетъ за свога Султана. После толики страданїя и мука що самъ искусїо', задаемъ вамъ мою вѣру! нећете болѣга одъ мене човека у цѣломъ Египту наћи. Чуде се они, и кажу му да ниша тога нїе било; нишиэ могло бити за толико кратко време, одъ кадъ э онь главу у воду умочїо. Нїе могло бити? Кратко време? Вами э до шале! Бре мене ви питайте! Кои самъ све то, що вамъ кажемъ, преко главе преметнуо! Тада и дервишь каже му да що све що э онь страдао то э за толико било за ко-

колико э онь главу у чабру држао; да садъ изъ тога позна краткость живота, коимусе э до садъ дугачакъ представляо и чинїо; и да се у напредакъ опамети и уразуми. Било како било; рече Султанъ, я тога покора, и сїясета, и муке, и срамоте за живота не заборави! Одъ садъ помажите ми само съ вашимъ добримъ совѣтомъ, пакъ ће ме топрвь познати. Господине мили боже да зле женице! Избави таке и могъ злотвора! Лако се вами смеяти ерь ви иощь незнате щое зла жена! Замочьдерте само главу у ови чабарь пакъ ће те видити, — — — Ова се повестъ види да э измишлѣна; и при првомъ погледу, већма се за шалу и смей саставлѣна чини; али кадъ здраво нѣйзино значенѣ и моралъ разсудимо, ништа не може истинитїе бити. Защо, щае нашь животъ и наши сто година кадъ прођу! Ништа! Ово сви знамо, и нико о томъ не сумня. Нїе ли дакле паметнїе и болѣ, разумно и добродѣтелно на нашу временну и вѣчну ползу, славу и благополучїе ово неколико година провести; него на временно и вѣчно безчестїе, срамоту и злополучїе? Сладкопѣвни Славуякъ акоће само едну годину преживити вреднїя муе него врану сто. Услади намъ пролѣће поянѣмъ своимъ, излеже свое пилиниће и одрани, и свакъ воли еднога славуя чути да пое него илляду врана, и сврака, овеће краакати и крекетати колико ти драго; али пояти неће никада, акоће иощь толико живити.

159.

ЛАСТАВИЦА И СЛАВУЙ.

Овесу две птице у старо време биле две милосердачне и любиме сестрице; кое су велику обиду и неправду одЪ люди пострадале: И одЪ многога плача и сѣтованя претворесе у ове птичице. Ласта дакле у едно пролеће изиће изь града, доће у едань лугЪ за нагледати сестрицу свою, и речейой. Престани већь тужећи и сѣтуюћи за ИтомЪ синомЪ твоимЪ, и пређи у градЪ кь нами: ондећешь баремЪ Господи и Госпоћама поятн; а овде коме поешь? Когали сладкимЪ твоимЪ усладдавашь гласомЪ? Вань да кога сеоскогЪ пастира, и просту пастирку, кои нису за таку музику. Ахь сестрице како то беседишь! одговори Славуй; Зарь си ти заборавила да э онай граћанинь и велики господинь бїо, кои э насЪ люто увредїо! И мене бѣдну у толико очаянїе привео, и сЪ ума свео да за осветити безчестїе теби нанешено мораласамЪ — — — Познатисути наши случаи: На щоћу старе ране позлећивати? При томь ти знашь какоэ господи мучно угодити. А що велишь да пастири и пастирке нису мое музике достойни; люто грешишь! Зашто нису, кадЪ чувствую красоту естества? Вѣруй ти мени, у нїовимь прсима человѣческа, вѣрна и любовна срца играю; лепша и благород-

нїя

нїя него у многи градски жителя. Аколи ко и одЪ граћана, красоту природе чувствуе и люби; некЪ ме овде доће послушати, гди потоци по долинамЪ шуще, чисти зефири луге прохлаћую, и разносе мирисЪ любичице; гдисе ливаде сЪ полскимЪ цвећемЪ красе, и привлаче свакогЪ очи на се.

Наравоученїе.

Премудри и преблаги ТворацЪ таково з разположенїе естества учиніо, да кадЪ би люди и са свое стране сва нуждна кь своему благополучїю средства употребили несравнћнноби задоволнїи и и счастливїи били, Ова средства состоесе у здравомЪ и чистомЪ разуму, трудолюбїю и благонаравїо. Има такови мћста на земли нашой гди з всегдашня зима, и гдисе люди ране или сЪ рибомЪ морскомЪ или сЪ ловомЪ животиня; ове исте люде да оће ко да и премћсти и пресели у лепше и питомїе землЪ, нипощо нећеду; ту гдису се родили, найболЪ и найлепше имсе чини, ерь за болЪ незнаду; аколи имЪ ко каже, они мисле да и вара. Дакле, кадЪ су они онде задоволни; ми кои имамо и пролеће, и лепо и ЭсенЪ; по свакой правици валялоби да мислимо да смо у раю. И заисто, кадби вишенапоменута средства, како надлежи, употребили; тако би намЪ и било. Правда, да совершено благополучїе, безь сваке болћшице и скорби, не валя на овой земли искати; защо нисмо само за овде сиворени; али сваки, кои може бити више задоволянь него незадоволянь, оньакое разумань, може себе за благополучна вменяваши: А люди би безь сумнћнїя, сви заедно, могли врло

ласно

дасно, многѳ више задоволни, него незадоволни биши, сЪ помощїю вишеречени средсшва. Узмимо само за Примѣрь едну вещЪ; коя найвећу часшь рода человеческога удручава, мучи и злополучномЪ чини: Овае вещь скудосшь, недосшашакЪ илиши сиромашсшво. Сада, управь сиромаси немогусе нарећи, разве они, кои за крайню сшароспь или немощЪ и сакашсшво, нису кадри свою рану ни алину заслужиши; Овакови э свуда врло мало; и ши исши коисе наоде, чрезь милосшиню добри и богољюбиви људи, нигде нишису голи, ниши одЪ глади умиру. Найвеће э дакле число сиромаа или за леносшь или за раскошь; мало ко оће да зна ша муе досша, и да умѣри свой шрошакЪ прама своме доодку. Ево исшинниши извори све скудосши међу људма. Зашо су шрудољюбиви и разумни селяни на свемЪ лицу зе'мному (гди имЪ само удручење и неправда не бива) задоволнїи, весељїи и благополучнїи него веће число велике господе и граћана? За ова два узрока; прво, що э нїово срце чисто и слободно одЪ премногги сшрасши и злоба, кое велики господа и богашаца срца непресшанно гризу и муче; а флоро щосе задоволсшвую сЪ онимЪ що имаду. Я изь совершеннога искусшва ово уповерждавамЪ, ерь самЪ провео савь живошь до садь и сЪ селяни и сЪ богашимЪ људма и господомЪ, и познаосамЪ ову исшину у свакомЪ народу и эзику међу коима самь живїо. Гди су годЪ селяни подЪ праведнимЪ и благоуређенимЪ управлѣнїемЪ, кое годь одЪ ни радень и памешань, у нѣговой кући и авлїи жене и девойке пѣваю: и нїове пѣсне излазе имЪ изь средЪ срца: А богаше фамилїе кадЪ и изь далека гледашь неописано и непоняшно шисе чини нїово благополучїе; а кадЪ близо дођешь, и внушреняя срца нїова познашь, гдиэ право сѣдалище благополучїя или злополучїя, ужаснешь се ща шу нађешь! и молишь бога да ши ниша шаково наглаву не дође. Покойни ГаврїилЪ Молдовски Миширополишь, гледаюћи свое робове цигане гди скачу и пѣваю, као да незнаду

знаду шоће одъ радости чинити, честобя рекао: Та богъ и видїо! Ништа не эду него мамалигу, одъ кудъ имъ оно весељъ у срцу? Ее господине! Рекаоби му неки шаливъ проигуманъ, не леже нима швои педесетъ иляда дуката на срцу! Како неби били весели? Многасу любопренїя церковни учинили имали гдиби бїо они рай за когасе пише! Стои написано да четири велике рѣке изъ средъ нѣга извиру, ево четири реке: Дунавъ и Тиса Сава и Драва. Ее башъ! Пакъ зарь ове рѣке изъ едногъ мѣста извиру? По далѣ се теби валя измаћи акоси радъ къ онимъ рѣкама доћи! Тосу акоћешъ да знашъ Тигаръ и Ефратъ Нилъ и Гангъ. Алъ ево неволѣ, шо ове две последнѣ рѣке, одъ оне две прве, и една одъ друге на иляду миля далеко извиру. А да шоћемо садъ? Ништа ка и до садъ. Коме као и мени нїе инашъ мїо, мићемосе Г. Назїанзина држати, кои овако вели, Παντὶ ϐροτῷ εὐφρονοῦντι πάσα γῆ παράδεισος. Свакомъ човеку благоразумномъ сва э земля рай. На ови начинъ и нашъ лепи Тамишъ изъ рая извире. Здраво и прекрасно мудрованїе овога учителя; Какосе човекъ сваке наравне злоће избави, умъ свой одъ луди, мрачни и криви мнѣнїя освободи; срце и душу свою одъ свакогъ неправедногъ и невалялогъ закпеваня опресе и очисти; пакъ иошъ сврхъ шога: кадъ съ чистосердечнимъ любоистиништимъ, безъ сваке притворности, лукавства и злобе људма живи; гди свакъ вѣрно, прилѣжно и пошено свою дужностъ исполнява; болѣгъ рая на земли некъ не тражи. А овакови люди (правда, гди манѣ, гди више) алисе фала богу опетъ наоди свуда.

160.

ЛАСТАВИЦА И ПРОЧЕ ПТИЦЕ.

У пролеће ластавица како упази селяне да почну сеяти конопље; сазове све птице и каже имъ да изь тога сѣмена израстиће такова матерїя, изь коећесе птицама на нїову велику погибель, свакояке мреже плести: За то акосу своме добру раде; Како селяни оду дома, да се све единомисленно и единодушио сложе, и да све оно, на нїовь вредъ посеято семе, изчепркаю и позоблю. Две ћемо ползе одъ тога имати; прво, щоћемосе наести; а друго, щоћемо у напредакъ безбрижно и безбѣдно живити. Онда птице почну що коиой у главу доће, говорити. Неке реку мисе ранимо сЪ мушицама; Нащо се нами мучити и землю раскопавати? Друге веле, ми эдемо гусенице и свакояке црве: Треће кажу да имаду и осимъ тога доста посла на глави, гнизда себи правећи яя носећи и пилиће излежуюћи и ранећи; и да имъ нїе до копаня и чепрканя. На неколико дана по томъ, никне конопље, и позелене одъ нѣга све ниве: Опетъ другољубива Ласта, кадъ кь еднимъ кадъ кь другимъ птицама летећи, моли и и увѣщава да иощe младо и слабо конопље, докь се нїе осилило, почупаю! Птице каи пре, свакаоио своmъ послу; не марећи щоће после бити: На-

ћу

ћу се неке, кое иойсе и наругаю, и здраво э изпсую, говорећи. Гледайде ти ластавичїе главе, и памети! Гди она доће дасе покаже паметнїя и боля одЪ свїю остали птица! Немашли ти никаква другогЪ посла, него оћешь светЪ раменомЪ да исправляшь? Како се одЪ толико птица нїедна не наће, осимЪ тебе, да намЪ каже щоће сутра и прекосутра и до године бити? КадЪ ова то чуе, чемусе нїе надала; онда оде кь людма и измоли себи дозволћнћ, да при нїови домови гди, гниздо себи начини: То иойсе допусти, и люди э радо гледаю, защо она никомЪ ни каква зла нїе кадра учинити; и толико э свакомЪ милїя, що сЪ нїомЪ и пролеће любко време долази, и славуи пропћваю.

Напоученїе.

Почти одЪ прве колевке человеческога рода и до садашнћга нашега времена, ово исто що намЪ басна каже дасе ласти случило многима э и людма преко главе прешло. Немилостиви и злонаравни Каинь мрзи, ненавиди, и убїя доброга Авела браша свога. праведни Енохь, иоще пре потопа, увћщава свога времена люде, да престану одЪ зла и неправде, ако су ради, да имЪ у едань ма свимЪ за едно зло юпро недоће! Говори данасЪ, говори сутра, докле шига у едань ма испомЪ нестане. Рабини пишу дае живь на небо однешень бїо: већь щому драго, кудЪ э годЪ онь однешень, али нћга изь мећу прочи нестане. Іосифь, прекрасни Іосифь! мучисе по пустини тражећи браћу своюи носећи имЪ рану: Едва ти намЪ и наће,

а они сѣ нимѣ у бунарь: Ту ши лези, ту э теби мѣсто! Мойсей у Египту, почне молити и увѣщавати силнїега одѣ сродства свога, да слабїему обиде не твори; що! Извратн онай, као бесань, на нѣга очи, *хоте э лостапїо судїомъ надъ нами? Или зарь мислишь и мене убити као що си Египтянина нехи дань! Чекай ти скупаћу я теби лолару!* А ови онда помисли у себи; мећерь ши овде нїе до спааня! Ти нима о добру радишь, а они теби о глави; пакѣ онда бѣжи кудѣ га очи воде. Добродѣтелни Сократь, окоему э Цѣлой Греції сведочба делфинскога Аполлона познаша била; да э, *Σωκράτης ἁπάντων τῶν ἑλλήνων ὁ σοφώτατος*, То естьѣ Сократь одѣ свїю Грековь премудрѣйши; страшань непрїятелѣмъ отечества у ополченїю и войни; страшань истимъ мучителѣмъ у бѣдномъ граждана свои междуусобномъ раздору; страшань, навластито, жрецемъ, лажефїлософомъ и суевѣрїя защитителѣмъ. Но найпосле онь исти; кои э мудростьѣ сѣ неба међу люде донео; осуђень э одѣ свои граћана у време староспи свое отровь пити! После не проћу два три дна; яо и помагай! Вѣчне сраможе и покора ща шо учинисмо? Дай, сазидаймому храмь: Воздвигнимо му алтаре! Колимо сто юнаца на жертву нѣговой праведной души! Све то веће касно и у невреме. Пилатѣ римлянинь будући, вели блаженномъ Спасителю, *та родь твой и братїя твоя предалисуте да на смертьѣ осуђень будешь! Казуй ща си учинїо?* Умива предѣ свима руке свое одѣ неповинне крови; а кадѣ савь народь виче *позми и распни*, некѣ имѣ буде, *они узрятъ!* У овой стопини година Волфь Германїе просветителѣ, Профессорь Хаалски, прими ошру кралѣвску заповедь у 24 сата дасе не ваће у Хаали ни у прусскимъ державамъ, ако оће да главу на рамени носи. У време люте зиме; жена оће да мусе породи! Ниша шо не пома-

маже! Фуртъ! Некъ се у коли бѣжећи пораћа! А ко ово причинява? Та тосе зна, що питашъ? Ревностни Пастори и богослови; Защо овакови гди су годъ и чїису годъ; свудъ су еднаки; нипи оће за шалу да знаду. На Лессинга, великога и премудрѣйшега у нацїи своей, на исти начинъ, сви, ревностїю протестансткога православїя ужежени и распаћени проповедници и себезовоми фїлософи и богослови, подиглису се били, предъ нѣгову смертъ, на нѣга као чавке. А то опетъ защо? За трагедїю Натана, у коей Лессингъ премудру божїу промисалъ у правди доказуе: Али э доказуе тако, како они сви заедно, и да и эющъ толико, неби кадри били доказати; ето защо. У свакомъ роду и эзику онису люди ужасни кои оћеду за бога више да ревную и да се стараю него що самъ милостиви изискуе богъ; и кои мисле, да ни нема сваби божїя слава пропала. Нико нїе тако славу истиннаго бога искао, како Iисусъ Хрїстосъ, но онъ у свему Евангелїу показуе, да сва слава одъ стране люди къ богу у томесе состои да вѣрую у бога и да га любе; да живу праведно и пощено; и ни нащо преблагословенни синъ и слово божїе нїе викао, него на злобу, на неправду, и на притворно лукавство. А да кадъ э ово овако бивало, какосе изъ овога що смо рекли, види, одъ Адама и до данасъ; можели ово, и ћели кадъ годъ престати? Може врло лясно, и ће тада, кадъ сви оставимо преданїя человѣческа на страну; изъ коисе нища не раћа него кавга и мрзостъ; а примимо чисту Хрїстову науку изъ кое бисе родїо свети миръ и сладка всеобща любовъ, и свака правда и добродѣтелъ. Я самъ различне нацїе желїо и искао познати; а на власти то нашу Славено Сербску одъ баната до албанїе. У Сербїи, у Босни, у Славонїи, у Далмацїи и Ерцеговини, свуда э у селяни ови кралѣвства, характерь во обще еднакъ; као дасу, како и есу, една фамилїя. Гди годъ добро стое, шусу великодушни, странолюбиви, мужественни, пощени, на добро скло-

склонни, и здравимъ, то есть общимъ человѣческимъ разумомъ одарени; а при томъ и трудолюбиви. Гди се годъ између себе у комшилуку мрзе, то по највећой части произходи изъ тога, що су неки грческога и неки римскога закона и наричу едни друге съ коекакви ружни и презрителними именами; први фторе зову, или шокци илл бунїевци или римци или латини. А ови оне, власи, ркаћи и шизматици: А честно, свето и братско кме Хрїстяни то свакъ само за се држи; или ако кадъ една страна другу нрзове крштћани, или ришћани, то се за особиту милость и учтивость твори и држи: и по несрећи врло редко быва. Она сва вишеречена укорителна и безчестна називаня; и коясе изъ ни раћа вражда и мрзость престалаби, како би свещенство едне и друге стране добровоспитано и добродѣтелно постало; отворилоби народу очи, и показалобиму праву, чисту, и свету евангелску любови и мира науку: Представимо себи какова би то сладость била и блаженство видити толики пошени народъ де се любе као браћа и дасе пошую! Ми садъ видимо очевидно милость вѣчнога Промисла! Турска власть и величество спада и умаляваше; а Хрїстянска са сви страна расти и узвишаваше. Сербїя, Босна и Ерцеговина избавићесе съ временомъ одъ турака и ослободити: али, ако народъ у овимъ земляма не почне отресати одъ себе суевѣрїе, и неизкорени ону древню и богомрску вражду и мрзость за законъ; онићеду сами себи бити турци и мучители. Ако Епископи, Свещенство и Благородство, међу нима, небуду наукомъ и добродѣтелїю украшени, избранѣйши у нацїи и истиниши отечества вѣрни синови; свобода иста служиће имъ на растлѣнїе и развращенїе нарава; а кадъ се ово у обичай уведе и отме ма, онда се и наука иста отруе, разврати, опогани и буде гора и вредовитїя обществу, него простота и варварство- Ово обаче неће бити, само акосе ово средство употреби; да се Юности, колико на церковну,

ну, толико и на гражданску службу определѣной наука на чистомъ Евангелскомъ духу и Наравоученїю основата изъ прве младости, даде. Свакь, ласно и чисто, ако само оће, може видити и познати; да я ово не изъ пристрастїя, не изъ мрзости ниши къ греческой ниши къ римской говоримъ цркви, но изъ чисте любови къ богу творцу моему, къ светой Евангелской Истини, и къ предрагой нацїи нашей. Имаюћи предъ очима милосердїе благога промисла, кои ме э у сиромашству моему, изъ детинства, као за руку водїо, и сподобїоме полезнимъ езикомъ научитисе, и прекрасне, божествени умова книге читати; и желећи, да се ове мени паче всякаго злата и бисера, честнѣйше и дражайше благодати достоянь, колико могу, покажемъ; и да не чуемъ еданьпутъ оно, неблагодарнога раба сакрившаго данни ему таланть, обличенїе; щогодъ болѣ, разумнїе, пощенїе и полезнїе знамъ, то дражайшимъ рода моега сущимъ и будущимъ приподаемъ; желећи имъ да съ временомъ найдобродѣтелнїи, найпросвещенїи, и найславнїи на земли буду. Ово э мала вещъ, кою я, по возможности моей, милой рода нашега Юности спрїобщавамъ; али ће служити за искру чистога небесне истине огня; кояће съ временомъ, многимъ ученимъ и добродѣтелъ любящимъ душамъ поводъ дати, да многу свеплу и чисту здравога разума и наравоученїя у народу ужегу свећу, и общеполезну книгу преведу саспаве и издаду. Когодъ буде умео и хотео безпристрастно, и основателно мислити и судити, ласноће изъ свега моега говореня познати, да я ништа нисамъ, смапраюћи на какову нибудь мою користъ, писао ни овде издао. За преживити иощь кои дань, докъ буде божїя воля, съ ови эзици що мїе богъ дао ше самъ научїо, могу у многи лепи мѣсти и градови у Европи пощено и спокойно живити. Лекцїе давати, онимъ кои управь желе учитисе; то э моя сладостъ и радостъ: А такови желателя гдисе годъ люди у добромъ состоянїю наоде, бла-

годареніе богу, доволно има; За то ни ти ми э потреба коме ласкати, нити накога мрзити. Али на злобу и неправду потреба э мрзити, гди се годь оне нађу и познаду; у церковномь како и у миряни-ну; у свецу како годь и у грешнику; Да намь ко каже за какву злобу у туђему свецу, мисмо на ма гото-ви на тога туђега свеца мрзити, и нималогасе не бо-имо; то испо валя дачинимо кадь управь познамо и у ономе злобу, коегасмо ми за свеца држали; а ко ово неће, шай почитуе и боисе више свога свеца него бога; кое, свакь види да не валя. Ми на други начинь неможемо знати що су други на ви-ше одь илляду година пре нась творили, разве изь Исторіе коясе э у оно време писала, и коя э одь исте цркве за истиниту признаша; изь ове дакле видимо онога времена люди дѣла; и по овимь дѣ-ломь, кое за похвалу дужнисмога хвалити; а кое за осужденіе, дужнисмога осуждавати; бїо Царь, Папа, Патрїархь или светаць: Комелисе ово непо-волно види, онь у средь подне запвара очи, и мо-ра бити у мраку и слепоти. Хрїстияиство э, како сви знамо, раздељено на различна общества; Свако общество и о симь нась, има свое свеце, за-кое ми нећемо нипошто да знамо; некь они говоре и вичу колико имь драго; Онису сами свое свеце начинили некаи сами и држе, и некаи силомь дру-гима ненамећу. На ови дакле исти и существени начинь, моглисмо ими наше начинити; Ко намь э могао у томе заповедати? Нїели свакь у своиой кући господарь? Не можели онь свое ико-нице кь коемь му драго одь свои зидова привеси-ти или приковати, и нату се страну кланяти? Овако свуда бива, овако и кодь нась. Греци су люди као и остали люди, могли сусе лако прева-рити као и други; а ми одь ни примили пакь се нашли у истомь шкрипцу: Пакь садь све друге за прелащене држимо, а сами себе чисте као сунце. Кадь смо тако готови, све друге мућрати и су-дити, нїели праведно, и време већь, да и сами се-

бе нало промушрамо и попросудимо? Чинимисе да э ово найпамешнїе. КадЪ су греци и латини одЪ Хрїстови Апостола примили хрїстянски законь; онда нїе било ни часнога дрвета, ни икона, ни свешти шелеса, ни мощїю, ни косшїю, ни канона, ни ирмоса, ни шропара никаква, ни найманѣгЪ конд ака. За све шо блажени и свеши Апосшоли нису ни речи ни слова нишши знали, нишши мислили. А наши славенски народи примише Хрїсшянсшво неки одЪ грековь; а неки одЪ латина; Но кадЪ? На деветь сшошина година после Апосшола. Саде некЪ ми каже ко зна, ща се нїе могло за ДЕВЕТЬ СТОТИНА ГОДИНА изумиши и наштрпаши? Блажень и преблажень велики Царь Пешарь Россїиски! И блажена упроба кояга э носила! Ерь да неби нѣга, бисе до данасЪ и магарећимЪ ногама кланяли! Већь су и почели били разносиши: Него нѣга просвеши богь шеи покупова и заштрпа, дасе шай покорь и срамоша Хрїсшянсшву не наноси и не чини. Що се иоще никада на свешу нїе чуло било ни гидило, проклешо сребролюбїе шо э већь наумило било учиниши, дасе Хрїсшяни магарећимЪ ногама кланяю! Защо ми фала богу добро знамо и видимо, да при просшомЪ народу, почишовати едну вещь, кланяшиисе и за чудошворну э држаши, шо ни длаке не ошличесшвуе. СвакЪ може видиши когодЪ оће у синодическимЪ книгама, да су и иконе и мощи само за просшо почишанїе (и шо касно, силомЪ и на люшу срамошу) допущене; а садЪ су свуда ше вещи чудошворне; а вещЪ чудошворна шо значи, коя имаде свемогућега бога силу у себи. А нисули, ћеће ко, сѣнь Пешрова и Павловь убрусащЪ у оно време немощне изцѣливали? За избавиши луде одЪ идолослуженїя шо э онда бивало: А садЪ кадЪ благодареніе буди богу! Нисмо идолослужишели, но познаемо и вѣруемо у бога единога; садЪ нешребуе ни убрусцемЪ ни косшима Апосшолскима кланяшисе кромЪ Богу вѣчному; Ниишсу Апосшоли никадЪ довека ни помислили да ће своему

му поклонѣнїю народе и Эзике приведу, него къ богопознанству къ богослуженїю и къ добродѣтели. Судимо дакле себе, и небиваймо шако готови и брзи друге осуждавати: Чишаймо прилѣжнїе и съ великимъ вниманїемъ пресвето, божесшвенно, хрїсшово Евангелїе, пакъ ћемо шу наћи ове речи, *несудите да не осуждени будете!* А моће ређи, немрзише и негоните друге, ако хоћеше да нисше мржени и гонѣни; непроклините ако хоћеше да нисше проклеши; благословљяйше и любише ако желише дасше благословени и любими: имайше мирь мой и любовь мою акосше ради дасше мои ученици и брашїя моя, ибо, *хо слуша слово мое и хо шпори волю послашшаго мя шай э брашъ мой и сесшра и маши моя.* Ево любима браћо, Хрїсшянсшво! Ево Православїе, Благочесшїе и Соединѣнїе! Нейма шу Грека ни Латина, Унїяша ни Неунїяша. Будимо само прави Хрїсшяни, пакъ ћемо биши и овде, колико э могуће на земли благополучни, и пошомъ во вѣки Аминь.

КОНАЦЬ БАСНАМА.

ПРЕДУВѢДОМЛѢНІЕ.

Баасна да самъ хотео више преводити, нашаоби три и четири крать, нещъ толико, или и веће число. Но я изабравши само оне кое су мени найугодније биле, проче самъ другима оставїо, да съ временомъ преводе и издаю. Намѣраваюћи обаче да ови томъ буде найманѣ одъ 25 или 30. табака; за испуни-

тиово число, придодаћу овде нека одъ мои писма; коясе касаю до мои приключенїя. Различни одъ наше нацїе, и усменно и писменно поущавали суме да предьузмемъ опетъ ову матерїю; и намое извиновлѣнїе, да би я радъ що болѣ и полезнїе издати; Едань мой любезни прїятельъ запросїоме да му у нашемъ взаимномъ писмасоотъѣтствованїю назначуемъ що знаня достойнїе одъ мои догађая: Кое я одъ неколико времена и исполнявамъ. Имаюћи дакле копїе при себи и хотећи, како самъ по више рекао, да ми ова книга већа буде; ради две причине, наумиосамъ приложити овде нека одъ ови мои писама. Прво за испунити одъ части волю свима онима коису то исто закпевали; а друго; кое э мени найважнїе и срцу моему пожелателнѣйше и дражайше, за предати вѣчному воспоминанїю потомковь нашихь имена мои любимѣйши прїятеля и благо-

дѣ-

дѣтеля; кое э преблаги божїии промисаль за орудїя своя употребїо, и мени у моимъ странствованїямъ и предьпрїятїямъ чрезь нихь помогао“

Природна э души человѣческой благодарность какогодъ тѣлу диханїе: и ово се одувудъ познае. Кадьгодъ ми читамо Исторїе неки велики и блажени лица; кои намсе чисто чине, да ни защо друго нису на ови светь послати били, родилисе и поживили, разве на велико добро, сладостъ, радость, и благодѣянїе свога времена люди: Акосу они и на иляде година пре насъ живили: и ми и не познаемо разве само по имену; а оне, коимасу они добро чинили ни по имену; ништа манѣ, онису нами мили и драги, башь како дасмо ми у нїово време живили, и као дасу нами сва она добра учинили, коя су они, самъ богъ зна коме и коме сотворили и показали. Ми

чув-

чувствуемо радость поминюћи имена нїова; услаждавамосе и неможемосе наситити гледаюћи изображенїя нїова: чини намъ се као дасу до юче на земли били, и жао намъ э що нису и данасъ међу нами. Ако э царь ко одъ ни бїо; уздише за нимъ у прсима нашима срце наше, Зашто такови царь да насъ оспави! И да не царствуе во вѣки на земли! Одь кудь се ова чувствованїя раћаю, разве изь, самимъ богомъ у словесну душу уливене благодарности? А кадсу нами туђи благодѣтели тако прїятни и драги; колико већма мораю намъ бити наши? И зато съ шимъ нами ништа нїе задовлѣсотво рено ни поможено, да и ми сами познаемо, поминѣмо, и любимо; то э нами весма мало; него оћемо, ако э и како могуће, да и савь светь позна, спомињ и люби; и будући да смо ми маловременни на земли и неможемо и овде до ве-

века споминяти: За то предаемо нїова сладка и пречестна имена, прво богу, кои э самъ кадарь праву доброту по достойности возмездити и наплатити; да имъ Онь учини оно награжденїе, кое би ми ради, а неможемо; а потомъ и будущимь родовомъ, да и они на место насъ споминю, да и любе, да имъ благодаре, и имена нїова одъ заборавлѣня да чуваю и да и славе.

Ово, на разсужденїе чувствителнимъ и человѣколюбнимъ срцамъ дающи; уздамъ се, да и они исти, кои толико не маре за моя приключенїя; смотраюћи на причину коя ме къ томе убѣждава, неће за безмѣстно судити, що ћу иоще на неколико табака о себи писати; немогући на други начинь свещеннѣйшу благодарностимое дужность показати и исполнити. А при томе, они и онаковиза, какове я пишемъ, неће всуе, читаюћи ово, трудъ

дѣ себи задати, ибо, мой всегдашни у списанїямѣ моимѣ конацѣ, то есть ползу; гди гди и увеселѣнїе читателя, нѣіу я ни овде ни мало испредѣ очїю смешнути.

ПРЕ-

ПРЕЧЕСТНѢЙШИ ГОСПОДИНЕ!

ЛЮБИМѢЙШИ И ДРАЖАЙШИ МОЙ!

Ви изискуете одъ мене такову вещь, да нигда на овомъ свету мени не може бити ни радосниѣе, ни драже, колико, то що ви желите, не само вами, него, кадъ би могуће било, свимъ земнаго нашего круга садашнимъ и будущимъ житељмъ сообщити и приподати. Ибо, актеваюћи ви одъ мене описаніе знаменитїи мои приключенїя, чрезь то дасте ми поводъ да вамъ опишемъ и изобразимъ краснѣйша морална свойства, добродѣтелни, они народа коесамъ познао, люди. А ща утѣшителніе и чувствителнимъ срцамъ може бити слаће, и цѣлому человѣческому роду честніе и славніе; колико познати, да света небесна добродѣтелъ, по свему лицу земному, у свимъ племенамъ и эзикомъ има свое алтаре и свое вѣрне, у красоту свою залюблѣне поклоннике и служителѣ? Ща э способніе за возбудити у человѣческимъ срцамъ любовь кь благимъ нарамъ, кь доброти и кь человѣколюбїю, развѣ дѣйствително моћи нихь увѣрити, да праведни и добри люди и овде наземли благополучнису; и при полазку сѣ овога света спокойни; и даће чрезь сву безконечну вѣчность счастливи бити;

и

и често многи одЪ нихь, акосу и простога состоянїя и селяни, вѣчной памети и воспоминанїю предаюсе и славе? Изь овога дакле, Любими мой! Можете ласно познати сЪ коликомЪ радостїю яћу ваше закћеванѣ удоволствовати; и на место що би ви мени за то (како Ви велите) обвезани били; Я се Вами, за таково мени радо наложенїе, обвезань и благодарань признаемЪ и исповедамЪ.

Жеља кь ученїю била э начални узрокЪ да самЪ я сву волю изгубїо у ономЪ сремскомЪ раю, то есть у фрушкой гори у опову дуже пребивати. Читаюћи златоустове беседе на дѣянїя, и на Апостола Павла посланїя, чудна некакова чувствованїя возбуждаваласусе и раћала у моемь младомЪ срцу. Златоусти (мислїосамЪ у себи) да се нїе учїо, онь акоби иляду година Дѣянїя и посланїя Апостолска читао, онь овако прекрасно и сладко сверхь ни неби умео беседити! Колики су други безьчисленни то исто читали, и на изусть знали; Но отомЪ, тако, и толико говорити, нису знали ни могли; разве само они коисусе у Аѳини или у Александрїи учили? ОдЪ тада не само на яви, но и на сну ништа ми већь нїе било у уму и на срцу, разве велике Библїотеке, Академїе, Школе, Учители гди различне науке предаю; и трудолюбиви пчеламЪ подобни, медь мудрости собираюћи ученици. Но сву ову мою горећу желю; моя срдечна, права синовня, кь оной чистой и добронаравной, моега благодѣтеля Ѳеодора Милутиновича души, любовь, обуздавала э на нени начинь, и удручавала Онь би ми често, познаюћи мое усердїе ко ученїю, уздишући говорїо; да жали що я мою младостЪ ту всуе тратимЪ! А мени бисе грозило и самой мисли кь срцу моему входь допустити, такова добра и блага човека за живота оставити и ника-

кадага кь тому не видити. А по нѣговомЪ преставлѣнїю, вѣчь ница ти ту не остаде що биме задржавало и уставляло „

У исто време случисе, да едань манастирски ѣякЪ, именемЪ Аѳанасїе, намѣри поћи у свой родЪ о хорватску; но знаюћи да нѣговь стрицЪ Дїонисїе, кои гае ту довео бїо дага покалуѣери, небига за главу пустїо; зато онь науми и безь остай сЪ богомЪ дома поћи: и будући да э самномЪ лепо живїо, каже ми що̑е намислїо: що ти я едва дочекамЪ, одкрїемЪ му сь подобномЪ повѣренностїю мою желю, да би и самЪ радЪ кудь далѣ поћи: и у коему драго мѣсто, гди се млади люди уче доћи; алЪ незнаюћи ни на кою страну пута; замолимЪга да ме поведе сЪ собомЪ до Хорватске; а оданде що̑ бог̑ь да. За що̑ неби? Одговори онь; у дружству се много лепше путуе, него самимЪ. ДамЪ му нешто новаца, те оде у ИригЪ и купими доламу плавепну и чакшире, и црвене айдучке Опанке; пакЪ сутра дань рано, нимало неоклеваюћи; айде сЪ нимЪ заедно преко раковачке планине; спустимосе кь раковцу; но страньпутицомЪ наокло, ерь самЪ я ту познатЪ бїо; пакЪ ти све измеѣь фрушке горе и дунава, путь зеленьграда. Ударимо на осекЪ, прећемо у Славонїю, и идући кь Пакрцу, у едномЪ селу случи намЪсе нешто чемЪсе нисмо надали. Чуемо у едной авлїи пѣсне и разговорь множества люди; знашли що̑е! Речеми Аѳанасїе, и такосамЪ жедань, ућимо у авлїю заискати воде, и видити що̑асе ту чини. Улѣземо: КадЪ али ту свадба и веселѣ; на наше исканѣ воде, маши женихова рече намЪ; драги путници! Овде се данась не пїе вода, него вино; и ако оћете одите унутра. Улѣземо, а кадЪ сватовомЪ кажемо дасмо поиздалека; хе́е срића! Викне кумЪ, кадЪ на овако веселѣ изь далека гости долазе! рече намЪ сѣсти,

вести,

эсти, пити и веселитисе. Запитаю нась, какое у срему жито родило? Како виногради и прочая? И тако разговарамосе лепо и людски, слушаюћи музику и гледаюћи веселу младежь гди игра. КадЪ етопи одь некуда едне велике ћачине, кои башь спрама мене седне; попослуша неколико нашь разговорь, пакЪ онда окрене речь кь мени, говорећи. По твомь изговору чинимисе даси ти шизматикЪ, Нисамь я шизматикь одговоримЪ му я слободно, него православни хрїстянинь, и боли одЪ нѣга; ако э радЪ знати? Почнемо нама по обичаю дишпуть о началству папиномЪ и о старешинству цркве греческе и римске. О овомЪ послу я самЪ већь читао бїо некога Максима Пелопонисїотскога книгу, на влашкомЪ эзику, и знаосамЪ э као на изусть; и могаосамЪ се о томЪ дишпутати дасе земля подамномЪ тресе. ЋакЪ се наће у великомЪ сїясету самномЪ, пакЪ почне у свое говорењ латински мѣшати; (одЪ когасамь я онда као и прочи сватови чисть бїо;) и у за сваку речь пробо маиоремЪ него миноремЪ! Виче. КумЪ, стари сваць и прочи сосѣдатели; сви римске церкве синови; ницца манѣ, мене почну сви единогласно похваливати; говорећи, да щогодЪ я беседимЪ по разумеду; а свомесе ћяку зачну ругати, кои зове у помоћь некакве Маиоре и Миноре; а ту речь нїе ни за Маиоре ни за Капетане, него за Хрїста, за Петра, Папу и Патрїаре. То онога тако огорчи да почне претити, даћеме чинити послати везана у пожегу. Едва то изрекне, кадЪ ти сви скоче на нѣга; горе жене него люди, (защосу сви престали били одь игре и музике, и слушали нашь дишпуть.) Ништко и ницщо наричућига, кадЪ се ти будешь женїо, рекуму; на твомЪ веселю путнике и госте вежи, а не у нашой кући и онашемЪ веселю! И такотига изтераю изь куће и авлїе: а мени реку да се я нимало не боимь; и предузмемо опеть мирно и

лепо

лепо разговарати се као и пре. Било э већь, предь иоћь и они добри люди не пусте насЪ тай дань одЪ себе; ту дакле преноћимо, и сутра дань почасте иасЪ, и како да смо имЪ сродни любећи се и грьлећи сь нама, любезно одпусте насЪ.

Овакосмо лепо дочекивати бивали, не само у време свадбе, нити на едномЪ месту, но свуда прелазећи преко Славоніе и Хорватске. Свудасе они добри люди радую видити кога изь далека да истимЪ эзикомЪ беседи: когодЪ има доволно хлеба у дому радуесе да му ко на ручакЪ и вечеру доће: Странолюбїе нима э природно свойство; и ниша и шако не разделюе и не очуждава, колико цркве греческа и латинска. Црква! Кояби дужна била нихь већма присвояваши, и у любови и добропи соединяваши! Небили дакле било крайнећползе вещь добримЪ людма, сврхь овога отвориши очи? И казаши имЪ, да они могу биши и едне и друге цркве; и ниша маиѣ кумишисе, пріятелиши, почишаваши и любиши? Изь Славоніе прећемо у хорватску и недалеко одЪ Гаревице дођемо кь дому и братїи моега друга; гди нѣга све сродство нѣгово, браћа, сестре и снае, шако весело дочекаю као дае изь некакова робства утекао. Овое у Есень било: У то време воћяшесе седмолѣтна война међу домомЪ АустрїискимЪ, ПруссїомЪ и РоссїомЪ. Браћа Аѳанасїева чуюћи мое намѣреніе, да би радЪ у Руссїю прећи науке ради; дадуми совѣшь, да сЪ коимЪ Регементькапеланомъ прећемЪ у Германїю; и будући дасе шу наоди множество у Россїйской служби сербаля Официра, лакоћесе кои мене примиши и отправишиме куда желимЪ. Саде, за наћи шакова Регементскапелана, судисе за нуждно у Загребь поћи и шу чекаши; за що шуда хорватске Регементе пролазе. Удржеме они любезни люди дванаесть дана

и нипощо не даду поћи; едвасе растанемо као да смо мислили довека живити скупа. Мой Аѳанасїе поће даме отпрати до Петринѣ, и доће до Загреба самномЪ; гди, у предградїю при едномЪ купцу узмемЪ едну собу на месецЪ: Каже намЪ домаћинь у вече, кадЪ чуе мое намѣренїе, да у граду има Бискупа влашкога КолеѣїумЪ; и да чекаюћи я прилику за поћи у Армїю, могаоби међу тимЪ онде почети дїачки (овако зову латински) учитисе; Ово ми предложенїе мило буде, и поћемЪ сутра дань сЪ АѳанасїемЪ видити какавь э то ту нашета Епїскопа КолегїумЪ (зато насЪ зову влае), Дођемо ту, одведу насЪ предЪ началника, кои насЪ учтиво дочека; и каже мени, чуюћи дабисе я радЪ учили; даће онь тай дань писати за ме Епїскопу, и дасе узда изходатайствоватими да могу при нима имати квартирь и препитанїе: полюбимЪ му я руку, и зафалимЪ на таковомЪ обѣщанїю. Но валя да знашь мой синко, речеми онь, да ако оћешь, можешь овде и неколико година све потребно содержанїе имати и учитисе; али валя да будешь Унїять, како щосмо и ми. А заръ сте ви Унїяти? речемЪ му я, уплашень. Есмо, одговори; и да то нисмо, ми не само неби КолегїумЪ нашь овде имали, но неби намЪ дали ни пребивати. Кадь э тако, речемЪ му я; ви о мени ништа непишите Епїскопу; ерь я Унїять нећу бити, да би знао никадЪ ништа не научити. Види онь да самЪ се я препао, и тихимЪ рече намЪ речма, та не бойтесе люди! Нећемо ми васЪ силомь поунїяпити; Останите баремЪ те ручайте сЪ нами, пакЪ онда идите сЪ богомЪ кудЪ оћете. Опростимосе ми и изићемо изь нѣгове собе; рече онь нещо латински другимЪ децама, коя изићу за нама, и любезно насЪ моле да останемо обѣдовати сЪ нима; време э ручку, веле намЪ; неидите гладни одь насЪ! АлЪ мени нїе до ручка, ерь ми колена подамномЪ дркћу: не памтимЪ какосмосе изприча-

ли;

ли; то знамЪ да изиђемо, пакЪ бѣжь изь града. И садЪ кадЪ помислимЪ они случай ужасавамЪ се, каква э ужасна вещЪ предразсужденїе! Они исти младиђи мои вршняци, кое самЪ мало пре сЪ неизказаномЪ радостїю гледао, коликЪ дасу ми мила браћа и сродници; како чуемЪ да су унїяти, учинемисе другоячи, и страшни непрїятели, кои погибелЪ моюжеле и ищу! Преблаги вѣчни Боже! Како, и одЪкудЪ то у людма бива, да иста любовь твоя сладка и вѣчна, коя би имЪ морала служити за союзь свещеннѣйшега сродства, вѣрнѣйшега дружства, и сердечнѣйше пресладке любови, та иста любовь твоя! кою люди криво разумѣваюћи и злоупотребляваюћи, служи имЪ на разделѣнїе и люту мрзость? Извините, любими мой долготу писма, но сЪ онимЪ кога срце наше люби, и душа наша почитуе, ни усмени ни писмени разговорь никада нїе дугачакЪ, всегда э кратакЪ!

У Шклову 1788.

ЛЮБИМИ МОЙ!

Вѣрни мой другЪ Аѳанасїе пребуде самномЪ у Загребу шестЪ дана, и видећиме намещена при добримЪ людма, седми дань одпратимЪга до преко Саве; и тусе сЪ многимЪ сузама разстанемо. У дому квартира моега, наоћашесе едань ћакЪ,

братъ дома госпоће, именемъ Антунь; Ови при Іезуитамъ слушаше фїлософїу; и кадъ годъ неби имао свога дѣла всегдаби заедно били; Онь ми поклони свою грамматику, (читати самъ могао латински) и задами прву милу лекцїю Haec Musa! Грамашике се ту цампаю съ изяснѣнїемъ дїалекта хорватскога; то мїе помагало: Но судите коликае радость моя била кадъ нађемъ у латинскомъ эзику велико подобїе съ влашкимъ, кои э мени изь детинства, у Банату како и нашь сербски познать бїо! Тумисе сва зима не учини дужа него едань дань; Антунь, кои ме весма любляше, предавашеми съ великомъ радостїю осамъ части Слова, давашеми сверхь ни окупацїе, и толковашеми неке Исторїице. Први дань Марта месеца, доће у исти домъ, гди самъ я, на квартирь, едань одъ наши свещеника изь Хорватске: и у разговору кажеми дае дошао куповати нужне сшвари за путь у Армїу, кудъ мисли по воскресенїю поћи: А кадъ одъ мене чуе, ца я ту чекамъ, возрадуесе весма, и, богъ насъ э овде састављо! Рече. Я самсе (кажеми) старао гдиђу ћака наћи, кои добро уме чишати и при церковномъ правилу и служби помагати, Я мусе обећамъ даћуга за годину дана вѣрно служити; А онь мени, даће ми дати педесеть форинти; и ако прилике не наће болѣ, о своемъ трошку даћеме отправити изь Армїе у Руссїу. Акоси що овде дужань а неможешь изплатити до 5. или 10. Фор. яћути дати; и за то ћешь ми помагати ови велики пость у цркви до воскресенїя: а по томъ почећесе време наше годице. Благодаримъ му, и да имамъ чимъ платити кажемь; рече ми дага поћемъ у томъ и томъ дому у Петрини чекати, и даће онь ту прекосутра бити. Мои любезни Антунь одпратиме у сестре свое колеси до турова поля; тусе загрлимо и излюбимо; и онь ми даде свога повнаногъ човека, кои ме доведе у Петри-

триню. При реченномъ Свещенику пребудемъ до Ускрса: ови намѣраваше по празнику поћи и одъ Епїскопа патенту на то узети; кадъ на светли фторникъ доће намь невесео гласъ дае други Свещенникъ Епїскопу Грешлики неколико дуката више дао, неголїе мой обѣщао бїо, и патенту већь узео; Кажу намъ кь тому да они Свещенникъ води за ћака свога синовца. Тай исти дань, пригодимисе и други случай, кои ме здраво уплаши: У церквисмо на Литургїи, кадъ етони улѣзе младъ момакъ, подићуме мрави; мислимъ у себи, коби други башь онде на образу имао Гавре изь Вуковара, Владике Пароенїя ћака велики мадежь? Радъ би, или дае ко други пакъ начастъ му мадежь; или ако э онь, даме како не позна. Какосе служба сврши, а онь ти управь кь мени; кои мусе као спидлива невеста и невещъ нечиняхь: Зовнеме на полѣ да ме нещо пита; одемо на само подъ едань Расть. За луду се ти поклапашь, речеми, я тебе познаемъ како годъ и ти мене; алъ се ти ни мало мене не бой, зарь си ти заборавїо да смосе ми свагда добро пазили? Доброси учинїо щоси одь Калуѣра утекао, башь као даси мене питао! Ти знашь да ко неби радь свађаписе докъ э годь живь, онде му нїе мѣста. Него кажи ми, кудъ садъ мислишь? Явимъ му я, у каквой самъ надежди бїо, и коя э већь са свимъ изчезнула. Айде самномъ речеми у Бечь, я тамо идемъ гди службу искати; ерь би радъ немецки добро научити. Кадъ самъ пошао, морамъ кудъгодъ ићи, айде кудь ти драго; отвещамъ я. Велими да э чуо даће Данїилъ плашки Епїскопь поћи у бечь; да э онь нѣму добро познать, и даби съ нимъ до беча могли доћи; те ти ми сутра дань путъ Плашкога. Кадъ ту доћемо, наћемо Епїскопа; кои насъ Прими любезно и принуди остати при нѣму два три дни; Овай блажени божїи чловекъ! Као дага сами Богъ наше упути, да ми да совѣтъ, коиће

благополучїе целога живота моега причинити; предспави ми да э мучна ствaрь тако далеки предузимати путь, безь доволно трошка: за Гаврила э лакше; онь неколико и немачки зна, а службу оће, то ласно може наћи гдиму драго: а за тебе, велими, найболѣби било, до гди школу држишь, за две или три године можешь стећи кою стотину форинта, пакъ онда реци идемъ у Руссїю. Ови совѣтъ смилимисе са свимъ: Гди би нашао таково мѣсто гдиби потребу одъ мене имао ко? Запитамъга: Нигде тако као у далмацїи; одговорими; изь различни мѣста ондешни Свещеници молилисуме, и често ми пишу, да имъ когъ магистра пошалѣмъ: И чинимисе, (приложи) даћешь у Манастиру Комоговини наћи еднога Свещеника одъ туда; съ коимь можешь тамо поћи. И само име далмацїя полюбимисе; акиби предчувствовао у срцу, даћу ту неколико весели и спокойни провести година. Доћемъ съ Гавромъ до комоговине; и тусе разспанемо: Онь оде путь Беча; а я, не нашавши ту вишепоменутога Свещеника, покажуми велики Друмъ преко Велебита, поћемь и самъ покрай светога Микуле преко планине, путь Лике и крбаве. Пролеће, красота време! Све пѣваюћи дасе Горе и долине разлежу: Иощъ да нисамсе гди гди пастирски паса плашїо; чинилобимисе као да на Пигасу Велерофонтову коню яшемъ.

Пети дань прећемъ Вучїякъ планину, и сићемъ у Крупу манастирь, и тусе уставимъ дань два за одпочинути, и разпитати за каково мѣсто гди Магистра требую. Ту ми кажу за толика мѣста; да насъ э десеторо било свиби могли намещени бити: Но игумань Ѳеодосїе будући особити пріятелъ Протопопе Іоана Новаковича у Книнскомъ полю, и иѣговога комшїе попа Марка Бѣдова съ Паћена; пошлѣме кь нима. Овиме до-

добри свещеници едва дочекаю; и при церкви С. Георгїя, баш предъ градомъ Книнѣмъ у дому церковномъ станемъ учити децу. Греческе церкве Народъ у Венецїанской Далмацїи, неимаюћи Епїскопа; они одъ мїрски Свещеника, коису познати за свое честно владанѣ, за добродѣтелъ, и за природни здрави разумъ, ту су не само у своимъ Парохїамъ; но и у цѣлой провинцїи како годъ Патрїарси и Епїскопи. Такови су били у време моегь онде пребиваня Іоань Новаковичь Книнополски, Авраамъ Симићь Косовски и Крička Дерншки. Нима совершено приличествуе оно слово Апостола Павла, да когодъ добро управля домомъ и фамилїомъ своиомъ; шайће и съ церковїю; то есть, съ церковнимъ обществомъ благоразумно управляти. Безь науке; ерь э нису имали гди получити; али (то що э важно и велико у животу) не само безь никакове злобе; но и са свакимъ наравнимъ честнимъ свойствомъ украшени. А Овое прекрасна мудрость! Природни разумъ, съ чистомъ любовїю къ правди и къ честности, соединѣнь. Они су мене називали своимъ младимъ учителѣмъ; за то що самъ л нїову дечицу обучавао читати, писати, и некима самъ предавао и толковао Катихисисъ, какосамъ могао; болѣгъ одъ мене ту нїе било, за то самъ я морао найболи бити: Али самъ я (и не мислећи тада о томъ) одъ ни испи а навласшито одъ Новаковича (съ коимъ самъ у комшилуку живїо, и све празничне дне у нѣговомъ дружству бїо и проводїо) найнуждније и найлепше у животу лекцїе примао; то есть, лекцїе неприпворности, чистосердечности, любезности и благонаравїя. Каково блаженство и райска земли съ онаковимъ светимъ и добримъ людма живити! Оносу прави Свеци! А ниши знаду, ниши мисле дасу. Шоћу иошце о нима рећи свакомъ ће мило бити чути. Ови Свещеника не само фамилїе нїове, но и парохїални народъ свису

су то трудолюбиви, добри, правдолюбиви и поштени люди. При определѣной плаћи што мїе свакЪ за свое дете на месецЪ давао, по нїовомЪ установлѣнїю и обичаю, кадЪ би ко довео свое дете донеобими две меричице пшенице и две оке масла и едань велики сирацЪ; Но мой любезни Протопопь НоваковичЪ, попь Марко БѢдовь, Трифунь СинобадЪ, Симо СтефановичЪ изь града (кромѣ други многи кои биме радостно дочекивали) никада небими дали на моемЪ квартиру залогай хлеба изести. Башь каодасуме подЪ Аренду узели били, и кадЪ би кодЪ еднога ручао, мораоби кодЪ другога вечерати; нити э мени надежда избавлѣнїя дозволѣна била. Дасамсе и я за нїову децу трудїо, ово э мени нешто одЪ природе; како за себе што добро радЪ самЪ научити; тако и што знамЪ другима предавати.

Три године, но погодби моей, проведемЪ сЪ онимЪ божїимЪ людма; при миле године! Кое всегда сЪ услажденїемЪ срца споминѣмЪ, и кое самЪ за основанїе свему слѣдующему моему живлѣню положїо: Зашто самЪ у нима не само опитомЪ познао и научїо, него и у естество себи претворїо, како човекЪ у низкомЪ состоянїю може сЪ малимь задоволянь добарь и благополучань бити! И кадЪ самЪ годь нанеколико година потомЪ, премудрога Фенелона у нѣговомЪ Телемаху, описанїе блаженога сеоскогь живота читао, всегдамїе срце играло одЪ радости, мислећи, овакосу мой НоваковичЬ! Овако симићь! Овака Кричка живили! И мени овако дай боже провести животь! По протеченїю ове три године нађесе у мойой кеси око сто венетски цекина, ЧуемЪ да у Аѳонской гори, на гласу Евгенїе учителЪ предае на ЕлинскомЪ эзику науке: Айде тамо, помислимЪ, новци су ово! ПоћемЪ моремЪ у боку одЪ Котора да ту наћемЪ карабаль за Гре-

Грецїу; но у томсе месту разболимъ одъ грозниде. намерисе наме неки Игуманъ изъ свете петке изъ маина; кажеми онъ да э бѣдна ствaрь за грозничава мореплаванїе; како и есть: по зовеме къ себи, и наложими да за мое препипанїе, кадъ биме грозница пущала четворой деци лекцїе задаемъ. Епїскопи черногорски стари Савва и Василїе ималису и у Маинамъ свое домове, винограде и маслине; и мало по далѣ настанѣвиѣи свой манастирь и дворове; и такоби често съ нима бивали. Тресавица какоми узяше за врать нипоцо цѣлу эсень и зиму неѣе да месе проѣе; но сваки трећи дань етоти нѣ. О празнику Воскресенїя на Спанѣвиѣи служимъ како Дїаконь съ Владикомъ Василїемъ, и съ многимъ другима Литургїу; неимаюѣи на таки славни Празникъ нигде никога да запопи, оѣешь да те запопимъ? Речеми: баремъ да знашь даси у черной гори бїо. Що вамъ драго, одговоримъ я; мени э све едно та садъ, та после. Едва по изречемъ, онь учини знакъ старому Архїдїакону, Спефану а ови ти самномъ, повели. Немоѣь моя весма ме разслаби, и принуди возвратитисе у Далмацїю. Ужаснесе мой любими Новаковичь кадъ ме види тако слаба и преображена: И имаюѣи у своей Парохїи некога доброга Свещеника Леонтїа, изъ фрушке горе, за магистра; совѣтуе мене дасе намѣстимъ у лепомъ месту при здравой и цѣлителной води, у ближнѣму селу голубиѣу. Овдесе погодимъ за две године учити децу; и за месецъ дана совершено оздравимъ. У трећемь месецу фторе године, будуѣи ово мѣсто близу босне, окужесе неке куће у голубиѣу; онда ти кудъ кои може бѣжи; и я прећемъ у Косово, гди пребудемъ у дому Попа Авраама симиѣа едань месецъ. Ови имаѣаше беседе Златоустога на дѣянїя Апостолска; ту и станемъ опетъ съ прилѣжанїемъ читати, и нека мѣста, колбими найугоднїя била преписивати. Нѣгова найстарїя кћи Елена за-

замолиме да йой що изь те книге просто Србски напишемЪ: Тада я све оно щосамЪ већь бїо за се преписао преведемЪ на просто, и за учинити да оной прекрасной дѣвици читанѣ тога буде прїятнїе; разположимЪ то на главе; починюћи сваку по Азьбуки. Она э то тако радо читала; и томесе толико радовала, колико да э сву Мудрость Соломонову у она два три табака имала. То су други сЪ великомЪ молбомЪ одЪ нѣ просили и преписивали; и такосе разнесе и разплоди по свой далмацїи подЪ именомЪ доситеове буквице. Ово э први поводЪ и узрокЪ да се у мени велика желя зачне и роди; да ми само дотле богЪ даруе животь докЪ що Србски на щампу издамЪ, и прекраснимЪ кћерма и синовомЪ рода моега сообщимЪ. Милостиви БогЪ, исполнїо э желанїе мое сЪ лихвою; сподобившиме за ово предпрїятїе любовь и похвалу избранћйшихь Нацїе наше, одЪ коихь сте и Ви дражайши мой! Заслужити.

Они люди такосуми добри и мили били, да одЪ толико година и данасЪ срце ми за нима тужи, као да самсе сЪ нима юче разстао! Любовь кь науци моралае у мени силна бити, кадЪ ме э одЪ нихь одЪтргнути могла. Безьсумнѣнїя, ово сладко и благородно свойство, тако неотложно и природно срцу и души нашей ЛЮБОВЬ! мора за нещо вѣчно опредѣлено бити; ерби, почти, за луду било, кадЪ би само, за нако скороизчезаеме предмѣте бытїе свое получило. Изь косова пређемЪ у Манастирь драговићь, гди самЪ два цѣла месеца некога Попа Лазу чекао да сЪ нимЪ у приморїе дођемЪ; Зашто, како самЪ рекао, будући у неки мѣсти кужни морь, самЪ нисамЪ смео путовати: а ови свештеникЪ држао едну парохїю дань ода дугу, гди кућа гди две а гди пепь поизмешате међу римске церкве людма.

ма. Онь поће у велики пость свое люде исповедати и причестити: МладЪ СвештеникЪ као и я, дакле за едно исповедамо. Но оне доброте люди нитїе гди чути на свету ни видити! Доће са страхомЪ да се исповеда; а никаква зла у животу нїе ни помислїо; неимати ницца казати разве даэ кадЪ у среду и петакЪ эо (за хїљяду глава неби ко погодїо, да мусе некаже) рака! Ницца друго: или пасуля са зейтиномЪ; зашто у приморю зейтина изобилїе. Аколїе ко, на злу времену, несташне яриће сапериваюћи опсовао; шайтїе међу нима найвећи грешникЪ. Међу овакови свети грешници проведемЪ велики ПостЪ и празнуемЪ Воскресенїе. По празнику одпратиме Попь Лазо до града Трогира, кои эту близу; одавде прећемЪ у Сплитъ, и мусе укрцамЪ у едну Месалонитску Тартану, за Корфь.

У Шклову 1788.

S. S. Ово э шести месецЪ какосе чека овде Типографчикъ, по свой прилици нће одржати речЪ: За то намѢравамЪ поћи у Лифландїю; гдићусе на добрамЪ Господина Генерала Зорича месецЪ дана бавити; одаплећете одЪ мене слѢдующе примити писмо.

ДРАЖАЙШИ ГОСПОДИНЕ МОЙ!

У Тартани съ коиомъ пођемъ путь Корфа билоэ око двадесеть кораблѣника сви Греци доедного, а я гречески нигде ницца; разсудите какомїе морало бити! А како сви сазнаду да я нїова неразумемъ эзика, свима доће већа желя да самномъ говоре. Добро за ме що самъ при Книню неколико талїански научїобїо; ово мїе ласно било, за велико подобїе овога эзика съ влашкимъ, те самьсе могао съ капетаномъ корабля и съ некима одъ кораблѣникововь разговарати; а безь тога самъ незнамъ щоби чинїо. Слушаоби съ великимъ, вниманїемъ, небили найманѣ що разумео; нигде ницца! Никадъ довека, помислимъ у себи, не научи я овогъ эзика? Щое ситно ситно, преко сваке мѣре и разлога. Просиплюимсе речи изь уста како суще просо; нитисе могахь доволно начудити, какосе они могу међу собомъ разумевати? Но, що богъ да, речемъ утѣшаваюћи себе; докъ ово новчића имамъ гледаћу небилисе що научити могло; а кадъ ни нестане, а яћу опеть у Далмацїю. Лепо време, весма поспѣшань вѣтарь; и тако трећи дань доћемо у пристанище Града Корфа. Платимъ капетану за превозь; а онь зовне човека съ баркомъ, коему на меспо две газете що биме на брегъ изнео, дамъ му двадесеть, съ уговоромъ да се постара наћи ми квартирь гдисе талїански говори: Овай узме новце извеземе на брегъ, избаци замномъ мою торбу, пакъ отиде своимъ путемъ: Зовемъ я! Молимъ! Онь ницца: валя да э бїо са свимъ глувь. Останемъ на брегу Предъградїя, кое самъ потомъ сазнао дасе Мандоћь зове; обзирућисе на десно и на лево, и незнаюћи ни кудьћу ни щоћу: Сатъ по подне сунце припекло, нити дае ту више

стоя-

спояти. Упазимъ на краю Предьградїл широку ограду зида, унутра зданїя и лепа церковь, видимъ врата авлїе отворена; уђемъ, и седнемъ предъ црквомъ, подъ торонь у любкомъ ладу; съ намѣренїемъ чекати ту докъ се поспусти сунце и дань поразлади. Овде замишлѣнь и забринуть; одъ мореплаванїя (кое мїе први редъ тако дугачко било) забунѣнь и чисто као пїянь- и непада ми на умъ да нисамъ ручао; седећи наслонимсе на зидъ и задремамъ. Иза сна чуемъ шаптанѣ отворимъ очи: Некъ дерьми садь каже ко зна? ща угледамъ! множество неописане красоте девояка, и међу нима гди коя Калуђерица поизређалесе по пенчери. Щоће ово садъ бити одъ мене ко бога вѣруе! Помислимъ, но що самъ я кривь кадъ э авлїя отворена? У тай ма, улѣзе у авлїю и приступих къ мени съ дугачкомъ бѣломъ као снегъ брадомъ свещеникъ; кои, кадъ види да я гречески нища неразумемъ, стане беседити талїански, и на питанѣ кажеми, да э то Манастирь калуђерица гдисе кћери господе Корфа уче и воспитаваю: отвори церковь, тусе поклонимъ и цѣлуемъ предивно изображене иконе; Кадъ етоти пречестна вида старица, съ другима двема Господичинама, любопитне знати ко самъ, кудъ и защо идемъ? Кажемъ имъ; и какоме э они нипковь баркаруолъ оставїо на брегу. Сожале оне о мени, и речеми старица, благодари бога що нисисе на горега намѣрїо, коибити и торбу одиео. На нїово питанѣ имамьли трошакъ на тако далеки путь и у туђимъ странамъ; одговоримъ да я новаца доста имамъ на две или три године. Онда стара госпоћа заповѣди своме капелану (то э бїо ови Свещеникъ) да ме узме у свой домъ: пробеседи нещо съ нимъ гречески; пакъ онда мени рече. Можете стаати у дому попа Марка ако вамъ буде по воли месецъ или два, докъ що мало гречески научите, защо ћете доћи у пакова мѣста, гди се талїански не говори; и

за та два месеца я ћу за васЪ платити, ви ниспему дужни ни новца дати; при томЪ чувайтесе да му ништа не дате узаямЪ, тому э сва мана, узаимлюе пакЪ неће да врати: и докь се годЪ добро сЪ кимЪ непознате чувайтесе свакога! ЗафалимЪ иой, на матернѣй милости и наставлѣнїю, и кажемЪ да найвише акосе ту уставимЪ биће месецЪ дана, защо би радЪ колико пре у Аѳонь доћи. Одведе ме Попь Марко у свой домЪ, и нађеми едногЪ младогЪ солдата далматинца кои добро гречески знађаше: погодимга за цекинь на месець да ми сваки дань у уречени часЪ долази, и почнемЪ писати сЪ нашимисловами нужне речи и разговоре гречески. Ови Солдать учиниме сутра дань познанисе сЪ еднимЪ пощенимЪ човекомЪ ЕрцеговцемЪ именемЪ Антонїемъ; кои у граду и мађаше два своя Дућана, трговаше сЪ свакоякимЪ воћемЪ и зеленима; и ту оженѣнь добро стааше; и ови ми крепко наложи да ни пощо моему домаћину ништа не узаймимЪ; и акоми що зайце да речемЪ да су мои Новци и Антонїя Шћявуна на сохранѣнїю. Пети дань мой попо зарь валя дае прегледао ща я имамЪ упорби, и видећи да ту ништа не стои него две три книге; неки рукописни Папири и преоблачила, запиташе при ручку, гди я мое цекине држимЪ, говорећи, да нїе ſenza rischio, то есть безбѣдно, даи са собомЪ коекуда носишь, но дай, да ти и сачувамЪ. Я већь на то приутоповлѣнь кажемЪ му у когасу. Подрвени савь као скуватЬ ракЪ. И гледаюћи ме накриво речеми. Che maledetta diffidenza xè queſta! La madre Superiora quel ch'el ga detto, non miga 'l ga parlato da ſenno, ſolamete per ſcherzo! То значи: какова проклета неувѣреностЪ э то! Мати Нгуменїя оно що э рекла, нїе нимало говорила за исто, само за шалу! ћутимЪ я мислећи, шала, или не, ти башь нећешь ништа имати! пакЪ онда погледамЪ и я на нѣга, башь као и онь наме, показуюћи му да не маримЪ за нѣга ни за нѣгову

гову кућу: већь я имамъ поцена познаника у граду а новаца у кеси то э мени доста.

По подне дође мой солдать, кажемъ му що мисе э случило съ домаћиномъ: вели ми онь; ако ниси радъ за ови месецъ защедити три или четири цекина, можешь у граду за толико имати квартирь и трапезу. Нисамъ я овде дошао да щедимъ но докъ имамъ да трошимь; одговоримъ. Кадъ э тако: (счепа онь мою торбу) а ти айде са мномъ. Прођемо крозь собу попову и кажемо му да ми полазимо. Стане онь молити даму нечинимо те срамоте, даће пропасти ако то чуе стара Госпоћа, заклинѣсе да онь ніе о злу мислїо; увати за торбу пакъ не пуща: А кадъли ти га почне мой Солдать муштрати грчески съ нимъ говорећи, смешесе онай, па руке къ себи; за любовь божїю, моли, да не пођемъ тужитисе Игуменїи! По томе можешь ти спавати спокоянь, речемъму; нисамъ я овде дошао процесъ терати. Дођемо у Градъ къ нашемъ Ерцеговцу, кои смеюћисе рече намъ. Я самъ добро знао даће то тако бити; зао э оно попь! Но стара госпоћа добра душа, видећига да плаче кадъ служи Литурћїу варасе и мисли да ніе са свимъ опакъ. Има у граду лепь Манастирићь свете Екатерине съ петорицомъ калуђера; каже намъ Антонїе да они радо примаю стране люде на кость, на неделю и на месецъ; и будући да су безпослени могаобисе и одъ ни ползовати у разговору. Пођемо къ нима и погодимосе за 15. дана, цекинь и по: И ови сви пореду суме исповедали; колико имамъ новаца? Одъ кудъ ми? и гдису? А како чую да су у Антонїя шћавуна, то нїедномъ ніе мило било чути. А лениви трбуси! Мисляхь у себи, радиби да безпослени живу и новаца да имаю! некаби учили децу као и я, пакъ би имали. Они манастирићь има лепе доодке, али се

се Игумну и калуђеромъ ницца у руке не дае, разве, щое уречено на трапезу и одѣяніе: а съ прочимъ миряни разполажу, и троше на Школе и Оспиталъ градски, кои э велики и прекрасань. У овомъ мѣсту пребудемъ 45. дана, напишемъ и изучимъ на изусть много различни разговора. Антоніе учиними познанство съ неки капетани и Маїори у венеціанской служби, Далматинци и Черногорци; кои ме одведу протопопи Града; покажуму и истолкую мое свидѣтелственно писмо; и испросе да могу у церкви Свете Екетерине славенски кои путь служити. У овомъ острову мирски Протопопь Глава э свега Свещенства: Кои му драго Епїскопь и Патрїархь шу да доће, мора нѣму подьчинѣнь бити; будући да э свети Спиридонь Патронь Корфа, а овіе бїо Мирски Свещеникъ то естъ Епїскопь оженѣнь; ибо у нѣгово време Монаси иощь нису били са свимъ преобладали. У неделю кадъ самъ хотео први редъ служити, доћеми Маїорь съ друга два Официра, и съ Антоніемъ; кажеми даће Протопопь, и многа Господа Греци и Латини на мою Службу, доћи; него да дадупронети за ме Тасъ; обнадеждаваюћиме даћемисе скупити најманѣ десетъ Цекина. Нипощо! Речемъ му нисамъ я дошао овде срамотити себе и васъ. Майде Калуђеру свѣтаопи образь! Отвеща Маїорь, и пођемо у цркву. При полазку одавде нађуми корабалъ за Мореу и спремеми едань велики Александрїиски Сепетъ пунь финога Венеціанскога бискота, избранни маслина и попржене рибе: предаду кораблл капетану 15. бутеля шкопулскога и корфїотскога вина; допратеме око десеторица ни у корабалъ, гди су иощь за рана дали спремити господски ручакъ, ту повеселомъ обѣду, изгрлимосе, изљубимосе, срдечно излюбимосе; и желећи дасе опетъ видимо (какосмосе на петь година потомъ и видли, кромѣ неки одъ официра коису у Італїю прешли били) итакоразстанемосе. У Мореуби

реуби други или трећи дань допливали, какосмо лепо време имали: Но Капетань Корабля имаюћи дѣло у Занту и Цефалонїи позадржимосе на путу. Девети дань дођемо у пристанище Града Патраса у мореи: Неделя: и рано, пођемъ съ неки кораблениици на службу у церковь С. Апостола Андреа првозваннаго. У време Причастне навале око двадесеть калуђера съ сандучићи, и съ костима у нима, проситн; међу коима зачудимсе, кадъ угледамъ некога древнѣга Исаїю дечанца: коегасамъ иоще у детинству моему у Чакову, гди на светога Краля дечанскога просаше, познао; и кои, да неби моега Тетка Николе биме одвео у Дечане; Потомъ Дїакономъ у Хопову, по бачкой проснти виђлосамга. Овай сущи носи едну сребрну кутїю, и србски ище говорећи; дајте милостиню на моши свете Анне у Манастирь Савину! А нѣговь дїаконь за нимъ проси на моши С Пантелеимона. Незнамъ илъ мїе згаднїе било, старога погрблѣна, гди по цркви кашлѣ и циганчи, гледати; или нѣгова бѣдиога дїакона, здраву момчину углађену, съ дугимъ перчиномъ, кои му сва леђа покриваше, и съ таковимъ слободнимъ и безьстиднимъ очима; не као да чебрачи; него башь као да нещо дели и раздае, тискасе крозь народъ и за худимъ своимъ старцемъ пристае; и людма мира неда. Полазећи изь корабля запитамъ ца самъ дужань за Превозь платити? Капетань одговори да э све плаћено у Корфу и да я ништа нисамъ дужань. Конзулъ венецїански на кога самъ имао вручително писмо, примиме учтиво, и даде ми пасапорть да ми неби нигде у турской Арача искали. Одавде, всегда наодећи дружство пођемъ одъ мѣста до мѣста лагано, за прегледати ови прекрасни, и у Исторїи славнѣйши Островь: кое кадъ би хотео све подробно описивати требалобими неколико табака напунити. Два цѣла месеца задржимсе ходаюћи по различни неизказане красоте мѣсти,

и крозь Трїполицу древлѣ зовому Мегалополисъ отечество Фїлопименово, прѣемъ у Навплеонь, и ту нађемъ корабаль за Аѳонску гору.

Четверти дань стигнемо подъ Светопавловски Манастирь; како изиђемъ на землю, улѣземъ у едну башчу, услаждаваюћисе красотомъ различни воћни древеса обременѣни плодомъ; тусе проодамъ за разтрезвитисе одъ морске несвестице: Не далеко подъ єдномъ маслиномъ учинимисе да видимъ едань дугачакъ щапь съ верха накривлѣнь неизказане красоте; осияваюћига суице разни цветова шаре чрезьвичайно блистаусе, као дае свакимъ видомъ многоцѣнни брилїанта изъпещрень. Чудимьсе коби такову вещъ ту оставїо; приступамъ лагано; и будући одъ младости кратькога вида; доћемъ око десетакъ коракляи близо, и ту самъ незнамъ како се уставимъ; и на мѣсто щоби ближе приступїо почнемъ натражке (све на ту вещъ гледаюћи) уступати. Два или три коракляя измакнемъсе, и тада познамъ, да оно на врху накривлѣно то э зла Змїя окренула била главу къ мени, чекаюћиме да ближе доћемъ; А како види дасе я измичемъ, окрене одъ мене главу и съ устремлѣнїемъ отиде. Благодарећи благой промисла Десници на избавлѣнїю; съ ужасомъ побегнемъ на полѣ. У томъ манастиру нађемъ неколико болгара монаха, одъ кои едань одведеме крозь карее у Хїлендаръ. Какомїе жао било чути да э Учителъ Евгенїе; немогући трпити ту коекакве калуђерске кабале, пре четири месеца, то чудновито мѣсто оставїо, и ученицисе сви разишли. Како монаси живу у томъ мѣсту, то знамъ до сте чули одъ други и да знате; аколи незнате, иощъ болѣ! Нађемъ неколико Сербовь у Хїлендару коисе ва векъ века съ болгари инате, и не могу дасе погоде, чїи э Хїлендарь, Мой добри и любими Ѳеодосїе карловчани-

чанинь, и онь се ту мора инатити! Ту проведемЪ Эсень и Зиму: а на пролеће, поћемЪ опеть на море за пређи у острова Патмосъ, чујући да се онде предае Еллински эзикЪ. Намѣрисе корабалЪ за смирну у Азїи малой; а одатле, кажуми, да се сваки дань може пригода имати за пређи у ПатмосЪ. КадЪ дођемо у Смирну извезуме у Франкомаалу, (такосе зове часть града гди Европейци пребиваю) при обѣду на моемЪ квартиру, доће ручати и едань Архїтектонь грекЪ, Овай, у разговору чујући кудЪ намѣравамЪ, речеми талїански, да ако оћу, да ме одведе да прегледамЪ греческу велику школу и познамсе сЪ учителѣмЪ Іероѳеемъ. У три сата после подне поћемо, и наћемо Учителя гди множеству ученика (одЪ кои бяху неки Свещеници сЪ великимЪ брадама) толкуе нещо. Каковоби блаженсіво замене било (мислимЪ у себи) кадЪби и я међу ове могао пристати! КадЪ онь сврши предаваће; доће други млађи учителЪ другой класси предавати; поћемо у нѣгову собу; и како му кажемЪ щосамЪ, кудЪ и защо путуемЪ. У Патму, речеми; за две или за три године поарчићешь све що имашь, пакЪ очемЪћешь после на трагЪ поћи? Остани овде, речеми, гди ако и десеть година узстоишь за квартирь и препитанїе нећешь ни новца потрошити. Ова школа рани 30. ученика; а изь тако далека мѣста дасіпе петорица дошли ябивасЪ радо примїо. Учинимисе као да неко божество изь нѣга говори: Пунь радости приступимь да му цѣлуемЪ руку: но онь ми рече, Богу благодари, кои теэ овде довео, гдићешь получити све що желишь! Призове Попа Анѳима аѳинейца, и речему да ме прими у свою собу, коя э за две персоне; а онь э у нїой самЪ. Ево любими мой! ПочепакЪ, могу рећи, моега благополучїя на овоме свету и мое давно желаеме науке. О моемЪ пребиванїю и упражнѣнїю при

овомЪ блаженомЪ божїемЪ чловеку, учителю и благодѣтелю моему, говорићу иоще у слѣдующемЪ писму.

У Сесьвегену вь Лифландїй
Іулїя 1го 1788.

ЛЮБИМИ МОЙ!

Ово що би вамЪ радь описати у настоящемЪ писму, толико э за ме знаменито, да ћеми невозможно бити представити вамЪ то, тако: како я у свему животу моему то исто чувствуемЪ. Све остало; сиречь, що самЪ изь Баната изишао; а по томЪ изь Хопова; изь мѣста у мѣсто преходїо; и опетЪ се враћао; и по томЪ изь ноза одходїо; спрама овомЪ случаю, толико мисе чини; колико обични всеобщи догађаи, коисе свакомЪ повседневно у животу, више просто, и случайно приключаваю нежели по предваритєльномЪ намѣренїю и Плану дѣлаю и исполняваю. Али да самЪ у Смирну дошао, о коиой нитисамЪ сањао, нити знао, ни мислїо: да самЪ ту, гди ни дань ни два Нисамъ намѣравао стаати, три године пребивао! (и дасе прежня Россїйска и турска не заче Война иоцЪ би може бити три) и да самЪ онога божественнога мужа, Новога Гр-

Греческога Сократа; то есть Учителя Іероѳеа познао! НимЪ милостиво примлѣнь бїо! Нѣгова благодѣянїя, любови и Науке сподобїосе! У овомЪ видимЪ и познаемЪ таково лепо плана разположенїе; коега, не само я самЪ, сЪ дѣцинскомЪ моимЪ памећу; него и ОтацЪ мой и дедь да су ми сЪ своимЪ совѣтомЪ помогли, неби могао тако измислити; разположити, и благополучнїе у дѣйствїе произвести. Овде дакле очевидно познаосамЪ невидиму Десницу благога промисла, кояме води, и мномЪ управля „

По плѣненїю Цариграда, кадЪсе сви учени Греци по Італїи и по Францїи разбѣгну и те землѣ зачну просвещавати: За малимЪ э остало било да се Елински эзикЪ и наука, у истомь отечеству и дому своме, то есть у Грецїи са свимЪ не забораве и непогибну. У островомЪ греческимЪ подЪ Венецїанскимъ владѣнїемЪ, едвасе иоще гди кои учень чловекЪ да предае Елински находїо, али кадь турци Кандїю Ципарь и Мореу одЪ венецїана завоюю, тада и ту и нестане. После тога, кое одЪ грековь хотео свой стари Эзикь знати; принуждень э бїо у Італїи, у Сицилїи или у Францїи тражити га или у малимЪ островомЪ Занту и Кефалонїи, коису у венецїана и до данасЪ. При почетку осамнаесте стотине година, два монаха Макарїи ПатмїосЪ и ГерасимЪ ИоакисїосЪ, како у вишеименованимЪ островомЪ, тако и у Італїи получе лепу науку не само Еллински мудреца, него и новїи коису у Европи до тога цветали времена. Доћу у ПатмосЪ и ту сЪ помоцїю Цариградски, Смирнейски и Хїотски трговаца, не само воздвигну лепа зданїя за школе, но и домове комодне за пребиванїе ученикова, и капиталЪ доволянь саставе, одЪ коегЪ доодка дасе моту, како учители содержавати, тако и неко число оскудни ученика препитавати. Изь ове школе у неколико година изиђу многи учени Свеще-

ници и учители, кои по томЪ составе училища у различни поглавити мѣсти Азїе и Грецїе: одЪ коихь э бїо едань и вѣчноблажене памети ІЕРОѲЕИ Учителъ Смирнейски. Богочестивь и благочестивь безь свакога суевѣрїя, прость Монахь, но монашески злоупотреблѣнїя; лажа, и прошяченя, и измишлѣни икона и моцїю за новце чудотвореня заклетъ непрїятелЪ и изобличителЪ. Какоби му ко казао да э та и та Икона чудотворна; онь би питао, стоили она сама собомЪ на воздуху, или э приковата, прилеплѣна за зидЪ, или о Ексерь привешена? И какоби чуо, да прво нїе, него фторо; видишь да нїе чудотворна! Рекаоби. За такову свою фїлософическу, и у прав благочестиву любоистиностЪ сви калуѣри Іерусалимци и свештогорци, ко живь зна що би му учинили дасу могли! Али э нѣгова непорочность и добродѣтелЪ тако позната била, да не само савь народЪ смирнейски, Хрїстяни; него и исти турци вишесуга почитовали и любили него све калуѣре на свету: И за то тешко би оному било коби у нѣга дирнуо! Мїтрополитъ Смирнейски Неофитъ; иначе благи, честни, и добродѣтелни мужь, но по несчастїю, православань даже до суевѣрїя, равно 15. година мрзїое на нѣга, питига э у све то време пущао у церкви проповедЪ говорити; и да э могао и власть имао бига не у Сибирїю него у Камчатку у заточенїе оправїо, или ко зна, ако неби и горе съ нимЪ разположїо! Защо э страшна зверка ревность за православїе а безь разума! Да э у овомь вѣку мода била саборе купити, и ко сващо не вѣруе проклинати, мой би УчителЪ много горе прошао него исти ОригенЪ; когасу проклели и Анатеми предали нимзло на то не смотраюћи, що су, Василїе велики и Григорїе Назїанзинь съ ОригеновимЪ списанїямЪ цркву и благочестїе защищавали. По протеченїю 15. година видећи речени Митрополитъ Неофитъ да слава добродѣтели

тели Іероѳеове не токмо у смирни, него и по свой Азїи, Грецїи, и Архїпелагу расти: доће у чувство; наипаче, какосмо беһь рекли, будуһи добра срца и душе: ужасисе како э могао за толико времена на такова добродѣтелна човека мрзити! Смирисе, исЪ Іероѳеемъ любовь и дружство учини; и за тимъ преживилису други равно 15. година у крайнѣмъ прїятелству. Месецъ дана пре него я доћемъ у Смирну престависе Неофитъ; зато, лицемъ нисамъ га познао. Блажене памети учителъ Іероѳей бїо э родомъ изь Иѳаке Одиссеова отечества, кои э малень островь у венецїанской держави. Пре моега кь нѣму пришествїя предаваое науке 30. година, а после мене 16. Онь да э любителъ богатства бїо, могаобисе у таковомъ мѣсту и обстоятелствамь весма обогатити; али онда неби бїо, то що э бїо; нитибисе овако о нѣму писало и проповедало. Кадь самъ у прекрасну Смирну дошао знаосамъ неколико гречески просто; научивши нещо у Корфу, а нещо у Мореи и Хїлендару. и могаосамъ тако говорити да мисе не само деца него и стари люди смею; али самсе и я нима смеяо, чудећисе, чемусе имаду толико смеяти? Какобисе лекцїе свршиле, скупилабисе на чопоре дечица око мене како исти врабци на просо, коће пре самномъ говорити; сви биме учили и наставляли; у овакомъ миломъ дружству у четири петь месеци могаосамъ ласно беседити: А како получимъ ласность у простомь эзику; Еллински мїе било врло удобно. Псалтирь и све церковне книге то самъ све са славенскога совершено разумевати могао; и тако на концу едне године наћемсе напреднїи, не го други коису три и четири године пре мене почели. Тада веһь дечица нисуме питала као прежде, Папа! Ποῖος σὲ ἔκαμε παπὰ ἐις καιρὸν ὁποῦ δὲν ἤξευρες γράμματα? Попо ко те э запопїо у време кадъ нисизнао книгу?

гу? У дому школскомъ содержавалосе око тридесеть ученика изъ различни мѣста Грецїе и острова; у мое три године ту, некису одлазили; а неки долазили; и тако имаосамъ начинъ познати изъ свїю страна греческа свойства. Сви школски Алумнисти живяху у крайнѣмъ доброхотству и любови; нитъ би ту ко узрока имао на кога разсрдитисе и злобити. Учителъ самъ будуѣи како Ангелъ небесни, и къ свима како чадолюбиви родитель; сви смосе старали какоѣемо таковой доброти вѣма угодити; а нѣму иначе нїесе могло угодити, разве чрезъ прилѣжностъ ко ученїю и доброту нарава. Любима греческа Юностъ склонитїя э и способнїя къ науци паче свїю народа на свету: Приридно хитри и остроумни; кадъсе изъ младости на добро управе, нейма доброте и вредности надъ нїовомъ: но изъ тога самога узрока, акосе на зло упуте, ту се валя здраво на умъ узети: ибо, велика хитростъ кадъ се на лукавство преобрати велико э зло: али злу, пакостну, и лукаву, при Іеровеу нїе било станка ни пристаница. Фторо лѣто, будуѣи кужни, поморъ у Смирни, провелисмо у школски прекрасни домови полски, окружени съ предивнимъ башчама, преисполнѣнимъ свакимъ родомъ воћни древеса, лоза, и зелени, кое благополучна Азїа раћа. Трапезу смо сви имали заедно съ учителѣмъ, и сваки одъ ученика кои э вина хотео пити, имаое на обѣду и вечери по две чаше прїятнѣйшега вкуса вина: у элу и пиѣу никакво другого разанствїе нїе било, развѣ акоби благодатни нашъ учителъ чашу или две вина више него прочи попїо. Сви одъ већи ученика доброволнобн и радостно нижнимъ лекцїе изяснявали, и неудобьразумителна мѣста толковали; тако да сваки одъ насъ ималисмо не еднога учителя, него десеть и двадесеть коиби едва чекали да насъ у чему наставе. Фтори учителъ за Іеровсемъ бїо э Хрисанѳь, одъ први нѣгови ученика; кои

э

э и домостроителъ бїо. Хрисанѳосъ значи златни цветъ; но овога чловека душа, таковае блага, сладка и добра била; да э достоянь бїо зватисе райски, небесни, божїи цветь! Мой камарада попь Анѳимъ Аѳинеацъ, биое мирски свещеникъ; но младомъ умрему супруга: Ови човекъ дасе нїе на Науку за тимъ дао, безь сумнѣнїя неби живїо! На дванаесть година по смерти супруге свое, кадъ би годъ послучаю изрекао речъ, жена моя, биму потекле сузе; као да се тай дань съ нїоме растао. Агапїе Пелопонисїотски; Кипрїань Криписки; Максимъ Ларсїотски; Никада нисамъ на ове люде погледао да не помислимъ; Овакове, вѣчни Боже! Дай Хрїстяиству Епїскопе! Но мучно ће одъ ни кои тамо доћи; ерь къ тому они заната незнаду; а неће дага уче. Овакови су били Іероѳееви ученици; и ласное вѣроватн да за 45. година своега учителства многое добра учинїо. А кадъ су Греци подъ лютимъ удручењемъ то кадри исполнити, що се може одъ ни ожидавати кадъ буде божїя воля да се освободе, и доћу у такова обстоятелства гди сами ЦЕСАРИ то изискую и налажу? Моега првога познаника Архїтектона посѣщаваосамъ и всегда самъму благодарїо, и докъсамъгодъ живь благодарићуму щоме э къ Іероѳеу одвео, богъ гае самъ на то наставїо. На исти начинь доброга моега благодѣтеля Господара Максима Куртовића изь Требиня у Ерцеговини; ту самъ найпре познао; и онь ме э всегда радо виђао, и на свомъ Кварширу дочекивао; и при полазку любезно обдарїо. При окончанїю треће године моега ту сладкопоминаемаго пребиванїя почнесе говорити даћеду турци Россїи войну обявити: Мене су многи ту називали папа Сербосъ, а многи папа Московитисъ; нима э то све едно било. Кажемъ учителю дасе я весма боимъ акосе война зачне. И мисе сви боимо, отвещами; самъ богъ зна що се овде може слу-

случити! Дакле болѣ э мени, речемъ, уклонитисе за времена? Я сожалуемъ, одъговорими божествени и блажени отацъ; али у оваковимъ обстоятелствамъ, незнамъ ти совѣта дати. У то време Дїаконь Максимь Ларисїопски, Фїлософическе класи ученикъ спремашесе за поћи дома; дакле и я съ нимъ у дружство. Наћемо корабалъ Идрїотски за Мореу: Цѣлуемосе и опростимо съ Оцемъ, милостивимъ благодѣтелѣмъ и учителѣмъ Іероѳеемъ съ добримъ Хрисанѳомъ и съ прочи любими Соученици и прећемо у корабаль „

Света, блажена, богоугодна Іероѳеева ДУШЕ! Давно самъ я одъ благога бога ови часъ желїо, да могу за живота рећи ПОВѢМЪ ИМЯ ТВОЕ БРАТІИ МОЕЙ, И ПО СРЕДѢ МНОГИХЪ НАРОДОВЬ ВОСПОЮТЯ! Праведна Душе! Тисе садъ водвораваш съ блажени духови у слави небеснога Отца, за когаси живила и коегаси свету исполнявала волю! Прими ови знакъ вѣчне мое благодарности и воспоминанїя! Проповедаюћи и славећи я добродѣтелъ и име твое, славимъ самога Бога кои э изворь и первѣйше начало свакога добра и благодати!

У Сесвегену

1788.

ДРА-

ДРАЖАЙШИ ЛЮБИМИ МОЙ!

Вѣтарь смо имали споспѣшань, но одъвећь крепакъ за изићи изь великога Смирнейскога пристаница: Тартана идрїотска била э срећне величине, новоустроена и здрава, но одъ већь обременћна; ибо осимъ обичнога товара у вещма, наоћасмосе ту около 50. персона пасажира, одъ коихь половина э била жена и деце, кои сви прелазаху у мореу. Пошлисмо сь мѣста пре подне; око вечернѣ доба билисмо већь у широкомъ мору; кадь шисе подигне такова силна бура да нисмосе нимало надали одъ потоплѣнїя избѣћи: Такове вриске жена и деце неби радъ већь у животу чупи. Мой другъ Максимъ и я, нисмо о себи ни мислити могли, смапраюћи на страхь и жалость родителя о дечици нїовои; и да нїе корабалъ весма якъ бїо, и кораблепници искуснѣйши люди, мучнобисе спасли. У зору престане дождъ и бура, и капетань озгорь повиче намь веселимъ гласомъ, *καλόκαρδοι δὲν ἔναι πλέον κίνδυνος*! Добра срца нїе више бѣдствованїя! Тада сви, едань на другога наслонѣни, поспимо како полу мрши: Сутра дань нађемосе у едномъ великомъ но пустомъ пристаницу острова Митилине. Сви изићемо на брегъ и сърадуемосе едань другомъ о благополучномъ избавлѣнїю, како дасмо една едина фамилїя. Ко би могао описати ону чувствителну срца радость матера къ чадамъ своимъ! Рекаоби да су изь мрши воскреснули. Негубите времена! Викне капетань; ту се лепше руча него у тартани; ручайте; пакъ ћемо съ богомъ путовати. Дань э велики фторникъ, но свисмо имали различни морски посни припаса попржени сипа, охтапода, острїя, и вина доволно: ту сви у обще ручамо, и напїемосе

како-

какогодЪ дае воскресенїя дань; и трећи часЪ по подне сЪ тихимЪ вѣтромЪ дигнемосе, и на велики четвртакЪ стигнемо у Навплеонь; гди нађемо тай испи дань дружство за Патру, наймимо и ми две мазге, и по суву дођемо у Коринѳь: Сићемо кь мору, насЪ око 15. наймимо велику барку коя насЪ довезе у Патру на сами дань воскресенїя. Овде одпочинемо сву светлу Седмицу; намѣрисе корабалЪ за брегове Епира, куда мой любезни другЪ желаше поћи чрезь Іоанину у Ѳесалїу; а мениби одатле ласно било превестисе у Корфь: но одавде двадесеть цѣли дана ималисмо непрестанно противне вѣтрове; и щое горе разболисе мой МаксимЪ, а на мору боловати сохрани господи! У све то време, ништа нїе могао у стомаху држати; дођемо у свете четрдесетЪ, спрама Корфа, и како изићемо на землю лакше му буде, и у петь дана предигнесе; но доћи кь крепости, томесе оће времена. Албанези неки изь Хормова пролазећи туда и видећига такова, сожале о нѣму; и обѣщаюсе повестига до Аргирокастра, а одатле близо муе Іоанина. Известимосе му; кажу намЪ, да сЪ Хормовитци може ко преко цѣле Албанїе проћи да се никога небои: Алига я тако слаба, одЪ себе ни пощо и никако неби могао отпустити; дакле нађу намЪ две мазге и поћемЪ и я сниша; прво за допратити друга моега любимога до Аргирокастра, а друго, видити часть Албанїе. Хормовита било до 20. момака, сви сЪ оружїемЪ пѣшице, како Лавови, а ми два на мазгами; ОдЪ Аргирокастра до Хормова нема више него три сата; други дань ода дођемо у речени ГрадЪ; одатле безь наймани комплимента, простосердечно зовну насЪ да идемо у нїову варошь, говорећи намЪ: Море лудисте ако недођете! Море такога мѣста нитисте видли на свету нитићете видити! Ми имамо банЪ у край вароши едань манастирићь светога Николе; десеть калуђера мо-

тли

гли би у нѣму лепо живити, а неймамо него цигло еднога; ерь ми албанези нећемо дасе калуђеримо; ту ћемо васЪ држати ако оћете три месеца, или три године, да ни паре не потрошите: Аколи вамЪ се смили останите сЪ нами за живота; намиће тако мило бити, колико да васЪ э богЪ сЪ неба кь нами послао. Видителн каквисмо ми момци! (све намЪ ово први одЪ ни гречески беседи) овакови насЪ има, фала богу! У Хормову до две иляде, осимЪ стари: Видићете ту одЪ осамдесетЬ година старце, кои иду узь гору подЪ оружїемЪ пѣваюћи. Разиђусе ови по граду за свои посли; Нашь квартирь близу школе; одемо посѣтити Учителя, именемЪ Елефтерїя; честнога мирскога чловека сЪ женомЪ и сЪ фамилїомЪ. Кажемо му сЪ кимЪ смо дошли, и како насЪ позивлю кь себи; но мисе побояваме у вилаетЬ далеко кь непознанимь людма пущатисе; и ови намЪ поповрди о нима то исто що смо пре чули. Айде дакле у име божїе, баремЪ да са свимЪ здрава любезнога моега видимЪ, и дасе здрави разстанемо „

Сутра данЬ попнемосе на високе хормовитске планине; нађемо прекрасну велику варошЬ одЪ седамЪ стотина домова, све каменна здања како кастели; само у вароши има око 50 извора, кои, на край вароши саставляю малену рѣку; ова башь кодЪ Манастира спущасе у преужасно дубоку стрмину сЪ таковимЪ хуукомЪ да самЪ мислїо, ту човекЪ никадь довека не заспа! А потомЪ самЪ познао дасе нигде на свету лепше не спава: Спаваюћи чинитисе да си на небу, и да ту, прїятнѣйшу некакву и чудну музику слушашь. Ти люди као дасу насЪ чакЪ изь Смирне ту дозвали да насЪ часте! Прве старешине све по реду; а лако имЪ э частити; акосе мрси а онь заколѣ изь свога стада овна, полакЪ испече, а одь

одь друге половице начини две три Пите съ скорупомъ и съ младимъ сиромъ; вина свакь има у подруму, ерга нема коме продавати: аколисе пости, одъ рибе ту поста нейма, пошлѣ два момка сать ода у долину, гди изь међу планина велика рѣка тече, пуна пастрва и различни други пресладкога вкуса риба; за варенѣ ту нећеду да знаду, нити за чорбу маре: Зейтинка преизряднога имаду до изобилїя; зато, и рибу или пржену эду, или съ питама; кое у постъ овако праве. Обаре зелѣ, изцеде изь нѣга воду, разложега съ питомъ у тепсїи, успу зейтина безь щеднѣ, пакъ онда разрећаю рибу озгорь, и тако се испече съ питомъ заедно у предивнога мириса зейтину; пакъ онда некь се слободно предъ овакомъ питомъ сакрїю талїанске Пащете и инглезске Пудинге! Ко би радъ знати, какосе то куша? Каколисе у усти топи? И какову прїятность у гортану, туда пролазећи, причинява? То неће изь овага описанїя ни одъ стотине едну часть познати. Ко ово прими за велерѣчїе, весма се вара: ибо прїятность, кою толико хвалимь; не состоисе у готовлѣю, него у природьной сласти рибе, зеля и зейтина. Десеть дана по нашемъ пришествїю, старешине мѣста опредѣле послати некога попа Ћику у приметь и у друга неколика мѣста къ некимъ Албанезскимъ Агама ради общи свои дѣла; ибо Хормовити имаду свое договоре и союзе съ многи поглавари и Пашама у Епиру и у Албанїи. Запросимъ да ми дозволе съ попомъ Ћикомъ поћи за прегледати мѣста куда онь има пролазити. Μορὲ καλόγερε νὰ πὰς, μὰ τὸ θεὸ ἔχεις τὶ νὰ βλέπης! То есть, море калуђеру да поћешь, такоми бога имашь ща гледати! Одговорими Дима дука, едань одъ први старешина. Речени Свещеникъ, за четири или петь дана, могаое свршити свой посао, и вратитисе; но мени

за

за аатрь, ходїое ови чловекъ самномъ равно пет-
наесть дана; по такови мѣсти гдису хормови-
тски союзници и пріятели. Свуда одъ турака
и хрїстяна албанеза еднакосмо били примани и
чашћени, и одъ мѣста до мѣста праћени. По-
пь Ћика и два хормовита съ нимъ билису, како
валя, вооружени; но и тако гди гди бивалое су-
мнѣнїе дасе не намеримо на веће число Хормови-
тски и нїови союзниковь непріятеля; за то у
такови мѣсти давалису намъ по неколико мома-
ка съ оружїемъ за прапню; 15. ти дань дођемо
дома, и наћемъ моега друга весела здрава и ру-
мена; но онь се мени почне ругати да самъ одъ
сунца поцрнїо: нека самъ, речемъ му я; кадь
самъ видїо що у момъ животу нисамь мислїо
видити! Иза исто достасамъ одао, али такови
великолѣпни и божїе красоте мѣста нигде ниса-
мъ видїо. Блаженство се некаково чувствуе само
мислити за онакова дивна мѣста; какоби дакле
било, ту живити, да су нарави они люди питоме
и да међу нима Закони, правда и просвещень ра-
зумъ царствую и нима управляю? Не понятно и
ужасно э и помислити! Доклеће онакови прекра-
сни, хитри, и храбри народи, и у онаки мѣ-
сти; само за незнанѣ и слепоту ума, у варвар-
ству и у дивячеству нарава пребивати; и едань
другога, за багателу, како истогъ зеца съ пу-
шкомъ у чело или у срце погађати? Мени небы
противно било, речеми мой другъ, едну годину
овде провести: и яћу стобомъ, отвещамъ я;
навластито да би чрезь тебе къ већемъ совершен-
ству Еллинскога эзика поспигао. Дай руку!
На! А кадъ ово нашимъ хормовитцемь обзна-
нимо, срдечносе возрадую; при томъ кадъ имъ
иоще кажемо, да ми благодаримо на нїовой лю-
бови и доброти; али за луду хлебь эсти, то
нїе праведно; него нека долазе къ нами десеть
или двадесеть деце да се що одъ насъ поуче;
будући да ми за други посао нисмо. Добро,

одъ-

одъговори Дима дука, кадьсте ви таки, и ми ћемо знати какоћемо васъ отпустити кадъ одъ насъ пођете. У то исто време чуесе по свой Албанїи да э Стефань мали съ черногорци турке кои су на ни пошли били разбїо; и много се о нѣму говораше и казиваше. Прође то лето, и евесе то више о Стефану маломъ почну туда гласови разносити. Я самъ већь могао доста добро албанезски говорити; нїовь э эзикъ простьи за то ласносе дае научити; а съ нашимь словами пишесе колико да су за нѣга начинѣна, и тако сваки дань би писао по кои разговорь и на изустьизучїо; томе се албанези чуђяху и радоваху, видећи цо никадъ пре тога нису видли, дасе и нїовь эзикъ тако лепо дае писати. (я самъ, на близо две године после тога, у венецїи познао некога Попа Ѳеодора учителя Мосхополскога, кои э и на цампу издао бїо нецо албанезски съ греческими словами; али съ овима неможесе ни прећа часть тако писати као са славенскима: Зацо у грековь нема слова за изговарати жа. ча. ша. и ћа. а ово э све неопложно, за албанезски како годъ и за славенски, нужно.) Ово прилажемъ овде за то; Акосе по случаю ко наће да прорече, даће съ временомъ албанезски како годь и влашки народь съ славенскими словами книга на своммъ имати эзику: Такови, человѣческому роду доброжелателни прорицателъ, некасе ни мало не бои, но ека слободно то пожелателно обще добро предьсказуе и прориче! вещъ э то такова, коясе природно и ласно исполнити може; и оће, кадъ се богъ смилуе на ону храбру нацїу, и на оне прекрасне землѣ. Како э мени мило било, одъ исти албанеза чупи да говоре! Ко сербїомъ облада тогаћемо и ми за нашега владѣтеля признати: Зацо сербски крали и наши су били. Не далеко одъ Хормова наодесе нека прекрасна поля, коя албанези не зову другояче него, ЛЕПАЖИТА. Питамъ и я, ца то значи? Незнамо

кажу-

кажуми; то э име поля: А кадь имЪ я то изясни казуюћи имЪ да э сербска речЪ. Море калуђеру! одговореми; нечудисе ти томе; мисмо са Сербли едань родЪ и племе у старо време били! При почетку месеца Септембра запросеме старешине хормовитске да имЪ оправимЪ неко дѣло не далеко одЪ Корфа, о коемЪ дѣлу мораосамсе бавити найманѣ четири месеца, поћемЪ драговолно; допратеме двоица до свети четрдесеть; онисе врате дома а я поћемЪ на мой посао, сЪ уговоромЪ да кадЪ имЪ пишемЪ изь Корфа да доћу узетиме. За едно писмо, Любими мой! МислимЪ да э већь доста написато. Аколисе вами више него доста учини, изь тога желимЪ да ниша друго не заключавате, него да сте ви срцу моему весма драги кадЪ вамЪ я толико пишемЪ

У Риги 3го Августа

1788.

ДРАЖАЙШИ ЛЮБИМИ МОЙ!

Полазећи изь Хормова казаосамЪ моему другу да кадЪ ми буде писати да управи писмо на Антонїя шћавуна у Корфь; будући да самЪ я туда имао и проћи и возвратитисе. По петьмесечному отсутствїю доћемЪ у Корфь и наћемЪ ту два писма; коя ме весма оскорбе: Перво одЪ Максима, гди ми дае на знанѣ, да на три месеца по

нашемЪ растанку зачну се велика смущенїя у Албанїи између помѣстни Паша: у коя неотложно и Хормовите моралисусе замѣшати: да онь, видећи сву прилику зли слѣдствїя; пре негосе огань междоусобне войне ужеже; одЪ пущень э бїо и одЪпраћень до Іоанине; за прећи у свое (по свой прилици у подобнимЪ обстоятелствамь) отечество. Совѣтуе ме изаклинѣ вѣрни другЪ, да ни поцо не прелазимЪ у турску землю пре негосе мирь заключи; и докЪ не видимЪ исте хормовите у корфу; ибо Делфински Паша; чрезь коега владѣнїе надлежи прећи, сложиосе э сЪ другима. Фторо писмо било э попа Ћике одЪ стране Хормовита; кои ми то исто являю. Назначую ми, на кога даимЪ управимЪ писмо у Іоанину: Веле ми да причекамЪ у Корфу кои месецЪ докЪ се види щоће бити; и акосе по шомЪ неби хотео кь нима возвратити, да ћеми послати мою торбу сЪ книгама кое су ми онде остале биле. СадЪ ми э већь било у Корфу како годь да самЪ у банату; нитими се э гречески эзикЪ чинїо одЪ већь ситань, него башь како ваља за собеседовати сь Мусами и Грацїами. На ма се познамЪ сЪ еднимЪ, око седамЪ година старїимЪ одЪ мене, но у Еллинскомъ езику и наукамЪ совершеннимЪ учителѣмЪ зовомимЪ Андреемъ Петрицополомь: ЯвимЪ му желю мою даби весма радЪ бїо, у време моега му бавлѣня слушати при нѣму изяснѣнїя фїлологическа Ритора и Поета гречески. Ови добри и благи мужь, не само сЪ великомЪ прїятностїю и любовїю, по що я просимЪ, дозволи ми; Него као да смосе отъ сложенїя мїра познавали и любили, молиме иоще да дочемЪ узети и квартирь башь при нѣговой соби у школскимЪ домовомЪ при церкви светога Іоана Крестителя; да смо всегда заедно, и кадЪгодЪ време узима да ми и приватне лекцїе дае. Учиниме познатисе са своимЪ добримЪ прїятелѣмЪ латинскога и їталїя-

лїанскога эзика учителѣмъ, Попомъ Хрисанѳомъ закинѳїискимъ; при коемъ начнемъ, (опетъ после Загреба) учитисе лапинской Граматики, кою онь чрезь талїански эзикъ у общей градской школи предаваше и классическе латинске списателѣ толковаше. Овде дакле, имаосамъ се очемъ, полезно упражнявати, да мїе слабо Албанїя и на умъ долазила; Но више изь самога любопитства разпитаваосамъ що се тамо дѣла; одъ куда све смутнїи и гори долазау гласови. Таково э бѣдно состоянїе землѣ безь разумнога правлѣнїя; гди сваки Паша оће дае царь! Одпишемъ Хормовитомъ одѣлу що суми наложили били; и кажемъ имъ да я већь у такове немирне землѣ не желимъ никада доћи. При моемъ добромъ и сердечномъ Андрею пребудемъ годину и месецъ; и правда да како онь, тако и учителъ хрисанѳь, подобнѣ и мой стари прїятелъ Антонїе Ерцеговацъ слабосуме пущали да кадъ у трактеру ручамъ, позивлюћиме кь себи на трапезу; но опетъ колико толико трошїосамъ и самъ по нещо, и доће већь време да видимъ мою кесу готову изпразнитисе, но размишляваюћи да самъ сѣ помоћю бога више получїо, него самъ мислїо и надаосе; чиниломисе да самъ топрвь богатъ постао. Кажемъ Андрею моему, да намѣравамъ поћи у далмацїу; него да поћемо распитати за кои корабалъ. Тое найлакше речеми поћемо питати; и чуемо да проведиторь Цефалонїотски, благородни Венецїань полазидома са свойомъ фамилїомъ: Корабалъ на полакъ празань; погодимосе сѣ капетаномъ за три цекина даме одъвезе у Венецїю. Кадъ дамъ ова три, остаюми иоще само петь; у венецїи потреба стаати на лазаретту 21. дань; тусе трошти Одатле до далмацїе требую баремъ одъ све неволѣ три. Неби радъ казивати да самъ у тескоби, а боимъ се да после горе не буде! Али ща ћеће нужда измислити? Полазећи изь Смирне даосамъ

самЪ бїо начинити едну горню алину одЪ фине ингезске чое: Майсторь ми э начини одЪ вєнь и дугачку и широку: ову самЪ све попезао са собомЪ, а нисамЪ э ни еданЪ редЪ обукао, у корфу има трговаца кои носе таке алине а и Андрей такове носаше. КажемЪ му да онде, кудь я полазимЪ, нїе обичай таке алине носити; стоиме око 40. пїастра; а я бїе дао за 20. или за 15. за 20? Речеми онь; купиħуе я: Обучеэ: тамань како валя; радостань као да мусе нещо весело случило; тай часЪ изброими новце: а алину фалеħи и говореħи даби у корфу 50. пїастри коштовала; метне у сандукЪ. Андрей мой, сЪ учителємЪ хрисанѳомЪ, и сЪ честопоменутимЪ Антонїемъ у слоги, спреме ми толико провизїона да би четворици доволно за 10. дана било. Едань великачакЪ подЪ локотомЪ сандукЪ пунь само бискота; два велика сепета сЪ различнимЪ вещьма. И 20. бутеля вина. Доħе дань растанка! Ласно себи свакЪ може представити, каково э разлученїе, за никадаее вєнь невидити, сЪ таковимЪ, сладкимЪ душама, сЪ коима би се за блаженство вменявало савь животь овде на земли провести! Алиби тешко моиой души било! Да самЪ са свимЪ Корфь оставїо, не споменувши Матерь Андрееву и две сестре нѣгове. Нѣгова родителница да ме э родила, небими могла боля ни милостивїя бити. Она би ми често рекла: *ὁ υἱὸς μου ἔχει καὶ ἄλλους φίλους, ὅμως τέτοιαν ἀγάπην ὁποῦ σοῦ ἔχει, ἐγώ δὲν εἶδα εἰς τὴν ζωήν μου!* Сиянь мой има и други пријятеля, но таку любовь какову кь теби има, я нисамЪ видла у животу моемЪ! Старїя сестра одЪ две године за добримЪ и вреднимЪ мужемЪ, у когаби морали сваке неделЪ по едань редЪ сви заедно частити се. Млаħа у 14. й години возраста; имаħаше и два брата наймлаħа у фамилїи. Небесни Анѓели дасе покажу у человѣческомЪ виду, заисто

неби-

небисе могли ни лепши ни боли показати одЪ ове миле и предраге фамилїе. Наймлађему: у све мое време ту, ясамЪ давао лекцїе; Зашто, Андрей чрезьмѣрно милуюћига, дете не мараше толико за лекцїе: а я, кадЪ биму э задао, само то биму рекао, чуешь георгаћи! Ако ми до то доба лекцїю не научишь, нити ми више долази у мою собу, нитиђу я кь вами доћи! [Ово э претня кою я и до данасЪ моимЪ ученикомЪ чинимЪ.] Никада ми то дете нїе безь изучене лекцїе дошло. Али самь га и я умео лепо варати, даюћи му изь почетка малене лекцїе: А кадЪ дететще добїе вкусЪ, научи у два три месеца око петь или шеспь листа на изусть, за тимЪ обикне, будему много лакше, и само ми почне искати повеће лекцїе; свако вече фалећисе зету, сестрами, и матери, щага э научїо. Они бисе чинили као да му не вѣрую, а онь би имЪ на ма на изусть очитао, за тимЪ би имЪ толковао, и кое су части слова и сложенїе разказивао. Честоби му се зетъ и сестре заклиняле, да му вѣрую да зна; само даи се проће! Како э ласно и прїятно учити, кадЪ се лепо и разумно предае! Нитїе муке учителю нити ученикомЪ: Но сохрани боже одЪ замршена и безьпоредачна предаваня! Природно э мрзско и отвратително человеческой души то, що э замршено, тамно и одЪ већь трудно. На противь, прїятно иой се чини, мило и сладко, све що э чисто, ясно, удобьвразумително, и чиновно разположено. Не валя ни ово що се Корфа каса молчанїемЪ преминути: Да какосамЪ ту дошао изь Албанїе, желїосамЪ поћи и усменно благодарити Старици Игуменїи на доброти показаной ми, при моемЪ првомЪ приществїю у тай острови; алЪ се Она већь била преставила; богЪ иой дао вѣчно блаженство!

Корабалъ за Венецїю, била э велика Нава одъ линїе. Кромѣ проведитора, нѣгове госпоѣе и служителя, наоѣяхусе ту иоще четири Официра съ женами и децомъ, кои на исти начинь у венцїю иѣяху. Едва смо 17. ти дань кь венецїи дошли, имаюѣи повишой части, или слабь или противань вѣтарь; ницца манѣ време нїесе дуго чинило при таковомь,лепомъ дружству. У Корфу познаосамсе бїо съ еднимъ младимъ, веселе и благе нарави Свещеникомъ именемъ Данїиломъ мораитыцемъ, коему кадъ кажемъ да ѣу у далмацїи пребиваши годину или две, речеми даби и онь радь за неко време изь Корфа изиѣи: мое предложенїе да поѣе самномъ у далмацїю едва дочека; живилисмо у крайнѣй любови всегда за две године неразлучени. У венецїанскомъ лазаретту, ту се свръши мой бискоть, и на дну сандука наѣемъ ону исту мою алину кою самъ у корфу моему Андреи продао, и у овой писмо, у коемусе извиновлява и проси прощенѣ що ме э тако преварїо. Зовемъ Данїила, и речемъ му да гледа и види ако невѣруе! Ша ѣу гледати? Питаме, Майсторїю и хитрость Андрееву, одговоримъ: Купїо алину и платїо, пакъ э сакрїо на дно сандука подъ бискоть као да э украо одъ некога! За то меѣерь онь мени наручаваше да сандукь не оставлямъ отворень догодъ не потрошимъ савь бискоть, защо морнари краду како сотоне! Я самъ по томъ посилао неке дарке нѣму; али то за ницца не држимъ спрама овой хитрости, коя се у прав може назвати грческе любови и дружества хитрость. Онь ни тренуѣе ока нїе щудирао ни мислїо; него како я изреко да ми та алина не требуе и да бїе за полу цѣне продао; на ма аки би за дуго о томъ домишляваосе, щоѣешь э другомъ продавати кадъ ѣу э я купити? Евопи новци! Благородна душа! Лепо, прекрасно сладко срце Андрее моега! Да э богапь бїо, нека би тако поступао!

Но

Но онь пощено и лепо живяше, обаче сЪ своимЪ трудомЪ; ни ти имаћаше за размеранЂ, Я му мою потребу ни еднимЪ словомЪ нисамЪ открїо; но паче дерзновенно самьму толико крать казивао, да до далмацїе доволно имамЪ, а ондесамЪ дома! [у копїямь ови писма о щампи ница не стои; но садЪ издаваюћи ина тѵ̈пь, гдицо придодаемЪ.] Или э зарь нѣгова сладчайша, небесна душа предвидила даћесе то дѣло на 20. година за тиинь щампи и вѣчномЪ во споминанїю предавати? Но како э онь могао знати даћу я за толико живити; Ово блаженство дочекати; Ову сладку утѣху имати; и тако-во благородно, дружеске любови дѣло, коеби у Персїяну или у татарину сЪ сладостїю срца, на велику человѣческу похвалу описивао; одЪ Андрее любимаго моего, мени истомЪ показано и сотворено, описати, проповедати; и блаженой вѣчности предати и посветити? Света добродѣтели! Божественна, вѣрне дружбе и прїятелства любови! Коегасте ви рода и племена? КадЪ ви такова чувствованїя у нами возбуждавате! тако силно у прьсима нашима дѣиствуете! И колико већма време живота нашега пролази и изьчезава, толикосе ви болѣ и већма помлађуете, процветаваште, разплоћаваште, у саму саму вѣчность коренѣ свое у глубляваште и разпростирете, и превише сами небесни висина спабла, гране и благородне верхове свое дижете и узвишаваше! Сласти! Тѣлесна угодїя и воспрїятїя! Богатства, славе, и величества! КадЪ већь премину и кадЪ и нестане, есули и када кадра оваке за собомЪ оставляти Слѣдове? Ево нїови фалѣни слѣдови яо и уви! Суета Суета! И ница него суета! Сирома и бѣдни човечакЪ на божїой земли мора онай бити, кои, кадЪ се обазре за собомЪ нейма ница видити него суету! Ехь Камо пуста младость! Гдису вина, пащете и неченя! Ала э ядань човекЪ ница на свету него ма-

магла, сѣнь и суета! Мора овако мислити и говорити кои не познае и нечувствуе у себи моралну и духовну часть себе. Можелисе при читавой памети рѣи да э онай живїо, кои у све време живота нити э душу свою ни бога познао? ИХЪ ЖЕ БОГЪ ЧРЕВО И СЛАВА ВЬ СРАМОТѢ ИХЬ. Никада и нико неби тако лепо описао као Апостолъ. Прекрасни мой Андрей Петрицополосъ Корфїотъ, любећи добродѣтелъ, Марїинуэ онь часть избрао, коя мусе довека неће узети! Добро э онь знао цое радїо! И ако онь и нїе предвидїо даћесе овако о нѣму и о нѣговомъ дѣлу надвадесеть година после писати и цампати: али э онь добро и предвидїо и предпознавао, оно, цое безьчисленнократнѣ веће и болѣ одъ овога; а то есть оно, цо э вѣчни и блажени творацъ уготовао, обѣцао и одредїо благополучнимъ одъ синовь человѣческихъ, кои любе бога и добродѣтелъ. Славећи я Андреа моега, добродѣтелъ славимъ; коесе похвала честь и слава кь самому оцу небесному относи, зацо э онь самъ по естеству корень начало и изворь свакога добра и сваке чисте и вѣрне любови „

Изь Венецїе прећемъ съ данїиломъ другомъ моимъ у Задарь, први и поглавити градъ у Далмацїи. Мени э познато било да овде има доволно сербовь Официра и Трговаца: и дасамъсе съ коимъгодъ одь нихь познавао може бити да биме ту задржали: али я природно страшивь и спидливь, никада нисамъ могао себе препоручивати, и у познанство другихь утискиватисе и наметати. Зато ти я поитимъ у она моя блажена Села и Поля, гди самъ я већь добро познатъ; и гди безь наймани, ни сь едне ни съ друге стране церемонисаня комлиментираня и у милость препоручиваня едваћемосе дочекати. У Котари негде око Надина, Намѣра ме намери на некогъ Спиридона Торбицу драговићанина; Айде Крашани, рече-

ми,

ми, самномЪ у Плавно! Ти знашь какво э оно лепо и здраво мѣсто; онде самЪпи я сЪ нашимЪ Мелетїемъ протосинѣеломЪ на капеланїи; Куѣа црковна има за школу, такоми леба и соли щосмо заедно эли, оѣемо стаати онде како Паше! добро, речемЪ му, докЪсте ви двоица онде; али ти добро знашь да се ви често променюете; пакь ако после доѣу какве кавгачїе на ваше мѣсто, и узищу да ми игуманишу и заповѣдаю, а мени тога нїе фала богу нужде трпити. Ша! Ми отиѣи докЪ си ти онде? Ни пощо. Обещамь се и дамь руку, Пролазеѣи поѣемЪ на Косово поздравити попа Авраама Симиѣа сЪ фамилїомЪ, кое сЪ великомЪ радостїю наѣемЪ све у здравлю. У Книнскомъ полю нисамЪ те радости имао; ерь мой любими протопопь НоваковичЪ тешко боловаше. На неколико неделя зовнеме изь плавна, синь нѣговь попь лазарь да му доѣемЪ на погребенїе; гди самЪму изговорїо какосамЪ лепше могао похвално на погребенїе слово. Онаковомъ добродѣтелномъ мужу ласно э било вѣнацЪ похвале саставити, ибо савь путь жигота нѣгова бїое покривень сЪ цвеѣемЪ благонаравїя и добродѣтели. Стоеѣи у Плавну, у сва три далмацїе манастира и у друга различна села и вароши на церковне празнике позивалису ме проповѣди говорити. То э мени врло ласно било, ерь самЪ доволно, на то потребни книга, како на греческомЪ тако и на талїанскомЪ эзикамЪ имао. На друго лепо, оно исто що самЪ я предрекао сбудесе; дигну изь плавна речене капелане; а на нїово мѣсто доѣу неки, сЪ коима ми нїе било мирно. Едва што скрадиняни дочекаю и зовну ме кь себи за проповѣдника. Овоме самЪ радїи бїо, ради моега друга Данїила: Зашто онь деликатнїега стомаха него я, и у селу нїе научень бїо живити; а у граду, навластито при мору, како що э скрадинь лепшесе живи. КадЪ онде доѣемЪ, наѣемЪ, нечаянна препятстївїя.

вїя. Бискупь латински, благородни венецїанинь, сопротивисе моему, ту, подЪ тимЪ именемЪ пребиванїю, за то, що нисамЪ венецїански подданикЪ; нити ћу на то дасе подЪпишемЪ. Одавде опетЪ у венецїю кь Аћиму жарковићу првому одЪ наши трговаца у Скрадину, кои э пре мене отишао бїо, за искати одЪ Сената дозволѣнїе, да мїе слободно кою годину ту пребивати, подЪ реченнимЪ именемЪ, и као капелань. У Венецїи се дѣла брзо несвршаваю; ОдемЪ у Задарь чекати конацЪ. Овдесу већ били чули за мое проповѣди по далмацїи, и за мое дѣло у венецїи, запросеме да имЪ у неделю проповѣдЪ речемЪ, и кадЪ учинимЪ; смилисе то некимЪ ОфициремЪ черногорцемЪ и сарайлїямЪ трговцемЪ. Учинеми предложенїе да се обѣщамЪ остати при нима, ако не дуже, за годину. Я се тога не одречемЪ, но сЪ изятїемЪ, ако скрадинян не получе дозволѣнїе да ме могу имати: и будући да се оно недопусти, тако останемЪ у задру, гди доће кь мене и мой данїилЪ, и пребудемо ту цѣлу годину. У Скрадину найжалїе мїе било разстатисе сЪ еднимЪ пощенимЪ трговцемЪ МаркомЪ Параскевомъ кои ми э велику любовь и доброту показивао; и сЪ прекрасне науке ДокторомЪ у медецини Господиномъ ЛеонардомЪ Вордони, родомЪ грекомЪ изь Корфа. Ови двоица билису начална причина да самЪ у Скрадину желїо кою годину провестиг; наипаче за то, що мисе речени Докторь обецао бїо лекцїе у маѳематики предавати. У Задру колонелЪ Маина, Капетань Іово грблянинь, конте Зорзи Габо изь кандїе, Госпоћа Анна рапсоманићи, и мой любими Лазарь Славуевићь мостаранинь сЪ своимЪ другомЪ СиматомЪ и прочи купци сарайлїе, сви су ми ови тако добри и мили били, да ми нїе могуће словомЪ нїову благость и доброту описати. По исполнѣнїю године, предраги мой данїилЪ морайтски возвра-

вратисе у Корфь отечество свое; а я прѣемъ у трїесте, и одавде у нашь славни царствующи градъ Бечъ. Що самъ овде радїо то ћу вамъ у слѣдующемь явити писму.

У Класену вь Курландїи

Авг. 28го 1788.

ПРЕЛЮБИМИ И ДРАЖАЙШИ ГОСПОДИНЕ!

Кадь у Бечъ дођемъ, нигде никога не познаюћи немецки ни мало не знаюћи; пођемъ кь грческомъ капелану Попу Аѳиму, изкажемъ одъ кудъ идемъ и зачимъ, и да би желїо акобисе могло кою годину у бечу пребивати, и чему полезномъ поучитисе докъ самъ иощь младъ. Овиме любезно прими, повѣдаюћими дае и самъ у младости, безь родителя и убогъ будући, доста странствовао и намучїосе за постигнути Еллински списателя и эзика познанство, Онь имаћаше свой кварпирь у дому еднога одъ први у бечу, међу греци, трговаца; именемъ Николая димитрїя Стойчо; коега запроси дозволитиму да ме прими при себи на кварпиръ. Не само оби-

обиталище, одЂговори благи и добри Господарь; него и трапезу сЂ нами некЂ има, докЂ се овде позна и намѣсти. Обнадеждиме поп Аноимъ, да не токмо кою годину, него и савь живопЂ могу у бечу провести; ако узимамЂ волю и усердїе лекцїе еллински предавати. Тадасе ту наоѣаше едань искусань у томе учителЂ; но преко разлога винопїя и спавачЂ; следователно дошао си, велими, у найболѣ време, башь како даси знао. При томЂ обзнаними дасе у бечу наоди нашь АрхїепископЂ Іоань; и да э нужно, пре негосе у каково упустимЂ дѣло, да мусе явимЂ. Тое найлакше, отвещамЂ, и тай исти дань отидемЂ и прикажемсе нѣговимЂ млаѣимЂ; Ови за изиграти свою комедїю сутра дань, равно у двнаести часЂ, кадЂ знаду дае Митрополитъ одЂ сви прочи 23. часа найлюѣи на свакога, за кога не мари да му у то време доѣе. И щое найгоре! Реку ми дага дочекамЂ башь у Саали гди э трапеза намещена. Удари 12. сати чуемЂ гди заповеди митрополить, эло на, АсталЂ, и изиѣе у саалу. А кадЂ и мене ту опази, чисто се упропасти и ужасне; ко э оно, опеть садЂ овде? Когае звао? Кажему протосинѣелЂ нѣговь, косамЂ, одЂ кудЂ самЂ дошао, и даби радЂ у бечу пребивати: Таке вике и псовке у моемЂ животу нисамЂ поднео ни претрпїо. Иди кудЂ ти драго и чини що ти драго. Зарь ти мислишь да я немамЂ другога посла у бечу, него да самЂ тебе ради овде дошао? И тако ти ме отера. ИзиѣемЂ изь саале и изь МарїеньхилФа безь обзира; улѣземЂ у градЂ и наѣемЂ мое домаѣине иоще при ручку, коисе здраво изьсмею чуюѣи мое приключенїе, Тое добро речеми Господарь стойчо, садЂ си безь бриге и ти и ми. По обѣду одведеме и прикаже КонзилїаруФїлиппиду, дадеме записати гди надлежи, косамЂ, даѣу ту, и ради чеса пребивати. За два три месеца сакуписе кь мени около 12. ученика;

одЂ

одЪ свакога имао самЪ на месецЪ по дукать: тое мени доволно било. Узмемъ и за се два учителя, еднога за францезски а другога за латински эзикЪ. У овимЪ мени драгимЪ и сладкимЪ у пражнѣнїямЪ проведемЪ у бечу око седамЪ година. Треће године и лекцїе самЪ на францускомЪ предавао эзику; наодећисе трговаца кои су предЪпочитавали мене, другимЪ болимь одЪ мене, зато що самЪ имЪ я могао греческимЪ предавати Дїалектомъ и книге толковати; кое француси неби могли. Подобнѣ и талїански различне самЪ обучавао: и Ова предаваня велике су ми полze бивала; не само за плаћу коюсамЪ за то получавао, но много болше, що самЪ себе у све то веће искусство и совершенство у реченимЪ эзикамЪ доводїо. Мой последни у францускомЪ эзику учителЪ бїо э [на велику мою ползу] чловекЪ, преизряднаго, у чтенїю книга, вкуса и познанства. Овай ми даде познати избранѣйше не само францезске, но и сЪ инглезскога на ови эзикЪ преведене книге: у исто време сушаюћи одЪ латинскога учителя Логику и Метафисику, одЪ тога времена чтенїе книга сналомїе бивати и много прїятнїе и полезнїе; будући у состоянїю о предьмѣти чтенїя моега судити, нити сваџо, тако како э написано примати. Чрезь обхожденїе и разговоре сЪ достойнѣйшимЪ, прекрасни наука, пространнѣйшаго искусства и вѣжества, честнѣйшаго житїя и непорочнѣйши нарава; у исто време доброхотна и любезна срца мужемЪ, Господиномъ Аѳанасїемъ Секерешомъ много самЪ се ползовао. Будући ово и до данасЪ моя начална и владичествующа страсть и похоть, болѣ и ученїе одЪ мене сЪ крайнимЪ услажденїемЪ и вниманїемЪ слушати, и одЪ нихсе ползовати. Сь славнимЪ, у нацїи нашей, Генераломъ микашиновичемЪ и сЪ нѣговомЪ Госпоћомъ [сЪ коимасамЪ и едно путешествїе у хорватску и славонїю кь топлимЪ не далеко одЪ пакрца водама,

учи-

учинїо] многе самЪ веселе и блажене дне провео; даюћи при нима двема прекраснимЪ Господичнама Мартици Продановича и Екатерини Сапланцай на францускомЪ эзику лекцїе. Могу слободно рећи, ово [кое знамЪ даће ми свако чувствително и благороћено срце посведочити и потвердити] да неизказано благополучїе и чувствителнѣйше услажденїе живота моего у овомесе состояло, комисе э годЪ показивао да ме радо има; я већь ни мало несумняюћи да оньмене савршено не люби, умираосамЪ за нимЪ: и чинимисе да животь мой престаоби ми пріятань и сладакЪ бити, кадЪ би я и кадамогао престати, оне, комсу ме радо имали, любити. Нити би я две крайцаре за мой животь дао, кадЪ неби више имао, о комЪ мислећи радоватисе и услаждаватн. У овомЪ пункту неками нико не доће зановетати, да самЪ я простакЪ бїо, и да самсе варао; по тому що, хитри люди вреднису показивати да радо имаду онога, баш за кога не маре, и притваратисе да мрзе на онога, кога у срцу весма любе. Ове су речи ницца и за ницца! Чинесе као да на нещо звече, а са свимЪ ни найманѣ що не значе; За то, що э ово изь вань, и противь натуре, и одЪ стотине, едваћесе у едномЪ случити случаю, и кадЪ се случи, мора бити, богЪ вѣсть за какова обстоятелства; за неволю и силомЪ; а то що не иде одЪ срца, него изь усиловенїя и притворности, тоће свакЪ ласно познати вань дае са свимЪ цепаница; а такови фала богу, међу людма едваћесе наћи одЪ десеть илядa едань. Умѣрене умности и разума чловекЪ, природно веѣма мрзи и оппращавасе одЪ они, кои се чине дага любе не любећига. Надлежи знати да эмое овде говоренѣ за такове люде кои лепа и мирна склонѣнїя имаду, и добро како себи тако и другима желе: А о противнима, то есть, лукавствомЪ и злобомЪ покваренима овде нїе ни

слова,

слова; и одЪ овакови самьсе я на сваки начинь клонїо и очуждавао. Ласно може ко помислити, какавь самЪ я секретЪ имао, множество овакови добри люди наодити, и себе у нїово благоволѣнїе унѣдрити? Никавь секретЪ на свету! Но простимЪ природнимЪ путемЪ ту самЪ долазїо. Люди добри и благи свуда има множество; само да човекЪ са свое стране гледа дае пощень, некористолюбивь добарь и разумань, и слѣдуюћи овимЪ качествамЪ дасе сЪ людма влада; пакЪ онда умѣрено добри нѣмуће бити са свимЪ добри. КакосамЪ я у себи увѣрень бїо да мои прїятели нису ме ради ни у чемЪ увредити, такосамсе и самЪ одЪ тога всегда остpегавао; а ово ми э ласно било, защо самЪ познавао да ми э найполезнїе. За нїове, и нїови други прїятеля тайне ни мало нисамЪ марїо знати, и ово нїе ми ни длаке мучно било, ибо спокойство срца и внутренню духа тишину весма желећи и любећи на любопитства, подозрителства и на интриге мрзїосамЪ какогодь на отровь. Узаямъ що искати никада нисамЪ потребе имао, разве пре две прошедше године кадЪ самсе изь инглитере возвратїо, прво, що нисамЪ имао сЪ чимЪ предиздату книжицу са свимЪ изплатити; фторо, нисамЪ имао сЪ чимЪ до беча доћи: и ово що самЪ узаймїо, пре самЪ сЪ великимЪ, као на великомЪ дару, благодаренїемЪ, возьвратити могао неголисамЪ обѣщао. НикомЪ живу нисамЪсе наметао, нитисамЪ могао, ни времена имао онде долазити гди ме не желе. У дужности преко силе мое нисамЪсе увозїо; а що самЪ могао и подватїосе то самЪ радо и вѣрно исполнявао.

Шесть полезни и радостни година проћуми у бечу како шесть дана. Умѣрено живећи нисамЪ никада узрока имао боловати. Непреста-

станно у пріятномЪ упражнѣнію, или другима лекціе предаваюћи или свое учећи, само у неделѣ и на празнике учинилибимисе дни као дасу подугачки. По моему сложенію и начину мишлѣня мораосамЪ, у таковомЪ прекрасномЪ граду као щоэ Бечь, благополучань бити; дѣла моя и дужности радо и весело исполняваюћи чиниломисе дасамЪ у совершеннѣйшей независимости и свободи; нитьсамЪ кому есапь давао, нитьодЪ кога узимао. Савь градЪ бечь чинїомисе мой ерь самЪ могао по нѣму шпацирати колико самЪ годЪ хотео. Аугартень, Прадерь, свешуме на около и ливаде по измећю ни билесу у моиой власти: Сваке неделѣ и празника могаосамЪ по нима на све четири стране ходити коликоми драго. Сви славуй у Аугартену у пролеће, и кадЪ би я самЪ шу бїо, пѣвалиби колико да су найвећа господа у нѣму. Шеньбрунь, наши богопрославлѣни и велики Цесара и Цесарица предивна летня обиталища! И у нѣму лавиринѳовидне неизказане красоте башче и раеви! Белведере! безьсмертнога Принца Евгенїя дворови и сади, све э шо било мени отворено! Предградїя сва око беча, и вертогради, били велике Господе или граждана, гди э годЪ слободно било улазити, шу ми нико нїе смео стати на путь! За она пакь мѣста гди нїе дозволѣно било улазити нимало нисамЪ марїо, колико да и нема на свету, нити би я шу ушао да ме ко куми! КодЪ толики други лепши мѣспа. Неками нико не баца преко носа, да самЪ по вишой части пѣшице одїо; зашто овое много болѣ за ме било, ради многи узрока; но ова два кояћу казати, стопине вреде: Прво, што э за здравлѣ много полезнїе пѣшице одити, него у коли; а ша э болѣ на свету одЪ здравля? Друго, коэ у колеси, акоће бити пра дасе загуши, онь мора онимЪ пушемЪ ићи кудЪ остала кола иду, ако мусе и неће; другда се поизређаю но сно една за дргима,

да

дасе невиде одЪ пра, коису годЪ онда у колеси, пуне имЪ се не само очи уши и алине праомЪ, него и носови и уста защо мораю дисати и отьдисати; ПакЪ ако найпрѣчна кола стадоше, сва за нима акоѣе и илѧда бити, ту валя да стое гдисусе нашла, и незнаюћи ни защо, ни за колико ѣе ту стаати. Они су све то принуждени трпити, а я не! Защо я и проче мое дружство пешаци, [коега насЪ има доста фала богу] нами э лакше и обколити, и преко прећи, и гдигодЪ видимо ладЪ или одЪ кућя или одЪ древеса, или акоѣе и одЪ плотова, а ми на ма у ладЪ, пакЪ идемо лепо господски по ладу. ко не види да э ово и полезнїе и лепше. Али, ре ћићешь ми, кадЪ э блато и киша? А зарь я теби не могу ређи, а кадЪ се у твои коли осовина сломїе? Я те молимЪ нека сваща не споминѣмо! Ко се кише и блата бои, некЪ се не раћа на ови светЪ, то му се пре каже, некЪ не рече после да нїе знао. Имаобисе иошь сЪ многима вещма фалити; као на примѣрь, дасамЪ слободно могао у сви вишеречени мѣсти прве и найлепше бечке госпоѣе, колико самЪ годЪ хотео гледати; и нико, за обадва своя Уа! За то небими смео речь ређи: алЪ ово некЪ стои. Само ћу иошь одно казати пакЪ ћу ови ПерїодЪ заключити. Редуть бечки кои э оглашень на свету, Комедїе, Опере талїанске, Музике, Царске Библїотеке, све ове веселе и полезне забаве и наслажденїя могаосамЪ уживати, и уживаосамЪ како годЪ едань одЪ велике господе „

СадЪ реци любими мой! Но по души и совести реци! НисамЪ ли я у оно шесть година у бечу благополучань бїо? Но како све овога света тече и пролази, тако и нима доѣе време те проћу. Али и я нежалимЪ; за две причине: Прво, що и до данасЪ споминюћи и радуемсе и

веселимъ. Ибо, Hoc eſt, vivere bis, vita poſſe priore frui. То значи, два редъ живити, кадъ ко може и прежнимъ услаждаваписе животомъ. А фторо, що э иощь лепше болѣ и слаће, да у то време що самъ знао другима самъ предавао; що пакъ нисамъ знао, одъ други самъ примао и учїо. А ово э всегда било верховнѣйше намѣренїе и всегдашни нишань моега по свету ходаня, кое, неки, изь нїове високе милости, скитанѣмъ називати удостояваю. Що самъ я кривь, що они неће овако да суде? Да безь посла одити, тосе зове скитанѣ, [ако-ће бити само по едномь селу] а съ посломъ одити, то люди паметни другояче зову. Аколи-су ти исти, дома седећи, себе и друге болѣ ползовали, я имъ то честитамъ, и за исто незавидимъ: но и я съ мое стране, имамъ за що, благому небеснога Оца промислу докъсамъгодъ живь благодарити, що ме э сироту, безь очина и материна совѣта и пристараня довде настављо и довео; и знамъ даћеме и до конца временога водити живота; и помоћи ми, да всегда, вѣчнимъ, нѣговомъ премудростїю, предписанимъ правиламъ слѣдующи поступамъ и живимъ „

Седме године у бечу пребиваня усудимсе већь и у немецкога Эзика увести ученѣ. Кадъ у трећи овога моега предъпрїятїя месецъ, доће у бечъ нашь Архїепїскопь Викентїе Іановичъ Видакъ. Овай Господинь не само съ милостивимъ, но паче съ любезнимъ къ мени начиномъ са свимъ ме присвои къ себи; учини ми предложенїе да почемъ у Модру къ нѣговимъ двома синовцемъ Ѳоми и Павлу, предавати имъ француски и талїански за годину: Обѣщаваюћими за то, даћеме на годину или найдалѣ на две за тимъ, съ нима заедно о своемъ трошку у Гер-

ма-

манїу у коюнибудЪ университетЪ послати, а по томЪ и путь едань у Францїу Инглитеру и Италїю учинити. КадЪ я чуемЪ за германїу и прочая, обещаобисе служитиму не годину или две, но толико година колико э евети Патрїархь Іаковь за прекрасну рахилу Лавану тасту своме служїо. ДоћемЪ у Модру, и ту самЪ, не само младимЪ видакомЪ но и прочимЪ Митрополитовимъ питомцемЪ лекцїе на вишепоменутимЪ эзикамЪ предавао, и сЪ нима заедно у школу, баумайстерову фїлософїю слушати, одЪлазїо, а одЪ конректора на немецкомЪ приватне уроке узимао. У дому еднога благороднога господина, првога у граду, зовома Такача весмасамЪ любезно примлѣнь бивао, и често у лепомЪ дружству сЪ официри и сЪ господомЪ частїосе; и при нѣму самсе сЪ прелюбезнимЪ моимЪ Ритмайстеромъ Бешинеомъ познао; сЪ коимЪ самЪ у селу близу Модре гдие онь на щацїи бїо, често по неколико дана проводїо. По совершенїю овде године, прећемЪ сЪ мои младићи у Карловце. Одавде поћемЪ, по двадесеть година отсуствїя, у банатЪ посѣтити сроднике мое, поклонитисе гробовомЪ родителя мои, и цѣловати мени свету землю у коима нїове почиваю кости, У Бечкереку по случаю доћемЪ у домЪ еднога благообразнога господара именемЪ Фїлипа Селяковића, коимисе каже даэ ближни сродникЪ оца родителнице мое Круне. Овай пречестни стари, коиби и туђина радо причекао какое мене примїо и угостїо, то свакЪ сербинь може себи ласно представити, У Итебею поћемЪ искати сестру матере мое Евру, но не наћемЪ э, ерьсе давно била преставила. Попь ДавидЪ уяцЪ мой поће самномЪ у дружство: у миломЪ Семартону, предрагомЪ Селу, и месту рожденїя сладке родителнице мое отидемЪ на ма кь дркви сЪ попомЪ Радуломъ парохомЪ села, коегасамЪ иоще у детинству ту познавао: Овай ми покаже гробь

матере мое и миле Юле сестрице! *Мати! Мати! и рођена сестрица!* Каковасу то чудна имена! И садЪ ми ово пишући изь самога срца извиру сузе и наводняваюћи очи мое едва ми даю писати. Паднемь на ону пречестну землю излюбимЪ ю и сузами оросимЪ. МолимЪ Свещеника да зове кога да ми помогне разкопати землю да видимЪ кости Богинѣ мое! Чрезь кою ме э БогЪ на светЪ произвео, Но онь ми каже да я всуе то желимЪ! да за толико година ту су и други многи соплеменници стари и млади погребени; и коѣе кости одЪ костїю разазнати? КадЪ ово чуемЪ, и чрезь излитїе суза себе облахчамЪ, доѣемЪ у се и помислимЪ, Боже мой! Како смо ми люди всегда кь земли прилеплѣни! На мѣсто що би возводили умЪ нашь кь безьсмертнимЪ любезнихь нашихь душамЪ, ми ищемо кости нїове; коесе мораю сЪ другимЪ подобнимЪ костима помешати, изгубити, и найпосле чрезь стотине година у ницца обратити. Ево на коису начинь постала сва обожењїя и поклонѣнїя моццию, костїю и икона. Горећа и срдечна любовь и високопочитанїе, само едань коракляй потребуе за преобратитисе у любимаго и високопочитаемаго предмѣта обожењїе. ОвимЪ природнимЪ и краткимЪ путемЪ долазили су люди кь идолослужењїю и кь свимЪ суевѣрїямЪ, кадЪгодЪ просвещень разумЪ сЪ нима нїе управляо. За то толика старость и вика за гроблѣ и гробнице! Шаэ человѣческо тѣло безь словесне и разумне душе кояга оживлява, и у нѣму мисли? Ницца него смрадна алина определѣна за црве, за трулость и за уничтожењїе, било на коиму драго начинь. Ова размишлѣнїя тадамисе топрвь представе кадЪ сву надежду изгубимЪ, останке Круне мое и Юле нађи. Онда ми падне на умЪ и разговорь премудрогЪ Сократа пре смерти свое. Ови добродѣтелни и божествени човекЪ, одЪ свои грађана неправедно осуђень да отпровомЪ

вомЪ убїень буде, запитага нѣговь любими Критонь како, и гди жели дага погребу? Тадасе онь окрене кь прочима кои ту бїяху, и рече: Како худо мой Критонь о мени умствуе! Мислећи да почемЪ я отровь изпїемЪ, и остане ово тѣло ту пружено и бездушно, даћу и тада я овай исти бити, кои садЪ свама беседимЪ. Неће већь оно, Критоне мой! Сократь бити! Но само алина нѣгова излишня, и ни нащо непотребна; закопай э гди оћешь и предай землю земли, закопайэ само дубоко у землю да тамо изтруне, и да воздухь смрадомЪ своимЪ не труе. Сократа ти укопати нећешь! Простите, [самЪ у себи погледавши кь небу мислећи речемЪ] О ви моему срцу свете, божествене и сладке душе! Простите слабость и неразумїе мое! Зашто васЪ ищемЪ я у земли знаюћи да су *праведне душе у рукама божїима*? Едва принудимЪ честнога Свещеника радула да узме неку багателу одЪ мене за споменути и на служби. Я би ни и безь тога споменуо, рече ми добри СвещеникЪ, али да богЪ да, да и моя душа буде гдису нїове. ПреноћимЪ у дому Уяка мои Павла и Луке и сутра дань пођемЪ кь Чакову. Любими другЪ мой! Ясе неби усудїо комЪ другомЪ, кромѣ теби овако дугачко писати писмо. Нѣжность твоя кь мени позната ми э, и увѣрень самЪ даћешь ти башь тако радо ово читати, какоэ мномЪ радо написано. А уздамЪ се да се не варамЪ, мислећи да и други ко, само нека представи себи свое родителѣ, пакЪ онда читаюћи ово, нће за безместно судити що яовако мислимЪ, чувствуемЪ и пишемЪ, о оной кояэ после бога творца моега, светѣйша честнѣйша и сладчайша души и срцу моему.

У КенигсЪбергу
Сепш. 14. 1788.

ЛЮБИМИ ПРЕДРАГИ МОЙ!

Οὐδὲν ἐν ἀνθρώποισι μένει χρήμ' ἔμπεδον; οἵη περ Φύλλων γενεή τοιήδε καὶ ἀνδρῶν! Никакова вь человѣцѣхь нестои вещь постояна; Какавь э годь лишћа родь таки э и люди! Истину овога Омирова стиха никада и нигде у животу нисамь тако почувствовао, како, кадь на толико година после, дошемь у мило мѣсто рожденїя моега. Упутимсе управь кь родителскомь дому, предь коимь нашемь у глубокой старости стрица моега Грую, познамосе и поцѣлуемо: Кћи стричева коюсамь при сиси оставїо, она садь домаћица и сь синомь великачкимь. Питамь за еднога комшїю чичу Мияила, неймага давно се преставїо! За другога сь друге стране чичу Лазу, и онь такошерь. Децу у неко време, и мое врстнике поизналазимь прве у вароши едне сь синови на женидбу, а друге сь кћерма на удаю. Дечица коимасамь бабинѣ чувао и по томь у наручи носїо, садь су оци и матере. Етотига помислимь у себи, иди садь тесе калуђери накьћешь и ти бити човекь на свету! Аль оће паметно момче дасе посвети и да твори чудеса по срему! Но већь що му драго, що э учинѣно тосе неодчини: Ясамь већь бїо и прошао, и свакьће ласно погодити, да я ово више за друге него за себе говоримь. Пре тридесеть година некасе нико за главу не калуђери; А кадь му буде толико, опеть некь не нагли; некь причека иоще десетакь, кудь э прошло тридесеть некь проће и ово десеть, и некь се не бои да неће проћи, прошлоби да и э иощь толико. Косегодь опари, а не каже дружству да чорба жеже, нїе добарь за дружство, а кадь онь каже после други некь чине що имь драго. Две вещи

що

цо самЪ познао башь у комшилуку, сЪ едне и друге стране родителскога дома, толикосу знамените, и такосе касаю Интереса цѣлога человеческога рода; да би за исто смертни грехь бїо да и овде не споменемЪ. Защо, кадЪ се ово могло случити башь у моемЪ комшилуку, не далѣ, него у прва два дома; а да ца нейма далѣ и далѣ у вилаету. За то предлажемЪ ово на разсужденїе Богу, и Цару и свимЪ паметнимЪ людма, кои маре, и коима э све то важно и велико цосе человѣческога каса рода „

Речъ э овде о двема женами; о коима никада не могу помислити да чувствително мое, о нима несоболѣзнуе срце. Една э Іованка кѣи чиче лазе; овасе уда за некога; Кои роди сЪ нїомЪ [непамтимЪ добро] едно или двое деце пакЪ э онда остави, оде некудЪ и степесе, и за неколико година нейма му ни гласа ни трага. Жена иоще здрава и млада, слѣдователно за раћанѣ люди: ПитамЪ э, зарь неможе другогЪ мужа наћи! Кажеми сирота уздишући, нашлаби я давно себи мужа: али веле да црква не допуца. О люди цо васЪ э годЪ на свету! Доклећесе коекакви пустиника и Монаха закони за цркву држати? У Цариграду и у смирни, очимасамЪ моима гледао, да Црква и Патрїарси за много мани узрокь дозволяваю женамЪ за другога поћи мужа. Нїели ово управь противь божїе волѣ, слѣдователно противь свакога паметнога закона, возбраняваши дасе люди на божїи светь плоде и раћаю, и бога славе и познаю. Али ако први мужь доће? Ако доће, томе ласно има лекарство, некЪ узме себи другу, пакЪ некЪ э болѣ чува; алЪ ако не доће, каквоћешь онда лекарство наћи? Сь друге стране Марїя чича Мїяилова кћи; около тридесете године возраста, но гледаюћи на ню, бисе заклео ко даиой нема више него двадесешь. Млада,

здрава тѣломъ и разумомъ; прекрасна до удивлѣнїя; поцена и благонаравна; и овой будући и трећи умрео мужь, вишесе удати не може. За правду божїю! Шое жена крива акосе случи даиой три мужа умру? Шоли мужь ако му три жене не живу? Есули они владѣтели живота и смерти, и могули другъ друга одъ смерти избавити? Али су свети оци тако узаконили! Ти исти свети оци коису по установили, билису пустиници и калуђери, заклети непрїятели брака и чадородїя; за то дасе они у туђе после нису мешали, илядуби пута паметнїе учинили. Ово э послао мирски люди, старешина и поглавара, кои су не само словомъ него самимъ дѣломъ прави свети Оци. Коэ мени [за богомъ] найвећи свети отацъ, разве онай, кои ме э родїо и одранїо? Дасе онь [сачувай боже] нїе оженїо, и мене съ моиомъ сладкомъ родителницомъ да нїе зачео, мене неби на свету било; нитиби ми милїонь свети отаца помогао! То э све за луду постъ и молитве децу нераћаю, него честни и свети законни бракъ, ерь тако ће богъ, и тако мора бити вовѣки вѣковь, а не иначе. У Почетку овога писма рекаосамъ дасмо ми люди као лишће у пролеће се раћамо, а у есень зрелости спадамо: Ово се дакле, неговори толико за Марїю и Іованку; и онеће у мало времена увенути и преминути; али э праведно постараписе за будуће родове. Ово исто случаваћесе и у напредакъ многима и многима; пакъ, люди браћо! Защо да синови и кћери, и унуци ваши страдаю, да уздишу, и да су злополучни, у чему нимало нису криви? Ясамъ о овомъ послу, какогодъ овде пишемъ, покойномъ Митрополиту Викентїу говорїо; ево що мїе одговорїо; Я знамъ да э то тако; али нека они отвѣтъ богу даю, коису то тако узаконили; ми садъ морамо слепо држати. А кояће полза бити онима що страдаю, одъ тога щоћеду други отвѣтъ

богу

богу давати? И защо? За кои узрокъ и нужду слепо држати едну ствaрь, кадъ се већь позна да э безь разлога и слепа? Знамъ дањеми на ма кои намргођени меланхоликусъ и тврдоуств рећи, што се тако кодъ насъ нашло, пакъ тако народъ оће да то стои; но знасе и ово, да тешко ономъ обществу гдисе никакво исправлѣнїе не уведе догодъ не соизволе и неузхоћеду, и касапи, и бакали; и лончари и прочая! Защо свако общество има свое поглаваре и управителѣ разве да и слуша, и да имъ се повинуе? Ко незна, право э да се да упутити и научити одъ онога кои зна; а гди, ово не бива ну мораю ствари ићи наопако. На примѣрь, стара баба коя већь нїе за рађанѣ деце, некь се не удае ни први редъ, некамоли трећи и четврти. А чловекь и жена иоще при младости и снаги, кои могу чада рађати и ранити, а несрећнису били у три брака, безь сваке нїове кривице; защо да не могу и у четверти, [и ако по несрећи буде потреба] и у пети уступити? Намѣренїе и конацъ брака мора бити чадородїе и воспитанїе, и кадъ годъ за ови конацъ бива, онь э по божїемъ закону и уредби. Безпослень и лудъ, остави жену свою младу и здраву, оде, изгубисе, и неймаму ни гласа ни трага! Защо да жена стои шестьь година за луду? Она би ласно за толико времена трое дечице имала; и рада и э имати, доити и ранити. Защо дакле ова створеня светь божїи да не виде? Човекъ паметань ни овцу ни краву ялову зо толико неће држати, не камоли жену свою. Но сохрани боже робства, или немоћи! Ово има свой узрокъ „

Изь Чакова вратимъ се у карловце, за чекати пришествїе Митрополитово изь беча, [гди э позвать бїо ради вершачке смутнѣ] у надежди, како доће, даће насъ оправити у Германїу. Доће Архїепископь, и я поћемъ съ братомъ нѣговимъ

Г. ИнспекторомЪ ТрифуномЪ у даль къ нѣму; али се нашь путь опеть отложи, за смуцењe, коесе у Германiи тада Баварiе ради догоди; и тако проведемЪ другу годину у Карловци. По берби винограда отправе насЪ у Пожунь, гдиг заедно сЪ млади видаци десеть месеци пребудемь. Они постигну доста добро француски и талiански, а я вечь умѣренно могахь немецки говорити. Между тимЪ постане совершени мирь у Германiи, ницца манѣ, о вишерeченомЪ путу нико не мисли. ПишемЪ митрополиту о томЪ, и найпосле явимь му, да э вечь доста три године, и да више нећу чекати. Ни одговора. Чудна э вещь кадЪ слаби има сЪ якимЪ погодбу! Зашто, едань чини што оће, а други принуждень э трпити. Ове три године билесуми найнепрiятнiе у животу; и срећа моя што су, мой Ѳома и Павель сасвимЪ добри били, кое самЪ совершено любiо како и они мене; а безь тога иошь би ми горе биле. При томЪ, добро за ме штосамЪ, како у модри, тако и у пожуну гдикогЪ ученика имао, те нисамЪ сасвимЪ остао бiо безь новца. ТадасамЪ весма жалiо на Архiепiскопа; но, на неколико месеци за тимЪ познаосамЪ да э много болѣ учинiо неисполнивши обѣщанiе; ибо будући наумiо скоро преставитисе, да насЪ э послао бiо тамо, бисе у великой заплетки нашли, неимаући одЪ кога векселе чекати. Моя надежда за поћи у Германiу и далѣ, за садЪ воспетисе и утиши, но неизкорени. ЯсамЪ вечь дугимЪ опитомЪ познао, да валя, дасе добро чувамЪ, да не наумимЪ кудЪ поћи; ерь ако науми, одо, самЪ незнамЪ како! ПрећемЪ у Тресте; овде господа Коити Воиновићи и прочи господари трговци запитаюме, били хотео ту за кою годину децу учити. Радо и весело за петь стотина форинти на годину; одговоримЪ; више, ако оћеду; могу ми дати колико имЪ драго, узећу; али не манѣ за

главу. Обнадеждеме да толико могу имати: Между тимъ за неки политически узрокъ, рекуми да се поћемъ проодати по венеціи, и у 15. дана дасе вратимъ и да ће све бити готово. Одемъ; а кадъ се вратимъ, наћемъ посао горе него кадъ самъ пошао. Кажеми мой Харалампїе, будући дасе нїе могао успѣхь у некомъ надѣемомъ предпрїятїю имати, више мисе не може дати одъ триста ф. то значи. 500. манѣ. 200. зафалимъ и одъкажемъ. Я добро знамъ да има такови мѣста гди могу имати 500. съ plus 200. защоби дакле узимао съ minus? Али ево неволѣ немасе съ чимъ допле доћи „

Одъ кадъ э годъ Трiесте на своемъ мѣсту, у болѣ време за ме, нїе у нѣга могао доћи Господинь Варлаамъ россїйски Архїмандритъ съ намѣренїемъ за поћи у Iталїу. Обѣщавами платити да поћемъ сь нимъ и дага поучимъ талїански. Не ищемъ никакве плаће обещамъсе бити съ нимъ сву зиму, само изь Ливорна да ме отправи на пролеће у Цариградъ; гди знамъ да се франзески и талїански эзици [навластито кадъ и ко съ греческимъ уме предавати эзикомъ] добро плаћаю. Незнамъ, одъ насъ двоице, коэ себи за веће счастїе вмѣнявао; Онь ли, щоме э ту нашао, или я, щосе оньту, у таковимъ моимъ замршенимъ обстоятелствамъ, на ме намѣрїо! Заисто, дасмосе за дуго распитивали и пражили, болѣ небисе могли налитати и наћи. Влашки э знао како прави молдовань, защоэ у той провинцїи изь детинства до совершенога возраста живїо; и туе у прошестой войни россїи лепе учинїо заслуге; и за то, одъ ВЕЛИКЕ ЕКАТАРИНЕ Многоцѣнни на плаветной панглики крестъ и господску пензїю за живота получїо. Що кажемъ даэ влашки знао, чрезь то даемъ знати да э у талїанскомъ эзику

на

на по пута бїо. На ма у Трїесту почнемо, онь мене частити, а я нѣга учити. У овакомЪ лепомь послу проведемо ту цѣли божићни постъ; и таковь лепь постъ небисе човеку за дуга живота омразїо. По божићу у венецїи карнавалЪ; Луди би били кадЪ би у трїесту стаали! Айде у венецїю. Да намЪ э и ту лепо било, посвакЪ зна да му се и не каже Четвртакъ прве недељѣ поста укрцамосе укнигоношню лађу за Болоню; Сила божїя музиканта и комедїанта, мужескога и женскога рода и племена. Преко дань, лепо време, такове музике и пояна, вань да опетъ ту. Око неко доба ноћи пођемо крозь широки каналЪ; кадЪ ти ту нападне на насЪ такова страовита бура, да нико нїе већь мислїо главе на суво изнети. Те музике опетъ! И тога завїяня! Ко нїе чуо, некЪ не жели чути. Да насЪ срећомЪ Яка не одржа лађа, мишлямосе сви за едно утопити као мишеви; съ оваким Ъ дружствомЪ утећи, то се зове Харону рећи МАЦЬ! Свимасамъ сутра дань рекао; Чуйте браћо и сестрице! КадЪ овде шкапуласмо, заисто оћемо иощЪ кои дань поживлѣти. Одавде све изь канала у каналЪ, на Ферару до болонѣ. У овомЪ предивномЪ мѣсту и граду за држимосе до воскресенїя лапинскогъ: щоэ годЪ достойно било видѣнїя како у граду тако и наоколо свесмо видили. КадЪ би све хотео описивати, каковисмо се неизказани и неописани красота нагледали у Болони: Флоренцїи, у Пистои, у Луки, у Пизи; и проспю у свемЪ ономЪ земномЪ, у їталїи Раю, великабисе книга хотела. Преко високи Апенински гора, и крозь именоване градове предивне тосканске државе, друге неделѣ на наше Воскресенїе дођемо у Ливорно, гди одпразнуемо не три дни, него равно три неделѣ дана. Већь пролеће тихо и лепо, за мореплаванїе найлепше но намисе мучно растати; али що мора бити то валя да буде. Нађесе

ко-

корабалъ за островь Хїосъ; мой любими Архимандритъ Варлаамь плати за ме капетану; за превозъ и препитанїе до тога острова; и башъ излазећи изъ корабля, гдиме э допратїо бїо, метнеми у чепъ прослука самъ своиомъ рукомъ, 12. венетски цекина „

Капетань корабля дубровничанинь поцеломе э и господски содержавао. Овай имаюћи свои дѣла у различнасе мѣста навраћао, како у Корсику, у по томъ землѣтресенїемъ разорени градъ Мисину у Сицилїи, проћемо и покрай горе Етне, гди цѣлу едну ноћь нисамъ хотео лећи за нагледатисе онога чудеснога видѣнїя: 21. ви дань одъ ливорна угледамо островь Хїосъ, и тай дань улѣземо у пристанище града. Да самъ хотео могаоби тай часъ у други корабалъ прећи, за Цариградъ, но увѣраваюћиме капетань да се ту сваки дань може пригода за то мѣсто наћи, намислимъ остановитисе овде кои дань за прегледати тай предивни островь. И будући да противь свакога намѣренїя и чаянїя, на мѣсто десетакъ дана- случимисе пребивати ту равно толико месеци, а зашто се то случило, и щосамъ у то време чинїо? Наодећи достойно вашега любопитства, и подугачкога описанїя, заключавамъ ово писмо пребиваюћи. и. пр.

У Берлину Септ. 30.

1788.

ЛЮ-

ЛЮБИМЂЙШИ И ДРАЖАЙШИ МОЙ!

У Граду Хїю, узмемъ на 10. дана подъ кирїю едну собу у Іерусалимскомъ метоху башь при мору, и наймимъ сутра дань момка да ме води по острову. Овде какосе изиђе изь града на ма починю велике башче пуне лимуна и помаранчи, съ прекрасни созидати каменни, и различни бое мармара, украшени домови. Рекаоби ко, наодећисе овде, не даэ у турскога владѣнїя острову, него у средъ тоскане. Граћани хїотци, коису почти сви купци богати, имаду свое башче и у нима лепше домове него у граду. Казивалису ми, да само одъ лимуна и помаранчи, полъ милїона пястри има ови островь доодка, кое свуда съ корабли, а найвише у цариградъ разшилю. Цѣли островь дакле, кромѣ са стране високи каменити планина, представлясе, као чрезвичайне ширине градъ, пунь, съ велики камени зидови окружени садова, и у нима кастела, у коима одъ месеца марта до новембра фамилїе живу. Овде э найвећа зима као кодъ насъ у банату другда у октомвру. У лето ту за шестъ месеци нема кише, и врућина би била врло велика да сваки дань морски вѣтрови не разлаћую воздухь. На они, лимона и помаранча древеси, чрезь сву годину видисе цвеће съ зеленимъ и сазрелимъ плодомъ. Свака башча има свой бунарь съ препзобилномъ водомъ; рекаоби, да у свой той земли, на неколико фати дублине, ниша нїе него вода, кою, свако ютро и вече чрезь малене каналиће крозь сву башчу навраћаю и древеса напояваю. Воду извлаче на чекркъ; вежу мазги очи, да не види що чини, запрегнуе и потераю; ова како ти поће, све иде и путуе, ми-

мислећи ко зна куда, а не зна дасе све наедномъ мѣсту око бунара окреће „

Свакь може себи ласно вообразити какое одъ марта до конца новембра по овомъ острову ходити! МирисЬ плакови плода и цвећа да би чисто помислїо ко, дае у раю. У почетку Юнїя дошаосамъ овде, пети дань за тимъ доћу гласови да у Цариграду куга мори. Идига садь у цариградъ! помислимъ у себи: но ница немаримъ у добромъсамъ мѣсту: свуда греци, найпаче имући, любе Мусе и странне эзике, само валя дати имсе познати. ПитамЬ домаћина архїмандрита Іерусалимца каковесе школе и учипели у мѣсту наоде? Овай ми каже да су ту две школе у коимасе Еллински предае, и да у лето учители предаю у свои домови садовними; одъ коихь э едань близу града. Сутра дань поћемъ къ ближнѣму; представимъ му у каквойсе сметни наодимъ, несмеюћи у цариградъ на кугу насрнати; и да би радо, докъ она тамо престане, талїански и француски лекцїе, кадъ би имао коме, предавао, само да могу свой трошакъ добивати. Не само трошакъ, но и прибитакъ можешь имати, отвещами учителъ: менићешь првомъ француски предавати, а знамъ да и одъ мои ученика имаћешь неколико за талїански эзикъ кои э тргповцемъ весма нуждань. Речеми да останемъ съ нимъ обѣдовати, и между тимъ докъ онь сврши предаванѣ лекцїа, дасе или съ коиомъ книгомъ забавлямъ, или поћемъ по башчи одати. Наћемъ при нѣму едногъ свещеника изь вароши, у Елинскомъ весма искусна, съ овимъ поћемъ у садъ; гди ходаюћи и разговараюћисе покажемисе чловекъ любезань и благопрїятань. Зовну на обѣдъ; мой нови познаникъ Попь Агапїе, поће у комшилукъ къ едномь одъ први трговаца, на обѣдъ, а я останемъ съ учителѣмъ.

мЪ. При ручку сазнамЪ да ови словесни мужь доста добро латински разумева, и у своей библїотеки избраннѣйше на овомЪ эзику списателѣ има. Обрадуесе кадь га увѣримЪ, да разумевающи латински, ушесть месеци получиће совершено разумѣнїе французскога, будући ови дїалекть онога. За толико времена, речеми: извѣстно тиђешь морати овде пребивати; ибо кадЪ годЪ кужни морь касно у лето, у цариграду почне, чрезь сву зиму, иногда, непрестае. ДокЪ се ми овде разговарамо, повишеименовати Попь Агапїе оправими други лепь посао. Онь эстаковимЪ усердїемЪ, о мени овомЪ купцу беседїо, да човекЪ обеща не само за свога наймлађета одЪ седамЪ синова плаћатими, но са више у своемЪ дому, у саду и у граду, докЪ самЪ годЪ у Хїю, квартирь и трапезу давати. Зовну насЪ на кафу, и тусе познамЪ сЪ моимЪ будућимЪ домаћиномЪ; честнимЪ старцемЪ одЪ 74. године, иоще при снаги и здравлю, зовомимЪ Миссе Маноли Стратипетрококино· Пренесемъ мое вещи изь метоха; слѣдующи дань предами учителЪ, зовоми Николай Аргентїосъ свои 12. ученика за обучавати и у талїанскомЪ, и онь почне француски. У овомЪ предивномЪ острову пребудемЪ до конца идућегЪ февруарїя у великомЪ задоволству; прегледамЪ цѣли островь и богати царски манастирь зовоми Неа Мони, и у нѣму древню гречески рукописни книга библїотеку. Мои ученици получе одЪ мене све щосу желили: а я добїемЪ око 60. дуката. иоще у децембру получимь извѣстїе, даэ куга у цариграду престала; обаче за већу ползу мои ученика, и за дочекати лепши замореплаванїе путь изостанемь повише. Последни февруарїа поздравимЪ мое добре прїятелѣ, ученога медика Господина Скилици; старога Инглеза Самуела БрецьбридчЪ, кои одЪ много година ту живляше, любимога попа Агапїя; учителя Г. Николая Аргентїа, и први

Мар-

Марта пређемъ, у корабалъ за цариградъ. Невоља премолчати да хїотци имаду на найлепшемъ мѣсту предградїя при мору, преизрядноустроенни Оспиталъ съ широкимъ садомъ за 50. болни, странни или домаћи. По далѣ одъ града велика зданїя за лазаретъ, и око по миля далѣ, други оспиталъ зовоми светога лазара за прокажене „

Путуюћи къ цариграду бїосамъ у лепомъ дружству трговаца хїотски. Спрама острова Мармаре дуне якъ, нама противань вѣтарь и задржи насъ у едномъ маленомь пристаницу овога острова 15. дана; едвасе одавде отиснемо, и съ великомъ мукомъ дођемо у Константиновь градъ. Квартирь самъ у валеде хану съ хїотски трговци имао, не далеко одъ С. Софїе и цареви дворова. Мои хїотци водилису ме свуда по цариграду по мору и по суву, али коће ту ужасну величину града обићи! Познамъ се у Патрїаршїи; Протосингелъ патрїаршески речеми да причекамъ докъ проће цветна и велика неделя, и да ћеме по воскресенїю съ таковимъ двема или трима фамилїама упознати, и при нима намѣстити, дађу моћи на годину найманѣ илляду пястри имати. У Перу и Галату мало кои дань нисамъ прелазїо, и ту самсе приказао Цесарскому Министру. Кадъ ти велике неделѣ почнесе по граду разглашаваши куга: Смутесе мои хїотци, и неки почнусе спремати да бѣже у Хїосъ, а я ти онда бѣжи у Перу; но и овде щоћу? Свисе дворови елчїйски позатвараю, кудъ се годъ окренешь страхъ и ужасъ! Аратосъ речемъ, цариграда и колико э годъ у нѣму илляда пара, пїястара и руспїя! Акоме гди куга заквачи и счепа щоћеми онда пїястре помоћи! Она нимало за шалу незна, нитиће марити що я иощъ нисамъ Паризь ни Лондонь видїо! Наймимъ момка

да ми понесе мое вещи до мора; ту узмемъ барку да ме одвезе у коиму драго корабалъ за црно море; идели у Кримъ или у Трапезонть, или акоће и у кавкасъ, ияћу съ нимъ, само некъ нисамъ онде гдиэ куга, ерь съ ниомъ за главу небисе радъ пріятелити ни пачати! Први корабалъ, гди запитамо кудъ иде, кажу намъ у Галацъ у Молдавію. Запитамъ управителя оћели ме повести, и цаће искати дотле? Пенисе овамо не питай; речеми: ако дашь найвише за превозь и за рану, даћешь петь или шестъ пјястара: Корабалъ э празань, само едногъ пасажира имамъ, коиэ закупіо сву велику собу, и добро ми плаћа, али ево неволѣ незна човекъ ни турски, ни грчки ни влашки; а ми сви цо насъ э годъ у кораблю незнамо оно цо онь зна; ако цо зна! На мѣсто іо. Пара, по погодби; дамъ моме баркаруолу цо мэ тако лепо довезао зо. Улѣземъ, наћемъ ту великогъ некаква прелата полскога, кои имаду фермане да одкупую изь турске сваке године роблѣ Хрїстяне одъ турака. Овомъ кадъ кажемъ латински съ нимъ, говорећи; да и гречески и влашки знамъ. Ахь кариссиме! речеми: Богъ и мое молитве суте овде донеле! Ница ти недамъ потрошити до Галаца и до Яша, само дани помажешь съ овимъ людма беседити. Овай э млаћега свога попа съ откуплѣни робови оправіо бїо по суву, и заубѣћи великогъ труда вознамѣри до молдавїе моремъ доћи. Противни вѣтри задрже насъ изь међу дарданела 20. дана, овде се случи да смо предъ Капетань лашу излазили, и съ нимъ чрезь Мавроїени драгомана нѣгова беседили „

Ту намъ э добро било: одъ кугесмо утекли; ести и пити до изобилїя цо намгодъ срце заиде; на едной и на другой страни брегова прекра-

сне

сне башче и домови цариградске господе; славу и сила неизчислима кои намЪ неусипно пѣваху. Доће и нашь вѣтарь, изиђемо 25. дань Априла у ютру; тай дань летилисмо како на орлови крили, кадЪ на ноћь чистосе помами вѣтарь, и море сасвимЪ побесни. Ту самЪ найболѣ почувствовао щоће рећи зло море и непостоянство волна и вѣтрова, кои кадЪ насЪ почну дизати у висину; рекаоби, одосмо живи на небо! А кадЪ ти насЪ почну низьбрдо терати, тога опетьлетеня и сїясета, нитьсамЪ чуо ни видїо! Шае бездна и пропасть? Ница, спрама ономЪ кудсмо ми пропадали! Ница нїе ядніе слушати него гди даске око насЪ шкрипе, и балвани исподЪ насЪ эче. Чудо дивно какосе не разглаве! Теби насЪ било до ушїю поквашени. Ница се ту толико не жели, него дасе о какавь камень у мору не лупи, ерь неби намЪ остало ни ноге. КадЪ бисе годЪ пенялиузь брдо онда ти мой прелатЪ чита брзо брзо, башь као дасе сЪ моремЪ утркуе, а кадЪ би доле полетили, онда би заборавїо чишанѣ, и стаалобига вика кариссиме одосмо, пропадосмо! Већь мие досадїо бїо питаући що говоре они озгорЪ? Шаће говорити? Псуюсе, етотига: O Impii homines! Рекаоби: пакЪ опетьпочне читати. Правда, дае било страовито, но ница манѣ мораосамсе неколико реди моега прелата вики и плашни смеяти. Около поноћи послаби мало вѣтарь, и поутиша море, ондаписе ми почнемо инапити. Виче ПрелатЪ на ме защосе и я богу не молимЪ, негосе иоще смеэмЪ. Чекай речемь му, некЪ доће само лепо време; акосе и самЪ своиой плашни и вики не будешь смеяо, некЪ самЪ други! А у овакимЪ обстоятелствамЪ я за друге молитве нећу да знамЪ, разве. Благи, премудри создателю Боже буди света твоя воля! Ако допустишь дасе утопимЪ прими у милость и у отеческа твоя нѣдра душу мою! Ниси ни то говорїо, велими:

молимЪ га да месе проће! Щоћу я сЪ богомЪ говорити, зарь э богЪ као човекЪ. Онь болѣ види и познае щоэ у срцу моме него я исти. П. А нїели ти жао да те рибе изеду? Я. цагасамЪ и я риба изео, кое чудо да и оне мене едань путь изеду! П. Али су рибе за човека створене, а човекЪ нїе за рибе. Я. Акосе овде утопимо ондаћемо бити башь за рибе и заморске раке. Душа моя знамЪ да нїе за ни, што ми э доста знати; а за тѣло, тага црви изели та рибе мени э то све едно. П. какавь си човекЪ, дакле ти све ово за шалу држишь? Я. Нећу ти лагати, и ясе и плашимЪ и боимЪ: али да ми э могуће да се башь ни мало не боимЪ, многоби боли и паметнїи бїо; и самЪ би себе иляду пута више почитовао. Нїели паметнїе и поцењїе онде нестрашитисе, гди страхъ ни найманѣ мрве нити ползуе нити помаже? П. Зарь ти за смертЪ ни мало не маришь? Я. МаримЪ те веома! А да зацо самЪ изь Цариграда побегао? Али овде моя марня ница ми не помаже. Косе просто смерти бои, у горемЪ страху валя да живи него зецЪ, и ница да не чини него дасе плаши, зацосе свакн божи дань умрети може. П. Кариссиме, ти илиси лудЪ, илиси прави светацЪ, тако мислећи. Я. Да ме опростить Господине! СветацЪ знамЪ да нисамЪ, а лудЪ неби радь бити; али овако мислити желїоби срцемЪ и душомЪ! Свакн, не само поцењ официрь, него и найпоследни солдатЪ, овако валя да мисли, ако жели да э свога званїя достоянь. А то цо э нима поцењо, зацо и нами неби било? Почути мало добри прелатЪ, пакЪ онда ми рече Dulciſſime amice beata illa hora, qua tu ad me veniſti! Сладчайши друже блажень онай часЪ кадЪ си ти кЪ мени дошао! Замолиме да акосе како могу до канавета привући и стакло сЪ ракїомЪ извадити. Могу то, како неби могао! речеми да найпре нагнемЪ; и у овомЪга радо послушамЪ, видећи дами срдечно

допуца.

допуща. Прекрасна цариградска ракїя сЪ хїотскомЪ мастихомЪ. Напїесе и онь, и л спремимЪ стакло. Чисто двоиномЪ оживимЪ одЪ пріятнѣйшегЪ ликвора, за кои ни мало немаримЪ разве кадЪсамЪ на мору. Не боймосе господине речемЪ му, я мою главу полажемЪ дасе нѣмо утопити, Заклинѣме да му кажемЪ, како я то знамЪ! Искусствомъ, одговоримЪ му: познаосамЪ да э море лажливо; вѣнь ме э до садЪ више одЪ десеть реди уплашило, пакЪ после престане и буде лепо, затогасе вѣнь не боимЪ нити вѣруемЪ ни нѣговой доброти ни злоћи, при лепомЪ времену чекамЪ ружно, а после овога чекамЪ опетЪ лепо. Вѣтарь иоще здраво дуваше, али онога првога зла ни полакЪ; овако разговараюћисе и шалећи заспимо, а кадЪ се пробудимо по десетомЪ часу видимо прекрасни дань и угледамо бело море одЪ смешенїя сЪ водомЪ дунавскомЪ, у кои после подне и улѣземо „

Узь дунавь путуюћи идесе лагано но мирно и безьбрижно, нитїе другогь страа развѣ одЪ комараца, а нихь тада иоще не бїяше: слѣдователно доћемо мирно све частећисе и разговараюћи, до Галаца. Овде, по обичаю, поћемосе приказати управителю вароши, едномЪ младомЪ господину одЪ први фамилїя боярски у Молдавїи зовомомЪ Балса. Овай господинь прими насЪ сЪ великомЪ учтивостїю: Прелать наће лепо дружство Руса и Поляка за преће во своя, и овдесе сЪ нимЪ сЪ великомЪ любовїю растанемЪ, ибо трећи дань поће сЪ богомЪ: а мене речени господинь оправи кь брату своему у фокшане первомЪ Спаѳарїу Ѳеодору Балси, кои ту Староста бїяше и потребу одЪ учителя за сина свога имаћаше. Овдесе найпре познамЪ сЪ Епїскопомъ Романскимъ господиномъ Леономъ Ћиукомь кои мїе по томЪ велики пріятелЪ бїо. По неколико дана поћемЪ сЪ моимЪ ученикомЪ у Яшь, у домЪ

великогъ принципскогъ Вестиарїя Господина Георгїя Балси. Одъ ове благородне фамилїе прекрасносамъ содержаватъ бїо, и лепо награжденїе имао. Архїепископа Молдавскога Господина Гаврїила Калимахи синовцемъ лекцїе на француезскомъ взику предаваосамъ и одъ нѣгасамъ добру плаћу имао. Мой любими романски Епїскопъ доће зимоваши у Ящь; и какоби лекцїе изпредавао свесамъ прочее съ нимъ време проводїо. На друго пролеће прећемъ съ ученици мои кь нѣму у романь: Какосамъ овде оно блажено пролеће и лето провео, описаши нїеми возможно. Кь эсени полазе прговци за Лайпсикъ; а я имамъ близу триста дуката! ево дакле оно желаемо време за Германїу и далѣ. Совѣтуюме мои добри прїатели да останемъ иощь годину и да стечемъ више. Не! Ни поцо, ерь се боимъ да се не усладимъ у новце и у спокойство, накъ оста ту до гроба. Какосамъ далѣ пуповао, и у пожелѣна мѣста дошао и що самъ ту радїо; за ово видите сами любими мой дасе оће особито писмо. Зато, любећи васъ сердечно, пребивамъ.

У Витемъбергу
Октомб. 8. 1788.

ДРАЖАЙШИ СЕРДЕЧНИ ДРУЖЕ!

Оставляюћи Молдавїу мой добри прїятелъ романски Епїскопъ наложими, кадъ доћемъ у Саксонїу да примимъ у мое надзирателство нѣгова

два

два младића, Александра Ћиуку синовца нѣгова, и Герасима дїакона, кое э бїо пре мене тамо послао. Путь намЪ э бїо крозь ЛембергЪ, Полску и Слезїу; у Бреславїи трговци имаюћи дѣла свога задржимосе седамЪ дана, и чрезь ЛайпсикЪ прећемЪ у Халу и примимЪ вишереченне младиће кь себи. Овде се преобучемЪ у свепске грешне алине, ка и остали люди человескога чина; дамЪсе записати у каталогЪ Университета и поћемЪ слушати фїлософїу есѳетику и натуралну Ѳеологїю, у славнѣйшега у Германїи фїлософа Професcора Еберхарда. Сматраюћи у овомЪ, Муса и сваки божественни наука сѣдалицу, какосе више одЪ хиляде млади люди уче! Како непрестанно изь еднога у други колегїумЪ трче! Какосе сва прекрасна и благородна душевна способствїя размршаваю, просвещаваю, и у многообразнимЪ знанїямЪ разширава и разпростиру! И сравниваюћи ова мѣста и люде, сЪ прекраснимЪ но бѣднимЪ варварскомЪ Албанїомъ! СЪ колико дражимЪ и милїимЪ, толико већегЪ сожалѣнїя достойнїимЪ земляма СербїомЪ БосномЪ и ЕрцеговиномЪ, уздисаосамЪ и често горке проливао сузе самЪ сЪ собомЪ говорећи. Кадьће у онимЪ прекраснимЪ земляма овака Училища бити! КадЪћесе и она младежь сЪ оваковимЪ наукамЪ напоявати! Милїони народа! Ядни турци чекаю да що памешно чую одЪ дервиша! А бѣдни и удручени Хрїстяни одЪ калућера! Но щаће имЪ ови казати, кадЪ нигде ница друго подЪ небомЪ незнаду, иего дай милостиню! дай све щогодЪ имашь, а ти умири одЪ глади, и мрзи и проклини све люде на свету, кои твое вѣре и закона нису? Гледаюћи каквесе овде книге сваки дань састављаю, пишу, и на светь издаю! Жалость нападаше на мене, кадЪби годь помислио како кодЪ насЪ вичу, дай носи книге изь русїе! А какве книге? За оне коесе ту преводе сЪ учени эзика, састављаю и издаю на славенскомЪ, ни каталога нейма, баремЪ да имЪ се

имена знаду. Размишляваюћи непрестанно о овима вещма споменемЪсе, иоще у далмаціи зачетога желанія и намѣренія, да э крайнѣ потребе и нужде дѣло на общемЪ народнѣмЪ эзику що написати и издати. ЯсамЪ чисто предь очима имао, каквусу буру и метавицу на себе сви они привлачили, коисусе усудили найпре и найпре подобна представлѣнія народу чинити; но морасе кадЪгодько, еданьпуть, наћи! Айде у име божіе некЪсе почне! Силасе никомЪ ни каква не чини; нека каже ко що наоди за добро и полезно; а разумни люди и садь и после о томЪ нека суде. ЗнамЪ даће неразсудни и невѣже псовати и ружити; неразумни ревнители проклињаће и претити. Али сЪ друге стране знамЪ и ово, да разумни боголюбители, истинолюбители, и общега добра и ползе желатели, благе душе и поштена срца люди, церковни и мїрски, почећесе разбуђивати, и сверхь ови вещи сЪ већимЪ проницателствомЪ разговарати и разсуждавати; а овое почепакЪ кь исправлѣнію, и то щосе за садЪ жели. ПакЪ щаће изь тога слѣдовати? [ћиће ко] Дасе определѣнимЪ на свещенство, безь свакогЪ далѣгЪ оклеваня и закоснѣнія наука и такове книге даю, кое читаюћи, ученіи да постаю, и дасу кадри себе и народЪ свой учити, на добро наставляти, и просвещавати; ево щаће, у име божіе слѣдовати!

Наумивши дакле щогодЪ издати, на пролеће пређемЪ заедно сЪ мои младићи у ЛайпсикЪ; будући да ту и щампа славенска имаде [гдисе и за исту россїю неке книге щампаю] и Университетъ како и у Хаали. Овде на исти начинь запишемЪсе у каталогЪ Университета, почемЪ у Профессора Борна слушати Фїзику, и почиемЪ издавати мало сочинѣніе, о моимЪ приключеніямЪ; у коемусамЪ два поглавита намѣренія

ренїя имао. Прво; показати безьполезность Манастира у обществу, а фторо велику нужду науке; самога способнѣйшега средства за избавити люде одЪ суевѣрїя, и привести ихь кь правомЪ богопочитанїю, кь разумномЪ благочестїю и кь просвещеной добродѣтели чрезь кою словесни чловекЪ на прави путь своега временнога и вѣчнога благосостояньства долази, Чрезь совѣте Разума хотеосамЪ, на кратко и во обще, само почетакЪ наравоучителне фїлософїе дати. О овомЪ забавляюћисе проћуми кое у Хаали кое у лайпсику равно две године; радЪсамЪ бїо, ради млади молдована и трећу годину у Лайпсику заостати; но предвидећи да ако то учинимЪ, остаћу безь новца, пакЪ после какоби у Паризь и Лондонь пошао? Всегда о ови градови читати и слушати; ови просвещени народа книге у рукама имати, а нихь во обще непознавати, и нїова пресловута мѣста и градове не видити, тоби за ме толико значило, као у мраку живити. Неостае ми више него 50. дуката; за такова мѣста мало, и ницца, али цо му драго [помислимЪ у себи] нећу я ни први ни последни бити кои э по Франції и по Инглитери пѣшице одїо. Моега благороднога и любимога раманскога Епїскопа већьсамЪ о моемЪ намѣренїю предувѣдомїо бїо; онь ми пише да нѣгове питомце сЪ трговци отправимЪ у Молдавїю; и мени на дарь пошалѣ 35. дуката. Триста у друго време небиме тако обрадовали какосу ме ови садЪ; предамЪ младиће купцемЪ изь Яша, и наћемЪ преизрядна калеса, цосу довезла трговце у лайпсикЪ на пазарь, и коя празна у ФранкьфуртЪ на Майну назадь одлазаху; у овима иоще сЪ еднимЪ живописцемЪ талїаномЪ о малой цѣни поћемЪ. Прећемо крозь различна владѣнїя, градове и лепа мѣста германїе, кое кадЪ би хотео подробно описивати, одЪ већьби дуго било. У дивномЪ граду Франкьфурту задржимЪсе сЪ ре-

ченимъ талїанцемъ [кои и самъ у Паризь иѣяше] четири дана ходаюћи по граду и наоколо. Манхаймъ у Палатинату и онь насъ задржи двадни у себи; по томъ чрезь Алсацїу спигнемо у Стразбургъ, гди прегледамо университетъ и каѳедралну велику церковь, за кою кажу дае правлѣна 120 година; и акоћемо право рећи, више одъ триста иляда светаца, анћела, и различни свакояки образа и видѣнїя, одъ камена као дасу одъ воска изрезана, и одъ ни сва црква, као градъ некакавь, одъ дна до врьа сазидата, чудо да суе и за толико докнадили и савршили. Овде погодимѳ кочїяша съ каруцама башь као инатовь [у такисе коли овуда путуе] до Париза съ уговоромъ дасе сврати у неке градове изванъ друма, како у Люневилъ, Нанси, и Мецъ, даи видимо: кочїяшь нашь кадь доће дасе погодимо. ясамъ мислїо дае господарь кои слуге свое съ колесама шалѣ; тако лепо бїяше обучень: а кадь поћемо, мећерь онь исти съ перукомъ, кадъ би друга покрай коня касао, свебиму кеса паруке по лећи скакала. Смеяосамсе мислећи, да ови види нашегъ бачкогъ кочїяша, кобисе одьни, другомъ већма чудїо? То знамъ дабиму бачванинь нама опсовао кесу. Изь Меца поће съ нами у дружство една госпоћа Адвокаткиня, коя у цѣломъ свомъ животу ницца не пїе, по есть шосе пїе, ни воде. А совершено здрава и прекрасне крви и вида. Кадъ би гди по лепи мѣсти пешице одили, ишлаби ова жена, као даэ вѣтарь носи, но намѣсто пића, эла чорбовина, зелѣ, и воће эћаше. Мой талїянь и я, ни ми нисмо хотели ницца друго пити, него шампанско вино, овудае изобилно и ефтино. Паризь ме э задржао три недѣ равно; дасамсе могао у кесу поуздати би и три путь три месеца. И овое ницца! Триста година да живишь имашь туда ца гледати. Петь дуката самъ дао само момку коиме э свуда водїо. Сваки божїи дань

одъ

одЪ ютра до ноћи тусе све одило, ручалиби онде гди насЪ подне затече, а пилобисе гдисе годЪ ожедни. Ко би радЪ бїо знати ца самЪ овде видїо, ево поглавити узрокЪ зацога у томе не могу послужити. ТабакЪ едань нацампати коцуе ме 12. талира; а за ови посао хопелобисе најманЂ десетакЪ табака. Дакле, ко оће то да зна, а далекомусе чини поћи и видити; а онь, ако незна француски, нека научи пакь нека купи книгу, зовому описанїе Париза и Версаля са свима знаменитима вецма у нима и наоколо. Ова книга ако узкоцуе два форинта неће више; тое ница: и туће све наћи цосамЪ годЪ я видїо. Краля Францезскога Лудовика Шеснаестога и предивну Кралицу, блаженнЂйшега Воспоминанїя наше преславне Цесарице и Матере МАРІЕ ТЕРЕЗІЕ КЂерь, я НЮ самЪ видїо у Версалю. Ово неваля преполчати: Нови Луврь, дворови кралЂва француски, коие милїоне коцовао, и можесе назвати едно одЪ седамЪ чудеса на свету. Половина овога зданїя опредељена э за библїотеку и за Академїе високи знаня. Ево люди на свету! Гди Цареви свое дворове книгама, мудрости, и наукамЪ даю и посвећую! И себи, за високу вменяваю славу сь мусама заедно обитавати. НекЪ изиће садЪ ко, дами каже ца я нисамЪ видїо! Како ми э мучно било изь Париза поћи! Али цоћу, нуждаэ тврћа одЪ челика. Каквиби прекрасни книга ту могао накуповати! Чинимисе да самЪ ту први редЪ заживопа, на оне книге гледаюћи, сожалїо цо неймамЪ новаца. ОдЪ Лайпсика сЪ ове три неделЂ у Паризу оде четрьдесетЪ дуката: Камо гди э Лондонь? Нїе до станя, напредЪ! НамЂресе два поцена трговца управь за КалесЪ, сЪ коима о маломЪ трошку до Инглезскога канала могахь доћи. У Камбрею посЂтимЪ гробь блаженога и светога Архїепископа Фенелона, Телемахова списателя. Разговараюћисе путемЪ сЪ

трго-

трговци, кажемъ имъ да я нисамъ ништа друго, него греческога, и талїанскога эзика учителъ; да идемъ у Англїу за поучитисе колико будемъ могао инглезскому эзику, и предъвидећи даћу ту сасвимъ остати безь новаца; самъ се чудимъ щоће одъ мене бити. При томъ, да я нити самъ кадъ имао другога капитала, нити садъ имамь, разве учећи дећу добиваосамъ гди що, и стимъ одъ мѣста до мѣста прелазїо и щосамъ могао научїосамъ. Куражь монь ами! одговорими едань одь ни: Промисаль небесни, кои те до садъ нїе оставїо, неће ни одъ садъ. Кадъ све потрошишь щогодъ имашь до последнѣгъ новца; ако между тимъ не нађешь начинь да можешь ту дулѣ пребивати, отитићешь томе и томе купцу моему кореспонденту, на когаћути я дати писмо, и онь ћете отслати о моемь трошку у Калесъ: Овдећешь годину дана у моемъ пребивати дому, и моимъ двома синовомъ на талїанскомъ эзику лекцїе давати. Я ћу тидати за годину 50. дуката и трапезу; а иощъ толико можешь одъ други заслужити, яти за то стоимъ добаръ; пакъ на концу године имаћешь доволно за поћи кудъ оћешь. Зафалимъ му сердечно на овомъ утѣшителномъ совѣту, и тако безь свake бриге и мисли превеземъ се чрезь каналъ и децембра 1. 1784. доћемъ у први инглитере градъ доверъ. Ово би писмо могло и по дуже бити, обаче и у краткомъ, достасамъ протрчао: одъ Молдавїе до инглитере подостаэ проћи, време э већь одпочинути, желећи вамъ дакле любимц мой! Свако добро, остаемъ.

У Лайпсику Окт. 20.
1788.

МО-

ЛЮБИМИ ПРЕДРАГИ ДРУЖЕ!

Евоме већь, фала богу, у одавно чувеной и за дуго пожелѣной Инглитери у граду Доверу! По Франціи одећи и пролазећи, чиняшемисе на неки начинь и земля и люди познати, ерь эзикъ нїовь знаћахь, и са свакимъ могахь говорити? а овде, нигде ни слова! Старо и младо, жена и дете свети то инглезски говори, нити имъ можешь разабрати ца ти люди мисле цали оће! Гледамъ жене, и девойке; лепасу то створеня, да ницца лепшега на свету нитїе могуће видити ни помислити! Иляду очїю дасамъ имао, и за иляду година небиисе могао нагледати! Колико и више гледашь, толико тисе лепше чине! Оћешь ли даси читавь? Иди своимъ путемъ, нити и гледай, ерь ако диже очи и погледа, већь не оде далѣ, тућешь остати до века. Та и по другимъ земляма има лепота; алису свуда, по вишой части, лепе поносите, пакъ како и човекъ види да се горде, и чудеса о себи мисле, немари за ни, некъ иду своимъ путемъ: алъ ево чуда овде; гди, рекаоби, да оне нити маре, нити мисле, нити знаду дасу прекрасне; него гледаю [на свакога съ таковимъ природнимъ и простосердечнимъ очима, а у исто време, съ отворенимъ, прїятелскимъ и благохотнимъ лицемъ, башь као дага одавно познаю. Садъ нека представи и вообрази себи ко може, како э мени морало бити, кадъ самъсе међу оваковимъ божїимъ прекраснимъ створенѣмъ нашао, немогући съ нима ни речи проговорити! Милостиви благи Боже, мишляхь у себи: тешколисути люди сагрешили били, кадъси имъ толике и тако различне эзике дао! То тїе нима нїовь тороньь донео, и пре времена на небо пенянѣ, као да имъ э мало землѣ било да по нїойзи оде! А кадъсе већь здраво на оне прве изсрдимъ люде, онда топрвь почнемъ

се самЪ на себе срдити; гди толики живише, и живу и данасЪ, безь инглезскогЪ эзика и книга, а менисе не може живити ако не сазнамЪ ща мисле ови люди! Како живу! Щалисе и у нїовимЪ наоди книгама. Оћешь инглитеру? Евопїе, айде садЪ говори сЪ людма! Душа человеческа има ово у себи добро свойство, какоэ о чемЪ нибудЪ оскорблѣна; она природно, бржеболѣ тражи способно средство какоће себе утѣшити. Изь овога зарь узрока и мени доћу на памешЪ неки лепи латински стихови, но нипоцо не памтимЪ, ни гди самЪ и читао, нити коэ нїовь списатель доста они мене утѣше; овосу.

Non quisquam fruitur veris odoribus
Hyblæos latebris nec ſpoliat favos
Si fronti caveat ſi timeat rubos
Armat ſpina roſas mella tegunt apes.

Нико не ужива пролећне мирисе
Изь Хїблейски пећина не извлачи сате
Ако чело чува и боисе купине,
Вооружава трнь ружицу, медь бране пчеле.

О неваляло малодушїе! [помислимЪ у себи] Ако незнамЪ инглезски, а ясамЪ башь онде гди валя, за научити; многоцѣнне вещи некупуюсе за малу цѣну. Едань младЪ СвещеникЪ римокатоликЪ изь Ирландїе, коисе э у Францїи учїо, садЪ ићаше натрагЪ у свое отечество, и путь му бїяше на Лондонь; сЪ овимЪ поћемЪ у дружство. ПредЪ вече остановимосе у древнѣйшемЪ инглитере, на предивномЪ високомЪ положенїю, граду зовомомЪ канторбери, за преноћити овде. Ималисмо пре ноћи два часа времена, за обићи велика зданїя Архїепїскопїе и великолѣпну старинску церковь; подобнѣ и по бедени града ходећи, немогахъсе довольно.

волно нагледати сматраюћи различноустроенно и одЪ саме природе величествено положенїе околостоећи мѣста; и тако преисполнѣнь внутреннѣйшаго чувствованїя и удивлѣнїя дивнаго вь дѣлѣхь своихь творца, у саму ноћь доћемо на кварти. рь. Какомиэ пакЪ било сутра дань, сЪ високи мѣста, на ужасне величине, непрегледатогЪ пространства, краснѣйши и славнѣйши на свету градЪ Лондонь гледаюћи о овомЪ незнамЪ ни речи рећи. СвещеникЪ ирландезь и я, ималисмо прво сѣдалище у великомЪ инглезьскомЪ интову; но полазећи изь Кантербера, даосамЪ мое мѣсто другомЪ, а пошаосамЪ сести на покровь интотова [и тусе на лепомЪ времену комодно седи] за моћи болѣ свуда гледати. И самЪсамсе себи крстїо и чудїо; у какавь ме э блажень часЪ мила мати моя зачела! Гди самЪ я ово садЪ? колисамЪ я? чинящемисе као дасамЪсе изь нова, у некакавь нови светЪ родїо! Необично представляшемисе постигнути, есамли я онай исти/кои, пре неколико дана сЪ моимЪ комшїомЪ НикомЪ Путинимъ изь баната, све покрай Бегея у СремЪ; а одавде у црвени айдучки Опанци сЪ АѳанасїемЪ покрай дунава у Хорватску, у великой итощи иѣяхь? Садь на покрову таковогЪ интова [у кои, за улѣсти валясе пеняти по мердевинамЪ] седимЪ као неки римски ДиктаторЪ; и побѣдивши люту Скудость и суровогЪ Мучителя Убожество, аки у побѣдоносномЪ трїумфу улазимЪ у славнїи и лепши градЪ него э икада РимЪ бїо! Вменяваюћи себе тако благополучна зато щога видимЪ и у нѣга улазимЪ, акиби савь мой бїо прекрасни ЛОНДОНЬ „

Любими мой! Ласно э предвидити, да сарданапалскаго духа и мудрованїя любители и почитатели, кои све блаженство у наслажденїе гортана и у прїятномЪ и изобилномЪ преисполнѣнїе

нѣнїю црева полажу; и кои, по теготи кесе и злата, цѣну душе и достоинство ума мѣре и цѣне; таковиѣесе безь сумнѣнїя овомЪ моемЪ хвалѣню и диченю, не само као детинскомЪ, и простачкомЪ него као безумномЪ посмеяваши. Но сЪ друге стране; они, кои познаю небесно и божественно благородство словесне и разумне душе, кои умеду разпознаваши несравнѣнно отличїе безьсмертнога и вѣчнога богатства разума, срца и нарава, одЪ привременнога и земнога; они [били Инглези били други] кои, Списанїя Адизонова, Свифтова Попе, и овима подобнихь, безь свакога сравнѣнїя више него сва зданїя Лондона града почитую и цѣне, заисто неѣесе посмеяти, но весмаѣе похвалити и даѣеми право. Ево овоме просто и осязателно доказателство, кое и слепЪ, ако не видити, о онь опипати може. [Нека свакЪ примѣти и нека незаборавля; дасе овде, само у онима богатство и тѣлесна услажденїя опорочаваю, кои за преимущества душе и разума нимало немаре.] Кое бїо и када вѣши и богатїи одЪ царева персїйски, Македонски и Римски? Косеэ вѣма у сласти валяо одЪ Сарданапала, Крисса и различни други Султана, Хана, и Сатрапа? ПакЪ гди э то све садЪ? нигде! Нестало, пропало и изчезло да му ни трага нема, какогодЪ ласшавици коя крозь воздухь лети! А Списанїя просвещени наукомЪ умова; Нѣу ни Омирова ни Аристотелева споминяти, защо ниови имаде одвѣкь много; него само неколико єтихова Симонидови, Фоцилидови, Солонови, и Менандрови, коихь э врло мало, алису свету полезнїи, и народу ови речени люди славнїи; него све, они вишепоменути, сласти, богатства и суетне помпе. Изь истога овога узрока дакле, и на ови сами прости и природни начинь, вѣка ѣе полза нашимЪ СерблѢмЪ бити, докле и годЪ богЪ на свету буде држати, ако имЪ [на примѣрь] я, сЪ помоћю премудри божественни ин-

глезски

глезски книга, само десетакъ врсти що полезно и разумно после себе оставимъ, него да самъ я савь лондонь, и као Соломонь иляду найлепши жена имао, и съ нимасе веселїо, и у сласти до преко ушїю пливао. Но, о семъ доздѣ; [щоноречъ] айдемо опеть онде одъ кудьсмо изишли, у славнѣйши света градъ Лондонь. Свещеникъ Ирландезь учиними любовь и познаме съ еднимъ Магистромъ деце инглезомъ, кои умеѣаше коекако францезски; съ овимъ се погодимъ да ми дае Лекцїе, кварпирь, и рану за три Гинее на месецъ, то чини око 25. фор. купити нужне книге, и за тосе оће неколико; кадъ учинимъ мой есапь, наѣемъ да имамъ прошити за три месеца. Плашеме да э изговаранѣ инглезскогъ эзика весма мучно, а нѣга разумѣнїе, за еднога ко зна немецки и француски притомъ и латински дае весма ласно. Що богъ да, мислимъ: кадъ э мени разумѣнїе эзика готово, нѣговомъ изговору преодолеѣу я, акоће онь бити седамъдесетоглавна "Удра! А кадъли ме почну учити, чистомисе кожа узме эжити и длаке на мени узь гору дизати, загазїосамъ айде напредъ! Трудолюбїе у дружству съ постоянствомъ многомъ послу доће на край. Ови се узао неда пресеѣи као Гордїевь, самъ Александерь овде да доће мораобига размршивати, Мачь нѣговь неби му ништа помогао. И дасамъ самога учителя имао, о едномъ сату на дань, ништа неби учинїо, но велико добро заме, що самъ по васъ дань у куѣи, за сваку речь, и по много реди за испу речъ, имао кога питати. старица мати учителѣва, жена нѣгова, Сестра, Братьь, Снаа, и кобигодъ у куѣу изькомшилука дошао, свису то били мои предраги, и мили учители; и желимъ имъ срдечно благополучань одъ бога животъ, любезносу ме и радо наставляли у учили; и честобисе отимали, коѣеми що болѣ и лакше казати. Кадъ би годъ леши дни бивали, и домаѣинь мой, Мастерь Лаардъ

зовоми, кадЪ неби лекцїе давао, всегда биме водїо кадЪ по едной страни града кадЪ по другой. У комшилуку познамЪсе сЪ еднимЪ купцемЪ зовомимЪ Іанзономъ кои не само латински лепо говораше, но доста добро и Еллински, и чисто изговараше; и ови ми э у моимЪ лекцїамЪ помагао, и често частїо; чрезь овога познамЪ се сЪ еднимЪ благороднимЪ Грекомъ, родомЪ изь Ципра одЪ древне Фамилїе Лузинїана зовоме, коя э у неко време сЪ тимЪ Островомъ владала. Ови Господинь одЪ много година у лондону живляше; коега познанство било мїе весма полезно. На ови начинь, дань по дань, прођу три месеца, и я потрошимЪ почти све що самЪ имао. Последнѣ примесечїя недељ одемЪ поздравити господина Лузинїана, и явимЪ му да намѣравамЪ возвратитисе у КалесЪ; представляюћиму дасамЪ изговорь эзика одЪ части поспигао, а що ми иоще не достае, могу и на другомЪ мѣсту наћи учителя. Едань мой добарь прїятељЪ, говори ми Г. Лузїнїань: комусамЪ о теби казивао, просїоме да те поведемЪ супра кь нѣму на ручакЪ, жели да те позна; онь э инглезске Порцолане трговацЪ, но учень чловекЪ, и велики любитељЪ еллинскога эзика и книга, како онь тако и госпоћа нѣгова, уздамЪсе дасе нећешь одрећи поћи супра кь нима на ручакЪ. Ћути богати, одговоримЪ му; та лудЪ би бїо кадЪбисе кь добримЪ людма на ручакЪ одрекао поћи, кь коимаби и безь ручка радостань пошао. Насмеесе онь на мой одговорь, и тако проведемо то послеподне, найпре сЪ теомЪ, а за тимЪ сЪ пончомЪ, разговараюћисе о Грецїи и о нѣйзинимЪ приключенїямЪ: На концу увѣраваюћиме онь даћеми драго супрашнѣ познанство бити, у само вече поћемЪ дома, подалекомїе било ићи, альсе види лепо одЪ безчисленни фенѣра, а путЪ мїе познатЪ. Пре него опишемЪ ово, о коемЪ э речь, за ме знаменито познанство, оћу слѣдующе примѣчанїе

нïе предЪположити. Они люди кои неимаду за свою потребу нужни новаца; а неумеду, или за коиму драго узрокЪ нису кадри стећи, били учени Фïлософи, или неучени простаци, кои оде издрьпати и измрляти, леже на крпетинама и живу у непочищеномЪ мѣсту; пакЪ намѣсто що бисе за то стидили и скорбили, иощЪ се тимЪ поносе, воображаваюћи себи изь тога некаково достоинство; седе; и као одЪ некакви велики и дубоки наука намргоћенимЪ лицемЪ, чине различна примѣчанïя сверхь суете богатства и новаца, иоще су кь тому такове делïе, дасе ругаю онима кои су кадри стећи, и несамо спокойно но и лепо живити: Таковима, свакЪ ласно може видити, да мозакЪ нïе на найправïемЪ месту. Али кадЪ видимо Праведнога Аристида, кои э све богатство побѣжденнога и прогнатога персïискога цара у руку имао, и найславнïимЪ, у свое време, на свету владѣнïемЪ управляо, да сирома умире, и дасе нейма сЪ чимЪ, по своемЪ достоинству, погребсти. КадЪ видимо божественногЪ Сократа да дарове славолюбивога Алцибïада шалѣ натрагЪ. И наконацЪ, кадЪ упазимо славногЪ Фоцïона да самЪ изь бунара воду черпе и себи ноге пере, докЪ му при томЪ жена нѣгова хлебь меси и вечеру готови, а у исто време посланници великогЪ Александра одЪ ютра до мрака за нимЪ пристаю, молега и заклиню да не чини Александру такове обиде, непримаюћи сто иляда Талира, що му онь на дарь шалѣ. О овимЪ, у самой вещи и истини, великимЪ людма ко има само зрно памети са свимЪ другояче валя да мисли: а коигодЪ сЪ онима првима почне мешати, некЪ нимало не чека дага воде у оспиталЪ луди, него нека самЪ иде, срь муе онде право мѣсто. *естЪ начинь у вещма!* Ово ни у чему не валя забораватти, и по овомЪ правилу о свачемЪ судити, и изреченïя чинити „

Одъ кадъ э годъ градъ Лондонь онде гдїе, незнамъ єли и ко у нѣму, само за то що новаца нїе имао, тако благополучань бїо, како щосе э мени случило бити. Какавь э то Галиматїасъ? [замршено говоренѣ] рећићеми кои усекнута носа оцроумацъ: разсудимо само, пакъ ћемо видити да нїе Галиматїасъ, него су чисте и поняте речи. Дасамъ имао нужни новаца за обстаати иоще три месеца ту; и тако може бити дабисе съ овимъ людма о коимаће слѣдовати речь познао; алиби и само мимогредъ и слабо познао. Защо, неимаюћи никакове потребе одъ ни, неби ни поцо бїо у состоянїю доброту и благость срца нїова, и прекрасно благородство душе нїове искусити и познати: Остаоби при моемъ учителю, докъ би оправїо свой посао, пакъ бисе врашїо своимъ путемъ; и такоби за вавекъ душа моя лишена остала сладчайшегъ познанства коегасамъ у животу имао, и многоценнѣйшегъ сокровища честности, добродѣтели и прїятелства ови благи и божествени у Англїи люди. Около еданаестогъ часа доће кь мени Г. Лузинїань, оћемоли поћи? Питаме: Ясамъ већь давно готовь; одговоримъ му: и свесамъсе боло да ви неодепе безь мене. Насмеесе онь, говорећи; за добрасмо времена, имаћемо цѣли сатъ одити, по и такоћемо за рана доћи; познатотїе да инглези у два и у пири сата по подне обѣдую. Проћемо покрай Лондонске фортеце зовоме Тауерь, иощъ богъ га знао кудъ, докъ едва и едва доћемо у страну града именуему Хермитечъ, у домъ нарицаеми Чайне Хаузь, то естъ хинезска кућа. Овде кадъ улѣземо нашемо дома госпоћу гди нещо одъ финога беза шїе; по обичномъ поздравлѣнїю рече намъ да седемо, и она седне, шїюћи као и пре, почне разговараписе съ Г. лузиняномъ о томъ цое читала у новинамъ [кое стааху иоще на асталу] о дѣламъ Парламента, о Индїя компанїи, о новопришедшимъ одъ туда кораблѣмъ о купечеспву; пакъ найпосле и о новоиз-

воиздатимЪ книгама ; коесу ; каковису люди ови книга списатели ; и о чему пишу : Све то она каже просто лясно и чисто. Да энисамЪ гледао моимЪ очима да шїе, би за исто мислїо да она чита нещо изь книге. Све нисамЪ могао разумеваши, али за чисто и ясно нѣйзино говоренѣ маломїе що упицало ; у овомЪ разговору прођу два сата, колико да и нїе ни било. КадЪ би що Г. Л. почео говорити, едва би чекао да онь престане и да ћуши, а да она говори ; цѣли божїи дань неби марїо за ручакЪ кадЪби само она беседила да непрестае : МогаосамЪ э слободно у све то време гледати, ерь она малоби кудЪ гледала кромѣ у свой шавь. Она не бяше оно щосе свойственно зове инглезска Лепота ; али сЪ друге стране ; КадЪ би кои АпеллесЪ или рафаилЪ хотео невинностЪ, доброту, и оно блажено спокойство срца и чисту душе непорочность изобразити, нигде за исто таковогЪ Оригинала неби нашао како у образу и у погледу ове инглезскинѣ. По фторомЪ часу поставе трапезу, и доће господарь дома, мой нови прїятелЪ Мистерь Іоань Ливи ; сЪ нимсе поздравимЪ и почнемЪ разговарати латински, коимЪ эзикомЪ онь бесећаше сЪ предивнимЪ краснорѣчїемЪ и исправностїю. ОдЪ кадЪсамЪ изь Молдавїе изишао нисамЪ бїо тако весео као у ови дань. НисамЪ ни мало знао ; а башь као дае и кромѣ моега знаня, душа у мени предвидла даћесе одЪ овога дневи почетни примесечное мое благополучїе у Лондону. Но како неби бїо весео, видећи на лицу и у очима ови блажени люди такову чистосердечностЪ и доброхотство ? Као дасуми роћени братЪ и сестра, и као дасе надусилюю коћеме одЪ ни двое любезнїе, милостивїе и слаће гледати, гласомЪ душе и срца свога, чрезь любки очїю свои погледЪ казующими какосу ради и задоволни щоємосе по тако давномЪ разстанку нашли, састали, и видли, дасе опетЪ едань другога нагледамо ! При ручку Г. Л. почне ве-

нещо казивати, тако да неимаћаше времена эсти: Госпоћа често опоминяшега да руча, да гладань неостане, онда я речемЪ домаћину: мени Госпоћа иощь нiедань путЪ нiе рекла да эдемЪ, ерь види да я не чекамЪ да ме нуде. Дасе то овомЪ човеку на смей, дасе неколико минути морао смеяти. Шита домаћица уàтЪ исЪ деатЪ? Уàй ду ю лаафь со? Шае то? За щосе вя смеете тако? А кадЪ иой каже, учинисе всеобщи смей, коби насЪ видiо, неби рекао дасмо ту дошли ручати, но смеятисе. КадЪ ово престане вели ми госпожа Ливи, да ме э Г. Л. весма фалiо и даэ похвала нѣгова неложна. Praeſertim, речемЪ я мужу нѣномЪ: ubi de prandio ſumendo agitur nemini cedo. То есть: навластито гди эо ручаню посао никомЪ неуступамЪ. За луду и я увѣравамЪ да безь сваке шале то кажемЪ; они све удри у смей. Но све ово ништа нiе било: КадЪ топрвь по прiятнѣйшемЪ пиву бургундско вино донесу и почнемЪ имЪ я нещо инглезски казивати, и за не чинити и дуго чекати, гди що неби могао погодити то би нама сЪ немецкимЪ или сЪ францезцкимЪ надокрпiо: Овога чуда опетЪ! Свибиме иощЪ сЪ толикимЪ ушима слушали; и по томЪ бисе они међу собомЪ инатили, коѣ болѣ мой нови эзикЪ изясниши. Овде би на ме редЪ дошао смеятисе, видећи да нико одЪ ни управь незна що самЪ я казивао. На кратко казати, ови э дань бiо дань совершенногЪ веселя. По обѣду запинаюме да имЪ прави узрокЪ открiемЪ, защо, будући таковь любителЪ нiова эзика, тако скоро изь Англiе полазимЪ? Сь оваковимЪ людма чистосердечну не бити, овоби точно светотатство било. Коићете правiи узрокЪ одЪ овога, одговоримЪ, него прво що неймамЪ нова-ща, а друго ни одЪ кога на свету нiеми векселa чекати! Ако э то само, речеми МистерЪ Ливи, нiе нужда да одЪлазишь, яѣути сваки дань по ручку лекщiе давати, а ручати и вечерати можешь

жешь сЪ нами; по неколико дана нађуми и квартирь башь у свомЪ комшилуку. Ово э доказателство онога що самЪ по више рекао да единственно за недостатакЪ трошка получїосамЪ познанство ови неописане доброте люди. ЗнакЪ совершене доброте у томесе состои, да колико више добарь човекь коме добра твори, толико му э тай исти милїи и дражи: какогодЪ цосу чада родителѣмЪ своимЪ. Одлазїоби у домЪ моега господна Ливи сваки дань у десети или у еданаести часЪ предЪ подне; и сЪ помоћу и наставлѣнїемЪ нѣгове пречестне супруге, читаоби изговора ради, а по томЪ преводиоби кою Езопову басну сЪ греческога взика на инглезски. И она би сваки дань по едань сатЪ що грчески читала; кои эзикЪ, она, како и мужь нѣнь весма любляху, и такобисе проводило време до обѣда, то есть до два часа по полудне. За тимЪ до саме вечере, Г. Ливи [кадЪ неби кудЪ за дѣломЪ своимЪ изишао] биме учїо. На месецЪ дана по оваковомЪ мени полезномЪ и радостномЪ упражнѣнїю, отиде у Харвичь са супругомЪ своиомЪ посѣтити Тастпа свога; [у ово време сваке године обичаваху посѣцаватига] и пребуду у нѣга 15. дана, кои градь отстои одЪ лондона 20. немецки миля. Мене препоруче своему калфи, доброму и лепе науке младићу, сЪ овимЪ би у дому ручавао, и по ручку до вечере онь би ме учїо; кои ме тако радо имаћаше и сердечно љубляше, какогодЪ и господарЪ нѣговь. Трапезабисе всегда господски давала како дасу исти домаћини дома, и Мистерь клааркЪ да могаше би ме у свои нѣдри носїо, но са свимЪпимЪ, како я, тако и онь едва дочекамо да наши мили домаћини стигну: Они исти за свою велику доброту кь мени, изпросесе одЪ старога господина, и петЪ дана пре доћу нежелиби дошли. НезнамЪ, у животу моему, разве ако кадсамЪ дететомЪ бїо, дасамЪ кога сЪ таковомЪ чувствител-

телномЪ желїомЪ и чезнућемЪ чекао; и едва дочекамЪ „

На неколико неделя за тимЪ доће изь Харвича госпоће Ливи сестра МистрисЪ Теларь и БратЪ нћйзинь, Мг. КоокЪ на посћщенїе: већь после тога сваки дань бивалесу како у нїовомЪ дому, тако и кодЪ други нїови прїятеля части и веселя, и прооћяня по найлепши мћсти града и наоколо; куда самЪ и я почти свуда морао одити. Овобиме неколико чинило дангубити, но сЪ друге стране биломїе мило и полезно, дающимк начинь болћ познати любведостойнћйша свойства, и непреухицщренна но просто и чистосердечна обхожденїя инглезовь. И кромћ ови госпїю мой прїятелЪ Г. Ливи свакога Фторника частїоби неке свое прїятелћ одЪ учени люди: а свакога Петка бивалиби, у доволномЪ содружеству на части у господина Гулїелма Фордайцъ медика, и златнога руна Кавалера; Коему э КралЪ ово достойнспво дао, за нћгову отмћность у медическомЪ знаню. Ови достойнћйши Господинь бяше сердечни прїятелЪ моега благодћтеля Ливи, и како ме чрезь нћга позна, постане и мой особити Патронь, наложивши своему любимому догодЪ будемЪ у Лондону, дами дае на нћговь конатЪ, що мигодЪ буде одЪ потребе за Книге, или за Алине и за прочи ситни трошакЪ. Свеово благородно великодушїе, и вћчнога воспоминанїя достойну доброту инглезовь, неби могао искусити и познати да се нисамЪ у потреби нашао. ОдЪ мене э садЪ зависило, дасамЪ хотео, за живота остати у Инглитери: защо, како я радо лекцїе предаемЪ, какоби эзикЪ мћста совершено постигао, могаоби весма лепо ту живити. ЧовекЪ одЪ Колевке до Гроба мора имати каковунибудЪ поглавиту желю, коя нимЪ совершено влада. Дете

ни

ни зашто тако немари као за игру, Юноша жели Науку, или другу коју забаву, какосе ко нашо да и окрене, добро за онога ко избере то шшо честно, похвално, и полезно. Моя э желя у ово време сва у томъ состояласе да иошъ кои листъ на моемъ матернѣмъ эзику издамъ. Самъсамъ по себи судїо какоби мени у моей младости, не токмо полезно, но и мило било шшо памешно на моемъ познатомъ дїалекту чишати! Какоби я благодарань бїо ономе одъ рода моега, коисе э за то посшарао, и шшо э самъ съ доволнимъ шрудомъ, и позадуго времена посшигао, то исто уму и души моей безь шруда и у кратко време приподае! Ово исто дакле, шшоби я о другима мислїо и чувствовао, шоѣеду природио други о мени! Каково ласкателно предъслуѣиванѣ! Какова сладка безсмертнаго живоша надежда! Съ богомъ дакле некъ осшане не само Лондонь и Паризь, него коему драго на свету мѣсто, гди я ову мою верховнѣйшу желю исполнити неби могао. За то како и друга три месеца проѣу, познамъ изговорь эзика инглезскога, и видимъ себе у состоянїу, да могу и самъ о себи у напредакъ напредовати, явимъ моимъ прїяшелѣмъ и благодѣшелѣмъ да морамъ поѣи „

Богъ самъ зна какомїе жао било ове пресладке люде осшавиши! Веѣьсамъ шу рекао, даѣусе одъ садъ крепко чувапи, дасе съ никимъ живимъ шако непрїяшелимъ; кадъсе морамъ расшаши, и жалиши шшо съ нима нисамъ до гроба. Господинь Гулїелмъ Фордайсъ наложи Mr. Ливи дами купи книга лепи, и дасе извесши коликосе оѣе шрошка по мору до Хамбурга, и одавде до Лайпсика, и дами шо да. Едань Тракшашь на латинскомъ эзику зовоми Fragmenta chirurgica et medica, у' косму онь свое свойсшвенне важнѣйше опише описуе, и кои э у мое време шу, на шампу из-

дао, за особито и всегдашнѣ воспоминанїе дядеми. У овой книжици овакосе обоица подъпишу

Dositheo Obradovics Serbiano, viro linguis variis erudito, sanctissimis moribus morato, Anglis, apud quos per sex menses diversatus est perquam dilecto, Fragmenta hæcce, parvulum quidem at amoris sinceriſſimi et amicitiae pignus, libentissime merito obtulerunt.

Londoni VIII kal. Iunii M,DCC, LXXXV.

GULIELMUS FORDYCE
IOANNES LIVIE.

Друга два млада Господина Хенрикусъ Торнъболъ и Гулїелмъ Валїотъ и ови ми дарую неке преизрядне книге. Намѣрисе корабалъ велики трговачки за Хамбургъ, у кои 27. Маия улѣземъ и поћемо рѣкомъ Темсомъ кь мору. При Гравезанпу, гди э велико пристанище, и гдисе великолѣпна рѣка Темсъ у море спуща стигне насъ и Капетань корабля у барки, и тако съ споспѣшнимъ вѣтромъ упливамо у море. Улѣзши у кораблѣну собу капетань вручими едно поиежко писмо, кое кадъ отворимъ наћемъ у нѣму петь Гинеа съ овимъ врстима —

I do assure you, my dear Sir, it has been matter of some consideration with me, in what way (the least to hurt your delicacy) I should contribute my mite towards alleviating those pecuniary wants, which have deprived us of you and which you ought not to know. Do not scruple, I beg of you, to accept of the inclosed small sum, and be persuaded it is offered by a man who esteems and loves you. Favewell. Consider

sider me as one of the friends you have made in England who holds you dear in his remembrance and to whom nothing will be more welcome than accounts of your prosperity and happineſs.

London 27 May 1785.

Henry Turnbull.

ПРЕВОДЪ ОВОГА ПИСМА!

Я увѣравамъ васъ мой драги господине да самъ я о томъ у себи размишлявао, на коиби начинь [безь найманѣга повређенїя ваше нѣжности] могао употребити мою малену помоћь кь облакшенїю они новчани недостатака, кои су насъ лишили, васъ, и кое [недостатке] неби потреба било да ви познаете. Не буди вамъ противно, я васъ молимъ, примити овде заключену малену суму, и будите увѣрени да вамъсе пошилѣ одъ чловека кои васъ почитуе и люби. Здравствуйте. Смаграйте на ме како на еднога одъ пріятеля коесте ви учинили у Англїи, кои васъ содержава драга у своемъ воспоминанїю, и коему ницца неће бити пріятнїе одъ извѣстїяхь о вашемъ счастїю и благополучїю. Хенрикъ Торнболъ „

Ево ти ми опетъ други Андрей Петрицополосъ изь Корфа! Овай бяше младъ човекъ, около 25. година возраста; званїемъ Секретарь при некомъ Гос-

Господину; пріятелъ Mr. Ливинъ, кь коему често долазаше, и ту самъсе съ нимь познао. Изь нѣгова писма видитїе даэ оиь желїо мени по возможности своей помоћи [и самъ небудући богатъ] но нїесе усудїо, за не повредити „ како пише „ мою нѣжностъ; ибо поштена и благородна срца суде по себи да нїе свакомъ ласно дарове примати: И то, щосе у присутствїю нїе усудїо учинити, нїесе могао побѣдити ни уздержати да у отсутствїю не исполни. На ови деликатни начинь дати, то, у очима онихь кои пристойно о вещма суде, возвишава нѣгови 5. гинеа цѣну сверхь педесетъ реди толико. Четверти дань дођемо у Хамбургъ, овде заустависмсе кои дань, прво за писати моимъ пріятелѣмъ у Лондонь. Явити имъ дасамъ благополучно море прешао, и благодарити на нїовой доброти, фторо за прегледати ови знаменити купечески градъ и лепа наоколо мѣста. Одавдесамъ свимъ моимъ пріятелѣмъ писао. Г. Лузинїану Еллински Г. Кавалеру Фордайцъ и моему предрагому Мистерь Ливи, Mr. Іанзону, Кларку и Г. Гулїелму Валїоту латински; коя писма кадъ би вамъ хотео сва спрїобщити, билоби вамъ [може бити] много читати: Два обаче що самъ инглезски писао; едно учителници и благодѣтелници моей Госпођи Ливи, а друго Г. Торнболу, морамъ превести и спрїобщити вамъ: защођете изь ни найболѣ моћи познати моя досподолжна чувствованїя кь онимъ блаженимъ, великодушнимъ и божїимъ на лицу земному людма.

БЛАГО-

БЛАГОДѢТЕЛНА ГОСПОЖЕ!

Какогодъ остала чувствованїя срца, тако и благодарностъ, неможесе совершено речма предъ ставити. Кадъгодъ ми, съ пристойнимъ вниманїемъ, о милости, и любвеполнимъ наши благодѣтеля дѣламъ размишлявамо, душа наша осећа нещо таково у себи, за кое эзикъ неможе равномѣрна изяснѣнїя наћи. Често и то щобисе могло рећи нїе намъ слободно; боећисе дасе већма неблагодарни непокажемо, що се усилюемо съ простимъ речма за показана благодѣянїя награжденїе чинити, За то ниши я намѣравамъ, ниши ви госпоже моя, немойте мислити да я чрезь ово благодарственно писмо ваше благодѣянїе наплатити ищемъ. Ясамъ садъ подалеко одъ вашега пребиванїя, широко море разделюеме одъ васъ, и безь сумнѣнїя у животу моемъ нећу васъ кьтому видити, запосе не боимъ даћеду мое речи, ни по видимому, найманѣмъ ласкателству подложне бити. Мени већь не остае щоби одъ васъ желїо; ибо оно що мїе на свету пожелателнѣйше и дражайше било, тосамъ вашомъ милостивомъ помоћу получїо; и у состоянїю се [фала богу и вами] наодимъ, Адизонова, и други ваше просвещене Нацїе Списателя книге разумевати. По тому, ви сама благодѣтелнице моя видите, да овде ласканїя и каковенибудъ користи желанїя, никакво подозренїе места имати не може. Косегодъ ничему нейма надати, нити има ща већь ожидавати, онь, природно, неће ласкати, слѣдователно нѣгове речи мораю, неотложно, изь другога кога извирати и произходити извора. Докъсамъ я привами бїо у Лондону, за толику вашу аки милостиве матере и любиме сестрице доброту, мени нїе дозволѣно било ни съ едномъ речю вами зафали-

лити; ваша благородна душа наодећи све свое награђеніе у своей врожденой доброти, нити э могла ни хотела о чемъ другомъ чути. Овде обаче гдисамъ я садъ неможетеми више заповедати да вамъ неблагодаримъ; садъ мїе слободно чинити щогодъ оћу, и могу вамъ благодарити коликоми срце жели. У све време моега при вами пребиванїя како ви, тако и любими Г. Ливи супругъ вашь, ви обое, нисте вашей кь мени доброти никакова предћла полагати хотели; нитїе вами доволно било да ми ви сами толику любовь показуете, него сте ме сверхь тога и вашимъ достойнћйшимъ пріятелћмъ препоручавали, кои суми морали, вами за атарь, добри бити= Защо ко неби ономъ, кога ви двое фалите, коисте иста на земли доброта, добарь бїо? Правоэ дакле да и на ме редъ доће, и да и я васъ Сестромъ, Матеромъ, и Минервомъ моиомъ милостивћйшомъ, и благодатнћйшомъ зовемъ и наричемъ, и како такову да васъ славимъ и проповедамъ! Молимъ васъ изкарайте здраво господина Торнбола; гледай те само нћговь посао! као да мени нїе доста жао било съ такови сердечни разстатисе пріятели, седне и напишеми некаково прелюбезно писмо! метне у нћга неколико Гинеа пакъга пошлћ у Гравезантъ замномъ у потеру! Господину Кавалеру фордайць моему патрону, и яћу писати и благодарити; но ви, съ вашимъ любимимъ Супругомъ найболћћетему умети за ме зафалити коистеме нћму и препоручили. Прекрасной госпоћи Теларь милой Сестрици вашой, како и Господину Кооку брату вашему мое всегдашнћ високопочитанїе молимъ назначите; и увћрена будите моему сруцу пречестна и предрага двоице, да докъ се годъ ово у персима моима двизати буде вашеће сладко воспоминанїе, имена, и доброта како драгоцћннћйши залогъ вашегь анћелскогъ пріятелст-

телства къ мени, у нѣму сохранѣна бити! И пребиваю вашь и пр.

Писмо Г. Хенрику Торнболу.

ДРАЖАЙШИ ГОСПОДИНЕ!

Виспе са свимъ особити чловекъ! Одъ кога ви научисте кажитеми просимъ васъ! ударати на люде съ златнимъ оружїемъ? И изь ненада таково нападенїе съ Гинеама умишляваши и чинити? Елисе и кадъ чуло дае ко у овомъ подьмесечномъ свету, таковомъ оружїю противьстати возмогао? Та ви добро знате да су такове стреле кадре биле непобѣдимога Агесилая изь Азїе изагнати. Сверхь тога иоще, за учиниши ваше гинее са свимъ побѣдоносне, послалисте и на ме у неизказане любови и пріятелства преисполнѣномъ вашемъ писму! Ко неби помислїо да ви чрезь то ништа друго нисте наумили били, развѣ убѣдити ме да се опетъ у Лондонь повратимъ? И кромѣ тога, дражайши мой! Виспе мени любве достойнѣйша свойства срца вашего доволно показали, како и сви прочи коесамъ имао честь у Лондону познати. Увѣрени будите прелюбими Господине да любовь ваша и пріятелство кое ви на такови благородни начинь къ мени показуете, нећесе никада изь мое памети изгладити! Яћу тада себе за благополучнѣйша насвету држати кадъ вамъ будемъ могао дѣломъ засведочити да пристойно умемъ цѣнити какову похвалу и незабвенно насвету прославлѣнїе таковь вашь благородни инглезски характеперь заслужуе. Остаемъ и про.

Изь

Изь свега овога видите любими друже мой! Каковису непостижими пути небеснаго промисла! Онде гди самсе мислїо у найвећемъ недоумѣнїю у животу моемъ наћи, непознань, у далекомъ мѣсту; эзика незнаюћи, безь новаца, ту самъ найблагополучнїи бїо. Эзикъ самъ постигао, не само за разумѣвати книге, него и говорити нимъ могаосамъ: съ доволнимъ книгама провиђень, и съ више трошка него мїе до лайпсика потребовало. Изь Хамбурга шести дань поћемъ чрезь Хановеръ, и Брунсвихъ и доћемъ благополучно при концу Іунїя месеца у Лайпсикъ, башь одакле, послучаю и садъ вамъ ово писмо пишемъ: кое будућисе доста протегло опомиминѣме да престанемъ, наричућисе вашь сердечни любитељъ.

У Лайпсику Новем. 15.

1788.

ЛЮБИМѢЙШИ МОЙ!

Овоће бити последнѣ писмо о моимъ путешествїамъ; [„ ибо причина ове године чрезь по„лонїю у бѣлу руссїю, а одтуда чрезь Лифлан„дїу, курландїю и пр; у Лайпсикъ путованя, „иоще не имаюћи свога окончанїя отложићесе

„на друго време. Премъ да и мени самомъ ови „последни догађай са свимъ особити мисе пока„зуе; рекаоби као дасамсе за путованѣ на ови „светъ родїо, по тому що, ове исте године „кадъ нисамъ мислїо, ни петъ миля правомъ ли„нїомъ учинити, више одъ 500 немецки пре„шаосамъ миля.] Кадъ у Лайпсикъ дођемъ нађемъ при Г. Брайткопфу едно писмо изь Шклова на ме, у коему господинь Страшиновичъ налажеми одъ стране Генерала Зорича, да дамъ на знанѣ гдисе наодимъ. Немедленно одпишемъ дађу овде чекати дружства съ коима ноћи у Шкловь. Месеца Септемвра доћу трговци одъ туда али мени буде за луду чеканѣ, кажуми дасе до беле руссїе оће найманѣ 40 дуката, кое я нисамъ имао; изь узрока що, надаюћисе дађеми на эсень одъкудъгодъ новци доћи, ходаосамъ по найлепши градови у Саксонїи, Дрезди, Алтенбургу, Цайцу и прочимъ; и тако отиду инглезске Гинее у вѣтарь, а я останемъ опеть као и пре безь нища. Поћемъ дакле у Бечъ: Овде опетъ по моемъ обичаю почнемъ лекцїе давати. Ови самъ први редъ у животу у тешкомъ дугу бїо. Типографчика иощъ нисамъ бїо са свимъ исплатїо, неке книге немецке накуповао, и трошакъ до беча, натрпасе кое съ чимъ до 200 ф. Несумнямъ ни мало, видећи како ми мои ученици поцено плаћаю, да до десетакъ месеци мениће ласно претећи толико новаца дасе са свимъ одужимъ и чистъ останемъ; али мїе мучно да люди тако дуго чекаю. На сваку руку мислећи дођеми на умъ да пишемъ у Молдавїю и да ищемъ узаямъ одъ моега доброга пријателя Епїскопа Романскога ову суму. Онь, знамъ да има, и радо узаямъ дае одъ кудъ зна дађемусе вратити: Едноме плашаше, боимъсе да ми и не поклони, а одъ онакова любезна човека поклонь одређисе примити, тоэ невозможно. Неволя э яча одъ стида! Щому драго, помислимъ, та узаймїо та покло-

нїо, овосе, мора искати. Седнемъ и напишемъ писмо; и ако не вѣруете, ево вамъга! Читайте.

ЛЮБИМИ И ПРЕДРАГИ МОЙ ГОСПОДИНЕ ЕПІСКОПЕ!

Що рекосмо то фала богу и учинисмо; я Францїю и Инглитеру благополучно обиђо, и садъ вамъ пишемъ изь средъ Беча. У ови часъ би вамъ се могао заклети да самъ већь наумїо примиритисе на едномъ мѣсту, акомемоя кудъ силомъ не одвуче судбина. Ово иощъ акоми доста не буде, ни самъ већь незнамъ ща би мисе хотело. Но, премъ дами почти неостае ща би желїо; ништа манѣ, толикосамъсе реди преварїо, да кь тому неби смео себи вѣровати башъ да се живь посветимъ. Садъ за садъ ни зашто толико немаримъ него дами э 42. дуката у готову новцу. Ако мои длановитако право погађау као попа Маука носъ, безь сумнѣнїя неће година проћи, а ћу више него мїе одъ потребе новаца имати, еръ ме све сврби кадь десни кадъ леви длань. Може ко ласно помислити да самъ я садъ башъ као Омировь витезь одъ Сциле утекао, а упао у Харивду; то есть, дасамсе едва страсти путованя избавїо, и на ма за шимъ у недугъ сребролюбїя запао; и дасамъ у овомъ послу прави отацъ Маукъ, коега, носъ неби тако сврбїо да му вино нїе мило било; кое, какоби му на умъ пало[а честоби подало] шай часъ бига и сирома носъ за неволю почео сврбити. Правда подобань э одъвећь, по несрећи, прикладъ, и знаци се, више него би и самъ радъ бїо, показую еднаки: Алъ неками ка-

же

же ко зна; можелими другояче бити кадЪсамЪсе задужїо. Ако мїе ко непрїятелЪ, садЪ се има чему веселити, ерь никада у животу нисамЪ имао ни десету частЪ овога дуга на врату. Вѣруйтеми драги господине, да сЪ великимЪ страхомЪ идемЪ коекудЪ лекцїе давати, као да самЪ свему бечу дужанЪ; и све погледамЪ кадЪ на десно кадЪ на лево да ме ко за вратЪ не счепа и не викне дай плати щоси дужань! ПакЪ да ме длановi не сврбу, чудимЪсе щоми кожа сЪ миромЪ на лећи стои! Одисей за исто нїесе могао у већой сметни наћи кадЪсуму вѣтрови изь мешине утекли, неголисамЪ я садЪ. Мучноћете себи вообразити, каквобими велико добро учинїо онай кобими узаймїо оволико новаца да мисе одужити. Но може ко доћи овде да ми овако мудрослови: добро, ако ти ко садЪ то узайми; какоћешьсе одужити кадЪћешь опетЪ подЪ дугомЪ остати ономЪ кои ти узайми? НекЪ ћути, велимусе! Що э потреба о свачемЪ споминяти? То я и самЪ добро знамЪ да ми нико и не каже; али у овомЪ послу сирома дужникЪ подобань э бѣдну болеснику, коисе сЪ едне на другу окреће страну, у надежди даћему що болѣ бити; и овоё веће, него ко мисли среће, да човекЪ може одЪ еднога узаймити за одужитисе другому, и тако далѣ. докЪ умре и утече, пакЪ онда некь трчи за нимЪ ко сме! Обаче ясе за исто у ово неуздамЪ, та шатЪ не умремЪ до десетЪ месеци, нисамЪ я самЪ на свету, тоби прави сїясетЪ бїо! А онда [ако не и пре] моћићусе са свимЪ одужити, пакЪ пада що богЪ да. ВећЪ ви сами садЪ, любими мой Леоне можете погодити нащо ово писмо слути, више речи билеби са свимЪ излишнѣ. Пишите комЪ овде одЪ ваши познати трговаца дами узайми одЪ баше стране 42. дуката били какви мудраго, само некЪ су прави дукати. Извините мое дерзновенїе, и будите увѣрени, да я овако неби

молїо развѣ, когавесма любимъ и почитуемъ, остаемъ и проч. у бечу. Окт. 1785.

Ово писмо напишемъ у едну неделю по ручку; съ намѣренїемъ дага сутра дань на пощу дамъ, кадъ етопи два моя ученика доћу зватиме да идемъ съ нима у предградїя проодатисе: Едань э цариграћанинь, Григорїе Маврокордатосъ, а други изь Θесалонике Θома Папазоглусъ. Запитаюме о чемъ э писмо и кому? А кадъ чую почну жалитисе на ме, защо да носимъ суетно попеченїе, а не кажемъ нима свою потребу. Сутра дань даду ми банкоцедуле одъ 200. ф. и одужимсе, и тако ово писмо остане. Чиняшемисе да нисамъ изь бечa ни излазїо, као дасамсе ту родїо и наумїо животъ провести. На идуће лето имаосамъ неизказану радостъ видити у бечу любимога Г. Лузинїана, коисе тада возвращаваше изь цариграда за Лондонь. Друге године зовнеме мой предраги Господаръ Максимъ куртовичъ да и нѣговимъ кћерма Марїи и Христини на францезскомъ и талїанскомъ эзикамъ лекцїе предаемъ, що я едва са свимъ срцемъ дочекамъ. Опредѣлимо сатъ одъ 11. до 12. какосе лекцїе сврше, носисе эло на трапезу, морамъ остати на ручку.. Речемъ едномъ честной и разумной госпоћи куртовића, молећию, да ми дозволи у други кои сатъ пре или после подне долазити и моимъ ученицамъ лекцїе давати: Сваке неделѣ кодъ васъ, кадъ нисамъ гди позватъ, ручапи; то може бити, али сваки данъ не: разве ако оћете да сваки дань съ вами ручамъ, о другой плаћи за лекцїе некъ нейма речи. Докаже она то своему супругу, и супра дань одговорими; дасе мене ради већи ручакъ не готови, дасе нїова деца и при ручку у разговору ползую, но будући да самъ я одъ већь ſcrupoloſo [совѣстань] а оно некъ буде како я оћу, то есть наука за

рану.

рану. СадЪ управь познамЪ да ми са свимЪ срцемЪ обѣдЪ даю, и тако цѣлу фтору годину никадЪ нисамЪ помислїо гдиѣу ручати. Али кобы се надао одЪ овакови добродѣтелни любезни и божїи люди и душа, дасу они наумили били мене превариши! Нисуми хотпели, као прочи, на месецЪ плаѣати, а кадЪсе сврши година, и менисе изь ненада намѣри путь, а оними онда за сву годину плаше, колико да имЪ се нисамЪ у куѣи ни воде напїо. А ясамЪ тако задоволянь и радостань бїо цо самЪ при нима трапезу имао, да не сапЪ, но при на данЪ дасамЪ ну предавао лекцїе, иоцЪ бимисе чинило да имЪ доволно неодслужуемЪ, и да имЪ дужань остаемЪ. Любими другЪ мой! Нїе эло и пиѣе цосе цѣни и похвалюе; Акоѣе незнамЪ колика, и какова деликатна вкушенїя и пиѣа данасЪ човекЪ уживати, сутрае опетЪ гладань и жедань, и ономаднашня эла, нимало намЪ данасЪ не помажу. Нїе дакле частЪ и вино цо мене чини овде писати, него начинь срдечни, любезни благородни, и сладки, сЪ коимЪ намЪ добродѣтелни люди свой хлебЪ и напиткЪ даю: Кое намЪ тако любезно и милосниво даю, да гледаюѣи и, рекаоби као да намЪ срце свое спрїобцаваю: Овое цо я овде хвалимЪ и прославлямЪ! Чистосердечїе, доброта, и божественна чиста любовь, овое рана срца, и напиткЪ душе, коесе никадЪ заборавити немогу ниши у гладЪ и жеѣь преобратити. Ево дакле онай тайни преесшествени начинь Мелхиседековь и самога преблагословенога спасителя нашега, чрезь кои, хлебь и вино всевишнѣму богу на чисту приношаваше жертву, кадЪ се сЪ любовїю дае и прима. ИощЪ у едномЪ писму я самЪ вамЪ напоменуо, дае мене Господинь МаксимЪ КуртовиѣЪ и у Смирни свою доброту и благодѣянїе показао: Но на властито садЪ, гледаюѣи дая сЪ возможнимЪ усердїемЪ и ревностїю полезне лекцїе чадамЪ нѣговимЪ предаемЪ, ка-

ко онь, тако и честна и добродѣтелна супруга нѣгова госпоѣа Елена, родомъ и душомъ благородна, описати немогу какосуми добри и любезни били. Подобнѣ иощъ едань одъ први наши трговаца Господарь Константинь Дамчо, коегасамъ кѣерма неколико месеци на талїанскомъ езику лекцїе давао,, како онь, тако и благанаравнѣйше и свете душе госпоѣа нѣгова у великой любови и милости суме имали. Едань младъ тргованъ изь Фїлїпополя зовоми Дїамандисъ цѣлумїе годину плаѣао за уроке као и прочи, и квартирь при себи безь плаѣе давао. Сви мои ученици дасу могли у нѣдри биме носили; по овому можете судити како э мени лепо у ономъ прекрасномъ царствующемъ граду! Я би предъ богомъ неблагодарань човекъ бїо кадъ неби себе за благополучна у овомъ животу и у состоянїю у коемьсе наодимъ вменявао. Едань добри юноша болгаринь почеое плакати кадъ самъ му казао лане даѣу поѣи, него да тражи себи другогъ учителя, и ясамъ тежко сожалїо, но непреодолѣна желя, да иоще що заживота на цампу издамъ све э побѣдила: Защо у бечу и лекцїе предавати и о овомъ дѣлу радити нїеми могуѣе било. У Шклову чекаосамъ равно шестъ месеци Тѷпографа, и какосамъ са свимъ познао да онь не мисли свою речъ одржати, поитїосамъ у Лайпсикъ доѣи. Мой благодѣтелъ Генералъ Зоричь даомїе за ово 6 месеци, коликое обѣщао бїо за цѣлу годину, то есть четири-стотине рубли. Дароваомїе и едну лисичину що вреди сто рубли. Ту самъ разпродао, за непотезати бреме са собомъ, све мое книге немецке и францезске лат. и тал. [кромѣ они инглезски коесамъ на дарь у лондону получїо] немецке узеое Генералъ за свою библїотеку. Ове зиме у лайпсику, будуѣи да у Тѷпографїи нїе сь посломъ навале издатиѣу до 28 Табака. Едань добри господинь одъ наши соплеменика, самъ своевол-

но,

но, и у Шкловь и овде писаомїе даћеми у овомЪ предпрїятїю помоћи, кое уздамЪсе даће до воскресенскога пазара учинити; на коега надежду полагаюћи обѣщаосамсе на лето Історїе неки знаменити люди издати: За представити Нацїи нашей, у примЪру славни и велики Лица, ону исту науку кою самЪ у Наравоученїямъ изясняваo. Ова помоћь ако ми доће исполниђу мое обѣщанїе; аколи пакЪ недоће [„кое богЪ вѣсть „каковимЪ случаемЪ можесе догодити; защо по„одавно већь ни писма одЪ туда неимамЪ а тер„минь кадЪ э речено било послати прошао„] на ови начинь, пропивь намѣренїя моега морађу слагати; несмеюћи упущатисе у дугЪ, на коега мрзимЪ како на црну смертЪ. Акоми ко замаану припише що орѳографїю нисамЪ пазїо, нека изволи разсудити, да ми, до садЪ на нашемЪ дїалекту сЪ нашимь словами грамматике нисмо имали, Я у моемЪ списанїю самосамЪ на нашь чистьь изговорь сматрао. Ь. велики и мали, то э мени све едно било, добро знаюћи да Сербли сви щоие годь путь неизговараю пућь. А изреченїя, коеби звечало на ы. у насЪ нейма. Но щосе овога тиче, акосе сЪ временомЪ правила за ово даду и установе [кое не сумнямЪ] ондаћесе моћи исправнїе писати; а менеће добри и разумни люди извинити, знаюћи да никаково майсторско дѣло у своМЪ почетку не може савршено и са свимЪ исправно бити: за ове после оћесе стотине година и више родова люди, кои, едань за другимЪ долазе: не валя ни они да доћу овде само да жваћу. Що ми ви у вашемЪ последнѣмЪ писму опоминѣте, даћесе гдико наћи, кои, или изь простоте свое, или [щое горе] изь лукаве, и просвещенїю разума человѣческога са свимЪ противне политике, подЪ изветомЪ ревности къ светопочитаемимЪ суевѣрїямЪ, неће свога труда пощедити, и све що може говорити и творити, за воспетити или, ако нища,

а оно баремъ закаснити обще добро и ползу, коя бисе чрезь ова нова списанїя причинити могла, що э мени добро познато; али съ друге стране овоме тѣши и обнадеждава: що садъ већа часть знаменитїи у нацїи нашой, како свещенство тако и мїряни имаю очи отворене, и нећеду већь ни крозь наочари, иощъ манѣ крозь туће очи да гледаю; но сами своима богоданнимъ зѣницама проницателно и скрозь смапраю ща э що. Ево насъ дражайши мой, за ови редъ при концу моега путованя; у коега описанїю, какосамъ у почетку рекао; хотеосамъ прославити имена мои прїятеля и благодѣтеля. Я имъ воздаемъ како могу; а праведни и милостиви богъ воздатићеимъ како онь може. При томъ, уздамъсе даће ово иоще послужити, за возбудити боголюбиве и добра срца люде у Нацїи нашей, ако кадъ виде кога сиромашка и оскудна како що самъ и самъ бїо, кои управь науку жели, тражи, и кь нїойзи као жедань Елень кь воднимъ источникомъ тежи, дасе неодреку помоћи му. Науке любителъ пакъ младићь, кои чувствуе у себи склонѣнїе, способность, и дарь ко ученїю, некъ се ласно не предае очаянїю акосе кадъ у тесноти наће. На конацъ, некъ э препоручено ово дѣло свимъ благородноумнимъ общего добра желателѣмъ, кадъсе наће иощъ ко, да съ учени эзика на нашь, що лепо и полезно преводити предузме, нека не пренебрегу руку помоћи дати му, нимало несумняюћисе даће съ временомъ ово предпрїятїе пречестномъ обществу весма полезно бити. Защо овосе чисто види као сунце, да догодъ едань народъ на своемъ матернѣмъ эзику книга нейма принуждень э у тамности ума и у варварству лежати, и све на горе преуспѣвати. Сверхь свега и найпосле; щосамъ годъ говорїо и написао изь праве любови кь добродѣтели, кь человѣчеству, и кь сроднимъ моимъ и говорїосамъ и писао. Inest [вели славни и велики

у

у науци Инглезь Бако Веруламїусъ] ineſt ingenio humano motus quidam arcanus et tacita inclinatio in amorem aliorum, qui ſi non inſumatur in unum vel paucos, naturaliter ſe diffundit in plures. Есть у естеству человѣческомъ движенїе неко тайно и мучсће склоненїе кь любови другихь, коя акосе не упразни у еднога или у мале природно излїявасе на многе. Любећи те, любими мой, и честитаюћити нови Годъ пребивамъ савь твой.

У Лайпсику Іануарїя 1.

1789.

Досїоей Обрадовичъ.

ЛЮБИМИ ЧИТАТЕЛИ!

Какосе э мучно човеку растати одъ онихь коисуму мили и драги! Свесе спрема а неможе да поће; често поће, пакъсе опеть враћа; одлази и удалявасе, но свесе натрагъ обзире пріятномуе и на димъ гледати кои изь оногъ мѣста излази у коему нѣгови мили живу! А почему я то знамъ? Ни по чемъ другомъ него по себи. Пишући гди що на миломъ Матере мое эзику; не могу и жаомїе престати; воображавамъ себи као да самъ у Сербїи или у Босни пакъ мїе мило кое очемъ съ людма беседити. Други эзици, кое самъ научїо, у книгами предрагисуми, зашто ми

кажу цасу учени народи и паметни люди на свету мислили; цали мисле; али кадЪ нима беседимЪ, предЪставлямисе као дасе у туће нещо пачамЪ: А како цо сЪ овимЪ проговоримЪ, коега ни поцо не могу памтити кадЪ самЪ и како научїо, и за то, рекаоби дасе э самномЪ и родїо, или дасамга изь прсїю матере мое изсисао; какопи сЪ нимЪ цо проговоримЪ етотиме у средЪ мое куће, у моему правомЪ елементу, гди сЪ своимЪ свойственнимЪ воздухомЪ дишемЪ. Саврши басне; дай иоцЪ кое писмо: А кадЪ и ова доћоше на край, изићоше предаме некакова предивна инглезска изреченїя. Опитуемъ, билисе ово како дало нашимЪ представити речма? Неизказано лепо и чисто. Доброби докле било дасе цогодЪ, ако ница, за Примѣрь преведе,, цое годЪ управь Лепо, Добро и Полезно, кадЪгае више болѣ бива ,, А да ко зна те ово мало послужи за нàмаму дасе сЪ временомЪ многи ко полакоми инглезски научити, пакЪ ће онда овогЪ добра бити и више. Ове мисли и упражнѣнїя случиласумисе данасЪ по подне, ходаюћи сЪ едномЪ лепомЪ инглезкомЪ книгомЪ по ПозенсЪ - Гартену. У исто време погледамЪ око себе, видимЪ различна древеса Трешаня и Вишаня, и помислимЪ. Людиби могли живити и безь вишаня и безь ягода, и безь други многоразлични воћа; али ондо гди и э богатодаровита божїя десница насадила, крайняби лудостЪ чловеческа била кадЪ и неби на свою рану и услажденїе употребляваo; мислећи да нису за нѣга него за саме врабце! Какосу дакле ова воћа прїятна и полезна гортану нашему; несравнѣнносу полезнїе ове Сентенцїе [Смисли или Изреченїя] Срцу нашему, уму и души. НекЪ иде дакле и на ово едань табакЪ или два. Не само велика господа него и селяни радо ружицу и остало лепо имаю цвеће, и у време ручка на трапезу и полажу. Зацо неби и я сЪ оваковимЪ прекраснимЪ невенућимЪ и во вѣки мирнућимЪ

ѣимъ цвѣћемъ конацъ книжице мое украсїо? Примите дакле усердно любими читатели, умнога пролећа, изь прекрасни англїйски садова и поля Сасу Любичицу и лепу ружицу, и украшуйте сь нима Срце, умъ, и Душу вашу!

Говори умѣрено, но чисто и разумно ако желишь даси достоянъ слушања. Естество намъ є дало една Уста и за эсти сь нима, и пити, и беседити, а два Уа само за слушати; изь овогасе види да найвише-валя слушати, и о свачемъ що чуемо разсуждавати. Иоще къ тому два Уа имамо, за слушати що и една и друга беседи страна, и тако судити „ Ко мисли дае врло паметань, онь много говори, а кое управь паметань нема кадъ много говорити, защо мора здраво мислити о ономъ що говори „ кадъ си на само, тада мисли много какоси до садъ сь людма беседїо, каколићешь у напредакъ; защо у време разговора, нїе право дасе други гризу и муче, чекаюћи докъ имъ ти що паметно измислишь и изшудирашь „ Зао човекъ кадъ види да други на само говоре онь мисли дасе ту онѣму нешто зло говори; високоумань и лудь [овису весма на близо] мисле да ни фале; а добарь и паметань ништа о томъ не мисли, защо незна шаће. — Умань човекъ и мало говорећи каже що да валя, а неразумань много говори, а ништа добро незна казати — Потреба є савршено познати онога, сь кимъ ко ће да говори како мисли. — Угодити другима у разговору, не состоисе толико у показиваню свога остроумїя, колико у познаваню нїовога — Зли обичай всегдашнѣга противоречїя квари найлепши разговорь, и можесе назвати прави отровъ собесѣдованїя. — Ништа нїе важнїе него примѣри дѣла, люди у достоинствамъ; ибо акосу добри или зли, привлаче многе къ подражанїю. — Чловекъ у благополучїю неможесе ласно исправити одъ свои погрешака; защо докъмусе-

годъ

годЪ счастїе осмеява, свакига вара похлебствующему, и щое найгоре, и онь самЪ себе за найпаметнїега држи — Ко мисли да нейма потребу одЪ други врлосе вара; а мислећи кь тому, да прочи безь нѣга не могу бити, ищЪ већьмасе вара. — Благотвореніе кое примамо одЪ други, обвезуе насЪ да имЪ ласно пращамо ако насЪ кадЪ у чемЪ и повреде. — Великодушїе у даваню, кадЪсе не чини гди, и како валя, ниіца другo нїе него суетна желя за показати себе великодушнимЪ. — Разумно великодушїе у даваню, известнѣйше э средство за получити любовь и високопочитаніе разумни люди. — ДогодЪ ко може давати свакь ћемусе благодарань показивати — Лукави користожелателЪ и хитри полїтикЪ ономе найусерднїе показуе свою благодарность одЪ когасе узда даће найвише имати. — Познанство себе основанїе э добродѣтеля; а непознанство, злоба. — Много добивамо познаюћи себе како валя, ерь чрезь то исто познаемо болѣ и лакше друге. — Найвећа полза кою човекЪ може имати познаваюћи слабости и погрешке другихь, состоисе у тому, да себе одЪ такови слабости чува. — Кое всегда сЪ собомЪ задоволянь, непознае себе: а ко нїе никадЪ задоволянь, познае алЪ нїе кадарь, или неће дасе поболшава. — Ко брани истину, незнаюћи како валя, вишеной вреди неголи помаже. — Всегдашнѣ употреблѣніе хитрости, знакЪ э слабости и малодушїя. — Ко нїе радЪ ни одЪ кога никакве обиде претрпити, не презире и не пращагди кое погрешке, шай нїе ни за дружство ни за прїятелство. — Мисе на друге жалимо щосу непостояни у прїятелству, а други на насЪ, по тому, зарь валя да смо сви еднаки. — Гди годЪ нейма праве добродѣтели ту нїе мѣста ни правомЪ прїятелству; кое самЪ интересЪ соединява, онь ћеи и раздвоити. — Люди коисе неймаду защо мећу собомЪ почитоваши, иіова э любовь безь осно-

основанїя; могу за неко време бити ятаци, алъ никадъ пріятели. — Нема на свету болѣгъ пріятеля одъ чисте совести, ни горегъ душманина одъ зле. — Найвећа и найстрашнїя освета щосе може учинити едномъ непріятелю, то э, дага човекъ никада неспоминѣ, и дага са свимъ заборави; защо чрезь ово у ница га преобращава. Ко другога безь узрока озлоби, можемусе простити; алимусе не може по томъ никада у прав вѣровати; и за то совершена примиренїя весмасу мучна. — Чистосердечань и природни ноступакъ, не само щое найлакши, но и найвеселїи э човеку; на противь, усилѣнь и притворанъ, будући лажливь у себи; мораму бити тежакъ и мучань. — Лютосе вара косе узда даће съ помоћу притворства за всегда друге варати, и себе покривати; защо, да и що добро такови учини, не примамусе за добро, ерьмусе не вѣруе. — Косегодь са злимъ дружи, акоће найболи бити, губи сву цѣну свое доброте. — Косе годъ непрестано притворава самъ о себи дае горе мислити, него що бисе мислило. — Свако состоянїе живота и поступка мора имати свой начинь и благопристойность; Светѣйше добродѣтели кадъ не бива своимъ начиномъ у посмеянїе падаю: сама божїя Истина виче на оне коисе богу моле даи люди виде. — Свако Состоянїе живота има свою лепу и ружну страну; паметань наоди прву, пакъ э всегда задоволянь, а безуманъ фтору, пакъ э у свачемъ и довека незадоволянь. — Ко више може одъ други, а нечини више добра него остали, онь се э родїо на светъ само дасе осрамоти. — Гди пребива Лажа, Притворность, и ласкателство, ту истина несме доћи разве у басну обучена. — Ево явни знакъ дае Добродѣтелъ найболя на свету, ерь найгори човекъ радъ бисе у чемъ годъ показати добарь. — Знати своимъ желанїямъ предѣлъ полагати избавля човека одъ многи попеченїя, и причиняваму многа за

довол-

доволства. — Свимъ людма на свету Истина э весма мила, и за то сви, щогодъ вѣрую за Истину држе. — Великоэ добро лепе ствари знати, изь овогъ узрока и ко мало зна, чинимусе да доста зна; и съ тимъсе весма утѣшава. — Манѣ би труда човеку било даэ управь добарь, него щосе толико мучи дасе покаже таковь; а кадъ нїе, за луду му мука. — Разпущенїе и разблужденїе совѣсти изворь э свїю безчинїя. — Злоупотреблѣнїе благополучїя, ница нїе него злополучїе. — Право э безумїе, чинити будалащине у надежди даћеи оправдати ко; зло горе бива кадъсе оправдава. — Плитке памети, малена и слаба срца човекъ, коекакве безделице за велике почитуе вещи, у свачему тайне некакве налази, све на зло слути и прориче, у непрестанномъ страу живи, на свесе тужи, и ница му у животу нїе исправно. — Любведостоина э вреднострь у човеку подносити слабости и погрешке другихь, познавати нїова добра свойства и ползоватисе нима. — Мека и размажена срца човекь, и сироте просячке душе, акоће найлепша средства имати за учинити какво велико добро и прославити себе, онь све то пренебрегава, унайвећемъ достоинству гдигае случай довео, онь э спокоянь и задоволянь акосе само може о нѣму ређи мирань э и добарь као овца. — Сама доброта у човеку безь разума, може му бити веема вредовита, ерь га она нїе кадра сачувати одъ мрежа лукави и зломислени люди, одъ кои валя всегда на опазу спаати; Благоволѣнїе, любовь и доброта кь другима нимало не изключаваю любовь кь себи. — Богатство нїе кадро излечити човека одъ сребролюбїя: нитиму може дати они покой срца коисе у разумной умѣрености наоди. — Разумъ самъ нїе кадарь побѣдити страсти и похоти; валя да узме себи на помоћь разумне страсти и похоти за истерати и побѣдити неразумне и луде. — Добро разум-

зумети що други говоре, и како валя на то одговарати, овое мучнїе него умети добро беседити. — Плиткость ума, Невѣжество, и Високоумїе, причинасу упорства и тврдоглавства; зашто упорань неће ница да вѣруе него що онь зна, а онь ница незна, или весма мало, ибо упорство неће одЪ други дасе научи, а неучећисе неможесе знати. — Чудна Вещь! Малое ко задоволянь са своимЪ состоянїемЪ, а сЪ памећу свакЪ. — Содружество и прїятелство веће часни люди ница друго нїе, него любокористна трговина; коя дотле пребива докЪ э одЪ потребе. — ЖивотЪ э дарь божїй, доброму э датЪ на велико добро; а зломЪ, дасе мучи и грize. — Ница нїе известнїе одЪ смерти; са свимЪ тимЪ, люди тако живу као да не мисле умрети, а кадЪ повуку, яо и помагай: — НикадЪ не смећи сЪ ума како э теби кадЪ те ко увреди; пакЪ нећешь ласно другога увредити. — Ница нїе слабїе ни неразумнїе, него вѣровати све що намЪ ко каже, не разсуждаваюћи можели то тако бити, — Користољубїе чини чудеса и сїясете, ерь често луду да паметЪ, а паметну узме. — СмертЪ э весма праведна, богатЪ или сирома, за то она немари. — Неимати лућегЪ говореня, него, кадЪ ко зло твори а добро и лепо говори. — ЗнакЪ великогЪ достоинства едне вещи у томесе состои, кадЪ и они кои мрзе на ню, принужденису о нїой добро говорити; а то э права и чиста добродѣтелЪ. — Безумань одлаже на сутра що бисе морало данасЪ учинити, уздаюћисе даће сутра паметнїи бити. — Ко похвалюе добродѣтели свои прародителя, а нима не подражава онь се самЪ срамоти. — Ницасе мучнїе не прима него совѣтЪ, зашто свакЪ мисли дае кадарЪ дати, а не одЪ другога примати. — Правой учтивости остроумїе э отацЪ а доброта мати. — Разумна любовь славе и чести много помажу добродѣтели. — Притворность и лицемѣ-

цемѣрїе, и нехотећи доказую, какосе добродѣтели стиде и бое. — Ласно човекъ себи праща оне погрешке за кое нико незна; а то неби чинїо кадъби о Богу чисто понятїе имао. — Суетолюбивь мужь люби само оне коимусе удивляваю, а разумань оне коима се онь удивлява. — Нелестна благодарность показуесе кь онима одъ коисе никаково благодѣянїе више не чека. — Живи, о мертвима, могу праведно судити; Зашто тада, нити и се бое, нити имъ штара пазе. — Велика господа найвећу потребу имаду одъ разумни книга; ибо ове еднако говоре та съ малимъ та съ великимъ. — Остроумїе, безь доволногъ разума и разсужденїя, показуесе по вишой части у безделицамъ, и често чини човека великомъ будаломъ. — Коя полза одъ лепи вредности, кадъ и ко на добро неупотреблява? Деца кадъ су добра и кадьсе добро уче, радо имъсе дае дозволѣнѣ играшисе; и у великимъ людма презирусе малене слабости, кадъ они чине обществу велика добра. — Покаянїе мало вреди, нити э право, кадъ бива само за страхъ наказанїя. — Чинити зло, у надежди покаянїя овое хитрость измишлѣна за варати свою совѣсть и бога. — Неопорочаваюсе толико, они кои у коечемъ погрешаваю, колико они, кои нечине толико добра колико би могли. — Дужнису люди узаямъ другъ друга природне слабости презирати, и погрешке пращати: Много лакше дакле валя ову дужностъ да исполняваю кь онима; кои имъ велика добра творе. — Кадсмо здрави чуваймосе болести, и кадсмо добри укланяймосе одъ зла. — Ница неможе бити горе одъ притворногъ богобоязлива и лажисвеца! Ша онай неби людма учинїо [да може] коисе съ богомъ игра? — Основанїе свїю добродѣтеля сосшоисе у разумномъ богопознанству богопочитанїю и боголюбїю; ко бога разумно почитуе и люби, не само не може зао бити, но мора по своmъ могућству добарь бити.

ти. — Вредность не состоисе у тому, да э човекЪ безь слабости, него да и може зауздавати и нима владати. — Онай народЪ коиби могао совершено доказати дае найпаметнїи, найпоцењи, и найдобродѣтелнїи, имаоби право фалитисе деэ нѣгова вѣра найболя, ерьби онЪ, опїЪ дѣла свои, вѣру свою показао. — ДобродѣтелЪ чини човека благороднѣйшимЪ; зацога приближава кь богу: а Зло-ба злороднѣйшимЪ, ерьга уподоблява суровимЪ зверовомЪ и безсловеснимЪ скотомЪ. — Сѣянѣ невоздержанїя у младости, приноси на эсень старости изобилну жетву болести. — Умѣренность и воздержанїе зарана, предсказую лахку и спокойну старость. — Ерли ту го ту бедь, ендЪ ерли ту райзь; мексь е мень хелѳи, уелѳи, ендЪ уайзЪ, [то есть] Рано легати и рано устаяти чини човека здравимЪ богатимЪ и мудримЪ. — Размисли на сатЪ пре, о ономЪ щоѣешь говорити: и на цѣли данЪ о ономЪ що мислишЪ обѣщати; и гледай, да за обѣщанїемЪ не доѣе раскаянїе, — Покаратисе старїимЪ и паметнїимЪ, тое дужность; себи подобнимЪ, учтивость; манимЪ одЪ себе, благородность и великодушїе; свимЪ добримЪ, мудрость. — Прости случай може узвисити гдикога; али сЪ похваломЪ содержатисе и напредовати у височеству, оѣесе добродѣтелЪ и разумЪ, — Неразумань и несмислень ужасавасе и чуди изменѣнїю они вещи на свету, коесу природно томе подложне. — Обичаи, користолюбїе и страсти наше добро путую, кадЪ здравомЪ разуму слѣдую. — Право достоинство всегда э содружено сЪ умѣреностїю и и сЪ учтивостїю; а лажно сЪ високоумїемЪ и сЪ суетолюбїемЪ. — Ко нїе кадарь себе у достойнимЪ, и свету полезнимЪ показати исправлѣнїямЪ, болѣмуе да нѣгово име у забвенїю погребено остане. — Тешкоэ бреме велико достоинство, за онога кога жели сЪ похваломЪ носити. — Гладке речи и велика обѣщанїя, силно дѣйствую надЪ

слабоумнимЪ и простачкимЪ людма. — Велика є слабость лахковѣрну бити, сЪ онима коису по знати да радо лажу. — Ако желимо знати ща неки говоре о нами предЪ другима; смапраймо само ща о другима предЪ нами говоре. — Чисте совѣсти, и разумаиь човекЪ нити слуша лажна доношенїя, нити мари за ни. — Мужественно срце наоди свое задоволство у пращаню обиде, а слабо у освети. — Жалитисе всегда, и на сващо тужити; доводи човека у презренїе, показуюћига весма малодушнимЪ. — СкимЪсегодь ко всегда и радо обходи, мора нѣму подобань бити; овое всеобще правило. — Совершено избавлѣнїе одЪ зли подозренїя, состоисе у совершеномЪ исправлѣнїю нарава свои; а безь тога сва оправданїя и извиновлѣнїя, повиннїимЪ насЪ творе. — За избавитисе одЪ невесели мисли, нема другогЪ средспва, разве всегда о добримЪ вещма мислити. — Мечтанїе и воображенїе изворису найвеће части веселя и благополучїя; или невеселя и злополучїя человѣчески; Некису Цари Японски Царство, народЪ и живопь свой у бѣдствованїя и у погибелЪ доводили, воююћи за едань зубь Маймуна, коса за свога бога држе; одавдесе види да воображенїе нїе багатела. — Гди такови люди властЬ у рукамЪ имаю, кои нити искусствомЪ познаю нити у себи чувспвую цѣну добродѣтели, ту се сва достоинства и званїя или по случаю, или [щое горе] по пристрастїю даю: Бесни Калигула чини свога коня Конзуломъ римскимЪ; конску памепЬ имаюћи, нїе могао болѣ избранїе учинити. — Да свакЪ оће колико може добра учинити, многоби више добра на свету било. — Лажа неби могла нигде проћи, дасе у истину непреоблачи и не претвара. — Тешко неправедну, кадЬга правда счепа за уши! — Нїе чудо що неки будалу радо имаду и помажуму; защо подобань подобнога люби. — Лажливи пріятели кадЬ виде човека у неволи, оидаму слободно

бодно кажу дасе нїе паметно владао. — Нигде се Добродѣтелъ у свой своей слави не показуе као у Владѣтелю; ерь се о нѣму управь може рећи даэ своеволно исполнява. — Ко себе одъ већь много похуждава, чрезь то изискуе да га други за то фале. — Самога себе не валя ни фалити ни кудити тое други люди посао. — Погрешке слабости, би намъсе лакше простиле даи ми одъ већь не сакривамо, хотећи дасе покажемо оно що нисмо. — Кадь се годъ ко усилява да весма друге преухитри и превари, и да себе за много болѣга, него щоэ; изда; люди као люди вараюсе о нѣму: Али не онако какоби онь радъ, него са свимъ другояче; то есть, мисле да му млого кое ща подъ кожомъ лежи, и даэ гори него що э, — Ко управь люби свое пріятелѣ, и твори имъ добро колико више може, тай весма себе люби, но на ови начинь любовь э нѣгова разумна и похвална.— Изь високоумїя, кое свакъ народь о себи има, разплоћавасе међу люде погибелна слепота ума; ова сама не да имъ познати она средства чрезь коя бисе могли исправити, и своя злополучїя облехчати и умалити. — Надежда насъ често вара; но у исто време нѣйзино дружство тако намъ э мило, да э ни пощо нећемо одъ себе да пустимо. — Да свакь човекъ себи ласка и угождава то э свакомъ природно, и кадъ разумно и умѣрено бива доброму чини. — Ко не наоди никаква задоволства и спокойства у срцу своме мучноћега на другомъ мѣсту наћи; и когодъ нїе кадарь, и самъ будући, себе разумно забавляти, онь тражи дружство баш као пїянацъ вино, да му мисли проћу. — Благополучїе состоисе у вкусу вещи, а не у самима вещма, и у стяжанїю онога що ко люби; а нѣщо други себи мечтаю. — Кадъсе ко осрамоти, и не мари да се опощени, тада э управъ срамотанъ. — Незавидити никому ниучемъ, то э знакъ правога достоинства и благополучїя. — Едно добро зависть у себи

има, що мучи завидлива. — Наше страсти чине другима лепу службу, показуюћи имЪ насЪ таке каквисмо. — Ко э вредань на добро употребити богатство има право да га жели. — Наодити погрешке у другима а себе одЪ подобнихь не исправляти, то ниши э вредность ниши разумЪ, него лукавство и злоба. — Всегда на счастїе и на судбину тужитисе то э по вишой часши знакЪ невредности човека. — Ко нигде себи пріятеля не наоди, показуе да нїе достоянь имашига. — Невоздержанїе эзика весмаэ досадно; и неймати веће лудости, него, да ко сЪ великимЪ усердїемЪ, о вещма кое незна, говори, башь као да зна. — Остроумїе и хитрость безь поштена воспитанїя, безь разума и любови кь добродѣтели, то э отровь и куга у обществу, погано лукавство! Ко само себи на ползу живи нїе достоянь похвале свога времена люди; а ко би радь и будущи родова похвалу заслужити, неће моћи у свачемЪ свимЪ своимЪ современнимЪ угодань бити. — Достоинство учена човека не состоисе у тому, да намЪ каже какосу други пре насЪ разумно мислили; но какосмо дужни и ми мислити и изворити, да намЪ болѣ буде. — Закони, Уређенїя, и Науке ондасу найполезнїе человѣческомЪ роду кадЪ га приводе кЪ добродѣтели, благополучїю и кь разумномЪ веселю живота. — Почитанїе разумногь света не можеее ни одЪ кога подЪ армицїу узети; валясе о тому здраво потрудити; Коли пакЪ неће, самЪ себе презире и за ницца држи, ща оће одЪ други? — У общему разговору и у доказиваню свога мнѣнїя, валя да бива као на слободномЪ пазару; СвакЪ показуе свой еспапь, алЪ нико не може силомЪ друге нагонити даму га купую: Овде прйродно свакЪ свою робу фали; но онай кои купуе не мари за нїову фалу, него добро самЪ гледа защоће новце дати. — Иматчїя, подобань э пврдоусту коню; коликога већма ко натрагЪ потеже толико онь већма

шрчи.

трчи докЂсе годЂ са свимЂ не умори. — Како щосе обичава у ревени; нїе потреба ни манѣ ни више давати, него колико на кога запада; тако валя дасе владамо и у дружескомЂ разговору, дающи свакомЂ време да що каже. — Вещи потребне и полезне коесе не могу имати у Европи, носе намЂ и трговци изь Асїе Африке и Америке; то исто творе паметни Народи, другимЂ эзикомЂ учећисе и полезне науке на свой эзикЂ преводећи. — Много э болѣ за едну фамилїу да себи потребне вещи има у кући, него за сващо да трчи у комшилукЂ: то значи, да що една нацїя има на своимЂ эзику то има у своиой кући; О толикомЂ времену и труду коликосе изискуе за туђь эзикЂ, премногасе лепа знаня могу получити на своме. — We ſhould conſider the men of learning who have left all other far behind them as ſuperior to any names which the continent can boast: [овакосе изговара] уѝ шудь кансѝдерь дое мень аф ле́рнингЂ ху хевь лефть аалЂ адеерь фѐрь бихяйндЂ деемЂ есЂ сопїирїорЂ ту ени неемсЂ хуичЂ дое кантинентъ кенЂ боостЂ: [значи] ми валя да сматрамо люде учене коису оставили све друге далеко за собомЂ како превозходнїе одЂ свїю имена сЂ коимасе земля може поносити. — Ако икада родЂ человѣчески кь своему благополучїю доће, правлѣнїемЂ и предводителствомЂ учени и добродѣтелни владѣтеля мораће доћи, а не иначе. — Художество, кое просвещава умЂ и облагороћава срце, мора бити честнѣйше и свѣтлѣйше словесномЂ створеню; а тое добродѣтелно Воспитанїе и наука. — БогЂ э положїо у естество человѣческо способность кь великимЂ совершенствамЂ; а ЦаремЂ и ВладѣтелѣмЂ оставїо э да они ову способность у дѣйство произведу: За то се цари божїи намѣстници на земли називлю. — Срце човеково у детинству подобное чистой артїи, ко що ће може на нїой писати; а кадЂсе що напише мучное изгладити. —

Совершенство закона Хрїстянскога состоисе у тому, що изискуе одЪ они коига исповѣдаю дасу совершено разумни, праведни и добродѣтелни. — На шалу и смей окрепати оно що нїе за шалу; и свачему маану наодити, кромѣ моћи що болѣ показати и учинити, тое правога будале свойство. — КогодЪ вѣрно и пощено исполнява дужности свое, у окрестности гдига э небесни проммсалЪ поставїо, онь э честань предЪ всевидящимЪ окомЪ. — Любити люде за любовь божїю, то э наука Евангелска: А мрзити на люде за божїю любовь, то э наука зли и лукави люди.— Онай э найболи занапчїя кои после занята свога найсправнїе дѣла; а не онай, кои э за дуго учїо а ницца добро нїе кадаръ упословати: Найизбранїи э лекарь кой найболѣ лечи. — Светь э овай школа, гди, докЪсмо годЪ живи морамосе добримЪ вещма учити; но у исто време, та добра коимасе учимо, на ползу нашу и другихЪ валя да употребляваmo. — Предразсужденїе и пристрастїе, какогодЪ и невѣжество, не дадулюдма право о вещма судити; Ова три мучителя држе Истину у всегдашнѣмЪ заточенїю. — Рано пролеће по вишой части долази цвећу на погибелЪ: Лепе способности ума у детету, премЪ дасу по себи добре, но често биваю вредовите, зацо илисе упущаю у безпослице; илису у свачемЪ напраситe и ничему не даду времена сазрети: или на конацЪ, уздаюћисе одЪ веће у себе размазесе, разлене и найпосле остану стражнѣ. — КакогодЪ коньма, некимЪсу одЪ веће попребе добре узде него мамузе, тако и людма. — МладомЪсе човеку све чини ласно, а старомЪ све мучно; но ово ни едно ни друго неваля. — Чрезьмѣрне похвале и безь разлога похужденїя еднакосу младимЪ людма вредовита; мудрость э знати у нима начинЪ, време, и мѣру. — Ко све за ласно држи онь нїе за велика предпрїяпїя; а ко за мучно, ни за малена. —

Гди-

Гдисугодь поглавари народа неучени, ту мора бити Наука у презренїю, а гди су зли нарава, ту и добродѣтелЪ. — Нейма злобе, худости, ни невалялости у коима, обикновенїе не наоди свое задоволство. — Добродѣтель и истина кадЪ су совршене ондасу у правой своей умѣрености; а злоба акоће найманя бити она э всегда крайность. — Косе пре ручка показуе зао, а по ручку добарь, онь се зао може нарећи а добарь не; зашто правда и доброта не валя да зависе одЪ случая. — Шосе годь шако чисто непознае, како, да э четири више одЪ два, о томЪсе слободно разговарати алЪ не инапшше: Но кадЪ ко почне [напримѣрЪ] овако доказивати; два дуката чине више одЪ четири грошића, дакле, два могу бити више него 4. овосе зове Софисма, то есть, преумудренїе, изь овога се раћаю безьчисленне лаже. — Лепе душе, кое желе власши и достоинства у обществу, за моћи млого добра учинити, богоподобна свойства у себи показую. — Искати науку на само изошренїе ума, и умноженїе знаня, а не на исправлѣнїе нарава, и поболшенїе срца и душе, шо э позлаћивати едань сосудЪ пунЪ смрада. Радо гледамо на цвеће и по простомЪ полю, и на добра свойства у прости селяни. — Virtue never grows old: [Верчу неверь гроосЪ оолдЪ] добродѣтелЪ никада не стара. Обичаи, Правлѣнїя, Закони и Эзици подложни су различнимЪ модамЪ и премѣнамЪ; имаду свою младостЪ и старостЪ: Да садЪ нещо доћу они народи коису живили пре иляду година, нити-би свое единоплеменне потомке познали нити-бисе сЪ нима разумети могли. Ове премене обаче, сЪ правдомЪ, сЪ поштенѣмЪ, сЪ вѣрностїю, сЪ любовїю, сЪ чистосердечиостїю, сЪ непритворнимЪ прїятелствомЪ и са свакомЪ божественомЪ добродѣтелїю никада не биваю; ова у самомЪ богу почетакЪ свой има и сЪ нимЪ вѣкуе и царствуе. Блажень НародЪ коисе нѣ држи! А

тешко синовомъ человѣческимъ безъ нѣ! Колико-се већма одъ нѣ удаляваю толикосе къ своей пропасти и погибели самоволно приближаваю. — Ницца нїе већега сожалѣнїя достойно, него видити човека кои има лепа и благородна мудрованїя; любку природу, чувствително, человеколюбно, и доброжелателно у прсима срце; а при тому и начинь за учинити добро, и себе предъ богомъ и предъ светомъ прославити; И са свимъ овимъ прекраснимъ и достожелателнимъ свойствамъ за недостаточно изь младости воспитанїе у неполезномъ бездѣйствїю проводи дань по дань живота; нити що добро починюћи нити свершуюћи: Подобань лепой ябуки нодивїой; коя дае накаламлѣна за царскуби трапезу плодъ приносила: А тако, раћа кое какве ябучице, но безъ лепоте, безъ мириса, и безъ сладости; на кое нико не гледа, вань да дивя звериня: колико-се овде губи! — A Mouſe that has but one Hole is ſoon catcht. Е маузь двать хезь ботъ уань хоолъ исъ суунь Кечтъ. Едань мишь кои има само едну рупу брзо э уфаћень. Човекъ кои нїе себи кадаръ помоћи, разве само на едань начинь, некасе неотискуе далеко одъ куће: ко ницца друго незна него криве чешлѣве правити, некъ не иде ни у Босну ни у Цариградъ. — Музика э лепа вещъ; свакъ народъ има свою; и кое коиой обикао прїятнамуе акоће нїомъ и урлекати: Но Музика и Армонїя срца, коясе состои у чистой совести у тихомъ спокойству и задоволству; а то есть у добродѣтели; ово э права небесна музика, и обща э свимъ племенамъ и эзикомъ. Занатъ коимудраго може човекъ научити и знати, и никадага неупотребляваги; ако на други начинь може болѣ живити; то му ницца не врећа: Науку правде и добродѣтели нїе доста знати, потреба и э всегда употребляваги; защо ко знаюае добро, а твори зло, веће э срамоте и наказанїя достоянь. Не чинимо као неки старци

зло-

злоћуди и бабе порежливе, кои найнеповиннїе забаве и шале у млађима осуждаваю, само зато що они немогу мећу ни приставши. — Ко учи правила мудрости само за то, дасе неразумнимЪ смеэ и руга, и даи осуждава; а не да самЪ боли буде, тай се э лудЪ родїо, лудо живи, и лудо ће умрети. — Говорећи ко о невалялости и у шали но често, обикне кь тому, пакЪ после безь скверносповїя и блядословїя нїе му разговора ни живота. — Беседећи ко често о честнимЪ, полезнимЪ, и добримЪ вещма, и онь се обикне, пакЪ потомЪ безь оваки разговора неможе да живи какогодЪ пчела безь цвећа. — Ко всегда о невалялости мисли и говори лагано полагано све то гори бива; ко се непрестанно у *добру* поучава, о добру мисли и беседи, обикнесе у *добру*, услаждавасе у нћму, и мало по мало сваки дань боли бива. — Полезно э и весма памећно знанће да човекЪ чисто зна и исповеда да незна оно ща незна: А оно що зна да може чисто и ласно доказати; овое прави знакЪ да зна. — Щосегодь за инатЪ потверждава, и за пристрастїе и инатЪ одриче, неможе добро бити, истина има свое разлоге и правила башь како и ариѳметика, коима ни самЪ свемогући богЪ не може противь мислити; зашто ова правила у правичности, и у совершенству, слћдовашелно у богу состоесе; а БогЪ себи не може противоречити, нити мислити оно що нїе. — Они, коимае добродћтелЪ трунь у оку, за колико толико обезнорочити сами себе, утверждаваю да се иощь управь незна ща э *добродћтелЪ*: чудновито незнанће! У коню знаду да э добродћтелЪ да добро оди, трчи, носи, и да дае собомЪ ласно управляти; а у словесномЪ човеку нећеду да знаду дае то добродћтель, да сва своя закћеваня и способности тако управля да су согласне сЪ разумомЪ, сЪ поштенћмЪ сЪ правдомЪ; како на свою, тако и на обшу ползу, и да то непрестано и сЪ ра-

достїю твори. — Ощрлятоумни Софисте говоре све що знаду за пошамнити сваку Добродѣтелъ, осниваюћи ю или на славолюбїю или на користожеланїю: Подобни онима кои у самомъ сунцу маће наоде. Овосу крайности одъ коисе разумань човекъ всегда удалява: Хотети да човекъ безь свакогъ инпереса дѣйствуе по толико значи да безь узрока дѣла; а тоће рећи ништа искати. Доста э нами да насъ сунце просвећава и данамъ благотвори: Тако и добро, кадъ бива за похвални и лепь узрокъ, бива совершено, како, и защо валя, и достойно э нашегъ височайшегъ почитанїя. — Сумма правде, що себи не желишъ нечини другому: а добродѣтели, *Елика хощете да творять вамъ прочи человѣци, творите и ви имъ подобная.* Речису, вѣчне истине и НАУКА! Аще сїя вѣсте и сотворите *блажени будете.*

ИСТИНА И ПРЕЛЕСТЬ, АЛЕГОРІА

Или иносказаема Наука преведена съ инглезскога Рамблера. Nro. 96.]

Единь древни списатель сказуе намъ за персїяне, да поглавито воспитанїе кое они юности даваху, состоялосе у обученїю да добро коня яшу, стрелаю, и истину да говоре. — Стрелящи, и конѣмъ управляши ласно э свуда научити: алиби што срећа била, да э онъ насъ известїо на кои се начинь къ истиности доспева, и какосе э могао персїиски умъ одъ искушенїя прелести сачуваши. — За исто у садашнѣмъ растлѣнїю человѣческога рода многасе возбужденїя наоде за одусташи одъ истине: Потреба, за прикрити свое недостатке; и полза, за обма-

обманити невѣжество илити лахковѣрїе другихь, такосе често представляю; толика предлежећа зла чрезь то се избѣгаваю; и толика настояща воспрїятїя чрезь хитрость и превару получаваю; даћесе весма мало ко наћи, одь они коису врло заплетени у животу, сь доволно духа и постоянства за одержанисе неподвижимо у исполнѣнїю явне истиности. — За научити све люде да говоре истину, потреба би и било све до еднога пре научити да э радо слушаю; защо никакавь видь лаживости нїе данась више у обичаю одь ласкателства; Малодушань ласка одь страа, подьчинѣнь за свою користь, а прїятелъ за любовь: Они кои нису нирабскога духа нитису страшливи, ништа манѣ радисусе угодни показати; и будући да неправедне похвале непрестанносе изискую; всегдаћесе наодити коиће и или страха, или надежде ради, или за любовь давати. — Злоба лажливости преко мѣре се разширила; и многи, кое совѣсть не може ласно обличити да сами лажу, изщепилису своимь суетолюбїемь нараве другихь, защищаваући ону исту злобу, на кою они мисле да мрзе. — Истина, само за то щое истина, често намь противь волѣ наше долази; во обще неугодна намь э защо э противна нашимь желанїямь и напрекостоћа нашимь дѣламь; и будући да наше вниманїе природно слѣдуе нашей користи, ми нерадо слушамо, оно чеса се страшимо чути, к брзо заборављамо то що намь нїе драго запамтити. — За ови узрокь, многисусе начини наставлѣнїя произнашли, чрезь коя бисе могла ова упорность противь истине побѣдити: и какосе лекарство деци у шећеру дае, такосе и увѣщанїя подь илядуобразна видѣнїя сакриваю, небилисе како родь человечески прїятностїю подмитїо за ушећи одь погибели „

У почетку света Истина э дошла међу люде озгорь, а лажливость оздо. Прва, кћи Юпитера

и

и мудрости; а фторa, породъ худости одъ ветра зачетъ. Обадве пођу напредъ съ еднакимъ поуздањемъ за преобладати новимъ створењемъ; и будући нїово непрїятелство и нїова снага добро небеснимъ житељемъ позната, сви окрену съ неба очи свое на нїову борбу. — Истина увѣрена о превозходителству снаге свое, и о правичности искања свога, приближавашесе съ возвишенимъ великољепїемъ безъ помоћи и сама: Правда; да разумъ всегда при нїой бяше, но како служитељ а не другъ. Нѣйзинь ходъ бяше тихь и постоянь, но нѣйзино движенїе непрестанно напредоваше; и кадъ би она едномъ гди мешнула свою ногу, ни божія ни человеческа сила небїе већь принудила да уступи. — Лажливость всегдасе усиляваше сообразити видъ и приличности свое истини; и показиваше велики успѣхь у майсторїи подражателства, Ова се наоћаше окружена, и помогаема съ безьчисленнимъ регементама заклевања и пристрастїя, но на подобїе слаби заповѣдника, убѣждавашесе често примати законе одъ свои союзника. Нѣйзина движенїя бяху брза, безпоредачна и напрасита; зашо неимаћаше ни швердости ни постоянства. Често скоростїю нападенїя, чиняше завоеванїя; коя, своиомъ свойственномъ снагомъ немогаше садержати, развѣ съ помоћу пристрастїя кое она наоћаше всегда готове и вѣрне. — Другдасе случаваше да се ове две противоборнице сусретну; но тада би лажливость на ма замотала главу свою у облачину, и заповедилаби превари да постави метеризе наоколо. У своей левой руци она држаше щитъ безстидїя, и туль са стрелами лажемудрованїя звечаше иой на леђи. Све страсти наоћаусе готове на нѣйзино званѣ. Суета стрепћаше съ крили свои предъ нїомъ, а швердоглавство подкрепляваше э оа зади; тако обграђена и поможена другдаби поступила супротъ истине, а другдаби дочекивала сраженїе; но никадъ неби до руку дошла, непрестанноби мѣсто променивала, и коекудби стрелѣла, всегда у

себи

себи чувствующи да иой сва крепостъ изнемагаше, кадъби а годъ истина съ цѣлимъ светомъ очїю свои приразила. — Истина, ако и не носаше са собомъ Громъ оца свога; но и самъ погледъ нѣнь бїяше за лажливостъ страовитъ: и за то како би ова видла даиойсе она врло приближава, тай часъ би оставила оружїя Софистичества илити лажемудрованѣ, и съ обадвема рукама држећи предъ собомъ щитъ бездстидности, побеглаби сакритисе међу свое регсменте пристрастїя. Истина акоби кадъ у сраженїю и получила кою рану, но таби ласно и у кратко време зарастила и излечилась; али она уранѣнїя коябисе лажливости учинила неизцѣлима остаяху; и кадъ бисе другда и учинило, као даћеиойсе ране залечити опетъбисе позледиле, опвориле и сва ближня мѣста усмрћивале. — Искусствомъ дакле лажливостъ сазна да сва нѣйзина вредность у скоростпи бѣжаня и у промениваню места состоисе: За то заповеди подозренїу да всегда предъ нїомъ у Шпїониранѣ трчи, и тако съ великимъ старанѣмъ чувашесе дасе гди са истиномъ не сусретне. Тоиой мучно не бяше, будући да Истина свой ходь никадъ не промениваше, но всегда правомъ линеомъ ступаше и напредоваше; и како бисе гди почуло нѣйзино страовито приближенїе, лажливостъ би наодила сваке странпутице за скоро уклонитисе, измаћи и побећи. — На ови начинь лажливостъ привлачаше на свою страну светъ и разпростираше свое владѣнїе свуда: И гди би годъ завладала, ту би цѣлу власть за собомъ пристрастїямъ оставляла. Ови нѣйзини служители и намѣстници наодећи велику свою користъ подъ таковимъ управлѣнїемъ, съ крайнїомъ упорностїю сопритивлявахусе истини кадъбигодъ ова дошланїовимъ мѣстамъ завладати, и никада неби пренебрегли, ако ница, а оно баремъ закаснити напредованѣ и успѣхь истине; премъ да немогаху за всегда воспетити ю: И кадъ би дошло башь до неволѣ да се мораю истини покорити, всегда би то бивало

силомъ

силомъ и на срамоту; наодѣнисе непрестанно готови за отступити какоби ова престала своимъ присутствїемъ држати и у страху. — Истина у полазку изъ свои небесни дворова надаласе э даће примљена бити съ всеобщимъ радости восклицанїемъ; даће свакомъ драга и мила бити; даће э свакъ съ подчинѣнїемъ слушати, и призивати да излива своя благодѣянїя у све државе: Садъ позна да кудъгодъ мисли проћи, да мора силомъ путь себи отварати. Све умове наће предразсужденїами затворене, и сва срца пристрастїями преобладана. Правда, да ова напредоваше, но лагано; и често, завладѣнїя коя за собомъ оставляше опетъ губляше, чрезъ напрасна бунтованїя закпеваня, коя дужность и повиновенїе свое одметаху и себе опетъ подъ барякъ лажливости подлагаху. — Истина кромѣ даби постала слабїя, защо нѣйзина э снага непреодолима; алисе найпосле разсрди, видећи себе тако поругаему и препепствуему еднимъ непрїятелѣмъ на кога она правично съ крайнимъ презрѣнїемъ смашраше; коега сва вредность у непостоянству у, слабости и у преухищренїямъ состояше. Она дакле за неисполнѣнїе надежде свое оскорблѣна, запроси бога оца свога да иой допусти на свое прво возвратитисе мѣсто, оставивши человѣчески родъ смущенїю и несчастїю кое онь заслужуе, своеволно подлажући себе граблѣнїю Лажливости- — Но Юпитерь одъ вѣнь сожалующи о свету не дозволи нѣйно прошенїе; соизволи обаче облехчати нѣйзине труде и умехчати безпокойства. Заповеди иой дасе совѣтуе съ Мусами коимъ би начиномъ она могла лакше примљена бити и царствовати безъ муке непрестанног воеваня. Изнађесе дакле да успѣхъ истине припречаваше жестокостїю нѣйзиногъ вида, и величествомъ повелѣнїя; и да люди никада неће э радо примати догодъ не престану страшитиэсе, кои предаюћи себе лажливости ница неби губили одъ свои поволности и прїятности; будући да ова узимаше на се найпривлачителнїе образе,

все-

всегда облачећисе и мажући закпеванями и желями. Мусе дакле изапкаю истини у Разбою Минервиномъ едну пространу и различновидну одежду, подобну оной у коей Лажливость порабощаваше свое рачипелѣ; у ову э обуку, и назовуе Измишлѣнїемъ илипи Басномъ. Садъ она ночне завоеванїя своя съ болимъ успѣхомъ; защо кадъбигодъ захопела улѣспи къ пристрастїямъ, свакобисе пристрастїе преварило држећи э за свою повелипелницу лажливость, и предалобиипойсе: А кадъ би она едномъ савршено обладала, шадаби иой на маразумъ свукао горню майсторску одежду, и онабисе показала у своемъ првообразномъ виду, съ природнимъ сїянїемъ и непобѣдимимъ достоинствомъ.

ПУТЪ У ЕДАНЪ ДАНЪ

Изображенїе человѣческога живопа.
[изъ Рамблера Nro. 65.

Обидань синь Абесиновъ изиће рано у ютру изъ гостилнице и предузме свой путь преко Индостански равница. Онь бяше младъ и у снаги одъ покоя: надеждага одушевляваше, и желанїе возбуждаваще; бистро преко долина прелазећи, упажаше брда гдисе предь нимъ мало по мало возвишаваху. Преко кои прелазећи уши нѣгове услаћавахусе ушреннимъ поянѣмъ пшичица; шихо диханїе вѣтра прохлаћаваюега, и ситна роса съ мирисни грана окроплявауще: Онь другда смашраше са удивлѣнїемъ на преузвишени верхъ распа цара холмскога; а другда уловлѣнь съ прїятнимъ мирисомъ ружице, найстарїе кћери пролећа, сва нѣгова чувства бяху услаћена, и свако попеченїе изъ срца нѣгова изагнапо. — Тако онь пуповаше докъсе сунце приближи на подне, и све шо већа врућина начнега разслабляваши; онда-

дасе онь обазре ищуħи кою спокойнїю путаню. Угледа на десно неке мєħе, кое, сѣ волновиднимѣ движенїемѣ сѣни свои чиняхумусе као да га у ладѣ свой призивлю; улѣзе ту и наħе неизказано услажденїе у нїовой прохлади и зелени. Премѣ да онь незаборавляше на коюби страну морао путовати, обаче нашавши ту спазу ограничену сѣ цвеħемѣ, коя мусе чиняше да кь оной истой страни кудѣ и велики друмѣ воħяше; радовашесе у себи даэ чрезь тай счасливи опитѣ нашао средство у исто време путовати и увеселявашисе; и безь труда, получити награжденїе свое прилѣжности, Онь дакле за неко време све еднако слѣдоваше ходеħи, безь найманѣгѣ ослаблѣнїя у своемѣ усердїю; изьвань щоби другда позаустављосе за послушати пѣнїе птица, кое э врућина сатерала била у те ладове; и другда бисе позабавїо чупаюħи гдикои цветакѣ кадѣ сѣ ове кадѣ сѣ оне стране путанѣ, и берући воħа на гранами висеħа. На конацѣ, зелена спаза почнесе устранивати одѣ свое прве управности, и савїятисе између холмова и шумарица прохлаħени одѣ источника и шушуħи теченїемѣ потока. Овде Обидань устависе за неко време, и почне размишлявати далимуе безбѣдно удалявашисе одѣ праве и обще спазе; но споминюħисе де садѣ врућина у найвеħой сили бяше и да э равница пуна праа и не еднака, науми напредовати новонашастомѣ путањїомѣ, коя по нѣговомѣ мнѣнїю не чиняше разве мале околише; и то, ради различности мѣста; и даħесе до последка на общи друмѣ доконати.— Кадѣ тако утиши свою бригу почне опетъ ступати, али всегда у сумни да не иде право. Ово неизвѣстїе ума заустављяшега при свакомѣ новомѣ предмету, и представљяшему такове мисли, каковега могаху оспокойствовати или забавити. Онь прислушаваше наймани гласѣ, пеняшесе на сваку главицу за нове погледе, свраħашесе кь свакомѣ паданю вода, и милому бяше слѣдовати за теченїемѣ кое тихе рѣке щосе ваљяше између древеса, и

сѣ

сѣ многообразнимъ своимъ савїянѣмъ едну широку страну наводняваше. У овимъ забавамъ ниписе вешѣ брояху часи що пролазе; у нѣговимъ странпуштицамъ замрсимусе и паметъ, ниши онь вешѣ зиаѣаше кудамусе окренути. Стане замишлѣнь и смуѣень; иѣи на предъ, бояшесе да не иде на криво, а кь шому видеѣи да нїе времена за оклеванѣ. Мучеѣисе сирома у шаковомъ недоумѣнїю, кадъ алишти потамни воздухь одъ облачина, изчезне данъ изпредъ очїю нѣгови, и напрасна грмлявина стане надъ нимъ лупаши. Сада шопрвь кадсе у бѣди наѣе паднему на умъ нѣгова будалашина; садъ позна какосе благополучїе губи кадъсе само спокойство за совѣшъ прима; шужашесе на свою слабу несшерпеливосшь коягае принудила искаши заклонъ у ладу, и похуждаваше свое дѣшинско любопишсшво шогае одводило одъ едне безпослице на другу. — Громови кадъ почну пуцаши учинега и ова размишлѣнїя заборавиши. Щоѣе? Савь усшраху намисли дасе враши нашрагъ, и да удари крозь шуму, неблли гди какавь излазакъ кь равници нашао. Пре него поѣе падне на землю и препоручи живошъ свой Творцу есшесшва. Призвавши всесилнога на помоѣь усшане у надежди; и поѣе држеѣи мачъ у руци, зашо дивїи зверови чуяхусе по шуми; и сшрахъ помрчине, пусшинѣ и вѣшрова, са своимъ риканѣмъ усугубляваху.— Тако изгублѣнь иѣаше, незнаюѣи куда ни камо, и сваки часъ ожидаваше избавлѣнїе или погибелъ свою. Найпосле, не шолико сшрахь, колико шрудъ учинига дасе упоми и изнемогне: Едва дишаше; колѣна подъ нимь дркшаху; и бяше готовь пасши и предаши себе своей судбини: Кадъ истомъ укажемусе недалеко крозь шумарицу пламень свеѣе. Приближисе кь сїяню и наѣе колибу едногъ пусшиника; куцне на врата, и смирено запроси прибѣжище. Примига сшараць и угосшига сѣ набранимъ воѣемъ; по вечери запишага да му каже, каковь случай гае шу довео? Придодавши, да за 20. година одъ кадъ онь шу живи нїе човека видїо. Оби-

 дань

дань, тада, разкажему свой дневни Путь до найманѣгъ обстояшелства безь сваке шайне. —

Сине мой; речему стараць : углуби у срце твое погрешке, будалашине, и избавлѣнїе бѣда данашнѣга дана! Не заборавляй никада дае человѣчески животъ еднога дневи пушованѣ- Ми сви усшаемо у юшро младосши пуни снаге и благонадеждїя; предузимамо пушованѣ одушевлѣни упованїемъ, и съ веселимъ усердїемъ, и напредуемо за неко доба правимъ друмомъ благоразумїя и боголюбїя къ пожелашелнимъ обиталищамъ покоя. Но украшко време плашећисе целодневнога шруда разслабљавамосе у усердїю, и начнемо искаши неко умекчанїе дужносши наше, и полакша средсшва за доћи къ концу намѣренїя нашега- Ми шада спанемо ладниши одъ прве топлоше, небоећисе толико злоба и порока що су предъ нами; и шако по случаю прикучуемосе къ онимъ бѣдама, о кое никада за никада нисмо мислили додирнуши. На ови начинъ улазимо у заклоне ласносши, И упокоявамосе у сѣнами безьбоязносши. Овде срце се наше размази и бордосшь спадне; шада почнемо шражиши небилисе коиомъ другомъ пушанїомъ могло напредоваши; и шако найпосле усудимосе упушиши кроз цвешовише башче сладосшрасшїя. Приближуюћисе овде наоди; мосе иоще у безпокойсшву совѣсши и у сумнѣнїю; улѣземо но са сшрахомъ и шрепешомъ, и свесе надамо даћемо проћи єкрозь и да нећемо са свимъ изгубиши пушь Добродѣшели, на коисе иоще обзиремо, и къ коему намѣравамо опешъ возвращиписе. Но искушенїя долазе една за другима, и едно угодїе ошвора пушъ къ другому; Между шимъ благополучїе блажене невинносши и беззлобїя умаљавасе и иде губећисе; али ми ушѣшавамо и разблажуемо ово наше безпокойсшво воспрїяшїами чувсшва наши. Лагано полагано заборавимо наше прво намѣренїе, и пусшимо одъ себе прави предмѣшъ разум, пога желанїя. Замрсимосе у различне после, запи-

нюримосе у раскошь, вртимосе и мотамо по страм-путицама непостоянства, докле и мракъ старости нападне на насъ, и овде слабость и недоумѣнїе препрече намъ путъ. Сада ми шопрвь починѣмо погледати напрагъ, на протекши данъ живота нашега съ ужасомъ съ печалїю и раскаянїемъ; и жалимо, но касно, и често за луду, защосе свратисмо съ правога пута добродѣтели! Блажени они, кое швой примѣръ данашни научи дасе ни тада непредаду всеконечномъ очаянїю, и опоменусе да акоэ данъ и прошао, и нїова прва крепостъ порушена, нища манѣ, иощъ имъ едно средство остае; шо есть подвигнушисе и усилиши, за обрашишисе одъ прелести и заблужденїя на пушь добродѣтели. Право исправлѣнїе нїе никада безь благонадеждїя, и чистосердечно усердствованѣ всегдаше наћи помоћь; по доволнимъ заблужденїямъ можесе пушникъ опетъ на прави наставиши пушь, и ко проси крепостъ отъ вишняго преодолѣтиће многа неудобства и избавишићесе одъ различни бѣдствованя. Иди садъ и почини предавши себе попеченїю свемогућега; а кадъ ше сутра юшро на дѣло позове, почни изъ нова пушь швой и живошъ.„

„Ὀυ μικρὸν διαφέρει τὸ οὕτως ἢ οὕτως ἐυθὺς ἐκ „νέων ἐθίζεσθαι, ἀλλὰ πάμπολυ, μᾶλλον δὲ, το „πᾶν. Не мало различествуе на коисе ко начинь „изъ младости обикне, но премного, наипаче свѐ „одъ тога зависи. Аристт. Наравоуч. Книга 2. „Гл. 1.

КОНАЦЪ.